

clio militaris

ЭДУАРД ПЕРРУА

СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА

ЕВРАЗИЯ

ÉDOUARD PERROY

LA GUERRE
DE CENT ANS

nrf

Gallimard
1945

ЭДУАРД ПЕРРУА

СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Digitized by Dek-57

Санкт-Петербург
2002

ББК 63.3(0)4

УДК 94/99

П27

За помощь в осуществлении издания данной книги
издательство «Евразия» благодарит
Кипрушкина Вадима Альбертовича

Научный редактор
Карачинский А. Ю.

Перруа Э.

П27 Столетняя война. Пер. с франц. М. Ю. Некрасова. —
СПб.: Издательская группа «Евразия», 2002. — 480 с.
ISBN 5-8071-0109-X

XII–XIII вв. прошли под знаком подспудной борьбы между двумя самыми могущественными государствами Европы — французским и английским королевствами. Интриги, мелкие стычки, феодальные конфликты и турниры, соперничество на ниве искусства и меценатства составляли неотъемлемую и привычную часть существования монарших дворов. Но в XIV в. противоречий стало слишком много, чтобы их и дальше можно было скрывать под маской рыцарственных и куртуазных отношений. Спесь государей Франции, жаждавших подчинить английских королей своей воле, заставила вспыхнуть долго тлевший конфликт. Война, которая началась, была долгой и кровавой. На полях сражений произошло то, чего никто не ждал — великолепное и надменное французское рыцарство, гордость всей Европы, оказалось повержено в прах стрелами английских лучников. Битва следовала за битвой, но конца войне не было видно. Обе страны устали воевать, но правители упорно не желали заключать мир. В какой-то момент Франция оказалась на краю гибели, её законный король в изгнании и лишь колоссальное усилие вернуло трон французской династии.

ББК 63.3(0)4
УДК 94/99

ISBN 5-8071-0109-X

© Некрасов М. Ю., перевод, 2002
© Лосев П. П., обложка, 2002
© Издательская группа «Евразия», 2002

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие к русскому изданию</i>	7
<i>Предисловие</i>	10
I. ПРОТИВНИКИ	13
<i>I. Франция в 1328 г. (15) — II. Англия в 1328 г. (40) —</i> <i>III. Проблема Гиени (55) — IV. Наследование француз-</i> <i>ского трона (67)</i>	
II. НАЧАЛО БОРЬБЫ (1328–1340 гг.)	77
<i>I. Оммаж Эдуарда III (79) — II. На пути к разрыву (87) —</i> <i>III. Последние приготовления (100) — IV. Просчеты</i> <i>Англии (109)</i>	
III. БЕДСТВИЯ ФРАНЦИИ (1340–1364 гг.)	119
<i>I. Распря в Бретани (124) — II. Креси и Кале (129) —</i> <i>III. Панические страхи короля Иоанна (139) — IV. Упав-</i> <i>док французской монархии (149)</i>	
IV. КАРЛ V (1364–1380 гг.)	167
<i>I. Король и его окружение (169) — II. Возрождение коро-</i> <i>левства (175) — III. Возобновление войны (186) — IV. Про-</i> <i>счеты конца царствования (197)</i>	
V. НА ПУТИ К ПРИМИРЕНИЮ (1380–1400 гг.)	209
<i>I. Изнурение Англии (211) — II. Юность Карла VI (225) —</i> <i>III. Мир или длительное перемирие? (238) — IV. Преоб-</i> <i>ладающее положение Франции в Европе (245)</i>	

VI. ЗАВОЕВАНИЯ ЛАНКАСТЕРОВ (1400–1420 гг.)	255
<i>I. Пришествие Ланкастеров (260) — II. Анархия во Франции (271) — III. Гражданская война (284) — IV. От Азенкура до договора в Труа (294)</i>	
VII. РАЗДЕЛЕННАЯ ФРАНЦИЯ (1418–1429 гг.)	309
<i>I. Ланкастерская Франция (312) — II. Англо-бургундская Франция (319) — III. Буржское королевство (328) — IV. Судьбы войны: осада Орлеана (338)</i>	
VIII. ФРАНЦУЗСКИЙ РЕВАНШ (1429–1444 гг.)	353
<i>I. Жанна д'Арк (358) — II. Франко-бургундское примирение (370) — III. Реформы Карла VII (379) — IV. Турское перемирие (391)</i>	
IX. КОНЕЦ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	401
<i>I. Отвоевание Нормандии и Гиени (405) — II. Послевоенная Франция (413) — III. Англия Алой и Белой розы (428) — IV. Невозможный мир (443)</i>	
Библиография	452

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Издательство Евразия представляет на суд читателей книгу, которую со дня ее выхода в свет во Франции по праву стали считать классическим трудом. Она посвящена самому крупному военному конфликту между двумя могущественными державами средневекового Запада — английским и французским королевствами, известному под названием Столетней войны.

Эта война, пожалуй, как никакая другая, необычайно сильно повлияла на расстановку сил в Европе. В XIV в. Франция вошла как никогда более могущественной страной, с сильной монархией, авторитет которой затмил даже престиж самого императора Священной Европы, развитым управленческим аппаратом. Если столетием ранее на землях, теоретически подчинявшихся власти короля Франков, велись нескончаемые частные войны, угрожавшие королевским прерогативам, то после реформ и побед великих государей XIII в. Филиппа II Августа (1180—1223), Людовика VIII Льва (1223—1226) и Людовика IX Святого (1226—1275) во Франции установился относительный мир и процветание. Людовик Святой обеспечил своим потомкам необычайный моральный престиж. Многим казалось, что с приходом новой королевской династии Валуа, умевших и ценивших поистине королевскую пышность, чего так не хватало скуповатым королям, их предшественникам, настал золотой век. Войны против непокорных феодалов свелись к легким, почти демонстративным акциям. Даже папство, вступившее в конфликт с королем Филиппом IV Красивым, было вынуждено смириться и на долгие годы подпало под влияние Франции. Конечно, были и обратные стороны. На пути французской монархии существовало немало преград и затруднений. Королевские чиновники насильно внедряли везде власть своего государя, беспрестанно нару-

шая права местных сеньоров, притесняя и обирая местное население. На территории Французского королевства существовало два анклава, традиционно независимых княжества — герцогство Аквитания (Гиень) и графство Фландрия, первое на юго-западе, второе на севере королевства. Аквитания издавна принадлежала английским государям, не склонным к повиновению, а богатая благодаря торговле и ремеслу Фландрия вовсе не жаждала взвалить на свои плечи тяжелое налоговое бремя. Противоречия между английской и французской короной существовали не одно столетие. Когда в 1066 г. герцог Нормандский Вильгельм Незаконнорожденный, вассал короля Франции Филиппа I, захватил англосаксонское королевство и провозгласил себя ее законным владыкой, сложилась своеобразная ситуация: короли Англии, превосходившие французских монархов силой и ресурсами, были обязаны подчиняться им как верные вассалы. Подобное положение дел не устраивало ни одну, ни другую сторону. Французский король опасался своего чересчур сильного вассала, а английского государя стесняли феодальные путы и обязанность подчиняться сюзерену, более слабому, чем он сам. Конфликт между двумя державами еще более обострился, когда в 1154 г. корону Англии унаследовал граф Анжуйский, герцог Аквитанский, Генрих II Плантагенет, владевший почти половиной Франции.

Французский король Филипп II Август приложил все усилия, чтобы сломить сопротивление Плантагенетов. Он и его преемники постепенно отобрали у англичан все земли, кроме узкой полосы на побережье Западной Франции. Однако всегда существовала опасность, что английские короли вознамерятся потребовать ее обратно вооруженным путем. Случай представился им в 1328 г., когда скончался Карл IV Красивый, последний представитель прямой ветви династии Капетингов. На престол претендовало несколько кандидатов, среди которых выделялись два племянника покойного короля, Филипп, граф Валуа, и Эдуард III, король Англии.

Французские бароны предпочли выбрать первого. Но у Эдуарда остался козырь — возможность всякий раз, когда между Францией и Англией ухудшались отношения, требовать себе французскую корону. И он не преминул этой возможностью воспользоваться.

Потребовалось менее десяти лет, чтобы труды французской монархии оказались под угрозой. Победоносное шествие английских войск, перемежаемое бесполезными перемириями, развеяло миф о непобедимости французской рыцарской конницы. Постоянная потребность в деньгах на оплату войск и гарнизонов заставляла королей Франции выжимать все соки из податных сословий своего королевства. Это привело к массовому росту социальных конфликтов и восстаний. Впрочем, Англия тоже переживала не одни только победы. Война ускорила ломку традиционных стереотипов и ценностей: по обеим сторонам Ла-Манша окрепло национальное самосознание, изменилось отношение простого люда к рыцарству, не оправдавшему надежд на полях сражений. Столетняя война стала испытанием для обеих стран, из которого они вышли совсем иными.

Для своего времени работа Эдуарда Перруа была революционной. Автор, специалист по истории Англии и Франции XIV–XV вв., кавалер ордена Почетного легиона, награжденный медалью за Соппротивление, был хорошо известен научным и широким кругам читателей по своим статьям и публикациям документов, среди которых важное место занимает такая работа, как «Англия и Великая Схизма на Западе».

Одинаково хорошо владея английским и французским материалом, он написал емкий труд, охвативший все стороны и проявления Столетней войны: политику, экономику, культуру и искусство. Одним из первых он по-иному взглянул на, казалось, всем хорошо известные события. Его суждения подчас резки и нелицеприятны, причем они затрагивают самых знаменитых, хрестоматийных героев Столетней войны. Именно он развенчал лавры Бертрана Дюгеклена, позволил себе усомниться в решающем вкладе Жанны д'Арк в победу Карла VII над англичанами.

Автор книги обладал уникальным даром придать своему повествованию необычайную эмоциональную окраску, накал, которые делают чтение книги захватывающим и увлекательным.

Карачинский А. Ю.

*Дяде Жоржу
Сиру
Кристине
на память
о временах подполья*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большая часть этой книги была целиком написана зимой 1943–1944 гг. благодаря сомнительному досугу, который оставался у автора в ходе увлекательной игры в прятки с гестапо. Жизнь была скитальческой, но прекрасной, и о ней уже скучают все, кто жил и действовал в подполье. Когда ты внезапно поставлен вне закона и грубо выброшен из привычного окружения студентов и книг, то в контакте с таким суровым настоящим, похоже, лучше понимаешь прошлое, хоть прежде и отдавал ему лучшую часть своего времени. Эта книга, давно задуманная, не была бы в точности такой же, появись она до 1939 г. или даже будь она написана в первые месяцы оккупации. Дело не в том, что история якобы повторяется — это заблуждение, и не в уроках, которые можно извлечь из нее. Мы не настолько наивны, чтобы верить, будто печальные перипетии Столетней войны могут направлять наши действия или позволяют нам предвидеть будущее; мы даже не искали в рассказе о былых ошибках, падениях и подъемах какого-то повода для надежды на лучшее. Но когда нация доходит до края пропасти, как это было в ту эпоху и в нашу, некоторые примеры поведения людей в беде, некоторые ответы на вызов судьбы в разные времена становятся понятнее благодаря взаимному сравнению. Хотя мы никогда — во всяком случае сознательно — не переносили в прошлое забот, слишком связанных с сегодняшним днем, хотя мы никогда не теряли из виду, что многое в той или иной эпохе объясняется исторической обстановкой, но какой-то жест становился для нас понятным, какое-то малодушие — объяснимым, а какой-то бунт — простительным.

Лишь две страны на христианском Западе можно было в то время считать реальными политическими силами: Англию и Францию. Короли бездумно ввергают их в феодальные распри, вскоре усугубленные династическим конфликтом, но как будто не выходящие за рамки обычных и давних столкновений. Вопреки всем ожиданиям, война не кончается и беспрерывно возобновляется, с каждым поколением охватывая все новые территории. Народы, безразличные к этим непонятным для них распрям, уклоняются, как могут, от этого растущего бремени, которое власти хотят на них возложить. Это приводит лишь к затягиванию конфликта, в котором та и другая сторона используют очень небольшие силы. В ходе войны эти стороны страдают и устают; испытывая чувствительные удары, они начинают ненавидеть друг друга, что делает любой мир невозможным или нежизнеспособным. Окружающий их мир меняется, а внутри изменения происходят еще быстрее, как во всякие смутные времена. Именно на этих ранах и крови и рождаются монархии нового времени, ускоряется переход от феодального общества к авторитаризму государственной бюрократии, которую вызвали к жизни потребности войны и вместе с тем поддерживает национализм, порожденный в обеих странах этой войной.

Для Франции события приняли особо драматический оборот. Не стоит даже перечислять все то, что во время нескончаемого и изнурительного конфликта утратило королевство Капетингов; его материальное благосостояние, столь блестящее в начале войны, было подорвано на века и восстановится лишь накануне Революции; пришел конец также духовной и политической гегемонии Франции над Европой, ее послушной ученицей, — придется дожидаться века Людовика XIV, чтобы континент вновь признал ту и другую гегемонию. Больше бросаются в глаза приобретения в ходе катаклизма: основы государства нового типа, более тесное сплочение ранее разрозненных провинций, уважение к власти монарха, опирающееся на зачатки национального чувства. Но каких страданий стоили эти роды! Дважды Франция стояла на краю гибели. Под ударами Плантагенетов она перенесла потерю про-

винций, образование огромной независимой Аквитании, утрату суверенитета над доброй третью королевства. Агрессия Ланкастеров полвека спустя имела еще более роковые последствия, потому что в результате этого носителем корон Франции и Англии чуть было не оказался один и тот же человек. Кое-кто видел в этом единственное спасение от войны, от гражданских смут, от разрушения экономики. Справедливо или нет, но история распорядилась иначе: она выявила невозможность сосуществования обоих народов под эгидой ланкастерской династии и в конечном счете даровала победу Валуа, потому что они символизировали независимость нации, наконец осознавшей себя таковой.

Во время работы над книгой в распоряжении автора имелись лишь тонкая пачка выписок из книг и архивных документов, сделанных за несколько лет. Многие факты, многие эпизоды были восстановлены исключительно по памяти, всегда несовершенной. Поэтому возникали пропуски и путаница в деталях, искажение имен и названий, небольшие инверсии в хронологии. Многое было исправлено благодаря тщательной проверке, но что-то наверняка осталось незамеченным. За это автор просит прощения у читателей, но не желает оправдывать этим своих ошибок. Он полагает, что эти неточности ничего не меняют в основных контурах повествования, в его ведущих идеях, в толкованиях, иногда не очень традиционных, которые он предлагает, и в выводах, к которым приходит. За все это он берет на себя полную ответственность.

I ПРОТИВНИКИ

В январе 1327 г. английский трон, с которого мятежные бароны только что свергли непопулярного Эдуарда II, был передан его сыну — шестнадцатилетнему юноше, Эдуарду III Плантагенету. Через год с небольшим в Париже угас последний из трех сыновей Филиппа Красивого, Капетинг Карл IV; из-за отсутствия у него детей мужского пола французские бароны в апреле 1328 г. избрали королем его двоюродного брата, Филиппа VI Валуа. С этих почти одновременных событий для обоих королевств Запада начинается новый этап их истории, характеризующийся ожесточенной, почти вековой борьбой между обеими династиями, борьбой, получившей название Столетней войны.

Что больше всего поразило бы непредвзятого наблюдателя, если бы он взялся около 1328 г. оценивать силы противников, — это несомненно мнимый, но бросающийся в глаза контраст между славой и богатством авторитетного королевства Франции, с одной стороны, и бедностью и незначительностью маленького королевства Англии — с другой. Не легче было бы предсказать в приближающемся конфликте, длительности которого не мог предвидеть никто, и резкое изменение соотношения сил, которое, к великому удивлению современников, создаст опасность для потомков Людовика Святого и вознесет на невиданную высоту потомков Плантагенетов.

I

ФРАНЦИЯ В 1328 г.

К моменту смерти последнего прямого потомка Капетингов Французское королевство еще во многом не достигало границ нашей современной Франции. Ведь ее границы по суше почти не отличались от границ Западной Франкии — надела, во времена Каролингов выделенного Карлу Лысому по Верденскому договору¹. От соседней Империи, чьи земли граничили с ней от Северного до Средиземного моря, Францию отделяла искусственная граница, плохо известная даже современникам, вблизи которой находилось множество анклавов и спорных территорий, но приблизительно она проходила по Шельде от устья на юг к Камбре, потом выходила к Маасу северо-восточней Ретеля, шла по верхнему течению этой реки и далее вдоль Соны, чтобы наконец выйти на Рону. Недавние территориальные захваты позволили сместить границу от этих рек на земли, по которым она не проходила веками. Так, например, Остреван, то есть часть Эно между Валансьеном и Дуэ к западу от Шельды, попал в ленную зависимость от Капетингов при Филиппе Красивом; то же произошло с «зависимым» Барруа в левобережье Мааса, с городом Лионом и Лионским графством, с епископством Вивье к западу от Соны и Роны, оказавшимися под королевской опекой. На юго-западе граница не везде достигала Пиренеев: мало того что королевство Наварра, правда, с 1274 по 1328 г. находившееся под управлением капетингских чиновников,

¹ Верденский договор (843 г.) был заключен между тремя внуками Карла Великого, которые поделили империю своего деда на три части; западная часть — будущая Франция — отошла к младшему из них, Карлу II Лысому (*прим. ред.*).

включало земли к северу от этих гор, которые позже назовут Нижней Наваррой, — к тому же в 1258 г. Людовик Святой отказался от длившегося веками иллюзорного сюзеренитета над Руссильоном и Каталонским графством, владениями арагонской монархии.

Впрочем, не надо думать, что эта граница жестко определяла пределы французского влияния в Западной Европе. При попустительстве Империи, где после смерти Фридриха II¹ в 1250 г. не было правителей, достойных ее славного прошлого, капетингская монархия без труда распространила свой протекторат почти на все территории бывшей Лотарингии — от Нидерландов до Арльского королевства, на области, где общность языка неизбежно вела к определенному сходству политических взглядов. Большинство имперских князей, кроме тех, чьи владения находились в восточных марках, попало под покровительство французского короля, от которого они получали «денежные фьефы» — сегодня мы сказали бы «пенсии» — и поддерживали его политику, будь то в Брабанте или в Эно, в Барруа или в Лотарингии, в Савойе или в Дофине. Более того, пфальцграфство Бургундия (сегодняшнее Франш-Конте) стало капетингским владением после брака его наследницы с Филиппом V Длинным², а Прованс со времен Людовика Святого оказался в руках короля Сицилии Карла Анжуйского³, потомка Капетингов. В тех же прибрежных районах только что обосновались и римские папы. Иоанн XXII, избранный в 1316 г., второй в длинном ряду французских пап, до своего избрания на престол святого Петра был епископом Авиньон-

¹ Фридрих II — император Священной Римской империи в 1212–1250 гг. (*прим. ред.*).

² Филипп V — король Франции в 1316–1322 гг. (*прим. ред.*)

³ Карл Анжуйский (1227–1285) — брат короля Франции Людовика Святого. Граф Мена и Анжу; по браку с Беатрисой Прованской (1246 г.) граф Прованса. В 1358–1286 гг. по предложению папы отвоевал у наследников Фридриха II Сицилийское королевство, положив начало господству французской династии в Южной Италии. После восстания сицилийцев (1282 г.) сохранил власть над континентальной частью королевства — Неаполитанским гос-м (*прим. ред.*).

ским; он остался жить в своем бывшем епископском дворце, который его преемник Бенедикт XII превратит во внушительную крепость. Авиньон располагался у ворот королевства; сеньорами этого квазинезависимого города были совместно верховный понтифик и граф Прованский. Размещение, в принципе временное, римской курии на берегах Роны повысило материальные силы и моральный авторитет капетингской династии.

При одном только взгляде на географические границы королевства Франции мы уже видим, что за только что миновавший век капетингская монархия достигла такого уровня могущества, который можно объяснить только беспрецедентным демографическим подъемом и экономическим процветанием. Надо добавить, что в этом восходящем движении, первые признаки которого появились в конце X и начале XI вв., участвовала вся Европа. Но во Франции это развитие происходило быстрее, было выражено ярче, чем где-либо в другом месте, и когда оно к 1300 г. доходит до своей кульминации, можно сказать, что Франция находится впереди всего остального христианского Запада, что обуславливает и делает неизбежной ее политическую и культурную гегемонию.

Это опережение развития Франции по сравнению с остальной Европой проявилось прежде всего в сфере сельского хозяйства, которое еще оставалось основой всего средневекового общества. Здесь масштабное движение по распашке целины, по освоению болотистых и лесных земель, по созданию новых сельских общин, новых городов и бастид¹ вышло на предельно возможный уровень. Оно достигло своего предела, с одной стороны, потому, что нужно было оставить какие-то лесные угодья, необходимые как источник топлива и строительных материалов, а также для питания скота, пакущегося без присмотра, и для сохранения дичи; с другой — потому, что затраты на земледелие, методы которого еще оставались примитивными, должны были окупаться. Даже при тогдашней примитивной технике уже были возделаны многие бедные земли — первые опустошения Столетней войны

¹ Бастида — небольшой укрепленный городок (*прим. ред.*).

обратят их, и навсегда, в залежные территории и в ланды. Ничтожные урожаи, которые они давали, не могли бы накормить того, кто их обрабатывает, если бы задача состояла не в том, чтобы любой ценой дать действительно избыточному населению пищу, необходимую для выживания. Демографический подъем объясняет и почти полное исчезновение в крупных светских и церковных доменах барской запашки, обрабатываемой сервами либо поденщиками, не имеющими ни кола ни двора; все земли сеньора, кроме ланд, леса, некоторых лугов и отдельных виноградников, мало-помалу были раздроблены на долговременные крестьянские держания, с которых сеньор получал только скромную земельную ренту. Даже на землях цистерцианцев, где давно утвердилось система ферм (*grange*), то есть работы послушников под присмотром монаха-надзирателя (*granger*)¹, крестьянский хутор или крестьянское держание понемногу вытесняли монастырские угодья. Одновременное исчезновение серважа² в некоторых провинциях, где он преобладал, исчезновение отработок, тяготивших держателя, сделали крестьянина настоящим собственником своего держания, обремененного лишь умеренными повинностями; если в самых развитых областях, таких, как Нормандия, уже была известна краткосрочная аренда, то во всех остальных преобладало пожизненное эмфитевтическое держание за небольшой чинш, с правом передачи и наследования земли и обязанностью выполнять некоторые сеньориальные повинности, скорее стеснительные, чем тяжелые, — все это было намного легче сносить, чем налоги, которыми землю и ее владельцев облагает современное государство.

¹ На землях монахов-цистерцианцев на расстоянии дневного перехода от обители строились специальные фермы (*granges cisterciennes*), где в течение сельскохозяйственного сезона постоянно жили работавшие на землях послушники. Фермы имели часовню, дортуар и рефекторий, в субботу работники ходили в аббатство, чтобы праздновать воскресенье вместе со всеми монахами (*прим. пер.*).

² Серваж — личная зависимость крестьянина, выражавшаяся в выплате поборов и отработок сеньору (*прим. ред.*).

Хотелось бы привести здесь некоторые цифры, дать какую-то статистику, указать среднюю плотность населения или его общую численность в королевстве. К сожалению, это невозможно. Все догадки в сфере демографии, которые нагородили ученые, в отсутствие доказательных текстов основываются на шатких гипотезах. Тем не менее один точный документ, единственный в своем роде, позволяет нам сделать кое-какие не столь рискованные предположения как раз для того года, который мы рассматриваем. Это опись приходов и очагов по бальяжам и сенешальствам¹, которую велел составить Филипп VI сразу после восшествия на престол с чисто фискальной целью — подготовки базы обложения для покрытия расходов на набор войска, которое отправится во фландрский поход в июле 1328 г. В этой описи перечисляются приходы, оценивается число хозяйств, дворов, или *очагов* (*feux*), в каждом приходе, на которые будет наложена так называемая *подымная подать* (*fouage*). Но обследовался только королевский домен, то есть территории, которые суверен контролировал непосредственно; сюда не вошли отдельные крупные фьефы, в ту пору еще существовавшие, в которых подымная подать, вероятно, не взималась, — по крайней мере, королевскими чиновниками. Как мы увидим позже, эти крупные фьефы занимали немногим более четверти площади королевства. Таким образом, не рискуя сильно удалиться от истины, можно сделать такой вывод: в 1328 г. во Франции, где было порядка 32 тыс. приходов, в целом насчитывавших приблизительно 3300 тыс. очагов, проживало не менее 15 млн. человек. Это примечательная плотность для того времени, сравняться с которой или превышать ее могла разве что плотность населения в отдельных особо благоприятных областях Италии, в то время как Испания, Центральная Герма-

¹ Бальяж — округ, возглавляемый бальи — королевским чиновником, которому надлежало следить за сбором налогов, соблюдением правосудия; сенешальство — округ, управляемый королевским чиновником — сенешалем. В основном сенешальства были созданы на юге Франции, на присоединенных к королевскому домену землях (*прим. ред.*).

ния, Британские острова были населены гораздо реже. А поскольку, с другой стороны, огромное большинство этих людей населяло сельскую местность, неизбежен вывод, что некоторые области Франции обладали столь же, а может, и более многочисленным сельским населением, как к концу XVIII в. или при Июльской монархии¹ — в периоды демографических подъемов на селе.

Процветание деревни неразрывно связано с развитием городов, необходимых для ведения крупной торговли, масштабы которой достигли своего апогея еще к концу XIII в. По правде говоря, Франции посчастливилось как никакой другой стране: Париж был единственным крупным городом христианской Европы, который можно было назвать столицей в современном смысле слова. Подъем этого города объясняется только политическими и культурными причинами, потому что в нем не было крупной промышленности, а лишь множество ремесленных мастерских, обеспечивавших правительственные учреждения, здесь же находился двор, редко покидавший столицу или пригородные резиденции, и, наконец, университет — космополитическое сообщество студентов. Население города вместе с предместьями, вероятно, составляло около 200 тыс. человек. И этот прогресс прекратится только тогда, когда начнут сильно сказываться бедствия войны, — к концу XIV в. Не один провинциальный город из наиболее процветающих, рассчитывая, что его богатство будет постоянно расти, к этому времени обнес себя кольцом стен, которое еще веками будет для него слишком просторно, а Париж все еще теснился в поясе укреплений, хоть и обширном, но возведенном еще при Филиппе Августе². Карл V сочтет нужным добавить к городу целый новый квартал к северу и востоку от старых стен, между Тамплем и укреплением Сент-Антуан, построенным им же, — квартал Маре, который сразу же и на поколения делается излюбленным местом жительства монархов.

¹ Июльская монархия — эпоха правления французского короля Луи Филиппа, между Июльской (1830 г.) и Февральской революциями (1848 г.) (*прим. ред.*).

² Филипп II Август — король Франции в 1180–1224 гг. (*прим. ред.*).

Другие города королевства по площади значительно отставали от Парижа. Даже крупные сукнодельческие центры Фландрии, где кишели ремесленники и шумели мастерские, — представляли собой не более чем большие бурги¹, население которых иногда достигло 10 тыс., но редко превышало 20 тыс. человек. Однако именно сукноделие оставалось в течение всего средневековья единственным видом крупной промышленности, работающим на экспорт и стимулирующим интенсивную международную торговлю в Западной Европе. Преимущество Фландрии, неотъемлемой части королевства, состояло в том, что к концу XIII в. она получила настоящую монополию в торговле на европейских рынках. Оставив другим французским городам и мелким фламандским центрам сельского ремесла заботы по выделке обычного сукна — малое сукноделие, как говорили в то время, — для удовлетворения местного спроса, крупные города Северной Фландрии, прежде всего Аррас, затем Дуэ, затем Ипр, Брюгге и Гент и в наименьшей степени Лилль и Турне специализировались на выпуске качественной продукции, которую охотно покупали во всей Европе и даже за ее пределами. За этими прекрасными заальпийскими тканями приезжали итальянские купцы, меняя их на предметы роскоши, сделанные в мусульманском мире, на шелка, пряности, оружие, кожи, драгоценности. На богатых шампанских ярмарках, на сухопутной дороге, связывающей Фландрию с Италией, издавна и велась эта международная торговля, сопровождаемая банковскими операциями, сложной техникой которых пока владели одни итальянцы. Труа, Провен, Бар-сюр-Об и Ланьи — три последних были небольшими бургами — тоже каждый год в определенные дни встречали разноплеменную толпу: купцов из всей Северной Франции, итальянских банкиров, всевозможных должников или их доверенных лиц, рассчитывающихся по долгам или производящих выплаты.

Но с конца XIII в. баланс международной торговли, выгодный для некоторых благоприятно расположенных провинций

¹ Крупное поселение, возникшее возле замка или аббатства (прим. ред.).

королевства, оказался под угрозой вследствие ряда коренных изменений. Прежде всего Фландрия утратила свою промышленную гегемонию. Спад производства сукна легко объяснить социальной борьбой, в которой столкнулись беднейшие ремесленники и патриции-капиталисты, в сочетании с войнами, предпринятыми королем Франции с целью наказать мятежников и заставить графа строго соблюдать вассальный долг. В то же время по гораздо менее ясным причинам пришли в упадок и шампанские ярмарки. Есть гипотеза, что постепенная утрата ярмарками, еще недавно столь процветающими, их популярности в какой-то мере связана с налоговыми требованиями чиновников Филиппа Красивого, управлявших графством Шампанским от имени его жены. Это объяснение вполне правдоподобно, но недостаточно. Как бы то ни было, генуэзские моряки, предпочитавшие сухопутным путям долгое плавание в обход Испании, с первых годов XIV в. становились на якорь в доках Дамме, внешней гавани Брюгге, что дополнительно способствовало упадку шампанских ярмарок. Но — и для нас это существенно — эти недавние изменения не нанесли ущерба экономическому процветанию королевства Франции в целом. Трудности фламандских суконщиков пошли на пользу их конкурентам, которые до тех пор значительно отставали. Прежде всего успешно соперничать с фламандским сукноделием стали промышленные центры Империи, такие, как Брюссель и Мехелен — крупные города Брабанта или Валансьен в Эно, но качественные сукна, получившие высокую оценку богатых покупателей, то есть королевского двора, уже начали производить и другие мастерские в самом королевстве: в завоевании рынков соперничали Руан в Нормандии, Амьен в Пикардии, Труа в Шампани и сама столица. Большая торговля, покинув шампанские ярмарки, переселилась в другие места; Брюгге стал самым процветающим центром международного товарообмена, местом контакта средиземноморской торговли, которую вели итальянцы, с балтийской, находящейся в руках ганзейцев. Вновь оживились ярмарки, старые и новые, на сухопутных путях: упомянем лишь ярмарку в Ланди близ Парижа, ярмарку в Шалоне-на-Соне, Бокерскую ярмарку в Бургундии, ярмарку

в Лангедоке. Полный расцвет переживают и некоторые порты на морском фасаде королевства — такие, как Ла-Рошель, центр соляной торговли, или Кале, где выгружают английскую шерсть.

Приход благосостояния, самые заметные черты которого мы только что описали в самом общем виде, ускорила наступившая в середине XIII в. эпоха мира, которым с тех пор постоянно наслаждалось королевство. Ведь если не считать гибельной, но краткой вылазки в Арагон, в которую неосмотрительно ввязался король Филипп III в 1285 г.¹, очень нетрудных походов на Гиень, к которым мы еще вернемся, а также тяжелейших фландрских войн, создавших немало проблем для Филиппа Красивого и его сыновей, но затронувших очень ограниченную территорию, Франция жила в спокойствии, которое слегка нарушали лишь вспыхивавшие все реже и реже «частные» войны между вассалами. Мир и благосостояние в свою очередь позволяли постепенно укреплять власть монарха, что выражалось в создании — конечно, запоздалом и медленном, но непрерывном — органов управления, необходимых для жизни государства. В центральных органах власти, все более специализированных, никто уже не узнал бы старинной феодальной *curia regis*², в которую входило все окружение суверена — высшие сановники, приближенные, бароны и прелаты, хотя теоретически она все еще существует. Необходимо нечто вроде ведомства королевского двора (*Hôtel du roi*), которое с царствования Людовика Святого отделилось от *curia* и со своими шестью «службами» (*métiers*) фактически представляло собой личную челядь суверена, на

¹ Филипп III Смелый — король Франции в 1270–1285 гг. Филипп поддерживал королей Анжуйской династии в Неаполитанском королевстве против государей Арагона, в свою очередь претендовавших на эти земли. Получив от папы Римского предложение захватить Арагон, он согласился и объявил своего третьего сына, Карла, графа Валуа, арагонским королем. Поход на Арагон, предпринятый Филиппом III в 1285 г., закончился провалом. Сам король умер на обратном пути в Перпиньяне (*прим. ред.*).

² Королевская курия (*лат.*).

которую не возлагались задачи управления. Из двух его финансовых ведомств — Денежной палаты (*Chambre aux deniers*), название которой появилось в 1303 г., и Сокровищницы (*Argenterie*), созданной в 1315 г., чего-то вроде хранилища для мебели и драгоценностей, — первая получала только ассигнования из казны, а вторая приобрела некоторое значение лишь потому, что могла, закладывая свои богатства, снабжать наличностью вечно нуждающуюся королевскую власть, когда той не хватало денег. Все это не имело бы большого значения, если бы королевская Палата с ее камергерами (*chambellans*), а вскоре — и докладчиками прошений (*maîtres des requêtes de l'Hôtel*) не включала понемногу в свой состав самых приближенных к суверену людей, становясь питомником функционеров. Однако из примерно пятисот членов этой Палаты, состав которой, непрерывно растущий, вызовет нареkania со стороны Генеральных штатов в царствование Филиппа Валуа, лишь очень немногие представляли собой чиновников и администраторов в современном смысле слова, очень немногие входили в органы управления, которые нам остается перечислить.

Среди них самая расплывчатая и неясная роль принадлежала Королевскому совету. Он мог либо сливаться с двором как таковым, представляя собой совокупность всех чиновников, светских и церковных баронов, либо включать ограниченное число представителей этих баронов, либо состоять лишь из приближенных короля. Но в него входили также платные советники, руководители ведомств и фавориты, пребывающие в данный момент в милости; все они получали фиксированные выплаты и давали клятву не разглашать никаких секретов, обсуждавшихся на заседаниях Совета. Однажды при сыновьях Филиппа Красивого баронство попыталось, как только что сделали в Англии, поставить этот Совет под свой контроль, предписав ему постоянный состав; документы того времени упоминают *Узкий совет* (*Conseil étroit*), включающий всего 24 члена и называемый также *Большим советом* или *Советом месяца* (*Conseil du mois*), от которого бароны требовали, чтобы он заседал раз в месяц; но, видимо, ловкость Филиппа V позволила ему без труда нейтрализовать опеку

баронов, желавших ограничить его власть, — после него упоминаний о подобном баронском контроле больше нет. В царствование Филиппа Валуа Совет вновь приобрел прежнюю гибкость и непостоянство состава, что отражало свободу суверена соглашаться лишь с теми мнениями, с какими он сочтет нужным. Итак, этот Совет имел лишь совещательную функцию и даже исполнительную, так как отправлял другим органам приказы, вытекавшие из принятых решений; кроме того, он обладал судебными функциями, оставляя себе на рассмотрение самые каверзные дела, которые мог разрешить в качестве верховного судьи только король, принимавший прошения от докладчиков прошений. Клирики, рыцари, мелкие бароны, входившие в его постоянный состав, пока никак не специализировались в рассмотрении дел, подлежащих ведению Совета.

Все остальные органы — это четыре-пять больших ведомств, обеспечивавших управление страной из единого центра и отправлявших правосудие. Казначейство, дела которого вели два-три казначея и один меняла, инкассировало доходы с домена, не потраченные на местах, производило выплаты или ассигнования по приказу Совета, вело сложную бухгалтерию и решало спорные вопросы по домениальным делам. И Монетный двор с его верховным смотрителем, и Лесное ведомство с его смотрителями и измерителями имели свою администрацию с собственными судебными правами. Канцелярия в лице ее нотариусов и секретарей рассылала все королевские акты, запечатанные как большой печатью, так и «секретной печатью», отчего некоторые писцы, ведущие личную переписку суверена, получали название секретарей. Отдельного рассмотрения заслуживают два таких важных органа, как парламент и Счетная палата, в 1328 г. только-только приобретающие по-настоящему самостоятельный облик.

Суд в парламенте (*Cour en Parlement*), окончательно организованный ордонасами Филиппа V за 1319 и 1320 гг. (но ему придется дожидаться ордонанса за март 1345 г., чтобы получить название парламентского суда, *Cour de Parlement*), имел постоянный состав президентов, советников-клириков, советников-мирян и докладчиков прошений. Он был разде-

лен на четыре палаты: Большую, уголовную, следственную и палату прошений, к которым иногда присоединяют Палату писаного права, занимавшуюся делами южных провинций. Как профессиональные юристы, эти судьи являлись ярыми защитниками не только законов обычного права, но и королевского величества, уважение к власти которого они умели внушать людям во всем королевстве. Они получали и провоцировали все апелляции, откуда бы они ни исходили, — не только на обладателей низшей юрисдикции из числа королевских чиновников в бальяжах и сенешальствах, но и на решения сенъориальных судов крупнейших вассалов. Апелляция в парламент — самое сильное оружие в руках монархии, желающей вмешаться в дела управления крупными фьефами. Во время каникул верховного суда делегации советников приезжали в некоторые привилегированные провинции, чтобы разбирать здешние прошения на месте; в Нормандии это называлось Судом шахматной доски, в Шампани — Великими днями¹.

Счетная палата, ставшая отдельным органом в 1304 г., но получившая конститутивную хартию только в январе 1320 г., по ордонансу в Вивье-ле-Бре, — краеугольный камень всего управления монархией. Ей были подотчетны все, кто распоряжался деньгами, от казначеев до самых мелких прево. Хранительница домена, она расследовала незаконные захваты, мошеннические отчуждения земель, получала результаты переписи по фьефам, следила за нормальным функционированием всех служб. Она ограничивала расточительность короля, выявляла и преследовала нерадивых чиновников и взяточников.

Несмотря на все большую специализацию, центральная администрация имела еще очень ограниченный состав, и ее было нетрудно контролировать. Более ста судей насчитывал разве что парламент. В Канцелярии, в Казначействе, в Счетной палате, в Лесном ведомстве, вместе взятых, служило, не считая низшего персонала, всего 80—85 чиновников. В об-

¹ Или «Днями Труа», потому что эти заседания проходили в шампанском городе Труа (*прим. ред.*).

щем, правительственные органы состояли менее чем из двухсот чиновников.

Местные органы управления нуждались в более многочисленном персонале, который недавно, в начале XIV в., быстро вырос, что сразу же почувствовали податные люди. Эти органы относились к баляжам (*baillies*, или *baillages*) и сенешальствам (на сенешальства разбиты бывшие аквитанские или тулузские домены); границы их полномочий были размыты, компетенция определена плохо, но эти органы позволяли центру через посредство баля, сенешалей и их подчиненных осуществлять власть монарха не только над подданными королевского домена, но и над подданными вассалов — крупных и мелких. «Опись очагов» за 1328 г. упоминает 24 баляжа и 10 сенешальств, которые можно сгруппировать так: 1) баляжи старого домена: виконтство Париж, которым управлял прево, но с полномочиями баля, Орлеан, Санлис, Вермандуа, Амьен, Санс, Тур, Бурж, Макон, баля которого носил также титул сенешаля Лиона после аннексии последнего; добавим сюда Лилль, приобретение Филиппа Красивого; 2) пять баляжей Нормандии (Ко, Руан, Кан, Кутанс, Жизор); 3) четыре баляжа Шампани (Труа, Мо и Провен, Витри, Шомон); 4) баляжи апанажа Валуа: Валуа, Анжу, Мен; 5) баляжи апанажа Альфонса Пуатевинского: Овернь и Овернские горы, а также сенешальства Пуату и Сентонж; 6) бывшие владения рода Сен-Жиль: Руэрг, Тулуза, Каркассон, Бокер; 7) Бигор; 8) недавно возвращенные сенешальства Аквитании: Лимузен, Перигор, Ажене. Этот собственно домен, то есть владения, контролируемые королем непосредственно или через незначительных вассалов, включал 23 800 приходов, куда в целом входили 2470 тыс. очагов. Баля и сенешали, которых обычно выбирали из мелких дворян и часто переводили по службе, представляли здесь короля во всей полноте его власти. Денежные дела в домене они отдавали на откуп чиновникам, именуемым прево, байле (*bayles*) или вигье (*viguiers*), надзирали за сборщиком налогов в баляже, за лесниками, за комиссарами налогового ведомства, прибывающими с временными миссиями; председательствовали в суде баляжа лично или были представлены «судьей-магом» (*juge-mage*),

судьей в южных сенешальствах, принимали апелляции на решения судов сеньориальной юрисдикции, имея право обращаться в парламент. Им были подчинены канцлер или хранитель печати, прокурор, все большее количество сержантов, приставов, церковных сторожей. Получая скудное, но в основном честное жалование, кроме как на самых нижних ступенях, эти чиновники скромного происхождения, гордившиеся, что представляют самого короля, самоотверженно служили его интересам, буквально обожествляли монархию, особенно после смерти Людовика Святого, и оттого усматривали посягательство на прерогативы величества в привилегиях, в сеньориальной юрисдикции, в городских вольностях — во всем, что возмущало их уравнилельный фанатизм и к чему король тем не менее приноравливался гораздо лучше, чем они. Их властные поползновения не ограничивались пределами домена — они запросто переходили границы крупных фьефов и апанажей, еще составлявших добрую четверть королевства.

Хотя оценка площади «аннексий» показывает, что со времен Филиппа Августа королевский домен неизмеримо вырос, политика Капетингов, феодальных суверенов по сути, отнюдь не была нацелена на поглощение всех территорий, составляющих королевство, — путем ли завоевания, покупки или наследования. Домениальную политику им диктовала случайность. Если они и сломили самых могущественных из своих вассалов, то лишь затем, чтобы непосредственно контролировать достаточно обширный домен, удовлетворявший их растущие потребности в деньгах. Чаше всего последние приобретения они передавали младшим братьям как апанажи, удовлетворяясь заменой свергнутой династии на младшую ветвь своего рода, от которой ожидали более прочной вассальной преданности. Только по счастливой случайности большая часть этих неосмотрительно розданных апанажей вернулась обратно в домен — потому что их владельцы либо надели корону, либо умерли без потомства. Непосредственно после восшествия Валуа на престол существовало только пять апанажей очень ограниченных размеров, не позволявших их обладателям противиться королевской власти. Это были, с севера на юг: Артуа, которым правила графиня Маго, внучатая племянни-

ца Людовика Святого и теща покойного Филиппа V; Бомон-ле-Роже, недавно переданный Роберу д'Артуа, племяннику Маго, но вскоре отнятый у вероломного вассала, дети которого тем не менее получают в качестве компенсации графство Э; Эврё, находящийся под властью племянника Филиппа Красивого, тоже Филиппа, — благодаря браку с дочерью Людовика X он получит также графства Ангулем и Мортен; Алансон и Перш, которые Филипп VI подарит брату Карлу, основателю династии, что угаснет только при Людовике XI; наконец, Бурбон — основная сеньория этого рода не была апанажем, но они только что, в 1327 г., обменяли свое крошечное графство Клермон в области Бове на графство Марш и титулы герцога и пэра для властителя Бурбонской области. Принцы — владельцы этих апанажей по своему положению были не выше представителей мелких графских родов, еще властвующих кое-где на севере и в центре королевства, например, в Блуа, Ретеле, Баре, Невере, Форе.

Королю приходилось иметь дело только с четырьмя крупными феодалами, которые все были пэрами Франции; но княжество Бретань, возведенное в ранг герцогства в 1297 г., и Бургундия, где еще правила старинная ветвь рода Капетингов, имели рыхлую структуру, здесь герцог обладал лишь ограниченной властью над сильными и строптивыми феодалами и потому был не очень опасен для монархии. Иное дело — графство Фландрия и герцогство Гиень: первое было могущественным благодаря процветающей промышленности и торговле, благодаря тому, что его административная организация была отлажена еще в давние времена, а второе — потому, что его герцог был одновременно и королем Англии. Пример Фландрии служит великолепной иллюстрацией капетингской политики по отношению к крупным фьефам, направленной на то, чтобы утвердить в них верховенство власти монарха, но не аннексировать, включая в домен. Если королевские чиновники, действия которых определялись в большей мере их собственной инициативой, нежели волей их хозяина, жестко навязывали свою власть, то, вопреки видимости, в их планы никогда не входило изгонять строптивного вассала силой — ни из Фландрии, ни из Гиени. После царствования

Филиппа Красивого они все чаще передавали дела, в исходе которых король мог быть заинтересован, в королевские суды, принимали апелляции к суду парламента на графские суды и ходатайствовали за апеллянтов, брали последних под свое покровительство, изымая их из-под юрисдикции графа, принимали на себя управление городами, водружая над ними королевское знамя, заставляли использовать французский язык в тех процессах, где участвовали. Во Фландрии эта политика натолкнулась на неожиданный отпор. Ничего не понимая в социальной борьбе, расколовшей промышленные города, королевские чиновники оказали мощную поддержку патрициату в порабощении рабочих. Этим они спровоцировали восстание беднейших ремесленников против невыносимой диктатуры патрициев-*leliaerts*, то есть сторонников французских лилий, а затем — мятеж графа Ги де Дампьерра, выведенного из себя частыми вмешательствами в его дела. Яростная война, шедшая с переменным успехом, завершилась в 1305 г. миром в Атис-сюр-Орж, в соответствии с которым фьеф возвращался сыну мятежного вассала — Роберту Бетюнскому. Французский король ограничился требованием срытия стен крупнейших фламандских городов-коммун, клятвы верности от всех жителей графства и выплаты тяжелых репараций, в залог которых были временно оккупированы шателенства Лилль, Дуэ и Бетюн. В 1312 г. граф предпочел уступить сюзерену заложенные территории, чем платить репарации. Наконец в 1320 г. Бетюн был передан Артуа в обмен на шателенство Орши, чем и завершилась «передача фландрских земель» (*transport de Flandre*), единственная территориальная аннексия, которой добился Капетинг в результате долгих, дорогостоящих и тяжелых карательных походов. Впрочем, ему было достаточно, чтобы новый граф вернулся в повиновение и больше не препятствовал действиям королевских чиновников.

Королевская власть, еще полвека назад вся проникнутая феодальным духом и совершенно патриархальная, теперь, побуждаемая смелыми действиями своих агентов, поощряемая южными легистами, которые, вскормленные римским правом, уподобляли ее абсолютистской тирании поздней Римской

империи, стремилась — может быть, не сознавая этого, но определенно — преобразовать Францию в королевство, соответствующее представлениям нового времени, где воля суверена, высший закон нации, встречала бы лишь беспрекословное повиновение. Однако для полной реализации своих амбиций ей, как и всем другим европейским королевствам, недоставало двух вещей: регулярной армии и стабильных финансов.

Феодальные монархии веками не знали иной армии, чем *ост* (*ost*), ополчение вассалов, созываемое только в случае войны. Прежде всего и в основном ост состоял из рыцарей — тяжеловооруженных всадников, приобретающих вооружение за свой счет, к которым добавлялась масса необученной пехоты, поставляемой городами и сельскими общинами. Теоретически каждый вассал и даже каждый подданный был обязан службой в осте королю как сюзерену. Но обычай быстро свел эту обязанность до ничтожной малости. Теперь вассалы короны приводили в королевский ост лишь ограниченный контингент рыцарей, не более десятой части сил, которыми могли располагать сами в частных войнах, а коммуны присылали только определенное число сержантов. Кроме того, почти все обычаи ограничивали службу рыцарей, когда они сражались за пределами своей провинции, сорока днями, а службу пехоты — тремя месяцами. Из этого вытекали серьезные последствия для характера военных действий, ведущихся самыми могущественными государями Европы, последствия, которые будут сказываться в течение почти всей Столетней войны. Первое — это крайняя малочисленность вооруженных сил, далеко не достигавшая тех немислимых цифр, которые приводят хронисты. Последние Капетинги в свои, часто трудные, походы могли выводить лишь смехотворные контингенты — число рыцарей порой было не более 600 и никогда не превышало 2500 человек, число конных сержантов, легковооруженной кавалерии, не достигало и удвоенной численности первых, а пехота, которую ценили мало, редко насчитывала более 5000 человек. И при таких скудных силах — от 10 до 15 тыс. бойцов во всей армии — французский король по праву считался одним из самых могущественных владык хри-

стианского мира. Валуа сумеют немного увеличить численность своих войск, но не удвоить ее. Второе: кратковременность срока службы исключало проведение каких-либо масштабных военных действий. Ост созывали в последний момент, а собирался он всегда медленней, чем ожидалось. Поход начинался с запозданием, к концу лета, вскоре наступала осень с плохой погодой, влекущая за собой массовые дезертирства. Об осадах стало можно думать только после того, как прогресс военной инженерии дал возможность проведения долговременных операций и даже использования — едва намечающегося — артиллерии; командующие редко отваживались дать правильное сражение, исход которого был всегда непредсказуем. Чаше всего экспедиция представляла собой просто опустошительный и недолгий «набег» (*chevauchée*) на земли противника. Перемирия, плохо соблюдавшиеся обеими сторонами, означали перенос боевых действий на следующее лето.

В решении этих проблем последние Капетинги смогли применить лишь полумеры. Чаше, чем предшественники, они прибегали к помощи иностранных наемников, имперских рыцарей, генуэзских арбалетчиков. Но поскольку наемники требовали большого жалованья, а также отличались недисциплинированностью и склонностью к грабежам, короли ограничивались наймом небольших отрядов, способных разве что оказывать поддержку основным силам. Чтобы ост мог вести боевые действия дольше традиционных шести недель, жалование приходилось платить и ему. Теперь наемной становилась вся армия, независимо от способа ее набора, — как феодальные, так и иностранные войска. Суммы жалованья, зафиксированные с 1274 г. королевским ордонансом, поднялись до 20 турецких су в день для рыцарей-баннеретов¹, 10 су — для простых рыцарей, 6–7 су — для оруженосцев, 15 денье —

¹ Баннерет — рыцарь, способный привести в королевское войско отряд рыцарей и имеющий право командовать им под своим собственным стягом (банньером). Как правило, баннеретами были знатные рыцари — но не графы или бароны, — занимавшие устойчивое положение в феодальной иерархии и с значительным доходом, позволявшим им содержать отряд за свой счет (*прим. ред.*).

для арбалетчиков и 1 су — для пеших сержантов. Для набора армии, контроля личного состава, производства выплат была специальная администрация. Коннетабль осуществлял верховное командование боевыми действиями и руководил размещением войск в лагере, два маршала — для кавалерии и командир арбалетчиков — для пехоты заключали контракты с капитанами и производили смотры (*montres*), удостоверяясь, что отряд имеет договорную численность. Два-три «военных казначея» (*trésoriers des guerres*) и клерк командира арбалетчиков выплачивали жалованье согласно ведомостям, составленным по итогам смотров. Теоретически эта система, казалось бы, позволяла набрать многочисленное войско: ведь почти полное исчезновение частных войн к концу XIII в. лишило класс знати его излюбленного времяпрепровождения, подтолкнув в массовом порядке предлагать свои услуги королю. Профессиональные воины стали объединяться в отряды — «руты» (*routes*) под командованием бывалых капитанов. Они либо действовали самостоятельно, либо их нанимали крупные феодалы, призванные в ост, и этих рутьеров (*routiers*), чьи грабительские инстинкты Франция вскоре ощутила на своей шкуре, за деньги можно набрать в большом количестве. В 1337 г. только граф Фуа приведет в ост Гиени более 300 всадников, а в целом тысячу солдат и слуг. Но фактически король всегда будет располагать лишь ограниченными вооруженными силами, не имея денег на оплату многочисленной армии.

Традиция, пустившая прочные корни в умах, в начале XIV в. еще требовала, чтобы король «жил за счет своего» (*vive du sien*), то есть за счет продуктов, получаемых от домена, и случайных доходов, которые он мог получать благодаря своим правам сюзерена. Эти доходы, несомненно, были очень значительны; точнее сказать мы не можем — почти полное исчезновение наших финансовых архивов не позволяет приводить статистических данных, даже приблизительных. Но, видимо, для содержания административного аппарата, к которому предъявлялись все более сложные требования, а также для нужд политики и дипломатии первого королевства Европы этих средств уже не хватало. Для войны тем более. И коро-

левской власти пришлось требовать от вассалов и подданных уплаты чрезвычайного налога, компенсирующего неучастие в воинской службе, который она постаралась распространить на всю территорию королевства. Таким окольным путем понятие налога, незнакомое средневековому миру, не без сопротивления вновь появилось в политической теории государства. Но на это соглашались далеко не все, а о постоянном налогообложении пока и речи быть не могло. Тем не менее войны в Гиени и Фландрии при Филиппе Красивом и его сыновьях внесли немалый вклад в дело приучения населения к королевскому налогу. Дважды — с 1294 по 1304 г. и с 1313 по 1324 г. — к особо строптивым податным людям приходилось взывать почти ежегодно. Но все-таки налог оставался «экстраординарным» средством — это определение он сохранит до конца Старого порядка¹ — на время, пока доходы непостоянны и слишком отставали от потребностей. Еще не закончился период экспериментов, когда ошибок больше, чем удач. Изобретательные чиновники монархии поочередно перепробовали все формы податей: косвенные, в форме налога с продаж, получившие в обиходном языке оскорбительное прозвание *maltôte*, то есть дурного побора; налоги, исчислявшиеся на основе налоговой ставки, которые должны были составлять пятидесятую или сотую часть состояния, однако исчислявшиеся так грубо, что их применение повлечет за собой катастрофические последствия; наконец, распределяемые налоги, рассчитывавшиеся по хозяйствам, или очагам (*feux*), откуда их название — *подымная подать* (*fouage*), которую мало-помалу заменит *талья* (*taille*).

Чтобы население согласилось платить налог, его приходилось декретировать только в самый последний момент, когда война уже была объявлена и военные действия вот-вот должны были начаться, что исключало возможность длительных приготовлений. Сборщики сталкивались с активным сопротивлением податных людей, с необходимостью трудных переговоров на предмет сокращения норм, особых соглашений,

¹ Старый порядок — общий термин, обозначающий социально-политическое устройство Франции до 1789 г. (*прим. ред.*).

освобождения от налогов. Сбор был плохо организован и происходил медленно. Как только война заканчивалась, подданные, считая, что опасность миновала, начинали расставаться с деньгами еще более неохотно, а ведь долги короля тем временем выросли. В конечном счете оказывалось, что налог покрыл лишь очень небольшую часть расходов. Нуждающаяся королевская власть поневоле была вынуждена прибегать к уловкам, не обеспечивающим для нее завтрашнего дня, но позволяющим заткнуть самые зияющие дыры. Самая знаменитая, но не самая прибыльная из этих уловок, которую впервые применил Филипп Красивый и которой, испытывая постоянную нужду в деньгах, будут злоупотреблять короли династии Валуа, — это «порча» (*remuement*) монеты. Имеется в виду вовсе не чеканка фальшивых монет, в которой плохо информированные потомки обвинят врага Бонифация VIII и преследователя тамплиеров¹. Король всегда объявлял об изменениях, «переоценках», которые намерен внести в монетное обращение, и скрупулезно придерживался пределов, указанных в ордонансах, — он либо произвольно повышал стоимость золотых и серебряных монет (грош, мутоны, эку, «ангелы») по отношению к счетным (ливры, су, денье), в которых должны происходить платежи, либо обесценивал ходовую монету, обязывая чеканить новые с меньшим весом или достоинством при сохранении в счетной монете того и другого прежними. Таким образом, Капетинги и Валуа практиковали девальвацию, частичное и скрытое банкротство, что должно сделать нас более снисходительными к таким же, но большего размаха манипуляциям, которые измышляют наши современные правительства. Фискальная выгода здесь очевидна, хоть и кратковременна. При помощи отчеканенной, часто в большом количестве, монеты король облегчал свое долговое бремя, расплачиваясь в дешевой монете за долги, сделанные в дорогой, — пока его собственные должники, внеся в королевские сундуки обесцененную монету, не сведут для

¹ Т. е. Филиппа IV Красивого, короля Франции в 1285–1314 гг., который боролся с папой Бонифацием VIII и упразднил орден монахов-рыцарей тамплиеров (*прим. ред.*).

казны прибыль от всей операции на нет. Иногда переоценка могла происходить и по экономическим соображениям: крупная торговля, рост которой не прекращается, требовала для расчетов между ее участниками все больше монет; поскольку запасы драгоценного металла в отсутствие мало-мальски значительной его добычи постоянно убывали, приходилось чеканить монет больше, но с меньшей стоимостью. В течение XIV в. все европейские монеты, даже английский стерлинг, даже папский флорин в большей или меньшей степени подешевеют. Но массовые девальвации, практикуемые французскими королями, часто через очень короткий интервал и вопреки мнению общества, которое постоянно роптало и порой требовало возврата к полноценной монете, — были прежде всего фискальными уловками.

То, что эти финансовые трудности ослабляли королевство, что фискальные эксперименты последних Капетингов порождали недовольство, самоочевидно. Тем не менее проявлявшееся тут и там сопротивление посягательствам королевских чиновников или их фискальным требованиям не усилилось настолько, чтобы пошатнуть здание монархии, выстроенное с терпением и осмотрительностью. Не нашлось никого, кто бы объединил недовольных, подстегнул сопротивление, попытался обуздать произвол правительства. Духовенство, несмотря на видимость самостоятельности от светской власти и на мощную централизацию монархического типа, которую демонстрировала папская курия, находилась полностью в руках короля: французские клирики выказали свою рабскую покорность, когда Филипп Красивый смело ввязался в борьбу с папством. Разумеется, они лишь неохотно платили десятину, навязываемую сувереном под разными предлогами, с согласия Святого престола или без такового; разумеется, их раздражали нескончаемые посягательства людей короля на их чрезмерные привилегии в сфере юрисдикции. Но они удовольствовались тем, что несколько раз добивались от суверена хартий, гарантирующих полное осуществление церковной юрисдикции, — хартий, на которые королевские чиновники, естественно, не обращали никакого внимания. Настолько, что в 1329 г. на ассамблее в Венсеннском замке Филипп Валуа

сможет получить поддержку от своих легистов против самых изощренных знатоков канонического права во Франции, отстаивая ограничения церковной юрисдикции над людьми и вещами и возможность апеллировать к королевскому суду на суды церковные с помощью процедуры, которую вскоре назовут «как при злоупотреблении» (*comme d'abus*). Отныне привилегии церковного суда (*for*), столь долго страшившего всех, перестанут как-либо стеснять власть суверена в качестве верховного судьи.

Знать, вместе с духовенством владевшая основной массой земель королевства и остававшаяся верной хранительницей феодального духа, могла бы представлять больше опасности. Это ее интересы больше всего задевали последние трансформации королевской власти и нововведения ее агентов. Король требовал от нее более строгого выполнения вассальных обязательств в тот самый момент, когда из-за обеднения, вызванного экономической конъюнктурой, повышать расходы ей становилось все трудней. Как и духовенство, она видела, что действия королевских судов непрерывно сужают ее судебные полномочия; запрет на частные войны, при Людовике Святом еще малоэффективный, но со времен Филиппа Красивого контролировавшийся более строго, означал для нее потерю любимого занятия. Однако она не сумела использовать удобный момент, когда со смертью Филиппа Красивого могла бы объединиться в своих действиях со всеми недовольными податными людьми. Лиги, которые к концу 1314 г. она создала в большинстве провинций, даже не помышляли, кроме как на лангедокском Юге, да и то очень недолго, о заключении союзов с большей частью городов, поддержка которых была бы для них драгоценна. За исключением Бретани, чей герцог сам взялся высказать королю свои требования, территориальные князья благоразумно сохраняли нейтралитет. В 1315 г. знать получила от молодого Людовика X¹, для каждой провинции отдельно, грамоты, подтверждающие ее старинные привилегии, которые тотчас стали мертвой бук-

¹ Людовик X Сварливый — король Франции в 1314–1316 гг. (прим. ред.).

вой, едва возбуждение улеглось, исключая Нормандию, где короли еще долго будут вынуждены подтверждать Хартию. Из-за отсутствия политического духа у знатного сословия, отсутствия, которое проявлялось во Франции, возможно, сильнее, чем где-либо, и роста у знати кастового чувства, в своих мятежах оно никогда не захочет объединять сил с какими-нибудь горожанами, презирая их за низкое происхождение и завидуя их растущему богатству. А в английской палате общин, наоборот, обнаруживалось тесное сотрудничество между рыцарями графств и представителями бургов, чем отчасти объясняется различие в структурной эволюции обоих государств.

Наконец, это сопротивление, во главе которого не смогло встать ни духовенство, ни знать, не имело и органа для своего выражения. Конечно, Филиппу Красивому как раз в 1308 г., в самый разгар тамплиерского скандала, удалось созвать вместе баронов, прелатов, уполномоченных религиозных общин и городских коммун, потребовав от них поддержать его политику; некоторые историки, смело предвосхищая события, увидели в этой ассамблее первые Генеральные штаты французской монархии. Но это чрезвычайное собрание представителей нации не имело иной задачи, кроме как одобрить без обсуждения выслушанные речи. Не формулируя наказов, не обсуждая вопроса субсидий, не выражая никакой политической воли, собрание не могло претендовать на контроль над королевской властью, не подчинявшейся законам обычного права и не ведавшей никакого другого. С другой стороны, известно, что оба последних Капетинга не раз созывали местные и общие собрания баронов и нотаблей, прося то уладить вопрос наследования трона, то одобрить какие-то важные решения, а порой и выделить деньги. Ни о составе, ни о решениях этих ассамблей мы ничего не знаем. Не похоже, чтобы при Филиппе V или Карле IV¹ они хоть намеком выразили какое-то несогласие или малейшее желание контролировать правительство короля; если бы они осыпали его яростными упреками, отголосок этого наверняка дошел бы до

¹ Карл IV — король Франции в 1322–1328 гг. (*прим. ред.*).

ушей хронистов, которые не сочли нужным уделить много внимания этим собраниям. Чтобы участники собраний могли помыслить о призыве к реформам, прежде должен был прочно утвердиться принцип одобрения налога представителями податных людей. А этого еще не было, потому что сам налог пока оставался экспериментальным новшеством, столь же плохо обеспеченным, как и мало оцененным страной.

Итак, несмотря на некоторые несовершенства в политических или административных структурах, несовершенства, которые были бы опасны, если бы их не ведали и другие христианские государства, Филипп VI Валуа в 1328 г. унаследовал могущественное королевство и прочную власть.

II

АНГЛИЯ В 1328 г.

Многими чертами своей социальной и политической организации и монархических институтов Англия XIV в. напоминала Францию. Чтобы избежать скучных повторов, мы ограничимся рассмотрением того, что более различало, нежели сближало оба королевства.

Страна, где правила французская по происхождению, по брачным союзам и по вкусам династия — Плантагенеты, не обладала ни размерами, ни богатством страны, чьи судьбы до сих пор направляли суверены из дома Капетингов. Несмотря на недавно возникшие, но в очень малой степени удовлетворенные амбиции, английский король контролировал далеко не всю площадь Британских островов. Над королевством Шотландия английские короли веками имели номинальный сюзеренитет, но Эдуард I забрал себе в голову, что надо сделать его реальным, и применил точно такие же методы, как Капетинг в Гиени или во Фландрии. Сначала он поддержал суверена, которого выбрал сам, а потом присвоил маленькое северное королевство. Но десять лет почти непрерывной войны (1296–1307 гг.) принесли Плантагенетам лишь мимолетный успех. Когда рыцари Эдуарда II были разбиты шотландскими горцами при Бэннокберне в июне 1314 г. — точно так же двенадцать лет назад фламандские ополченцы перебили французскую знать при Куртре — независимость Шотландии стала реальностью; графствам, расположенным вдоль границы, или *border*, — Камберленду, Нортумберленду, Дарему — эта независимость принесла лишь разорения, связанные с регулярными набегами вражеских отрядов. Ирландия, в прин-

ципе завоеванная при Генрихе II¹, периодически возвращала себе независимость. Наместникам короля удалось принудить к повиновению лишь некоторые ее восточные территории вокруг Дублина, а также южные — в окрестностях Корка и Уотерфорда. Во всех остальных местах вожди кельтских кланов, особенно сильные в Конноте и Ольстере, или некоторые знатные английские роды, издавна укоренившиеся здесь, — за что их называли англо-ирландскими, — презирали их власть. Из всех территорий на острове за пределами собственно Англии покорён был только Уэльс — при Эдуарде I, после тяжелых войн, и сделан княжеством, судьбы которого теперь направлял старший сын короля. Восстания в Уэльсе, возможность которых все еще не исключалась, были уже не страшны навязанной ему беспощадной английской администрации.

В этих, довольно тесных, пределах Англия оставалась сравнительно бедной и малонаселенной. Освоение ее земель, поздно начатое при англо-нормандских суверенах² и тормозившееся периодическим возвратом к политической анархии, не позволило ей достичь того уровня процветания, какого добились некоторые особо благополучные регионы на континенте. Ее редкому населению всегда хватало ограниченного количества епархий, и новых не потребуется вплоть до XVI в.: четырнадцать в провинции Кентербери, три в Йорке и четыре уэльских епископства умеренных размеров. Поскольку интенсивного развития городов не было, население страны, вероятно, составляло немногим более пяти миллионов человек — едва треть от населения Франции. Такая же архаичность наблюдается и в землепользовании: крупные владения, или *маноры* (*manoirs*), которые обрабатывали держатели сеньора, трудясь на барщине, легче, чем во Франции, выдержали демографический подъем; обширная распашка целинных земель, начатая только в XIII в., была, похоже, предпринята ско-

¹ Генрих II Плантагенет — граф Анжуйский с 1151 г., граф Нормандии с 1150 г., герцог Аквитании с 1152 г., король Англии в 1154–1189 гг. (*прим. ред.*).

² Англо-нормандские суверены — короли Англии из династии герцогов Нормандии, правившие в 1066–1135 гг. (*прим. ред.*).

рее в пользу и по инициативе сеньоров, чем ради раздела этих земель между держателями-цензитариями¹, почему и повлекла за собой временное укрепление барщины и сервильного положения крестьян, *вилланства* (*villainage*), особенно в хозяйствах монастырей, капитулов и епископов; в других местах, напротив, происходило смягчение барщины, ее коммутация в денежный оброк. Впрочем, землю обрабатывали только в самых богатых владениях. Огромные пространства меловых холмов Кента и Суссекса, обширных ланд Пеннинских гор, малопригодные для земледелия, использовались для экстенсивного овцеводства, придававшего английской сельской местности своеобразие и приносившее стране главное экспортное богатство — шерсть, в которой нуждались в первую очередь нидерландские мастерские. Овцеводство, или *sheep-farming*, в цистерцианских хозяйствах Йоркшира достигло такого уровня совершенства, что на континентальных рынках английскую шерсть по праву считали лучшей в Европе.

В отсутствие всякой промышленности, работающей на экспорт, — лишь в конце XIV в. на континенте начнут распространяться кое-какие изделия островных ремесленников, например, алебастровые рельефы, — города, в том числе и порты южного и восточного побережий, сохраняли небольшие размеры. В университеты Кембриджа и Оксфорда — впрочем, последний прославился ученостью преподавателей-францисканцев — европейские студенты не валили толпой, как в Париж. Единственный значительный центр — Лондон, сам по себе пока что и еще на века состоящий только из Сити, расположенного к северу от Темзы, к которому недавно добавились соседний бург Вестминстер, нечто вроде административной столицы, и построенные вдоль Стрэнда — дороги, соединяющей оба города, — изящные дворцы сеньоров, имел намного меньше населения, чем французская столица. Его могущественные и склочные цеха ограничивали свою активность внутренней торговлей. Во всех остальных сферах хо-

¹ Цензитарий — держатель земли, выплачивавший за нее ежегодный денежный оброк (ценз) (*прим. ред.*).

заяничали иностранцы, которые в этом веке еще довольно долго будут сохранять свое положение, пока возрастающая ксенофобия однажды не лишит их монополии в пользу моряков и негоциантов-аборигенов. Как и во всех остальных местах, денежные операции вели итальянцы, но атлантическую торговлю обеспечивали почти одни гасконцы; значительными привилегиями пользовались фламандцы, брабантцы и прежде всего ганзейцы, имея здесь процветающие колонии, вызывавшие зависть местного населения.

Политическая организация обнаруживала, как и во Франции, смесь архаических черт, отражающих еще преобладавший феодальный дух, и сильных монархических институтов, предвосхищавших государство нового времени. Но поскольку эти институты были организованы раньше, чем в королевстве Капетингов, дольше развивались и поэтому были прочнее и лучше воспринимались населением, они сообщали королевской власти и ее агентам, в чьи обязанности входило дать почувствовать эту власть, такую уверенность и такие гарантии, как, может быть, нигде в Европе. По любопытному контрасту это королевство со столь прочными административными основами периодически погрязало в неслыханной по накалу политической борьбе, в которой сплоченное и единое баронство, правда, не столь богатое, как во Франции, противостояло лично королю и требовало для себя контроля над чиновниками и ведением дел в стране.

Англия как таковая делилась примерно на сорок графств, или *шайров* (shires), самого различного размера. Это были чисто административные округа, а не феодальные владения, как во Франции. Если знатный барон носил титул графа, это не значило, что он владеет территорией соответствующего графства. Фьефы, то есть маноры или посты, высшей аристократии, несомненно могущественной, еще со времен нормандского завоевания были разбросаны по разным областям и никогда не образовывали обширных доменов, принадлежащих одному владельцу. Во все эти раздробленные владения проникали королевские агенты, не встречая эффективного отпора. Единственное исключение из этого правила — «палатинаты» (palatinates), привилегированные территории, где не

действовали *breifs* — королевские приказы, куда не было доступа чиновникам монарха, где были почти независимые канцелярия и суды. Но из двух еще существовавших палатинатов одно, графство Честер, близкое к уэльской границе, с пресечением графской династии было включено в королевский домен, а второе, на севере, попало в руки епископа Даремского. В 1351 г. Эдуард III возведет в ранг палатината графство Ланкастер ради своего кузена Генриха Ланкастера, дав ему титул герцога, правда, без права наследования, а со смертью этого барона повторит пожалование для зятя последнего и своего младшего сына — Джона Гонта. Вне пределов палатинатов существовало множество территорий под сеньориальной юрисдикцией, принадлежавших светским или церковным сеньорам и называемых «вольными» (*franchise*), которыми владельцы ревностно дорожили, но существование которых давно лишили смысла королевские чиновники, изымая дела, которые могли входить в сферу интересов короля, и беспрепятственно внедряя право апелляции к королевским судам. Сутяжнический дух англо-нормандцев, их ярко выраженное пристрастие к юридическим спекуляциям породили формалистические и запутанные законы, на которые опирались органы королевской власти, представлявшие суверена в качестве верховного судьи. Малейшее нарушение порядка, расцениваемое как нарушение королевского мира, влекло за собой возбуждение дела, где король как потерпевшая сторона мог требовать от своих судей примерного наказания преступников; в результате этого Англия с давних пор усвоила понятие, чуждое людям средневековья, — понятие прокуратуры, которая могла действовать, не нуждаясь в жалобе, направленной частными лицами.

Королевскую власть в графствах осуществляло множество чиновников: *бальи*, или *reeves*, — домениальные агенты; лесничество и лесники, обязанные следить за выполнением строгих, но уже теряющих силу законов, распространявшихся на обширные пространства, именуемые «лесом», огромные заповедники дичи; *исчиторы* (*escheators*), управляющие наследством королевских вассалов до передачи наследникам или в период малолетства последних; *коронеры* (*coroners*), руко-

водящие следствием по уголовным делам об убийствах; сборщики постоянных или временных налогов. *Шериф* (sheriff), или виконт, аналог капетингских бальи, человек невысокого происхождения и часто сменяемый, обеспечивал контакт между королем и подданными, брал на откуп получение королевских доходов, оплачивал местные расходы, ежегодно представлял в Палату Шахматной доски¹ финансовый отчет, вручал королевские приказы тем, кому они предназначались, и каждый месяц председательствовал на суде графства, куда вызывали свободных людей, где вершили суд, где выбирали присяжных заседателей, столь типичных для средневековой Англии, и назначали рыцарей, которые будут представлять графство в парламенте.

Специализация центральных органов, давно отделившихся от *curia regis*, существовала дольше и продвинулась дальше, чем во Франции. Три службы, которыми соответственно руководили канцлер, казначей и верховные судьи, представляли собой настоящие министерства в современном смысле слова. Канцелярия, бюрократическая и образцово организованная — она оставила нам значительные архивы, — рассылала бесчисленные письма, предписания, приказы с большой печатью, которые разносили повсюду волю короля. Палата Шахматной доски, которой уже более двух веков, была центром управления финансами; ее нижняя, или доходная, палата (*échiquier de recette*), играла роль казначейства, а верхняя, или счетная (*échiquier de comptes*), — счетной палаты. Об ее функционировании в XIV в. известно мало из-за объемности ее архивов, до сих пор обескураживающей исследователей. Несомненно, однако, что ее многочисленный персонал, руководимый камергерами и баронами Шахматной доски, осуществлял контроль, отчасти эффективный, за расходами и деятельностью бухгалтерских чиновников. Наконец, высшее

¹ Палата Шахматной доски — финансовое учреждение, на заседаниях которой подсчитывались доходы и проверялись счета сборщиков налогов. Возникла в Англии после 1066 г., позже была перенесена в Нормандию, где ее сохранили Капетинги, после того как в 1204 г. отвоевали эту провинцию у английских королей (*прим. ред.*).

правосудие вершили два постоянных суда, заседавших в Вестминстере, и в придачу — разъездные судьи, совершавшие «общие объезды» (*eyre*¹), значимость которых, похоже, падала по мере укрепления центральной власти; суды — это Суд общей скамьи² и Суд королевской скамьи, первый из которых оставался на месте, а второй следовал за королем в его перемещениях по стране. Теперь оба заседали бок о бок, и уже возникала некоторая специализация судов: Суд общей скамьи стал разбирать преимущественно гражданские тяжбы между частными лицами, а Суд королевской скамьи — уголовные дела и дела, имевшие отношение к интересам короны.

Отделившись от двора, эти крупные ведомства приобрели некоторую самостоятельность, порой затрудняющую прямой контроль со стороны суверена, особенно в моменты, когда бароны, подчинив себе Совет, ставили во главе ведомств чиновников по своему выбору. Из этого следует намного большая, чем во Франции, политическая роль ведомства королевского двора, представители которого — приближенные суверена — лучше интерпретировали и быстрее передавали его волю. Под руководством хранителя малой печати в недрах этого ведомства существовал настоящий частный секретариат, основная роль которого состоит в том, чтобы по приказу короля и Совета предписывать канцлеру рассылку посланий с большой печатью; однако этот секретариат не упускал случая отдавать собственные приказы Палате Шахматной доски или местным чиновникам. Два финансовых департамента, Гардероб³ и Палата⁴, куда в принципе деньги поступали из ассигнований на Палату шахматной доски, часто непосредственно получали отдельные королевские доходы, приобретая тем самым некоторую самостоятельность, которая проявлялась прежде всего во время войны, любого похода, в которой принимал участие суверен, непосредственно финансируемый

¹ Собственно General eyre (прим. пер.).

² Обычно называется Суд общих тяжб, Court of Common Pleas (прим. пер.).

³ Англ. Wardrobe (прим. пер.).

⁴ Англ. Chamber (прим. пер.).

Гардеробом. Ведомство двора — нечто вроде запасного правительства английского короля, которое он вовсю использовал, когда хотел избавиться от опеки того или иного баронского совета; оно еще окажет большую службу Эдуарду III во время долгих отъездов короля на континент.

Отдельно следует рассмотреть оригинальный институт парламента — плод уже длительной эволюции, который, однако, вовсе не придает Англии облика контролируемой, или конституционной, монархии, — такой облик она приобретет лишь намного позже. В начале XIV в. эти почти периодические собрания королевского суда, происходившие в зависимости от обстоятельств раз в год или в два года, еще имели характер некоего расширенного Большого совета, где обычные советники суверена на краткое время сессии, несколько дней или недель, брали себе в помощники определенное число баронов и прелатов, вызываемых индивидуально как ленники¹ короля. Они и составляли Совет в парламенте — особо торжественную форму королевского суда. Уже два поколения назад появился обычай советоваться и с представителями других классов нации — с купцами, духовенством, горожанами, рыцарями графств. Купцы как «сословие» редко направляли представителей; клирики при Эдуарде II перестали приходить на собрания парламента, потому что прелаты созывали их на синоды, или convocations, обычно происходившие в то же время; поэтому в орган, который позже назовут палатой общин, войдет только по два рыцаря от каждого графства и по два бюргера от каждого города — от столицы четыре. Их роль пока оставалась эпизодической, в заседаниях Совета они участия не принимали; только позже одному из членов парламента — оратору, то есть *спикеру* (speaker) — будет поручено передавать королю пожелания и жалобы общин. Это еще не значит, что сформированный таким образом парламент представлял собой сугубо политическое или законодательное собрание. Фактически он в неявной форме выполнял все функции *curia regis*, прежде всего судебную.

¹ Ленники — вассалы, державшие от короля феодальное владение (*прим. ред.*).

Недовольные подданные могли, подав петицию, потребовать исправления какой-то ошибки; процедура рассмотрения здесь была проста — в начале каждой сессии назначалось несколько комиссий (аналогичных следственной палате и палате прошений Парижского парламента, но по определению временных), которые сортировали, а потом рассматривали массу прошений и готовили решения Совета. Но, отбирая из этих прошений те, которые представляли общий интерес, и добавляя к ним свои личные жалобы, депутаты могли представлять прямо в Совет «общие петиции» и таким образом оказывать политическое влияние, особо ошутимое, когда монархия переживала трудности. Их власть росла еще и потому, что именно к ним обращались, и чаще, чем они бы этого желали, с просьбами о выделении субсидий. Однако судьбу законодательных мер, утверждаемых в парламенте, все еще решал только Совет; эти торжественные указы, которым с тех пор присвоили название *статютов* (statuts), в судах, где судьи составляли сборники этих статютов, соперничали с обычным, или «общим», правом¹ и дополняли его. Волнения, наложившие отпечаток на только что закончившееся царствование Эдуарда II, в то же время повысили авторитет парламента, и именно в законодательной сфере. В 1322 г. на ассамблее в Йорке король, аннулируя торжественным статютом все законодательные акты, выпущенные за одиннадцать лет баронами-ордайнерами, и желая избежать подобного же аннулирования королевских законов в будущем, громогласно объявлял, что всякий ордонанс, утвержденный в парламенте, может быть отменен только новым парламентом. Возможно, в это самое время — некоторые историки предпочитают относить его к концу века — один любознательный знаток конституционного права написал «Modus tenendi Parliamentum»², описание (нахально помещенное под эгиду Вильгельма Завоевателя) идеальной роли, какую в феодальной монархии должна играть иерархия сословий и их представителей: из их согласия с королем возникает высший закон.

¹ Англ. common law (прим. пер.).

² О порядке заседания парламента (лат.).

В конечном счете парламент, составная часть английских монархических институтов, — правда, последняя по времени появления, отчего и получилось, что его роль была наименее определенной, — мог стать и лучшим помощником суверена в его политике, и худшим препятствием в утверждении его воли. Королю популярному, непреклонному судье и хорошему администратору, он давал ни с чем не сравнимую поддержку общественного мнения, позволяя свободно говорить от имени нации хоть с иностранными государями, хоть с главой церкви. Если же неумелый верховный правитель восстанавливал против себя баронов, всегда готовых изобличить его ошибки, он становился органом оппозиции, навязывая королю опеку его противников, — это чередование силы и слабости характерно для истории средневековой Англии.

Преимущество Плантагенетов в денежных делах состояло в том, что они имели почти стабильные, хоть и сравнительно скудные ресурсы. Эдуард I добился от купцов соглашения выплачивать пошлину, или *кутюму*, за экспорт шерсти и кож; его наследники продолжали взимать ее, не добиваясь нового соглашения. Когда у них попросили для проформы провести ее через парламент, тот разрешил ее взимать в течение нескольких лет. Повысить доходы позволил и институт, заслуга создания которого принадлежит советникам Эдуарда II, — «этап» (étape) шерсти. Король назначал либо один континентальный порт (иностранная этап), либо несколько английских (местный этап), и только через эти порты можно было вывозить шерсть за море. Драгоценное сырье помещали здесь на государственные склады, где выплачивали за него пошлину, прежде чем погрузить на суда или передать иностранным покупателям. К этим очень прибыльным косвенным налогам добавлялись субсидии, вотируемые общинами, — обычно налоги на движимое имущество в размере десятой части ее стоимости для городов и пятнадцатой части для сельской местности. Трудности с определением базы обложения, изворотливость податных людей, во все времена уклонявшихся от выплаты налогов, вели к тому, что эта статья давала лишь умеренные доходы. Но поскольку у парламента часто требовали этих субсидий, они приобрели известную регулярность;

деньги выплачивались без особого ропота, поскольку избранные депутаты получали полномочия налагать такие обязательства на своих избирателей. Но все эти ресурсы вместе взятые, которых в мирное время было достаточно, не позволяли финансировать масштабных начинаний. Точно так же, как Валуа, Плантагенеты будут жить как и чем придется, их станут преследовать ростовщики и постоянные банкротства. Во всяком случае, к их чести можно сказать, что они не пристрастятся к губительной порче монеты. Фунт стерлингов, более прочная валюта, чем турецкий или парижский ливр¹, очень быстро обгонит по стоимости французские монеты, обесценившись за век изнурительной войны не более чем на 20%.

Чтобы охарактеризовать вооруженные силы, которыми располагал король, хватит нескольких слов. Английская армия, как и французская, формировалась на базе феодального оста. Трудные походы в Уэльс и Шотландию при Эдуарде I закалили ее, но не настолько, чтобы сделать непобедимой: поражение при Бэннокберне, где шотландские копейщики, перейдя в атаку, разгромили английскую конницу, показывает, что рыцарская знать еще не отказалась от своей тактики многовековой давности. Весь ост целиком получал жалование, чтобы он мог вести сравнительно долгие кампании. Контракты, заключаемые с капитанами и называемые *indentures* (оба их экземпляра пишутся на одном куске пергамента, который разрывается по зубчатой линии), позволяли в любой момент проверить наличный состав отряда и выплатить жалование. Пехота, службу которой еще ценили очень мало, набиралась из западных горцев, прежде всего в Уэльсе; их отряды отличались большей сплоченностью, чем посредственное коммунальное ополчение, которым располагал король Франции. Наконец, в континентальных войнах Плантагене-

¹ Турский ливр — монета, отчеканенная на монетном дворе Тура и, в подражание ей, в большинстве дворов Северной Франции; равна 4/5 парижского ливра, который чеканили в Париже. 1 ливр (турский или парижский) теоретически равнялся 20 су, су равнялся 12 денье (*прим. ред.*).

ты получили ошутимую поддержку гасконских контингентов, бойцов, горячих в сражении, а также имперских наемников, за очень высокую плату набираемых в Нидерландах. Оставалось найти возможность переправить за море войска, набранные в королевстве. Забота об этом возлагалась на двух адмиралов, адмирала Севера и адмирала Юга, каждый из которых отвечал за один сектор побережья; в мирное время оба — всего лишь судьи по морскому праву, но в случае войны они организовывали принудительный набор кораблей во всех торговых портах: ведь старинная корпорация Пяти портов на побережьях Кента и Суссекса (Дувр, Рай, Винчелси и т. д.) уже была недостаточно могущественна, чтобы, как во времена англо-нормандского королевства, предоставить все корабли, необходимые для перевозки экспедиционного корпуса, который, впрочем, редко превышал по численности десять тысяч человек.

Таким образом, Англия производит впечатление королевства, конечно, маленького, но единого, скромные силы которого, находясь под жестким управлением испытанных администраторов, полностью подчинены суверену. Но последнему приходилось принимать во внимание периодические и резкие всплески политических страстей, столь яростных, каких, может быть, не испытывала больше ни одна страна в Европе. С начала XIII и до конца XVII вв. история Англии наполнена грозными гражданскими войнами — где противники королевской власти выступали не столько против этой власти, сколько лично против суверена, — оставляющими после себя, от восшествия на престол Иоанна Безземельного¹ до падения Стюартов, кровавые следы и семена ненависти. Вступление на престол Эдуарда III в январе 1327 г. — не финальная точка, а только эпизод одной из этих ожесточенных схваток, почти целиком заполнивших двадцать лет царствования Эдуарда II. Описание, даже обзорное, этих событий не входит в наши намерения. Однако итог, нерадостный для островного королевства, привести нужно.

¹ Иоанн Безземельный — король Англии в 1199–1216 гг. (прим. ред.).

Эдуард II в 1307 г. унаследовал от отца страну в опасном положении. Войны этого неудачливого завоевателя, а особенно — изнурительные шотландские походы, высокие запросы его фискальной службы, мелочная требовательность администрации за несколько лет разожгли недовольство баронов. Чтобы утихомирить их, требовался ловкий политик и государственный муж. Эдуард II не был ни тем, ни другим. Умный и просвещенный человек, интересовавшийся механикой и земледелием, он не любил ни воевать, ни править — двойной грех в глазах его вассалов. Ревниво держась за власть, он допускал к ней недостойных фаворитов, влияние которых порождало досадные и злобные слухи. Хватило бы и меньшего, чтобы разжечь злобу баронов, у которых властолюбие было в крови. Конечно, они не помышляли, как их предшественники в предыдущем веке, обуздать королевский произвол, облегчить груз своих вассальных обязанностей, защитить свою юрисдикцию от посягательств чиновников. Основы управления утвердились здесь слишком прочно, чтобы бароны рискнули замахнуться на них. Однако против королевской доктрины бесконтрольного осуществления верховной власти они выдвинули старую феодальную теорию, в соответствии с которой бароны как естественные советники короля должны участвовать в правительстве, а при надобности и корректировать его политику. Они намеревались прежде всего подчинить себе Совет, чтобы изгнать фаворитов, назначить на административные посты доверенных людей и от имени короля осуществлять эффективную власть.

В отсутствие способного вождя этот план, трудный не столько в осуществлении, сколько в сохранении результатов в случае сопротивления суверена, решившего сбросить опеку, неизбежно должен был провалиться. Прекрасный порыв баронов-ордаинеров, в 1311 г. объединившихся против фаворита, беарнца Пьера де Гавестона, обе попытки установить диктатуру самого пылкого из них — двоюродного брата короля Томаса Ланкастера закончились крахом через несколько месяцев. Спасти положение мог бы союз умеренных баронов и короля, как при Генрихе III. Но слепой эгоизм первых и упорная ненависть второго сделали это невозможным. Эду-

ард выбрал нового фаворита из самих баронов — Хьюго Деспенсера-младшего, отдав в руки этого алчного ничтожества страну, измученную десятилетней гражданской войной. Англия все глубже погружалась в пучину политической анархии. Последний акт драмы, стоивший ненавистному суверену жизни, не добавил Плантагенетам престижа. Как западный барон, Деспенсер попытался выкроить себе княжество в уэльских марках, где королевская власть сталкивалась с сопротивлением могущественных феодальных родов, обогатившихся за счет наследия кельтских князьков, — в Монмутшире, Гламоргане и соседних графствах. Соперники объявили ему войну; он добился изгнания самого влиятельного из них — Роджера Мортимера из Уигмора. В это же время Эдуард поссорился с женой, Изабеллой Французской, дочерью Филиппа Красивого, злобный нрав которой мог сравниться лишь с ее распутством, и удалил ее от двора. Когда французский король Карл IV двинулся на Гиень, ей удалось убедить супруга, что при прямых переговорах с братом ей проще будет восстановить мир. Она выехала в 1325 г., взяв с собой старшего сына, которого хотела сделать герцогом Аквитанским. Мир был подписан. Но в Париже Изабелла встретила Мортимера и стала его любовницей, а возможно, была таковой и раньше. Их связь, выставленная напоказ, шокировала Карла IV, и он изгнал их от двора. Вместе с наследным принцем они нашли убежище у графа Эно, договорились о помолвке юного Эдуарда с его дочерью Филиппой и набрали наемников. В последние месяцы 1326 г. они с отрядом иностранных наемников высадились на Британском острове, поскольку побережье охранялось плохо, пошли на Лондон, спровоцировали восстание всех баронов против Деспенсера и его клики, которые в ходе вспыхнувшей яростной войны были разбиты, и захватили самого короля. Парламент, послушный воле заговорщиков, объявил о его низложении; комитет баронов и один представитель рыцарей, Уильям Трессел, торжественно отреклись от клятвы верности, которою были обязаны королю. Потом,ждавшись, чтобы Изабелла избавилась от низложенного суверена, то есть убила его, 20 января 1327 г. на трон посадили Эдуарда III, которому было всего шестнадцать лет. На самом

деле правил за него Мортимер, продлив анархию еще на три года. Став графом Марчем — он был женат на последней представительнице пуатевинского рода Лузиньянов, носивших титулы графов Маршского и Ангулемского, — и захватив все наследство Деспенсеров, он держался лишь тем, что внушал страх. Такая же посмертная популярность, какую сразу после падения приобрел Томас Ланкастер, теперь стала уделом трагически сгинувшего суверена: на его могиле, которую и по сей день можно видеть на хорах Глостерского собора, в то время церкви аббатства, происходили чудеса. Против Мортимера бароны сколотили новый блок. Первый заговор был легко раскрыт, что повлекло за собой казнь графа Кента. Развязка произойдет только в ноябре 1330 г., когда Эдуард III избавится от опеки.

Важно помнить, что в момент, когда во Франции сменялась династия, Англия едва вышла из гражданской войны и в политическом отношении была обессилена, но благодаря ресурсам, которыми располагала монархия, смогла быстро оправиться от потрясений.

III

ПРОБЛЕМА ГИЕНИ

Две страны, разделенные только узким проливом, почти ничего не знали друг о друге. Английская знать, происходившая из Нормандии или Анжу, более века назад перестала интересоваться делами континента, с тех пор как навсегда утратила там свои вотчины. Она все более и более англизировалась. Французский язык или, скорее, странный смешанный диалект этого языка — англо-нормандский, полный английских слов и причудливых оборотов, уже стал языком почти только королевского двора и образованных высших классов; он еще оставался языком управления и юристов, хотя в судах ради удобства сторон дебаты все чаще и чаще велись по-английски; текст, вышедший из-под пера клириков за проливом, похож на сделанный с трудом перевод с местного языка, и, похоже, англо-нормандский становился языком культуры, вроде латыни. Если высшая знать благодаря брачным союзам или высшее духовенство, сам способ формирования которого предрасполагал к международным контактам, еще поддерживали какую-то связь между обеими странами, то представители других общественных классов вступали в такие контакты только при спорах о месте морской торговли; и эти контакты, подчас затрудненные, во Франции происходили только в прибрежных провинциях и касались только фламандских, пикардийских, бретонских или ларошельских коммерсантов или купцов.

Иначе дело обстояло в отношении обеих династий: их соединяли и частые браки, и еще более крепкая связь — феодалного характера. Король Англии, суверен из рода Плантагенетов, был в то же время герцогом Аквитанским (Гиенским) и пэром Франции; кроме того, с тех пор как Эдуард I

женился первым браком на Элеоноре (Алиеноре) Кастильской, он владел в Северной Франции, в устье Соммы, маленьким графством Понтье. Будучи сувереном у себя на острове, по своим континентальным владениям он был вассалом французского короля. Эта двусмысленная ситуация возникла давно. Не будем возвращаться к тем отдаленным временам, когда герцог Нормандский Вильгельм Незаконнорожденный в 1066 г. отправился завоевывать королевство англосаксов: отношения между вассалом и сюзереном резко испортились, когда в 1154 г. на английский трон наконец сел Генрих II Плантагенет, к тому времени уже граф Анжу, Турени и Мена и супруг Алиеноры Аквитанской¹, от имени которой он правил ее обширным герцогством, простиравшимся от Луары до Пиренеев, а также обладатель завоеванной им Нормандии. Тогда Плантагенеты и Капетинги и вступили в длительную борьбу, которую некоторые современные историки, создавая известную путаницу, предложили назвать «первой Столетней войной» и где сюзерен пытался взять верх над вдесятеро сильнейшим вассалом. В результате этой борьбы континентальная империя Плантагенетов была раздроблена. Но по Парижскому договору, заключенному в мае 1258 г. и утвержденному в декабре 1259 г., Людовик Святой оставил своему свояку Генриху III Гиень, откуда капетингским войскам так и не удалось вытеснить последнего, и даже добавил к ней занятые предыдущими английскими королями территории, которые сразу же или через более отдаленное время войдут в состав этого южного герцогства. Взамен Плантагенет отказывался от всех утраченных провинций, от Нормандии до Пуату, а главное — становился вассалом французского короля за свое герцогство-пэрство. По праву можно сказать, что Парижский договор, поставив обоих суверенов в очень сложные феодальные отношения, лег в основу Столетней войны.

¹ Алиенора Аквитанская (1122–1204) — дочь и наследница Гильома X, герцога Аквитанского. В 1152 г., разведясь со своим первым супругом, французским королем Людовиком VII, вышла замуж за Генриха Плантагенета, графа Анжуйского, герцога Нормандского, принеся ему в приданое власть над Аквитанией (*прим. ред.*).

Его применение, сразу же натолкнувшееся на непреодолимые трудности, семьдесят лет провоцировало бесконечные конфликты, и тот, в котором столкнулись Эдуард III и Филипп VI, — лишь неизбежное его следствие.

Усилению напряженности между обеими династиями и даже странами неявно способствовали и другие причины, которые нельзя игнорировать. Ведущие активную торговлю гасконские моряки, представлявшие интересы Англии, контактировали с представителями бесконечно более многочисленных областей королевства Франции. Они перевозили через Ла-Манш гиенские вина, которые высшие классы ценили больше, чем местное кислое вино или ячменное пиво; они заходили в Ла-Рошель, рынок сбыта для Пуату и Сентонжа, или в Нант за солью с пуатевинских разработок или из залива Бургнёф, необходимой английским рыбакам для засолки рыбы. Их суда, редко отваживавшиеся выходить в открытое море, нуждались в благосклонном приеме в бретонских портах, где они останавливались. Наконец, известно, как английское скотоводство и казна зависели от фламандского рынка, где сбывалась необработанная шерсть. Пуату, Бретань, Фландрия — все эти провинции Эдуард III будет стремиться в той или иной степени поставить под контроль. Однако не надо думать, что, вводя туда войска, Плантагенеты намеренно готовили условия для экономической экспансии Англии. В отличие от наших современных империалистов, средневековые монархии не воевали за рынки сбыта для своих товаров или за источники сырья. До второй половины XV в. нельзя говорить об экономической политике суверенов, которая была бы для них важнее династических химер и завоевательных планов. Даже наоборот: Эдуард III будет использовать экономическое оружие для удовлетворения своих политических амбиций, конфискуя товары у купцов из вражеской страны или, как это будет сделано для воздействия на Фландрию, прекращая экспорт шерсти, — самым ощутимым следствием этой меры станет разорение подданных и истощение ресурсов в стране, где правил тот, кто отдал такой приказ. Однако упомянутые нами торговые контакты тоже во многом способствовали ухудшению франко-английских отношений, внести на-

пряженность в которые было сравнительно легко: они порождали между моряками обеих стран конкуренцию, быстро перераставшую в ненависть, которая выливалась в грабежи, пиратство, поломки судов, а порой и в настоящие каперские войны. Особо серьезная ссора, разразившаяся в Байонне, а потом в Ла-Рошели в 1293 г. между байоннскими и нормандскими моряками, стала для Филиппа Красивого предлогом к объявлению войны Эдуарду I и конфискации аквитанского фьефа.

Итак, вернемся к вопросу о Гиени, к вечному яблоку раздора между обеими династиями. Мы не будем давать его полный исторический очерк с 1259 по 1328 г., но совсем умолчать о его истории невозможно, потому что иначе ничего не поймешь в назревающем великом столкновении.

Территориальные конфликты между сюзереном и вассалом были достаточно острыми. Парижский договор, словно забавы ради, создал сложную ситуацию: французский король пообещал возвратить в состав герцогства Аквитанского некоторые земли (Сентонж «за Шарантой», Керси и Ажене на территории Тулузского графства) в случае, если Альфонс Пуатевинский и его жена Жанна Тулузская¹, которым принадлежали эти земли, умрут, не оставив потомства. В 1271 г. так и случилось, но ни Филипп III, ни его сын не слишком спешили отдавать обещанные территории. Пришлось дожидаться Парижского соглашения, заключенного в ноябре 1286 г., чтобы дело было улажено, не вызвав ни у кого чрезмерной злобы. Тем не менее границы аквитанской территории, находившейся в ленной зависимости, оставались, как всегда в те времена, приблизительными и неточными. Переплетение прав и наличие привилегированных анклавов порождало мелкие придирки и споры. Чиновники французского короля, всегда куда больше стремившиеся разжигать ссоры, чем их господин, — сенешали Сентонжа, Пуату или Перигора — не упус-

¹ Альфонс Пуатевинский (1220–1271) — сын французского короля Людовика VIII, с 1241 г. граф Пуатье и Оверни. Женившись на Жанне, дочери графа Тулузского, получил графство Тулузское (*прим. ред.*).

кали случая узурпировать герцогские права на землях по ту сторону границы. Еще серьезней было то, что оба соперника, опасавшиеся друг друга, начали в этих марках с нечеткими границами строить замки и бастиды, и вот от Сентонжа до средней Гаронны через Перигор, Керси и Ажене по сельской местности протянулась двойная линия грозных укреплений. Первым начал Альфонс Пуатевинский с капетингской стороны; Эдуард I применил в этих работах, особенно в возведении замка Ла-Реоль, опыт, приобретенный им в Святой земле и уже использовавшийся в Уэльсе. В первой четверти XIV в. это строительство с той и другой стороны еще продолжалось, поддерживая опасное состояние мира на грани войны. Когда один вассал французского короля в 1323 г. начал строить бастиду в Сен-Сардо, близ Ажена, на нее внезапно напали гасконские банды и сожгли; этот случай послужил сигналом для начала новой войны и для новой конфискации аквитанского фьефа королем Карлом IV.

В сфере феодальных отношений причины для конфликта были более весомыми, потому что постоянно возникали новые поводы. Проводя политику вмешательства, с успехом применявшуюся в других фьефах короны, капетингские чиновники, сенешали Пуату, Перигора, Сентонжа и их подчиненные, рвение которых намного превосходило то, чего требовал от них господин, не прекращали хозяйничать в Гиени, заявлять о правах короля, подстрекать местных жителей подавать апелляции на приговоры английских сенешалей. Эта политика, беспокоившая англичан еще при Филиппе III, была временно нейтрализована соглашением между суверенами, в соответствии с которым королевский суд возвращал сенешалю Аквитании все полученные апелляции, чтобы вернуться к ним только в случае, если герцогский суд за три месяца не даст удовлетворения просителям. Но при Филиппе Красивом посягательств становилось все больше и больше, и прежде всего апелляций в парламент, так что Эдуард I даже считал необходимым нанять для работы в парижском суде постоянных прокуроров и адвокатов, чтобы они защищали его интересы «по делам Гиени», которые беспрерывно прибывали. В это время жалобы аквитанских чиновников приобрели гораздо

более резкий тон. Они заявляли, что в результате постоянного вмешательства агентов французского короля уже не могут заставить людей считаться с герцогской властью. Спровоцированные апелляции сводят на нет судебную власть английского сенешаля, а апеллянты, которые в глазах властей Бордо не более чем мятежники против своего герцога, оказываются под защитой короля. Приговоры, вынесенные королевскими судами, приводятся в исполнение грубо; сержанты и приставы всюду вешают щиты с лилиями, производят произвольные аресты людей и имущества, объявляют конфискации. Нагло пользуясь покровительством королевских чиновников, подданные Капетингов вели себя в Гиени как в завоеванной стране. Упоминался случай, уже давний, когда группа нормандских купцов, недовольная оказанным в Гаскони приемом, подступила с оружием под стены Сента, оскорбляя английского сенешаля и грозя разграбить город. Если верить спискам жалоб, периодически составлявшимся сувереном Плантагенетом, которого подобное обилие дерзостей выводило из себя, французские сержанты являлись в аквитанский Ажене и спрашивали жителей: «Кому вы повинуетесь, королю Франции или королю Англии?» Тех, кто отвечал, как велел ему долг верности по отношению к герцогу Аквитанскому: «Королю Англии», тащили в капетингские суды, обвиняли в оскорблении величества и сурово наказывали. Когда в 1317 г. управление английского сенешаля в Сентонже дало повод для жалоб, Филипп V велел вызвать его на суд в Париж, а своему сенешалю Перигора приказал начать следствие. Эдуард II запретил своему служащему являться на вызов Капетинга: это было бы унижением его власти в Гиени. В свою очередь, французские чиновники во всеуслышание жаловались на помехи, которые чинили им люди английского короля в выполнении их законных миссий, в осуществлении законных прав их господина. Если верить им, сенешаль Гиени угрозами, шантажом, даже пытками вынуждал своих гасконских подданных отказываться от апелляций в парламент.

Иногда, испугавшись такого разгула вражды, оба суверена, погрязшие в своих темных феодальных делах, принимали решение покончить с недорассмотренными жалобами, поруча-

чив рассудить их смешанным комиссиям по расследованию. Но ни «процесс» в Монтрёе, начатый в 1311 г., ни «процесс» в Перигё, который было приказано открыть в 1316 г., не закончились полюбовным соглашением. Жалобы, которые разбирались на них, были неразрешимы, потому что неясным оставался сам принцип разбирательства. Французские чиновники считали, что вправе вести себя в Гиени как в других фьефах короны. Поэтому у людей Плантагенетов создавалось впечатление, частично оправданное, что их господина намерены лишить не только всякой реальной власти в герцогстве, но и самого фьефа, медленно и неуклонно узурпируя его права. Самая серьезная ошибка французов состояла в том, что они забывали: к королю Англии нельзя относиться как к обычному герцогу и пэру, неспособному вырваться из тисков, в которые его зажимают. Будучи у себя на острове сувереном, Плантагенет не мог потерпеть, чтобы его притесняли в его французских фьефах; как король Англии он вправе был заключать внешние союзы, направленные против Франции, не нарушая при этом вассального долга по отношению к Капетингу. Именно так произошло в 1297 г., когда, чтобы не допустить конфискации Аквитании, Эдуард I, уверенный в поддержке со стороны Фландрии, заключил союз с немецким владетельным князем Адольфом Нассауским и высадился в Нидерландах, готовый превратить феодальный конфликт в войну между народами.

Раздражение вассала проявлялось и в нарочитой медлительности, с какой он выполнял свой вассальный долг, в оговорках, которыми он намеренно обставлял свой оммаж. В июне 1286 г. Эдуард I принес оммаж Филиппу Красивому только на условии, чтобы были точно оговорены права короля Англии на аквитанских землях, которые еще удерживал французский король. В 1303 г., сославшись на затруднения в шотландских делах, он не отозвался на приглашение приехать и получить инвеституру на свой возвращенный фьеф; позже он отправил принца Уэльского в Амьен в сентябре 1304 г. выполнить за него эту формальность. Став в свою очередь королем, Эдуард II охотно принес новый оммаж, приехав в 1308 г. в Булонь за своей невестой Изабеллой Французской;

но борьба с баронами не позволила ему, как он намеревался, прибыть к Людовику X, чтобы подтвердить свою верность. А когда брату наследовал Филипп V, пришлось послать несколько напоминаний и ждать два с половиной года, чтобы в июне 1319 г. Эдуард прислал доверенных лиц для принесения оммажа от его имени. А если через год он повторил эту церемонию лично, то лишь потому, что легитимный сюзерен выставил это требование как условие возвращения Понтье, занятого три года назад капетингскими агентами в возмещение урона, по которому подали иск нормандские купцы на своих английских или аквитанских конкурентов. Такая же комедия была разыграна и при вступлении на престол Карла IV. Через полтора года ожидания ко двору Плантагенета прибыло французское посольство с требованием оммажа; Эдуард II уклонился — сначала под предлогом, что напоминание следовало направить ему в аквитанский фьеф, а не в Лондон, где его сюзерену делать нечего, а потом ссылаясь на внутренние трудности, на истинную или вымышленную болезнь — лишь бы отсрочить принесение оммажа, которое так и не состоялось к тому времени, когда дело дошло до разрыва.

Ведь постоянно тлеющий конфликт иногда вырождался в открытую войну. Ее начинал не оскорбленный вассал, хотя он мог бы, сославшись на притеснения, бросить вызов сюзерену, и это выглядело бы вполне оправданным. Ее инициатива исходила от короля Франции, добивавшегося от своего суда заявления о непокорности герцога Аквитанского и вынесения против последнего в правильной и надлежащей форме приговора о конфискации, который королевские войска и отправлялись приводить в исполнение. Недобросовестность Филиппа Красивого в первом из этих конфликтов бросалась в глаза. В Байонне повздорили французы и гасконцы; в отместку байоннские моряки напали на Ла-Рошель. Французский король сразу же потребовал от наместника Плантагенета в Бордо выдать ему виновных, «чтобы они были наказаны, как повелевает разум и требует закон». Поскольку сюзерен счел, что этот приказ был выполнен недостаточно быстро и недостаточно полно, сенешалю Перигора было поручено занять весь фьеф; но ему это не позволили, применив воору-

женную силу. Тогда Филипп вызвал Эдуарда I на свой суд. Напрасно за того по его просьбе ходатайствовали друзья; напрасно он предложил в залог своей доброй воли основные крепости аквитанской границы. Филипп крепости принял и возобновил войну, вести которую ему стало легче. Что им двигало? Точно не известно. Если он хотел не допустить англо-фламандского союза против себя, который уже втихомолку формировался, то его грубая интервенция лишь ускорила заключение этого союза. Если он хотел принудить аквитанского вассала к повиновению, хватило бы и одной угрозы. Он так основательно ввязался в войну, как будто хотел изгнать Плантагенетов из их французских фьефов; но дальнейшее его поведение показывает, что ни к чему подобному он не стремился. Через тридцать лет его сын Карл IV выкажет такую же грубость после инцидента в Сен-Сардо в ноябре 1323 г. В отместку за разрушение французской крепости войска короля напали на английский замок Монпеза; их разбили и потребовали выкупа за пленных. Напрасно Эдуард II отмежевался от своих гасконских подданных, считая их рвение чрезмерным, предлагая переговоры, обещая возместить убытки. Не желая внимать разумным доводам, Карл IV в июле 1324 г. конфисковал фьеф своего зятя.

Дважды завоевать его оказалось легко. Карлу Валуа хватило трех летних кампаний 1294, 1295 и 1296 гг., чтобы занять всю территорию Аквитании. В 1324 г. приведение приговора в исполнение снова было поручено постаревшему Карлу Валуа; падение крепости Ла-Реоль принудило почти все герцогство изъявить покорность, англо-гасконцы еще держались только в Бордо, Байонне, Сен-Севере и нескольких менее значительных замках. Однако оба раза, почти приблизившись к цели, король Франции выпускал добычу из рук. В 1297 г., несомненно обеспокоенный фламандским восстанием, Филипп Красивый согласился на папское посредничество; решение Бонифация VIII как третейского судьи, принятое королем без спора и утвержденное договором в Монтрее в июне 1299 г., предусматривало возврат Эдуарду I его фьефов. Разве подписал бы король такой мир, если бы он действительно хотел аннексировать земли и включить их в домен?

Точно так же повел себя и Карл IV в мае 1325 г., снова согласившись вернуть фьефы по просьбе папы Иоанна XXII и королевы Англии, сестры французского короля.

Итак, в обоих случаях конфискация была только средством нажима, грубым, но эффективным, позволявшим принудить строптивого вассала к повиновению. Королю Франции достаточно было того, что он, прибегая к силе, подтверждал свои права на герцогство как сюзерен. Лишение вассала наследства в его планы не входило. Но эти конфликты порождали опасность, которую ясно не предвидели ни Филипп Красивый, ни Карл IV. У капетингских советников создалось обманчивое впечатление, что конфискации — дело легкое и повторять их можно до бесконечности, чтобы крепче сжимать Гиень в своих объятиях. Но если реакция Эдуарда I была медленной и запоздалой, так это потому, что всю его энергию поглощала война с Шотландией; пассивность его сына Эдуарда II легко объясняется анархией, в пучину которой погрузила королевство его безумная политика. Нельзя было рассчитывать, что так будет всегда. В какой-то момент Плантагенеты, решив, что у французского короля нет иной цели, кроме как лишить их фьефа, могли бросить все силы своего островного королевства на защиту Гиени, оказавшейся под угрозой. Тем более что теперь они могли рассчитывать на горячую поддержку своих гасконских подданных. Не терпящие никакой власти, те в свое время поощряли произвол капетингских чиновников, лишь бы насолить агентам Эдуарда I, которых ненавидели за мелочную требовательность. Но опыт двух французских оккупаций показал им, что есть властитель куда более деспотичный, чем далекий король Англии. Гасконский партикуляризм в то время был и будет еще века полтора непримиримо враждебен ко всему, что исходило из Парижа; воинственная знать Гаскони, ее алчные авантюристы в предстоящих битвах станут лучшими помощниками и самыми надежными союзниками Плантагенетов в боевых действиях на континенте.

Поглощение фьефа королевским доменом сняло бы аквитанскую проблему. Но если французские короли не желали и не осмеливались удалять эту проблему хирургическим пу-

тем, как они представляли себе возврат к нормальным и жизнеспособным связям между ними и их английским вассалом? Они видели два возможных решения и считали их достаточными, не видя их слабостей. Прежде всего укрепление семейных связей — средство, неизменно употреблявшееся в те времена для прекращения династических распрей. Бонифаций VIII как третейский судья в 1298 г. отстаивал идею двух брачных союзов, которые еще до разрыва предлагал Эдуард I и на которые Филипп Красивый теперь спешно согласился. Король Англии, овдовев после смерти Элеоноры Кастильской, в 1299 г. женился на сестре французского короля, которой приходился двоюродным дядей; в то же время его старший сын был помолвлен с дочерью капетингского суверена — Изабеллой, которая станет женой Эдуарда II в 1308 г. Бессмысленно было бы упрекать инициаторов последнего брака в том, что из-за них Эдуард III в будущем сможет претендовать на французскую корону. У Филиппа было три здоровых и красивых сына, и никто не мог предвидеть, что они не оставят мужского потомства. Однако, сделавшись шурином последних Капетингов, Эдуард II не стал ладить с ними лучше, как показал случай Сен-Сардо. Проблема в целом заключалась в том, что для короля Англии было невыносимо оставаться вассалом французского короля и терпеть все унижения, какие предполагала эта зависимость, после того как капетингская политика ужесточила вассальный долг и обязанности. Эту трудность он мог бы преодолеть, сделав Аквитанию фьефом одного из сыновей, который, будучи не столь могущественным, легче переносил бы положение вассала. Но Эдуард I, уже управлявший Аквитанией при жизни отца, все-таки не рискнул отдать ее сыну, которому не доверял. Эдуард II в 1325 г. по предложению королевы Изабеллы, лица заинтересованного, согласился отказаться от этого фьефа в пользу наследника. Карл IV с удовольствием одобрил эту передачу при условии выплаты рельефа¹ в 60 000 ливров и 10 сентяб-

¹ Рельеф — денежная сумма, которую вассал передавал сеньору при вступлении в наследство над ленным владением. Обычно равнялась годовому доходу с лена (*прим. ред.*).

ря дал юному принцу инвеституру на Аквитанию и Понтье. Это было бы окончательным решением проблемы, если бы речь шла о младшем сыне, который мог основать в Бордо герцогскую династию, независимую от английской короны. Однако герцогом стал наследник престола, и это значило лишь одно — проблема снята временно. Фактически такое положение продлится всего несколько месяцев.

Когда в начале 1326 г. Эдуард II, чтобы наказать неверную и беглую жену, приказал конфисковать ее английские владения и объявил ее повинной в измене, ту же немилость он распространил и на юного принца, которого Изабелла держала при себе; королевские чиновники взяли управление Аквитанией в свои руки, пока новоиспеченный герцог не покорится. Карл IV, уже начавший выводить войска из Гиени, велел снова оккупировать ее. Через год Эдуард III стал королем. 31 марта 1327 г. он заключил со своим французским дядей «окончательный мир». В соответствии с ним капетингский суверен возвращал герцогство и амнистировал всех гасконских «мятежников», кроме восьми баронов, которые следовало изгнать, а их замки снести. Взамен вассал обязывался выплатить, кроме рельефа в 60 000 ливров, обещанного в 1325 г., репарации в 50 000 ливров. Но вывод войск был отложен до выплаты этих денег. Капетинги, уже с давних пор вновь утвердившиеся в Лимузене, в Перигоре, в Керси, удерживали в своих руках Ажене, а также Базаде за Гаронной. Сфера английского владычества сократилась до участка морского побережья между устьем Шаранты и Пиренеями и не заходила далеко в глубь континента. Так обстояли дела, когда в свою очередь умер Карл IV. Поскольку, несмотря на официальное заключение мира, французская оккупация продолжалась, французские чиновники преследовали амнистированных мятежников, а примиренный, но не восстановленный в правах вассал испытывал тысячу унижений — все это питало дух ненависти, который мог и должен был породить войну.

IV

НАСЛЕДОВАНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ТРОНА

Много раз, почти во всех учебниках, говорилось: Столетняя война была развязана потому, что с вступлением на престол династии Валуа Эдуард III в силу прав, полученных от матери, стал претендовать на корону Франции. В результате продолжительный конфликт, столкнувший две монархии, как в основе, так и в развитии приобретает черты по сути династической распри. Это самое ложное представление, какое только возможно. Повторюсь еще раз: эту ошибку давно раскрыли лучшие историки, занимавшиеся изучением этой каверзной проблемы. На сегодняшний день с лихвой хватает доказательств, что главную причину конфликта следует искать в остром вопросе Гиени, который мы только что подробно рассмотрели. Именно потому, что Филиппу Валуа не лучше, чем его предшественникам, удалось успокоить тревогу и озлобление своего аквитанского вассала, дело и дошло до разрыва; именно произведя конфискацию Гиени, третью меньше чем за сорок лет, в мае 1337 г., французский король и дал повод к войне. Будучи по происхождению феодальным конфликтом, Столетняя война останется им почти до конца XIV в., то есть до восхождения Ланкастеров на английский трон. Династический вопрос, возникающий в это же время, долго будет оставаться на втором плане. Ведь именно в ответ на конфискацию своего фьефа оскорбленный вассал додумается выдвинуть претензию на корону Франции, тем самым показывая, что право на его стороне. Но он легко оставит эти династические амбиции, как только Валуа, побежденные на поле боя, дадут ему территориальные компенсации и гарантии суверенитета в Аквитании, которые сделают Плантаге-

нета равным королю Франции, а не вассалом последнего. Тем не менее, пусть косвенно, династический вопрос обострял и усложнял конфликт. Это он в конечном счете, с приходом Генриха V Ланкастера, станет важнее феодального вопроса — наследия отдаленного и теперь отжившего прошлого. Поэтому важно знать, в какой форме была поставлена и разрешена в первой трети XIV в. проблема наследования французского трона.

Когда 5 июня 1316 г. после короткого полугодового царствования преждевременно умер старший сын Филиппа Красивого, Людовик X, никакое наследственное право не позволяло однозначно указать того, кому достанется корона Франции. В том, что она должна передаваться по наследству, ни у кого сомнений не было. За два века первым Капетингам удалось утвердить ее наследование таким способом: король при жизни заставлял избрать соправителем и короновать старшего сына, который впоследствии и наследовал трон, уже не обращаясь к баронам. Благодаря этому приему принцип наследования так прочно вошел в обычай — а обычай для людей средневековья был высшим законом, — что Филипп Август в начале XIII в. не считал полезным, пока жив, привлекать к управлению наследника, которому, впрочем, не доверял. Людовик VIII, а после него Людовик Святой, потом Филипп III, потом Филипп Красивый и, наконец, Людовик X — каждый принимал власть после смерти предыдущего суверена, и ни разу это их право никто не оспаривал; особенно примечателен случай, когда после смерти Людовика VIII наследником остался маленький мальчик. Но по уникальному в истории счастливому стечению обстоятельств каждый король в долгой цепочке, от Гуго Капета на исходе X в. до Филиппа Красивого на заре XIV в., всегда, в каждом поколении, оставлял одного или нескольких сыновей, способных ему наследовать. Мужское наследование стало фактом; в законах о нем ничего не говорилось, еще не было прецедента, который бы позволил четко сформулировать правило. Сами короли постоянно уклонялись от этого по сути очень простого дела — определить указом, кому в будущем достанется их наследие.

Если бы представилась возможность, очень похоже, что все бы боролись как раз за право наследования по женской линии — за неимением наследника мужского пола. Знаменитый салический закон¹, в котором легисты Валуа, и то очень поздно — только при Карле V, откапывают давно забытые статьи для подкрепления юридических позиций своих хозяев, был не более чем музейным экспонатом, давно утратившим силу, и насчет этого никто не заблуждался. Зато в обычаях всех провинций Французского королевства закон о женском наследовании в отсутствие прямого наследника мужского пола утвердился настолько, что пришлось измыслить множество изощренных приемов, чтобы владелицы фьефов, попавших в женские руки, предоставляли сеньору воинов для несения службы, которой требовало феодальное право. А юридическая мысль времен феодализма не делала различий между законами частного и государственного права. Для большинства подданных и для самих суверенов государство было таким же наследием, как всякое другое, к которому относились те же законы и те же обычаи. Настояв на обратном, юристы короны, глубоко усвоившие римское право, введут в обычай новшество, к великому возмущению современников. С другой стороны, делая это, они поставят авторитетную французскую монархию выше всех прочих королевств, вознесут ее над коронами своего времени. Поскольку французская корона, по их мнению, — слишком выдающееся достояние и дает слишком значительную власть, чтобы принадлежать обычной женщине, эта корона ставится на один уровень с короной императора и папской тиарой, которые также могли достаться лишь мужчинам, хотя императора и папу избирали. Во всех остальных местах короны, став наследственными, подчинялись тем же законам наследования, что и частные владения, то есть могли передаваться женщинам, — как в Англии и в Шотландии, так и в Португалии, в Наварре, в Кастилии

¹ Салический закон — закон, отрицавший право женщин наследовать фьеф. Был создан юристами XIV в. на основе главы № 62 («Об аллодах») Салической правды — свода франкских законов, записанных в конце V — начале VI вв. (*прим. ред.*).

или в Арагоне, на Сицилии, равно как в Польше и Венгрии. Чтобы во Франции приняли иной закон, мало было заявить о таком превосходстве этого королевства над всеми остальными, пока его признавал лишь узкий круг оплачиваемых легионов; нужно было и особое стечение обстоятельств, которое нам предстоит рассмотреть.

Из долгого ряда капетингских королей Людовик X первым не оставил сыновей. От первой жены, Маргариты Бургундской, трагически исчезнувшей из мира после безобразного скандала в 1314 г.¹, который затронул всех трех невесток Филиппа Красивого, у него была дочь Жанна, в 1316 г. еще несовершеннолетняя; однако коль скоро мать ее обвинили в беспутстве, ее легитимность могла быть оспорена. Вторая его жена, Клеменция Венгерская, была беременной, когда овдовела раньше времени. Если она родит сына, младенец станет королем — в этом никто не сомневался. Если это будет дочь, невозможно предвидеть, какое мнение в конечном счете одержит верх. В ожидании родов было решено установить регентство, на которое могли претендовать либо Карл Валуа, дядя последнего короля по отцу и старший из принцев крови, либо герцог Эд IV Бургундский, дядя Людовика по матери и официальный опекун юной Жанны Французской. Но оба этих кандидата пропустили вперед второго сына Филиппа Красивого, брата покойного короля — Филиппа, графа Пуатевинского, единственного из последних Капетингов, кто как будто обладал энергичным характером и чертами выдающейся личности; он захватил пост регента обоих королевств, Франции и Наварры, наследие его покойного брата от отца и матери, купил у нуждающегося Карла Валуа согласие снять кандидатуру за обещание денежной компенсации и, наконец, успокоил тревоги Эда Бургундского, подписав с ним соглашение, гарантировавшее до еще далекого совершеннолетия права его подопечной на то и другое наследство. Став фактически пол-

¹ Маргарита Бургундская и Бланка, супруга младшего сына Филиппа IV, тайно изменяли своим мужьям с придворными. В 1314 г. об их связи стало известно и принцессы были осуждены на пожизненное тюремное заключение (*прим. ред.*).

новластным правителем, граф Пуатевинский уже более чем наполовину выиграл партию. Пять месяцев регентства, которого никто не оспаривал, закончились 13 ноября 1316 г. родами королевы, которая произвела на свет сына. Ребенок стал бы королем — и действительно многие генеалогии внесли его для порядка в список суверенов Франции под именем Иоанна I Посмертного — если бы не умер пяти дней от роду. Это неожиданное событие привело сторонников Жанны в замешательство. Тем не менее многие считали, что девочка в конечном счете должна наследовать отцу. Но они не были готовы с оружием в руках преградить дорогу властолюбивому регенту. Так, когда Филипп потребовал корону, в рядах баронов обнаружились несогласные — крупнейшие из феодалов выражали возмущение, что с королевством собираются поступить наперекор обычаям, которые были законами для их фьефов. С помощью темных сделок, подробности которых нам неизвестны, регенту удалось поочередно преодолеть все препятствия; он заставил замолчать сначала Карла Валуа, а главное — своего младшего брата Карла, графа Маршского, выказавшего себя сколь рьяным, столь и шумным защитником прав племянницы. Наконец, 9 января 1317 г. Филипп V организовал свою коронацию в Реймсе. Но большинство из светских пэров — герцоги Бретонский, Гиенский, Бургундский и граф Фландрский — воздержались от появления на традиционной церемонии, словно лишь скрепя сердце приняли свершившийся факт. Рядом с новым королем увидели лишь двух пэров Франции, позже всех ставших таковыми: его дядю Карла Валуа и его тещу Маго д'Артуа.

Чтобы укрепить свою очевидно шаткую власть и свою сомнительную легитимность, новый король потребовал ее одобрения со стороны собрания нотаблей, созванного в Париже на ближайшее Сретение (2 февраля). Прелаты и бароны, к которым добавились буржуа крупнейших городов и доктора Парижского университета, не могли, естественно, выступить против коронованного короля. Какие аргументы приводились, чтобы убедить их? Нам об этом не сообщили. Во всяком случае, они заявили, дабы узаконить откровенную узурпацию графа Пуатевинского, что «женщина не наследует ко-

ролевскую власть во Франции». Тем самым устанавливалось правило, чтобы больше к этому вопросу не возвращаться. Добавим, что, как откровенно неблагодарный дядя, Филипп ожесточенно оспаривал у своей племянницы наследство, которое должно было ей достаться от ее бабушки Жанны Шампанской, а именно королевство Наварру и графства Шампань и Бри. Он, правда, признал за ней Наварру; но в ожидании ее совершеннолетия — ей было только семь лет — забрал себе и сохранил на все царствование титул короля Наваррского и управление пиренейским королевством; что касается Шампани, ее он придержал, обещая территориальные или денежные компенсации. У шампанской знати это вызвало «потрясение»: разъяренные откровенным грабежом, жертвой которого сделалась их законная графиня, они попытались — но тщетно — сбросить иго узурпатора. Заметим, что вся эта борьба велась только между Жанной и ее дядей Филиппом; ни разу в нее не вмешались другие возможные претенденты, чьи права в данном случае были бы очень слабыми. Конечно, Королевский совет Англии собрался было предъявить возможные права королевы Изабеллы, сестры Людовика X и Филиппа V; но дальше он не пошел, и Эдуард II признал нового короля, извинившись, что не может присутствовать на его коронации.

Ситуация 1316–1317 гг. создала такой прецедент в этих делах, что, когда после пяти лет царствования Филипп V Длинный в свою очередь 2 января 1322 г. умер, оставив только четырех дочерей от своей жены Жанны, дочери графа Бургундского, его младший брат Карл Маршский, тот самый, что некогда яростнее всех протестовал против лишения дочери Людовика X наследства, грубо отстранил всех своих племянниц и стал королем Карлом IV Красивым. Похоже, на этот раз никто не протестовал.

Но, равно как и двум предыдущим, царствованию Карла IV не было суждено долгое и блистательное будущее. 1 февраля 1328 г. в возрасте тридцати трех лет умер и последний Капетинг. Он был женат трижды: сначала на Бланке Бургундской, с которой развелся, заточив ее в монастырь, после скандала, о котором мы уже упоминали; потом на Марии Люксембургской, оставившей ему малолетнюю дочь, и наконец на

своей двоюродной сестре Жанне д'Эврё, которая также была беременна в момент, когда преждевременная смерть короля сделала ее вдовой. Через одиннадцать с половиной лет вновь возникла ситуация, идентичная той, что позволила Филиппу V стать регентом, а потом и королем. На этот раз как будто на регентство могли претендовать три кандидата. Прежде всего молодой Филипп д'Эврё, в пользу которого говорили три обстоятельства: он был двоюродным братом трех последних королей и сыном Людовика д'Эврё, младшего и единокровного брата Филиппа Красивого; потом он был женат на Жанне Французской, дочери Людовика X, которую уже одиннадцать лет не подпускали к трону; и наконец, он был шурином последнего короля и, следовательно, естественным советчиком своей сестры Жанны и официальным опекуном ребенка, которого она вынашивала. Но из-за юного возраста, политической неопытности и бесцветного, как у отца, характера он не сумел ни настоять на своих правах, ни провести свою кандидатуру. Далее можно было думать об английском короле Эдуарде III, ближайшем кровном родственнике последних суверенов — сыне их сестры Изабеллы. Но он был далеко и не мог вовремя предъявить своих прав; он также был молод; можно ли было всерьез думать о том, чтобы доверить регентство над великим Французским королевством юнцу семнадцати лет, который на своем английском острове беспрекословно сносил мелочную и унижительную опеку своей матери, отвратительной «мегеры» с этого берега Ла-Манша? Наконец оставался Филипп Валуа. Его права как двоюродного брата покойных суверенов имели первенство над правами Филиппа д'Эврё; на него падал отблеск престижа отца — Карла Валуа, о котором скажут, что он был «сыном короля, братом короля, дядей трех королей и отцом короля, но никогда королем», и который до самой, довольно ранней, смерти в декабре 1325 г. оказывал весомое влияние на политику племянников. Конечно, этот кандидат хотя и был человеком бывалым — ему было почти тридцать пять лет, — но еще не показал, на что способен. Сначала он стал графом Мена — этот апанаж достался ему в наследство от матери, а потом, после 1326 г. — графом Анжуйским и Валуа; его знали как

авантюриста, вроде его отца, и любителя дальних походов. Однако единственная его экспедиция — в Италию, куда он направился на помощь ломбардским городам, восставшим против Висконти, — имела не очень славный исход: рыцарственный принц просто-напросто пошел на то, чтобы купить успешное, но позорное отступление. Впрочем, сурово к нему не отнеслись: ведь собрание баронов, куда на сей раз не пригласили ни представителей городов, ни докторов университета, доверило сыну Карла Валуа регентство над королевством Францией, а сверх того и над королевством Наваррой, на которую он не имел никаких прав.

Через два месяца, 1 апреля 1328 г., королева Жанна д'Эврё разродилась дочерью. Даже речи не было о том, чтобы оставить корону этому младенцу, потому что в аналогичных обстоятельствах уже последовательно отстранили сначала дочь Людовика X, а потом дочерей Филиппа V. Но из бывших кандидатов в регенты двое теперь могли претендовать на трон с видимостью полного права и бороться за власть в королевстве как мужчины — наследники Капетингов. Как племянник последних королей и их родственник в третьем колене Эдуард III Английский был ближе к ним, чем граф Валуа, всего только двоюродный брат, а значит, родственник в четвертом колене. В пользу Филиппа можно было привести довод, что он был родственником полностью по мужской линии, а в линии Плантагенета была одна женщина — его мать Изабелла Французская. Будучи отстранена от наследования одновременно с племянницами по причине своего пола, могла ли королева Англии льстить себя надеждой передать сыну права, которыми не смогла воспользоваться сама? Юристы французской короны будут это отрицать, и в этом будет логика; английские юристы, менее последовательные, будут это утверждать, но эта правовая проблема, возникая вновь и вновь, так и не сможет найти разрешения ни в пользу одних, ни в пользу других, пока будут опираться на прецеденты.

Хотелось бы знать подробности дискуссий, несомненно, очень кратких, на собрании баронов, которое на следующий день после родов Жанны д'Эврё регент созвал в Венсеннском замке. Вероятно, в том, что все выступили за графа Ва-

ду, определяющую роль сыграли не столько юридические аргументы, выдвинутые защитниками обоих вариантов, сколько оппортунистические соображения. Филипп уже скоро два месяца, к общему удовлетворению, обладал реальной властью; в качестве регента он лично председательствовал на заседаниях этого большого расширенного совета, который должен был назначить суверена; можно ли было без риска отвести его кандидатуру, отдав предпочтение отсутствующему человеку? В отличие от него, Эдуард III был не то чтобы иностранцем, как слишком часто говорят, — разве можно было назвать в современном смысле слова «иностранцем» принца, который был французом по языку и воспитанию, сыном французской принцессы, пэром Франции, герцогом Гиенским и графом Понтье, супругом дочери графа Эно, в свою очередь приходившейся племянницей Филиппу Валуа? — но Плантагенетом, то есть королем Англии и непокорным вассалом, находящимся в постоянном конфликте с сюзереном, вассалом, чьи слишком частые «мятежи» за последние тридцать лет дважды вынуждали сюзерена конфисковать аквитанский фьеф, что вызвало два вооруженных конфликта. Последняя из этих войн, недавно угасшая, еще была жива у всех в памяти. В 1325 г. этого подростка, которого таскала за собой мать, видели при французском дворе; особое отвращение вызывали манеры этой злой и бесстыдной женщины, ее склонность к злословию, откровенность ее связи с Мортимером; здесь помнили, что Карл IV изгнал ее от двора. Поскольку она все еще была известна как всесильная правительница Англии, французские бароны опасались: если они выскажутся за ее сына, не поселит ли он на неопределенное время в Париже эту высокомерную принцессу вместе с ее иностранной кликой?

Как и собрание в феврале 1317 г., апрельское собрание 1328 г. скорее создало закон, чем нашло подходящий. Но если в 1317 г. в грубом отстранении дочери Людовика X многие увидели несправедливость, противную обычаю, то вердикт 1328 г., оказавший предпочтение графу Валуа перед слишком юным и слишком далеким королем Англии, был принят в Французском королевстве беспрекословно. Это было ло-

гическим следствием двух прецедентов, созданных Филиппом V и Карлом IV. На престол возводили принца не то чтобы очень популярного, но по крайней мере известного при дворе и пользовавшегося симпатиями знати. Позже фламандцы, восплавав непримиримой ненавистью к Филиппу VI за то, что он будет их сурово карать, дадут ему прозвище «король-подкидыш». Однако эту презрительную кличку, слишком часто повторяемую современными историками, весной 1328 г. еще рано относить к единодушно избранному преемнику последнего Капетинга. Новое царствование начиналось при самых счастливых предзнаменованиях, объединив значительные силы королевства с ресурсами апанажей Анжу и Валуа. Внутри страны не возникло никакого противодействия; можно было не опасаться никакой серьезной угрозы и извне, поскольку разочарованию молодого Эдуарда III как обойденного претендента не давали свободно выплеснуться внутренние проблемы Англии. Смена династии произошла без заговоров; на коронацию Филиппа съехались все вассалы, чтобы принести оммаж. Теперь, не беспокоясь за будущее, он мог силой ликвидировать права дочерей последних королей к выгоде для себя, а потом отправиться на войну с фламандскими коммунами. Конфликт обеих династий, который, как бы там ни было, предварялся восшествием Валуа на престол, еще не казался близким.

II
НАЧАЛО БОРЬБЫ
(1328–1340 гг.)

Вероятность разрыва, пока еще небольшая, тем не менее сохранялась. Породит ли восшествие Филиппа VI на французский трон династический конфликт Плантагенетов и Валуа, который, наложившись на болезненную феодальную проблему Аквитании, может спровоцировать войну между обеими великими монархиями христианского Запада, еще не полностью оправившимися после недавней распри? Сознвая серьезность этой проблемы, советники Филиппа сформулировали ее во всей грубой простоте: если Эдуард, герцог Гиенский и граф Понтье, согласится принести оммаж их повелителю за свои континентальные фьефы, значит, он признает легитимность новой династии и не будет претендовать на французский трон. Принудить Плантагенета к оммажу — такую цель поставили они перед собой, предполагая при необходимости прибегнуть и к политике устрашения, память о недавнем применении которой еще была свежа. Когда в 1331 г. они добились этой цели, казалось, новому королю Франции больше незачем опасаться слишком слабого по сравнению с ним соперника.

I

ОММАЖ ЭДУАРДА III

Понятно, что весть об избрании Филиппа баронами и пэрами Франции не вызвала радости при лондонском дворе. Для надменной Изабеллы и ее любовника Мортимера Филипп был, как его позже прозовут фламандцы, «королем-подкидышем», узурпатором престола, по праву причитавшегося юному Эдуарду III. Совет в столице Плантагенетов отказался признать свершившийся факт и решил заявить о правах своего государя. Но последнему не доставало сил, чтобы с легким сердцем идти на вооруженный конфликт. Поэтому он был вынужден избрать выжидательную политику, которая позволила «узурпатору» беспрепятственно утвердиться. Лондон рассчитывал, что смена династии вызовет во Франции несогласие и волнения. Надо было их дожидаться, а тогда уж попробовать воспользоваться ими. Английские чиновники в Гиени получили приказ следить за эволюцией общественного мнения, по возможности возбуждать его против нового короля и быть готовыми вмешаться в случае малейших проявлений недовольства. Но ничего так и не произошло. Более чем за два месяца пребывания у власти Филипп не обнаружил никого, кто усомнился бы в его правах на престол. Он мог совершенно безнаказанно принести в жертву удовлетворенному общественному мнению несколько особо ненавистных финансовых чиновников — такие процессы стали как бы обязательным атрибутом начала каждого нового царствования — и созвать всех вассалов на свое помазание. Эта церемония, состоявшаяся 29 мая 1328 г. в Реймсе, показала всю спокойную мощь его власти. Принести ему оммаж приехали все владельцы фьефов, больших и малых. Отстраненные от наследования короны дочери последних Капетингов

получили только скудные компенсации. Самой опасной была Жанна, дочь Людовика X и жена его кузена Филиппа д'Эврё, после смерти отца выдвинувшая претензии на Наварру и Шампань — наследство жены Филиппа Красивого, земли, где возможность наследования по женской линии установилась прочно. Первым отеснил свою племянницу от престола Филипп V в соответствии с соглашением, которое в 1318 г. заключил с опекуном юной принцессы, герцогом Эдом IV Бургундским; он удерживал все наследство в обмен на обещание 15 000 ливров ренты с графств Ангулем, Мортен и Кутанс и выплату 50 000 ливров наличными. Карл IV, вопреки оговоренному в этом соглашении, поступил так же; намного позже, в последние месяцы царствования, он пообещал дополнительную компенсацию в 20 000 ливров. Филипп VI, хотя не имел на это наследство никаких прав, основную его часть присвоил. Сразу после своего помазания он оставил Жанне и ее мужу королевство Наварру, где более чем на век утвердятся эта младшая ветвь королевского дома Франции, но взял себе Шампань и Бри взамен за уступку графств Ангулем и Мортен, хоть и обладавших меньшей ценностью. Дочери Филиппа V могли рассчитывать на то, что со смертью матери получают графство Бургундское. Наследница Карла IV, как и вдова последнего, юная Жанна д'Эврё — которой предстояло в статусе вдовы прожить еще почти полвека, — получили иллюзорные компенсации, еще менее существенные. Никто не выразил протеста против этих сделок, выгодных для французской короны.

Более того, начало царствования было отмечено громким военным успехом. Несколько лет назад крупный фьеф Фландрия, к которому последние Капетинги были столь суровы в своей политике, снова забурлил. Конечно, верность графа на сей раз была вне подозрений. Ги де Дампьерр и Роберт Бетюнский уже почувствовали на собственной шкуре, что значит бунтовать против слишком сильного сюзерена¹. Но фла-

¹ Ги де Дампьерр — граф Фландрии в 1280–1305 гг. Заключил в 1292 г. союз с Англией, направленный против французской короны. В ходе затянувшейся войны с королем Филиппом IV граф Ги неоднократно попадал в плен к французам и умер в заключении,

мандское население, особенно во фламандскоязычных и промышленных провинциях Севера и Запада, разозленное тяжелыми военными налогами, которые оно было обязано платить королю, а также ощущавшее угрозу процветанию своих ремесел, вновь поднялось сразу и против монаршей власти, и против графа, союзника короля. Принявшее опасные масштабы восстание в сельских местностях, начавшееся в 1322 г., было, несомненно, вызвано раздражением мелких суконных центров против драконовской регламентации, которой их связывали крупные города. Скоро к движению примкнули и городские ремесленники, весьма косо смотревшие на новое усиление патрициев. Филипп по призыву своего вассала¹ решил пойти покарать бунтовщиков и заодно отомстить за обиду, которую в 1302 г. нанесли французам отряды коммун, разгромившие французское рыцарство при Куртре. Последнему из «остов» Фландрии предстояло прославиться больше всех и достойно увенчать политику, неуклонно проводившуюся более тридцати лет. В июле 1328 г. на поле битвы под Касселем, битвы, ставшей достойным ответом на ту, в которой потерпели поражение «золотые шпоры», натиск вассалов Филиппа VI сломил сопротивление фламандских ремесленников, и тех сурово принудили подчиниться.

Что мог сделать слабый Эдуард III против короля, дебютировавшего под столь счастливой звездой? Сразу же после помазания в Реймсе в Париж прибыли два английских епископа, чтобы заявить советникам суверена Валуа о правах своего повелителя на французскую корону и выразить протест против узурпации, совершенной Филиппом. Протест «дипло-

а Фландрия неоднократно оккупировалась королевскими войсками; Роберт Бетюнский — сын Ги де Дампьерра, граф Фландрии в 1305—1322 гг., боролся с французской короной, но проиграл и был вынужден по договору 1320 г. уступить в королевский домен часть своего графства (*прим. ред.*).

¹ Людовика I Неверского, внука Роберта Бетюнского, графа Фландрии в 1322—1346 гг. Верный сторонник французских королей, он пытался бороться с восставшими жителями приморской Фландрии и горожанами Брюгге, попал к ним в плен в 1325 г. После этого призвал Филиппа IV на помощь (*прим. ред.*).

матическими средствами», как мы бы сказали сейчас. И мы знаем, чего он стоит, когда не опирается на силу. Его никто не принимает всерьез. Но, вернувшись из фландрского похода, Филипп почувствовал, что у него хватает сил, чтобы в свою очередь начать действовать. Из всех вассалов один герцог Гиенский до сих пор не спешил приносить ему оммажа. Нужно было его к этому принудить. Пьер Роже, аббат Фекана (позже ставший папой под именем Климента VI), был послан в Лондон с миссией строго предупредить строптивного вассала. В лице английского короля он встретил противника, попавшего в затруднительное положение, — слишком слабого, чтобы дать решительный отказ, рискуя нарваться на войну, и в то же время мало склонного уступать ультиматуму: это было бы равносильно безнадежному отказу от прав, которых он не может защитить с оружием в руках. Изабелла, столь же мало стесненная в речах, как и в поведении, якобы дерзко ответила послу, что ее сын никогда не принесет оммажа Валуа, потому что Эдуард — сын короля, а Филипп — всего лишь сын графа. Другие советники Плантагенета предпочитали давать ответы более неопределенные и уклончивые. Тогда Филипп VI решил принять энергичные меры. Верный традиции последних Капетингов, он через новое посольство передал королю Англии, что если тот пренебрежет принесением вассальной присяги и не ответит на второй вызов, он будет наказан за неявку «при помощи силы и закона». Угроза конфискации фьефа была ясной и отчетливой. Эдуард уступил. 14 апреля 1329 г. он написал французскому королю:

«Мой светлейший государь и сеньор, каковому я желаю всех успехов и всех благ: должен довести до сведения Вашего Величества, что издавна имел желание нанести Вам визит во Францию, дабы исполнить свой долг как подобает; но вследствие препон и затруднений, каковые осаждают меня в моем королевстве, о чем Вам должно быть ведомо, я до сего дня не мог исполнить оный замысел, давно задуманный. Как только явится такая возможность, с Божьей помощью я прибуду лично принести Вам оммаж, коим обязан».

Оставалось лишь выполнить это обещание. Меньше чем через два месяца, в начале июня, на хорах Амьенского собора,

среди турниров и празднеств, куда собрался цвет французского рыцарства и несколько суверенов, состоялась церемония оммажа. Правда, формула присяги, на которой в конечном счете остановились советники обоих королей, была несколько расплывчатой. Великий камергер Франции, обращаясь к коронованному вассалу, спросил: «Сир, становитесь ли вы человеком короля Франции за герцогство Гиень и все до него принадлежащее, признавая, что держите оное от него как герцог Гиенский и пэр Франции, сообразно тому, что вы и ваши предки, короли Англии и герцоги Гиенские, делали за то же герцогство для его предшественников, королей Франции?» Молодой английский король ответил «voïge», что значит «да», и вложил свои руки в руки Филиппа. Оммаж был принесен — первая победа дипломатии Валуа.

Правда, остальные причины англо-французских распрей остались нетронутыми; но, с точки зрения Франции, они больше не представляли серьезной опасности, будучи вновь низведены до уровня феодальной ссоры. Территориальные конфликты: где проходят точные границы Аквитанского герцогства, которые по недавнему договору 1327 г. было обещано восстановить прощеному вассалу? Торговые конфликты: как возмещать купцам обоих королевств убытки, понесенные из-за карательных мер после начала войны в 1324 г.? Наконец, финансовые конфликты: как рассчитывать и назначать репарации, предусмотренные последними договорами? В Амьене сюзерен и вассал обязались незамедлительно созвать совещания экспертов, чтобы урегулировать эти болезненные вопросы по всем спорным пунктам. Опять-таки верный капетингской политике, наследие которой он принял, новый французский король представлял себе мир между обоими королевствами только как укрепление тесных семейных связей между династиями. Он предполагал, что после устранения материальных проблем можно было бы заключить сразу два брака: один соединит брата Эдуарда с дочерью Филиппа, а второй — старшего сына последнего с сестрой короля Англии. Итак, полвека спустя словно ничего не изменилось по сравнению с отношениями Капетингов и Плантагенетов: оммаж, принесенный без энтузиазма и по двусмысленной формуле; бесконечные

распри по поводу границ герцогства, а сверху нависает постоянная угроза конфискации; брачные соглашения ради укрепления семейных связей между двумя царствующими фамилиями — все было в наличии.

На переговорах, которые вскоре начались, по сравнению с предшествующими годами прогресса почти не было. Англичане требовали возвращения аквитанских замков и территорий, незаконно занятых французскими гарнизонами, и полной амнистии для гасконской знати, сохранившей в последнем конфликте верность своему герцогу. Люди французского короля в свою очередь добивались выплаты 50 000 ливров компенсации, обещанной Эдуардом III в 1327 г., и рельефа в 60 000 марок, которого требовали еще в 1325 г., а также сноса замков тех изгнанников, которых Карл IV не простил. Тем не менее 8 мая 1330 г. соглашение в Венсеннском замке, ратифицированное обеими сторонами, предусматривало создание смешанных комиссий по расследованию, которые по всем спорным пунктам изучат тексты, опросят свидетелей и примут окончательное решение. Все это еще оставалось в рамках традиции.

Ситуация изменилась, когда новая инициатива французских юристов привела к внезапному повышению напряженности. Они вдруг заметили, что в принятом год назад оммаже формулировка недостаточно четкая. Но она была повторением, или почти повторением, причем даже дословным, текста присяги, которую приносили Генрих III в 1259 г., Эдуард I в 1274 г., Эдуард II в 1304, в 1308, в 1320 гг. и его сын в 1325 г. Английские короли пользовались ее двусмысленностью, чтобы иметь право считать, что связаны с сюзереном аквитанского фьефа только «простым» оммажем, обязательством довольно расплывчатого типа, не включающим никаких четких обязательств со стороны вассала. А другие крупные вассалы короны, особенно пэры Франции, напротив, были обязаны «тесным» оммажем, когда «верный» обязывался защищать своего сеньора «прежде всякого другого человека» и «от всех живущих и умирающих людей», а сверх того считал необходимым служить в осте за свой счет. Мало того, что это, видимо, вызвало предварительные дискуссии — 28 июля 1330 г.

Плантагенет был вызван на суд короля, чтобы уточнить формулировки своего оммажа и признать, что он имеет характер «тесного». Чего, собственно, хотели добиться советники Филиппа VI, выдвинув это неуместное требование? Может быть, выиграв первый тур в трудной борьбе на амьенской церемонии и почувствовав, что молодой герцог Гиенский не в состоянии эффективно противодействовать их юридическим доводам, наполненным угрозами, они надеялись, спровоцировав новый отказ раздраженного противника, произвести третью конфискацию аквитанского фьефа? Нам они не открыли своих намерений. Но такого не исключали англичане, которых эти махинации окончательно озлобили против въедливого и коварного сюзерена.

Равно как и в 1329 г., Эдуард был не в силах противостоять притязаниям Валуа. На его острове близились новые политические потрясения. Молодой суверен, которому уже исполнилось двадцать, находил опеку со стороны матери обременительной и тяжелой. Вызывающее возвышение Роджера Мортимера, три года бесславного правления восстановили баронов против клики, находящейся у власти. Недовольные подготовили заговор, во главе которого встал король. В ноябре 1330 г. Мортимер был арестован и казнен, а Изабелла выслана в удаленный замок. Но, будучи полностью поглощен подготовкой этого переворота и установлением своей личной власти, Эдуард был не в состоянии явиться по вызову чиновников Валуа. Сославшись на его отсутствие, они могли осуществить самые коварные судебные процедуры. Он опасался худшего для своих континентальных владений. Его инструкции своим чиновникам в Гиени рекомендовали оказывать отчаянное сопротивление, если вдруг король Франции захочет захватить герцогство вооруженной силой; но если он удовлетворится отправкой приставов и сержантов для исполнения приговоров своего суда, надо постараться не спровоцировать ни малейшего инцидента, «кротко терпеть, не говорить зря, не вступать в долгие споры и не оказывать сопротивления, чтобы козни века сего миновали нас».

Покорность аквитанских чиновников, смиренная позиция английских послов, явившихся отстаивать дело своего госпо-

дина, и особенно посредничество папы Иоанна XXII, ходатайствовавшего за короля Эдуарда, в конце концов смягчили недоверчивого сюзерена. Если раньше Филипп и имел намерение снова конфисковать Аквитанию, он не стал настаивать на осуществлении этого плана. Он удовлетворился заключенным в Париже 9 марта 1331 г. соглашением, освобождавшим английского короля от принесения нового оммажа, но взамен на письменное обязательство, которое бы давало противной стороне право считать, что амьенская церемония означает «тесный» оммаж. Через несколько недель, в апреле, в Пон-Сен-Максане произошла тайная встреча Эдуарда и Филиппа — последняя до развязывания вооруженного конфликта. Они еще раз выразили общее желание покончить с извечными аквитанскими проблемами, устранить разногласия, связанные с территориальными границами, с изгнанниками, с репарациями.

Таким образом, дипломатии Валуа, использовавшей все приемы последних Капетингов и прошедшей все пути, проторенные последними, не понадобилось и трех лет, чтобы добиться самой значительной дипломатической победы над гасконским вассалом. Казалось, амьенский оммаж и последующее заявление, приравнивавшее его к «тесному», навсегда исключили для Плантагенетов династические притязания. Потерпев поражение на всех стадиях этой упорной борьбы, Эдуард очутился в более униженном положении по отношению к сюзерену, чем когда-либо. Аквитания оставалась урезанной из-за частичной оккупации, ослабленной оттого, что французский монарх еще сильнее поработил ее герцога; угроза, два поколения нависающая над ней, стала еще отчетливей. Решительно царствование Валуа начиналось удачно.

II НА ПУТИ К РАЗРЫВУ

Через шесть лет от этой первой победы ничего не осталось. Мало того что, отказавшись от амьенской присяги, Эдуард вновь выдвинул притязания на французскую корону, но, чтобы не допустить новой конфискации, он еще и собрал против своего соперника самую огромную континентальную коалицию, на какую только Англия опиралась со времен Бувина¹. Подобная перемена требует объяснений. Теперь нам известны отдаленные причины войны, среди которых аквитанский вопрос — константа, а торговые или финансовые распри — вариации. Но причины непосредственные, те, которыми продиктованы решающие действия и определены роковые меры, можно выявить, лишь проанализировав эти решающие и смутные годы — 1331–1337-й. Ни один конфликт в истории не может стать неизбежным сам по себе: таковым его делает воля людей. Что же это за люди в данном случае?

Новейшие историки франко-английского конфликта, которых поражает ряд катастрофических промахов и оплошностей, за каких-то десять лет превративших французскую монархию из державы первого ранга в объект нападения, а вскоре и в побежденную страну, объясняли столь быстрый упадок

¹ Битва при Бувине (27 июля 1214 г.) — сражение, в котором войска французского короля Филиппа Августа наголову разбили коалицию германцев, фламандцев и англичан. Германский император Оттон Брауншвейгский бежал, граф Фландрии Ферран и предводитель англичан Уильям Солсбери попали в плен к французам. С битвы при Бувине начался стремительный рост гегемонии Франции в Европе, достигшей своего апогея в правление Людовика Святого (1226–1270 гг.) (*прим. ред.*).

бездарностью ее короля. Коренные причины они усматривали в полной противоположности характеров обоих властителей: с одной стороны — Эдуард III, политический гений, неистощимый создатель все новых комбинаций, но в то же время человек холодный и расчетливый, строящий дальние планы, знающий, куда он идет, чего хочет, который так же превосходит противника в сфере дипломатии, как и на поле боя; с другой — Филипп VI, полная его противоположность: прожектер и фанфарон, нестойкий, когда следовало бы твердо идти к цели, упрямый, когда нужно проявлять гибкость, вечно обманываемый более ловким соперником, неспособный использовать преимущества, пока еще есть время, и позволяющий втянуть себя в борьбу, к которой не сумел подготовиться. Оба эти портрета требуют некоторых корректировок. Речь, конечно, не о том, чтобы реабилитировать первого из Валуа. Даже современники, вроде хрониста Иоанна Красивого, терялись, не зная, что думать об этом монархе, смелом и рыцарственном, старающемся добиться беспрекословного подчинения королевской власти, которую он унаследовал, беспощадно осуществляющем «жесткое правосудие», — и в то же время напрочь забывающем о собственных интересах, едва его охватит страсть — месть или мелкое тщеславие. Его дипломатия движется рывками, будучи то слишком доверчивой, то более хитрой, чем надо бы. Но разве вина за это лежит на одном суверене? Может, у него были плохие советники, и притом это были те же люди, которые руководили политикой его предшественников? По отношению к Англии и аквитанскому фьефу бросается в глаза преемственность политики и идентичность методов Филиппа Валуа и Карла IV: бесконечное запугивание, хитрости, угрозы, придирки, преследующие цель согнуть и унижить строптивого вассала. До последнего времени эта игра приносила успех. Ведь почти двадцать лет Англия Эдуарда II, а после — Англия Изабеллы и Мортимера, погруженная в бездну анархии, в которой ее удерживали распри баронов с королевской властью, могла вести лишь политику, лишенную величия, потому что бессильную. Карл IV воспользовался этим, чтобы развязать войну из-за Сен-Сардо и придержать для себя часть Аквитании. Филипп VI в свою

очередь сыграл на слабости противника, чтобы унижить его, заставив принести «тесный» оммаж. Советники французского короля не поняли, что эти легкие времена прошли и что в лице Эдуарда III, прочно утвердившегося на своем троне, французская монархия встретила достойного противника.

Правда, понадобится время, чтобы характер этого врага стал ясен в полной мере. После 1340 г., когда ему перевалит за тридцать, можно будет говорить о заклятом враге Валуа, который поклялся вырвать Аквитанию и всю бывшую империю Плантагенетов из рук ненавистной монархии, о гениальной практике, в полной мере использующем трудности противника, бесконечно видоизменяющем детали своих планов, чтобы приспособить их к меняющимся обстоятельствам. Но в 1330 г., сразу после переворота, давшего ему власть, эти качества зрелого человека еще не проявились. Тем не менее в этом элегантном рыцаре, целиком пропитанном французской культурой, уже можно было различить совершенно особые качества. Есть соблазн сравнить его с его дедом Эдуардом I, пришедшим к власти после прискорбного царствования Генриха III. Однако он отличается меньшей жесткостью и меньше заботится об издании законов и совершенствовании своей бюрократии. Удовольствие ему доставляют в первую очередь дипломатия и война, а от подданных он требует лишь оплачивать его расходы. Еще лучше, чем Эдуард I, он умеет заинтересовать свой народ, особенно знать, завоевательными планами и новыми экспедициями. Новое явление, которое повлечет самые серьезные последствия: впервые за два века английское баронство поддержит континентальную политику своего повелителя с того же дня, как он решит начать войну за морем.

Но в 1331 г. еще никто в Англии об этом и не мечтал. Сколь бы стойкой ни была злоба Плантагенета на соперника, оттеснившего его, и на сюзерена, унижившего его, пока она оставалась скрытой. Французы и англичане продолжали встречаться — в Париже, в Лондоне, порой даже в Авиньоне и до бесконечности рассуждать о заключении «доброго мира». Не то чтобы они считали, что находятся в состоянии войны, — отнюдь нет. Но несмотря на все обещания суверенов, на все

принципиальные соглашения, требуется еще изжить постоянно растущий ряд мелких конфликтов, имеющих отношение почти исключительно к Аквитании. Эти споры велись уже не первое поколение, но тем не менее обостряли взаимоотношения. Когда после встречи в Пон-Сен-Максане вновь начались переговоры советников обоих королей, гораздо менее, чем их властители, склонных к разговорам о согласии и взаимных уступках, — они пошли медленным, извилистым, но привычным путем, об опасностях которого не догадывались ни Филипп, ни Эдуард.

Оба суверена, еще далекие от мысли о войне между собой, позволили себя увлечь грандиозным планом обретения славы и завоевания далеких земель, где их соперничество могло претвориться в рыцарское соревнование в доблести. Речь шла прежде всего о крестовом походе. Рост сельджукидского пиратства в Эгейском море, нападения сирийских мамлюков на Кипр и Малую Армению привели к тому, что в окружении папы Иоанна XXII вновь начались речи о крестовом походе. Рьяные его пропагандисты, в большинстве своем итальянцы, взывали к суверенам — как это делал Марино Санудо, посвятивший Филиппу VI латинский трактат о необходимости и нужных качествах крестового похода — «*Secreta fidelium crucis*»¹, или Роже де Ставени, мемуар которого под названием «*Le conquest de Terre Sainte*»² был написан в Лондоне. И тот и другой суверен поддались уговорам. Эдуард весной 1332 г. передал Филиппу предложение не только об августейшем браке, долженствующем укрепить связи между обеими династиями, но и о новой встрече с целью разработать планы крестового похода. Потом он дал принципиальное согласие на поход и обещал принять крест. Филипп VI, еще больший энтузиаст, взял на себя роль вдохновителя этого проекта. В июле папа, уверенный в поддержке короля Франции, на шесть лет разрешил ему взимать десятину с духовенства его королевства. Эти деньги должны были поступать в фонд «казначеев переправы в Святую землю» и позволить как можно быстрее организовать «святое путеше-

¹ (Книга) верных секретов креста (лат.).

² Завоевание Святой земли (ст.-фр.).

ствие». Через год Филипп был назначен предводителем планируемой экспедиции. Проповедь крестового похода вели по всей Европе под духовным руководством архиепископа Руанского Пьера Роже. Организация похода продвигалась медленно, как обычно и бывало в те времена, когда планы всегда опережали имевшиеся средства. Когда на смену кагорцу Иоанну XXII в декабре 1334 г. пришел цистерцианец Жак Фурнье родом из графства Фуа, принявший имя Бенедикта XII, планируемая экспедиция получила новый импульс. При верховном руководстве короля Франции генерал-капитаном был назначен герцог Людовик I де Бурбон. Наконец было объявлено, что отплытие состоится 1 мая 1335 г. — к этой дате все крестоносцы должны были собраться в портах отбытия на средиземноморском побережье. Госпитальеры и Венеция обещали предоставить суда; сам папа за свой счет зафрахтовал четыре галеры и собрал припасы в Марселе.

Король Англии, сначала тоже говоривший о своем участии в экспедиции, вскоре устранился от этого дела, предоставив тщеславному Филиппу всю славу приготовлений и командования. Дело в том, что Эдуард III нашел попроще для совершения подвигов гораздо ближе к своей стране. Имелось в виду подчинение и завоевание Шотландии: эта задача казалась простой из-за незначительности и бедности маленького северного королевства, но уже два поколения Плантагенетов испытали горькие разочарования, пытаясь ее решить. В первые годы столетия Эдуард I несколько раз был близок к успеху. Но он не завершил дела, а после его смерти все рухнуло, когда в 1314 г. шотландские горцы нанесли войску Эдуарда II унижительное поражение при Бэннокберне. Третий Эдуард принялся за реализацию этих завоевательных планов, подчеркнем: почти столь же химерических, как и крестоносные прожекты Валуа, — с еще большим рвением. Сначала он лично не вмешивался в шотландские дела, ограничиваясь тем, что поддерживал деньгами и войсками своего ставленника Эдуарда Баллиоля¹, сына того самого Джона из Байёля,

¹ Эдуард Баллиоль — король Шотландии в 1332–1334 гг. (прим. ред.).

или Джона Баллиоля¹, который при Эдуарде I несколько лет занимал шотландский трон под опекой Англии. Летом 1332 г. Эдуард Баллиоль начал войну против национального короля Давида Брюса², захватил часть низменных земель и провозгласил себя королем. Теперь, во всяком случае, в Лондоне, было не до крестового похода. Английский король обосновался на севере страны, чтобы легче было следить за событиями на шотландском пограничье (*border*) и готовиться к будущим походам. Административные и судебные органы, Канцелярия, Палата Шахматной доски, Суд общей скамьи покинули берега Темзы и разместились в Йорке, который стал чем-то вроде военной столицы, находящейся недалеко от суверена и войск. В 1333 г. Эдуард III перешел в наступление; первый поход англичан закончился взятием Берика на восточном побережье — могучей цитадели, падение которой открывало победителю дорогу на Эдинбург и Перт и дало возможность завоевать все области к югу от Форта, которые Баллиоль передал ему под полный суверенитет.

Но даже в шотландских горах Эдуард III обнаружил «руку французского короля», которая, похоже, преграждала ему эту дорогу. С тех пор как шотландцы вынудили своего короля Джона Баллиоля в 1295 г. обратиться к Филиппу Красивому за поддержкой против английского гнета, франко-шотландский союз на христианском Западе стал установившейся традицией, мы бы даже сказали — почти дипломатической догмой. Филипп Валуа считал, что ему не следует бросать своего шотландского союзника: это не соответствовало ни его интересам, ни его долгу. Сам он нуждался в мире с Плантагенетами, если хотел наконец отправиться в намеченный кре-

¹ Джон I Баллиоль — король Шотландии в 1292–1296 гг. Взойдя на трон при помощи английского короля Эдуарда I, признал его своим сюзереном, но вскоре начал войну против своего покровителя. В 1296 г. попал в плен к Эдуарду и отрекся в его пользу от шотландской короны (*прим. ред.*).

² Давид Брюс — сын и наследник шотландского короля Роберта Брюса, изгнавшего из Шотландии англичан. Король Шотландии в 1329–1371 гг. Большую часть своего царствования провел в плену в Англии (*прим. ред.*).

стовый поход; но он не собирался покупать этого мира ценой предательства маленькой страны, чьи вооруженные диверсии в случае франко-английского конфликта могли бы очень кстати тревожить противника. В свою очередь Эдуард III, не слишком уверенный в лояльности Валуа, опасался, как бы, пользуясь тем, что он поглощен шотландскими кампаниями, его сюзерен не осмелился нанести новый удар на аквитанской границе. Своим полномочным представителям он дал приказ идти на максимальные уступки французским требованиям, так что в мае 1333 г. уже казалось, что по всем вопросам, связанным с гиенским фьефом, вот-вот будет заключено соглашение. В Париже ходили слухи, что мир уже заключен. Однако радость была недолгой. «Прошло совсем немного времени, и все стало иначе, — поясняет один хронист, — ибо едва английские посланники вернулись в свои отели, как король Франции вновь вызвал их и заявил о своем желании, чтобы в мирном договоре учитывались интересы короля Давида Шотландского и всех шотландцев». Мира в Аквитании не будет, пока продолжается завоевание Шотландии, — таковы были новые условия Валуа. Прояви Эдуард упорство — а останавливаться на полпути он вовсе не собирался, — он вполне мог опасаться французского «коварства», то есть конфискации Аквитании и поддержки воинов Давида Брюса деньгами, людьми и оружием, причем сама Франция могла и не объявлять войну.

Таким образом, к неутоленной обиде за прошлые унижения теперь добавилось взаимное недоверие обоих королей, которые зорко следили друг за другом, боялись друг друга и обменивались обвинениями в черных замыслах. Медленно и словно неумолимо отношения обострялись, и ни в один момент нельзя точно указать, кто нес за это ответственность. В 1331 г. надо было просто дополнить и закрепить с помощью частных договоренностей согласие по принципиальным вопросам, достигнутое в результате личных встреч. Через три-четыре года, хотя в характеристиках проблемы принципиально ничего не изменилось, уже никто не рассчитывал на «окончательный мир». Хотели только одного: чтобы война не распространялась на новые территории. Однако ни Филипп,

ушедший в свои мечты о крестовом походе, ни Эдуард, поглощенный шотландскими делами, этой общей войны не хотели. Они стали ее опасаться, и этого оказалось достаточно, чтобы она сделалась возможной.

Политика Бенедикта XII с декабря 1334 г. объективно способствовала развитию конфликта, на избежание которого была направлена. Новый понтифик, более решительно, чем его предшественник, настроенный на осуществление крестового похода, задержал Валуа и Плантагенета на скользком пути, на который они вступили, и попытался, как мы бы сказали на современном дипломатическом жаргоне, «локализовать конфликт». Ведь Филипп, отказавшись подписывать соглашение с противником, ведущим агрессию против его шотландского союзника, и продолжая политику постепенных захватов, описанную нами выше, вдруг стал предлагать и даже навязывать свое посредничество в конфликте между Англией и Шотландией. Посредничество корыстное, пристрастное, результат которого был известен заранее и которое могло породить лишь общую войну. Бенедикт поспешно бросился навстречу опасности. Он сумел отстранить Филиппа и взять шотландскую проблему в свои руки. Его легатам, примчавшимся в Англию, удалось в ноябре 1335 г. добиться заключения краткого перемирия между Эдуардом III и Давидом Брюсом. Но это была не более чем отсрочка. Чтобы навязать мир противникам, не слишком желавшим договариваться, потребовались бы самые терпеливые и самые продолжительные усилия. Бенедикт XII полностью посвятил себя этому, стараясь добиться всего необходимого для заключения франко-английского мира до отъезда крестоносцев, уже сильно задерживавшегося по сравнению с намеченным графиком. Филипп, надеясь, что в награду за покорность услышит о близком начале «святой переправы», в марте 1336 г. отправился в Авиньон. Но папа заявил ему: коль скоро мир так и не заключен, поход невозможен, и лучше его отложить *sine die*¹. Приготовления были отменены, действие привилегий приостановлено, сбор десятины прекращен. Тем самым Бенедикт рассчитывал ус-

¹ Без указания даты (*лат.*).

корить достижение франко-английского примирения, на которое продолжал рассчитывать.

Произошло обратное. Папа рассердил прежде всего Филиппа, до сих пор покорного его увещаниям, пока на горизонте блеснул мираж крестового похода. Французский король не без оснований чувствовал себя одураченным: ведь он согласился не форсировать шотландских дел ради крестового похода, в котором ему теперь отказывали. С досады он повел себя высокомерно, неосторожно вызвав у противника впечатление, будто решил развязать общую войну. С тех пор события устремились к неизбежному разрыву. Папе, все меньше контролировавшему их, с трудом удалось втянуть противников в бесконечные переговоры, бесплодные дискуссии, лишь добавлявшие им раздражения, поскольку они подозревали друг друга в дурных намерениях. Сделки, совещания, переписка, чехарда посланников — все это в конечном счете было пустой круговертью, никак не влияя на разбушевавшиеся страсти.

Из-за неосторожности Филиппа весной 1336 г. начался последний этап драмы и приблизилась ее развязка. Шотландцы, которым англичане готовились нанести решительный удар, казалось, окончательно выбились из сил; французские послы в Англии вели тайные переговоры с шотландской знатью, продолжавшей борьбу; в то же время флот, собранный в Марселе для похода в Святую землю, был переброшен в порты Нормандии, словно его рассчитывали использовать для массовой интервенции в пользу Шотландии. И действительно, ей была оказана некоторая помощь, позволившая храброму маленькому королевству сопротивляться несколько дольше. После этого Эдуард решил, что война неизбежна. Как Бенедикт отменил крестовый поход, так и он отказался от завоевания Шотландии, чтобы целиком посвятить себя приготовлениям к борьбе большего масштаба. В конце сентября 1336 г. Ноттингемский парламент обличил коварные маневры французского короля в Гиени и Шотландии и проголосовал за субсидии, позволявшие подготовиться к войне. Может быть, здесь заходила речь и о том, чтобы снова предъявить права Эдуарда III на трон Капетингов — могучее оружие в предстоящей борьбе. Потом правительство, покинув север-

ные провинции, где находилось четыре года, вернулось в Вестминстер, рьяно взялось за военные приготовления, привело побережья в боевую готовность, отправило в Аквитанию боеприпасы и сосредоточило войска на берегах Ла-Манша и флот у тех же берегов. Со своей стороны Филипп распределил флот по нормандским и фламандским портам и выдвинул войска на гиенскую границу.

В то время как с обеих сторон вели подготовку и лихорадочно вербовали союзников — к этой теме мы скоро вернемся — каждый еще и старался доказать, что его дело правое, выдвинуть юридический повод для разрыва. Филипп нашел его без труда. Ему достаточно было повторить то, что уже сделали Филипп Красивый в 1294 г. и Карл IV в 1324 г.: вероломному вассалу, которого было легко уличить в нарушении феодального долга, он 24 мая 1337 г. вынес приговор о конфискации аквитанского фьефа. Таким образом он сумел объявить войну королю Англии, не выходя за рамки феодального конфликта, в которых она вызревала. Действительно, враждебные действия сразу же начались на аквитанской границе, где отряды короля Франции осадили несколько бастид, и на море, где нормандский флот атаковал Джерси и даже осуществил несколько удачных рейдов на английское побережье. Но поскольку ни та, ни другая сторона не завершила военных приготовлений, они могли проводить лишь такие незначительные стычки. Высадку англичан во Франции, с большим шумом намеченную на сентябрь, из-за нехватки денег пришлось отменить. Со своей стороны Бенедикт XII еще пытался добиться мира; в иллюзорной надежде организовать переговоры он добился от Филиппа отсрочки оккупации Гиени до конца года. Но это краткое перемирие не ввело Эдуарда в заблуждение. Едва французский суд вынес решение о конфискации, как он объявил себя претендентом на трон Капетингов. Пока не принимая титула, который, как он думал, причитается ему по праву, отныне в актах своей канцелярии в отношении своего противника Валуа он применял лишь такую презрительную формулировку: «Филипп, именующий себя королем Франции». Говорят, на такой серьезный демарш его подтолкнул человек, чью бурную карьеру следует здесь описать.

Робер д'Артуа, внук Роберта II — племянника Людовика Святого, был отстранен от наследования графства Артуа своей теткой Матильдой, или Маго. Обычай северных провинций не знал наследования по праву представления, и в случаях, когда старший сын умирал, наследницей делали младшую дочь в ущерб внуку. Уже дважды Робер требовал в суде пэров возвращения ему Артуа — сначала при Филиппе Красивом, потом при его сыновьях. Почитая местные обычаи, судьи ему отказали. Но, чтобы его успокоить, французский король пообещал ему в качестве компенсации один нормандский апанаж с титулом графа Бомон-ле-Роже и пэра Франции. Тем не менее Робер донимал своей ненавистью обобравшую его тетку и, сохранив связи среди артуаской знати, подстрекал ее к неповиновению графине и ее главному советнику, Тьерри д'Ирсону. Когда в 1324 г. граф Фландрии Роберт Бетюнский, не посчитавшись с местным обычаем, оставил наследство своему внуку Людовику Неверскому и добился от младших братьев отказа от возбуждения исков, у Робера вновь появилась надежда. В 1330 г. он начал новый процесс по иску, по которому уже дважды выносился приговор, сфабриковав для этого документы, на которые его вдохновили недавние фламандские события. Король Франции беспощадно разоблачил фальсификатора и его пособников и с тех пор испытывал постоянный гнев на кузена и шурина и вместе с тем неодолимое отвращение к нему. Тем временем Маго при загадочных обстоятельствах умерла в 1332 г., и Робера обвинили в отравлении. Король потребовал устроить образцовый процесс. Владения обвиняемого были конфискованы, а сам он, лишенный всех титулов и обвиненный в измене, был вынужден искать спасения в бегстве. Сначала он бежал к графу Эно. Филипп объявил, что поднимет оружие на любого, кто даст убежище этому изгнаннику. В конце 1336 г. Робер уехал в Англию к Эдуарду III, который был рад пополнить ряды своих сторонников столь видной особой. Никто из современников не сомневался, что именно изгнанный принц из ненависти к Валуа подтолкнул Плантагенета заявить о притязаниях на французский трон и пообещал ему помочь свергнуть династию-соперницу.

Однако король Англии, конечно, принял бы такое решение и без советов предателя. На приговор о конфискации, вынесенный против него судом его сюзерена, герцог Аквитанский с юридической точки зрения мог ответить только вызовом, то есть разрывом феодальной связи, соединяющей его с несправедливым сюзереном. Тем не менее ему, как и всем его предшественникам в этом унижительном положении, чтобы отстоять свою правоту, нужно было доказать, что французский король повинен в «отказе от правосудия». А превращение феодального конфликта, где он находился в положении низшего, в династическую борьбу, делавшую его равным его противнику, было ловким и неизбежным ответом, который в любом случае нельзя было оставить без внимания. К празднику Всех Святых 1337 г. епископ Линкольнский Генри Бергерш выехал в Париж, чтобы передать вызов от имени своего повелителя. Вызов был адресован не суверену Французского королевства, а «Филиппу Валуа, именуящему себя королем Франции». Эдуард не мог бы найти лучшего способа отказаться от амьенского оммажа, который был навязан ему хитростью и насилием и, как принесенный узурпатору, не имел договорной силы. Однако он пока медлил с тем, чтобы сделать последний шаг, приняв самому титул короля Франции. Он ждал, чтобы его признали таковым и другие, а не только изгнанник Робер д'Артуа.

Итак, Столетняя война официально началась весной 1337 г. Мы видели, что подспудно этот конфликт назревал уже несколько лет. Однако вплоть до 1336 г., все еще опасаясь возможности постоянно надвигавшегося разрыва, ни один из противников не верил в неизбежность войны и не желал ее развязывания. Она не была выгодна ни Филиппу, погруженному в планы крестового похода, ни Эдуарду, запутавшемуся в шотландских делах. Но отсрочка крестового похода и неуместная помощь, оказанная Филиппом шотландцам, убедили Эдуарда, что дальше избегать разрыва нельзя. Узнав о приготовлениях Плантагенета, Валуа в свою очередь поторопил момент, чтобы самому форсировать события. Возникшее недоразумение повлекло непоправимые последствия. Рассеять его попытался лишь добродетельный понтифик, который у себя

в Авиньоне очень хотел встать над схваткой и любой ценой примирить соперничавшие династии.

Действительно ли упорные и напрасные усилия Бенедикта XII в конечном счете повредили только делу Валуа, как утверждают некоторые современные историки? Если верить им, Филипп был игрушкой и жертвой французского папы, который в этом деле изменял интересам своей родины. Желая остановить войну, но имея возможность лишь оттянуть ее, Бенедикт якобы сдерживал Филиппа, пока преимущество того было неоспоримо, и тем самым дал Эдуарду время подготовиться к отпору. Но еще не факт, что Валуа был бы лучше подготовлен к наступательным действиям, вяжись он в войну в 1335 или в 1336 г., в связи с шотландскими событиями, чем в 1337 г., и что перед ним оказался бы заранее побежденный противник. Тем более не факт, что Бенедикт, осуществляя посредничество, только и думал, как бы ускорить начало гипотетического крестового похода. Ведь не один он во Франции выражал сомнения в прочности династии Валуа, в реальных силах королевства, имевшего столь высокий престиж. Может быть, он предвидел горести, разорение и бедствия, которые может повлечь за собой неосторожно развязанный конфликт из-за распрей в Аквитании. Единственная его вина — во всяком случае, сохранившаяся в исторической памяти, — что у него ничего не вышло.

III

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Когда опасность стала совсем близка, активность Эдуарда III, энергичного суверена, умевшего увлекать за собой людей, приобрела масштабы, позволившие всю развернуться его изобретательному уму и организаторскому таланту. Особенно примечательным это было в дипломатической сфере. Как и его дед Эдуард I в 1297 г., он задумал смелый план отвести от своей Аквитании опасность агрессии Валуа, напав на Францию со стороны Нидерландов. Но эту политику, в какой-то мере традиционную, он сумел приспособить к требованиям момента, изменив с учетом реальных условий некоторые ее детали. О Фландрии, из которой Эдуард I в свое время сделал краеугольный камень для своей коалиции, речи больше не было. Людовик Неверский, ставший графом Фландрским после смерти своего деда Роберта Бетюнского, знал, чего ему может стоить мятеж против сюзерена при обидчивости французского двора. Французский принц по рождению и воспитанию, он готов был стать столь же верным вассалом, сколь неверным был Ги де Дампьерр, чтобы избежать всякого французского вмешательства в дела его доменов; память о Касселе была еще слишком жива в сердцах фламандцев. В наказание за приверженность королю Франции Эдуард решил прекратить снабжение его суконной промышленности, рискуя подорвать сбалансированность собственного бюджета. Королевский ордонанс, обнародованный осенью 1336 г. и утвержденный парламентом в феврале 1337 г., отныне запрещал вывоз любой шерсти за пределы королевства. В принципе, драгоценное сырье теперь должно было поступать исключительно в английские мастерские, которые оставалось только создать. Многие историки хвалили Эдуарда за эту смелую

инициативу, поверив, что он искренне желал организовать у себя в королевстве суконную промышленность и тем самым обеспечить экономическую независимость Англии. Это бредни и вздор. На самом деле эта мера была направлена лишь на то, чтобы нанести вред Фландрии. Право на ввоз 30 000 мешков шерсти тут же получили брабантские торговцы, которым выставили единственное условие — не реэкспортировать эту шерсть во Фландрию. Если мастерские Гента и Ипра должны были захиреть, то к выгоде мастерских Брюсселя и Мехелена. Английские купцы подготовили рынок в Дордрехте в ожидании, когда в Антверпене будет учрежден «этап» шерсти.

Сделав этот ловкий жест, Эдуард III признал тем самым растущее влияние, как экономическое, так и политическое, которое с начала века среди нидерландских княжеств приобрело большое герцогство Брабант, чьи судьбы умелой рукой направлял герцог Иоанн III. В ответ на предпринимаемые с 1332 г. попытки Филиппа VI ввести Брабант в зону своего влияния Плантагенет даровал герцогству торговые привилегии, ставившие молодую суконную промышленность Брабанта и растущее процветание порта Антверпен в зависимость от дружбы с Англией. У английского короля были в этих краях и другие друзья: Вильгельм д'Эно, он же граф Голландии и Зеландии, разумеется, вассал своего шурина, короля Франции, за Остреван, но в то же время отец Филиппы, английской королевы; восточнее — герцог Гелдернский, по традиции склонный к союзу с Англией. Нужно было оживить эти дружеские связи и создать новые. С конца 1336 г. Плантагенет направлял этим князьям пламенные послания, изображая себя жертвой и предрекая необоснованную агрессию короля Франции. «Я сделал ему, — писал он, — выгодные предложения, но самые разумные из них он до сих пор отвергал. Ему мало, что он незаконно удерживает мои наследственные владения (намек на аквитанские территории, оккупированные с 1324 г.), он тайно готовит против меня обширный заговор, чтобы погубить окончательно, и замышляет присвоить остаток моего аквитанского фьефа». Опираясь на эти доводы, а прежде всего рассчитывая на стерлинги, которые они возили огромными

мешками, епископ Линкольнский Генри Бергерш, графы Солсбери и Хантингдон всю зиму разъезжали по Нидерландам и по берегам Рейна. В мае 1337 г. они развернули в Валансьене настоящую ярмарку альянсов, платя хорошие деньги наличными. Союзы стоили дорого — имперские князья оказались людьми алчными. «Хорошо известно, — писал по этому поводу один хронист, — что немцы жестокие завистники и ничего не делают без денег». Тем не менее была сплетена колоссальная сеть союзов: в антифранцузскую коалицию вошли герцоги Брабантский и Гелдернский, графы Эно, Берга, Юлиха, Лимбурга, Клеве и Марк.

Невозможно было бы отрицать и желание Плантагенета располагать для начала борьбы самыми дисциплинированными и могучими военными силами, какие только он мог приобрести. В ту организацию, которую мы описывали и которая совсем недавно показала себя в тяжелых шотландских походах, внести изменения было не слишком трудно. Приказы суверена касались только частных и, возможно, не оказали в полной мере эффекта, какого от них ожидали. Тем не менее по ним видно, сколь опасными были настроения. Своей знати Эдуард советовал изучать французский, язык двора, администрации и врага; он запретил турниры, до которых был очень падок и сам, чтобы все свое время и состояние рыцари посвящали только войне. От простолюдинов он требовал совершенствоваться в стрельбе из лука и заниматься упражнениями, придающими телу гибкость и крепость. Большой шум вызвало создание комиссий аггау, настоящих призывных комиссий, задачей которых был набор в графствах самых крепких крестьян и ремесленников для пополнения пехоты. Но этот институт вызвал много разочарований и не смог дать армии значительных и дисциплинированных контингентов. По численности вооруженные силы английского короля не шли в сравнение с теми, какие может выставить его противник. Средневековые люди, которых цифры пугали, оставили нам об английских экспедициях данные, не заслуживающие доверия и противоречащие всей административной документации, найденной современными эрудитами. Они не смущаясь пишут, что силы вторжения составляли двадцать-трид-

цать тысяч воинов, а это уже неправда. Описывая осаду Турне в 1340 г., они скажут, что численность английских войск доходила до ста тысяч, включая фламандские отряды. Это выдумки чистой воды. Даже если допустить, что скудные ресурсы королевства позволили оплатить набор столь многочисленной армии, ее было бы невозможно перевезти на континент. Все принудительно завербованные торговые суда, очень небольшого тоннажа, позволяли загрузить за один раз не более пяти-восьми тысяч лошадей и нескольких тысяч пехотинцев. Немногим лучше была ситуация с вооружением и дисциплиной. Мы не будем здесь говорить о *«gens d'armes»*, тяжеловооруженной коннице, которая пока составляла ядро средневековых армий и, за редким исключением, выносила на себе всю тяжесть сражения. Ее вооружение и приемы боя были одинаковыми во всем христианском мире; здесь между английской и французской армиями различий не было. Превосходство выявилось только во второстепенных отрядах — в той самой пехоте, которую презирали рыцари обоих лагерей: в копейщиках, в грозных валлийских кутилье и прежде всего в лучниках, чья стрельба была не слишком прицельной, но которые с дальнего расстояния обрушивали на противника град стрел, тогда как генуэзский арбалет, принятый в пехоте Валуа, был оружием более тяжелым и менее скорострельным: на три стрелы из лука он отвечал лишь одной. Тогда никто и не предполагал, что эта презренная пехота сыграет кардинальную, решающую роль в правильных битвах предстоящей войны.

Чтобы набирать и содержать эти вооруженные силы, сколь бы ограниченной ни была их численность, требовались богатые и стабильные ресурсы. А Англия жила не по средствам еще до начала боевых действий. Шотландские походы обошлись недешево, и долг казны возрос; много денег и немало не слишком благовидных уловок для их сбора понадобилось для покупки союзов с германцами. В этот самый момент меры против Фландрии дезорганизовали вывоз шерсти, что нанесло колоссальный ущерб королевской казне, переставшей регулярно получать «кутюму», выплачивавшуюся мешками экспортной шерсти. Именно из-за нехватки денег при-

шлось отменить первый английский десант во Франции, намечавшийся на осень 1337 г.; именно из-за нехватки денег Эдуард принял предложение папы о перемирии на первые шесть месяцев 1338 года. Когда наконец в июле 1338 г. он счел нужным переправиться на континент, казна была совсем пуста вследствие военных и дипломатических приготовлений. И он решился на неслыханную меру из арсенала экономического этатизма — конфисковал в пользу короны у английских производителей 60 000 мешков шерсти; компенсировать убыток собственникам и купцам должны были, по довольно низким расценкам, казенными ассигнациями; со своей стороны король обязывался сам продать шерсть на континенте и за счет предполагаемого большого барыша оплатить свою армию и дипломатию. Проект химерический, по которому ясно видно, как сильно Плантагенет нуждался в деньгах.

И Филипп VI со своей стороны, хотя его королевство было больше и богаче, имел немногим лучшее положение с точки зрения средств. Его военным приготовлениям тоже мешало отсутствие стабильных и богатых ресурсов. Благодаря поддержке авиньонских пап король и раньше мог почти регулярно взимать десятину с французского духовенства, и это было очень выгодно для королевской казны; новой династии при ее восшествии на престол Иоанн XXII пообещал «на великие задачи королевства» соучастие в церковных доходах на два года, а в 1330 г. такое разрешение дал еще раз. Хотя облагаемые и оказывали некоторое сопротивление, эти деньги поступали в казну, и чистый годовой доход от них порой превышал 250 000 ливров. Когда в 1332 г. началась проповедь крестового похода, все привилегии, предоставленные королю, сделали еще обильней эти ресурсы церковного происхождения. Несомненно, тогда предполагалось, что будет создан специальный фонд, деньги из которого пойдут строго на нужды «святого путешествия». Но когда в 1336 г. от замысла крестового похода отказались, выяснилось, что большую часть средств Филипп израсходовал на нужды управления. С 1338 г. Бенедикт XII, а потом Климент VI будут разрешать сбор новых десятин, и такие позволения станут регулярно выдаваться один

раз в два года. Лишний повод для зависти Плантагенетов, не пользовавшихся подобной благосклонностью со стороны авиньонской курии.

Подданные-миряне были не столь покладисты в выплате податей. Требование выплаты «эд» (*aide*, «помощи»)¹ — какую бы форму для данной провинции и в данный момент оно ни принимало: подоходного налога, распределенной по очагам тальи или же налога с продаж — сталкивалось с тысячей возражений на местах, со стороны городов, знати, общин. Субсидия на оплату французского оста, которой в 1328 г. обложили все королевство, дала всего 230 000 ливров — меньше, чем десятина с одного только духовенства. В следующие годы собирать деньги стало еще трудней. В 1332 г. люди вассалов отказались выплачивать феодальный эд, затребованный на конницу для наследного принца Иоанна; пришлось возложить эту подать только на подданных королевского домена, а потом и вовсе отменить, потому что собрать ее не удалось и здесь. В 1335 г. было велено выдать эд на крестовый поход, также предусмотренный феодальными обычаями; но большинство податных отказалось его платить, и король получил лишь несколько незначительных дарений. Разве в таких условиях можно было заранее подготовиться к конфликту с Плантагенетами, который мог разразиться в любой момент?

После происшедшего в 1337 г. разрыва чиновникам короля пришлось предпринять новые усилия. Тем не менее сбор любой субсидии вызывал упорное противодействие. С податными людьми надо было договариваться, сокращать запросы, соглашаться на ту форму обложения, какая была удобней той или иной общине или области. В Лангедоке подымная подать в размере один ливр на очаг, которую хотело получить правительство, была сокращена до пятой части ливра для простолюдинов и третьей — для знати; города и некоторые катего-

¹ Эд (помощь) — экстраординарный косвенный налог с продаж, перевозок, провоз продовольственной продукции. Взимался королем для защиты королевства. Был особенно непопулярен в народе и спровоцировал ряд серьезных волнений (*прим. ред.*).

рии жителей отделались выговоренными суммами, намного меньшими, чем норма подымной подати. Такие же затруднения возникли в Лангедойле: некоторые города предпочли платить налог с продаж, который поступал в казну медленней, а взимать его было труднее; Нормандия дешево отделалась, пообещав содержать в течение десяти недель только тысячу воинов из четырех тысяч, которые власти намеревались набрать в этой провинции. В большинстве своем вассалы, ссылаясь на то, что лично служат в королевском остане, требовали, чтобы с их людей не требовали выплаты эда или чтобы они могли собрать его сами в свою пользу. Некоторые церковные владения получали полное освобождение от налогов. Субсидия оказалась такой маленькой, что до конца 1337 г. королевская власть не могла заплатить своим чиновникам: судьям и судейским жалованье задержали на год, число сержантов сократилось на четверть, других чиновников — на одну пятую.

Еще тяжелей для королевской власти была необходимость вставать в позу просительницы и даже попрошайки, чтобы получить эти скудные субсидии. В обмен за выплату кое-какого эда государство подтверждало старинные привилегии, даровало привилегии новые, освобождения от налогов, нередко массовые. Комиссары короля были вынуждены торговаться с населением; им было рекомендовано проявлять мягкость, снисходительность, смирение. В ходе этих нелегких переговоров утверждался — больше фактически, чем в качестве юридической данности, — принцип необходимого согласия податных людей и их представителей на выплату того или иного налога. Именно здесь ярко показали себя местные собрания — многолюдные, частые, не имевшие ни фиксированного состава, ни установленной процедуры; эти собрания и стали называть Штатами. Необходимость для государства любой ценой получить деньги приводит к тому, что обращение к Штатам становится почти обязательным, и никто не полагает, что король вправе уклониться от этого. О функционировании этих ассамблей и об их составе известно мало; решающую роль играли собрания «добрых городов». Похоже, что первыми стали собираться ассамблеи на местах: только

в 1343 г. возникнут первые Штаты, которые историки, несколько предвосхищая события, квалифицируют как Генеральные, хотя соберутся на них только депутаты с Севера и из центра королевства, то есть из той его части, которую вскоре, в противовес Лангедоку (к которому всегда обращались отдельно), станут называть Лангедойлем. Смелея по мере того, как центральная власть позволяла почувствовать затруднительность своего положения, эти собрания требовали разорительных компенсаций. В 1337 г. собравшиеся в Понт-Одемер нормандские Штаты, сославшись на Хартию нормандцам 1315 г.¹, вообще отказывались платить субсидии. В конечном счете они согласились сделать скудное добровольное дарение при условии, что будут подтверждены их свободы и дарованы грамоты с привилегиями. Через два года нормандские депутаты воспротивятся повторным требованиям принца Иоанна, будут долго рассуждать и наконец заставят центр точно указать их финансовые привилегии — к большому ущербу для королевской казны. В 1340 г. знать бальяжа Вермандуа поставит еще более жесткие условия: сборщиков налогов будут выбирать сами сеньоры; деньги пойдут на оплату только тяжеловооруженных конников из данной провинции; со дня роспуска королевского оста сбор прекратится. Если даже податной человек соглашался лишиться какой-то суммы, он ограничивался оплатой краткосрочного летнего похода, не догадываясь, что война уже приобрела новое обличье.

Эта неуверенность в завтрашнем дне отчасти объясняет, почему военные приготовления в 1337—1338 гг., то есть накануне войны, были столь медленными и малоэффективными. Но извиняет ли она известную вялость в дипломатической сфере — в объединении друзей Франции против проанг-

¹ Хартия нормандцам 1315 г. — речь идет о волнениях знати в Северной Франции в 1314—1315 гг., в конце правления Филиппа IV Красивого и начале царствования Людовика X; знать выступала против усиления королевской власти, злоупотреблений королевской администрации и ущемления своих прав, например, запрет на частные войны. Хартия нормандцам включала в себя пожалование вольностей с целью успокоить недовольных (*прим. ред.*).

лийской коалиции? Не то чтобы Филипп пренебрегал этой задачей, но образцового рвения здесь он не проявлял; коалиция его союзников будет явно слабей сплоченной группировки противников. Однако все-таки в Нидерландах у него были старые друзья: Людовик Неверский, граф Фландрский; Иоанн Люксембургский, он же король Чехии. Не будучи больше в состоянии рассчитывать ни на Эно, ни на Брабант, он покупал союзы с епископом Льежским, с графом Цвейбрюккенским, с Генрихом Баварским, с городом Камбре; хоть этот список союзников и выглядит внушительно, но они были разрознены, разобщены по сравнению с компактной группой противников. Больше повезло Филиппу на южных границах: здесь он начал переговоры с Кастилией и в декабре 1336 г. заключил союзный договор с Альфонсом XI, а значит, теперь в предстоящей войне мог рассчитывать на поддержку со стороны кастильского флота.

Наконец, чтобы ярче выразить вновь обретенную независимость от авиньонской курии, Филипп завязал переговоры с монархом, который уже более десяти лет как зарекомендовал себя заклятым врагом Иоанна XXII и Бенедикта XII. Речь идет об императоре Людвиге Баварском, закоренелом схизматике, отлученном, преданном анафеме. Действительно ли Валуа хотел вступить в союз с главой Империи, оказать ему помощь против Авиньона и просить его содействия против Плантагенетов? Сомнительно. Так или иначе, вяло протекавшие переговоры закончились ничем. Дело в том, что необходимую сумму безденежному баварцу уже предложил более расторопный и практичный Эдуард III. Не устояв перед блеском стерлингов, император 26 августа 1337 г. вступил в союз с королем Англии, поддержав всем своим авторитетом нидерландско-рейнскую коалицию, мощь которой выглядела опасной угрозой для королевства Франции.

IV

ПРОСЧЕТЫ АНГЛИИ

В 1338 г. масштабные английские приготовления на северных границах Франции шли к концу. Чтобы успешней их вести, надо было усыпить бдительность противника, звался ли он Бенедиктом XII или Филиппом VI. Папа был возмущен тайным союзом Плантагенета с императором-схизматиком, союзом, секрет которого оберегали плохо. Ради успокоения понтифика английский король спешно согласился продлить перемирие сначала до 1 апреля, потом до 1 июля; он торжественно заявил Святому престолу о своей приверженности к миру и даже послал полномочных представителей в авиньонскую курию, где под эгидой наивного Бенедикта XII тщетно продолжали искать средства для предотвращения войны. Что касается Валуа, его надо было ввести в заблуждение относительно военных планов англичан. Поэтому Плантагенет громко объявил, что если мир спасти будет нельзя, он намерен лично отправиться в свое Гиенское герцогство и защитить его от изменнических действий французских чиновников.

Тем временем в Нидерландах и на Рейне заключались все новые сделки. Эдуард не удовлетворился тем, что очень задорого купил союз с имперскими князьями. Чтобы вынудить их верней ему служить и использовать их для осуществления завоевательных планов, ему было необходимо обладать какой-то официальной властью над ними, которая могла бы их удержать от всегда возможной измены. И он договорился с безденежным баварцем, что тот, за деньги, пожалует ему титул викария Империи в Нижней Германии, что давало суверенные полномочия, равные императорским, на всей территории бывшей Лотарингии. Решив, что цель теперь близка, он поспешил начать войну. В апреле он заявил о намерении

расторгнуть перемирие и погрузить 1 мая свои войска на корабли, чтобы везти их на континент. Успеть к этому сроку ему не позволили финансовые затруднения. Наконец 16 июля внушительный флот вышел из порта Оруэлл в устье Темзы и взял курс на Антверпен. Став гостем герцога Брабантского, которого дополнительно привязали к союзнику новые торговые привилегии, король сбросил маску, 22 июля отозвав послов, которые для видимости продолжали переговоры под эгидой папы. Потом он выехал в Рейнскую область для встречи со своим другом-императором.

5 сентября 1338 г. в Кобленце на блестящих празднествах, где присутствовали почти все курфюрсты Империи, состоялась встреча Эдуарда III и Людвига Баварского. Император послал официальный вызов королю Франции и его сторонникам, поклялся в течение семи лет помогать новому союзнику против династии Валуа, потребовал от немецких князей пообещать Плантагенету верную службу в этих войнах. Потом он передал Эдуарду инсигнии викария Империи — знаки достоинства, в равной мере льстящие самолюбию получившего их и служащие его амбициям. Ведь английский король видел в них не просто побрякушки. С их помощью он надеялся как можно больше расширить свою власть. В то время как на монетном дворе в Антверпене начали чеканить монету с орлом — гербом Империи, но от имени Эдуарда III, он трижды созывал вассалов, подчиненных ему как викарию, чтобы принять от них оммаж: 12 октября в Герке — в Брабанте, 2 ноября в Мехелене и 18 декабря в Бинше — в Эно. На его призыв откликнулись все нидерландские князья во главе с герцогами Брабантским, Гелдернским и графом Эно, кроме епископа Льежского, отказавшегося делать такой жест, который означал бы разрыв его союза с Валуа. Даже Людовик Неверский не осмелился уклониться от выполнения вассального долга, потому что держал от императора имперскую Фландрию, то есть земли за Шельдой. Эти блестящие церемонии придали Эдуарду авторитет, скоро перешагнувший границы Лотарингии. Его посланцы встречались с графами Бургундии, Женевы, Савойи; казалось, по восточной границе Францию стараются окружить врагами до самого Арльского королевства.

Пышные церемонии и успешные переговоры заняли Плантагенета до начала осени. Теперь военные действия начинать было нельзя, и их перенесли на весну 1339 г. Отправку необходимых подкреплений отложили из-за новых финансовых трудностей. Празднества и союзы стоили дорого. Чтобы пускать пыль в глаза алчным союзникам, Эдуард брал займы, не думая возвращать их, у купцов, у нидерландских городов, у итальянских банкиров. Он также предполагал обогатиться за счет продажи шерсти, конфискованной перед отъездом. Но эта операция, порученная флорентийским фирмам Барди и Перуцци, не оправдала его надежд. Рассчитывали, что первый караван привезет 20 000 мешков, а он доставил всего 2500. Пока не поступили другие, Эдуард заложил свои драгоценности ростовщикам. Великолепная корона, которую он заказал для будущего помазания в короли Франции, за скромную сумму была отдана в залог архиепископу Трирскому. Словно решив добавить ему трудностей, неумный Бенедикт XII непременно хотел восстановить мир, используя затяжку с началом войны, чтобы хлопотать о начале новых переговоров. Хитрить с ним Эдуарду было больше незачем. Он велел передать, что не согласится ни на какие новые переговоры, пока Филипп не откажется от союза с Шотландией и не вернет Аквитанию. Кроме того, в пространном послании авиньонской курии Плантагенет объяснял причины, по которым претендует на корону Франции.

Нетерпение завоевателя из недели в неделю росло. Его раздражали все задержки, тормозившие начало кампании 1339 г., на которую он возлагал надежды. Ценой неслыханных усилий английские подкрепления, высадившиеся в Антверпене, удалось в конце июля начать стягивать вокруг Брюсселя. Ждали подхода немецких князей: за немалые пенсии они обещали привести свои отряды. Миновали август и сентябрь, но прибыло всего несколько тысяч наемников, недисциплинированных и не слишком надежных. Французы удвоили активность на море, мешая перевозкам, задерживая движение судов, разорив остров Уайт и населенные пункты на английском берегу. Потеряв терпение, в конце сентября Эдуард перестал ждать остальных союзников и двинулся к француз-

ской границе. Двадцать тысяч его людей вторглись в Камбре и разграбили Тьераш; войско Филиппа наблюдало за ними издали. Эдуард вызвал противника на бой. Валуа не дал никакого ответа. После месяца бесполезных маневров английский король вернулся в Брабант. Англо-имперский союз прекратил свое существование, бесславно рухнув. Пятнадцать месяцев безвылазного пребывания в Нидерландах, высокая дипломатическая активность, титул викария Империи, оммаж от стольких князей и союз с ними, разорительные расходы — и все только ради бессмысленной демонстрации силы на границах противника, чье войско не потерпело урона от этого.

Однако Эдуард вовсе не пал духом. Хоть он разочаровался в имперских князьях, зато заключил союз с фламандцами, чьего коммунального ополчения ему жестоко недоставало во время кампании в Тьераше. Выход Фландрии на сцену означал начало второго акта драмы.

Подчиненное после кассельского похода, но не смилившееся население Приморской Фландрии все еще испытывало глубокую ненависть к сюзерену Валуа и к молодому графу, который его поддерживал. Чиновники французского короля со своей обычной бесцеремонностью вмешивались в фламандские муниципальные дела, навязывали принудительный курс королевской монеты. Пусть даже, пытаясь упредить возможность измены с этой стороны, Филипп VI официально разрешил своим фламандским подданным сохранять нейтралитет в приближающемся конфликте и продолжать торговлю с врагом за Ла-Маншем. Эдуард III, перекрыв почти в то же время шерстяной путь в наказание Людовику Неверскому за преданность делу Валуа, свел на нет благотворный эффект от этой успокоительной меры. Прекращение всякого подвоза сырья в промышленные города лишило мелких ремесленников заработка, и последствия не заставили долго себя ждать. Впав в нищету, трудящиеся обвинили в этом французского короля. Они ругали графа и знать, роскошная жизнь которых была слишком вызывающей, и зажиточных бюргеров, чьи солидные капиталы позволяли легко перенести кризис, бюргеров, которых подозревали, что в глубине души те всегда были сторонниками лилий (*l'eliaerts*). В 1337 г. появились обычные симптомы

социального кризиса: уличные волнения, манифестации с выкриками «Работы и свободы». Из Валансьена, разжигая оттуда недовольство в Нидерландах, английские агенты установили контакты с зачинщиками, подбивали их на восстание, которое надеялись использовать к своей выгоде.

Всех недовольных скоро объединил один вождь, возвышавшийся над ними по масштабу личности. Несмотря на богатство и даже несмотря на связи со знатью, преуспевающий бюргер Якоб ван Артевельде стал выразителем требований народа. Для того чтобы был вновь открыт шерстяной путь — первое условие возможности продолжать работу, — надо было примириться с Плантагенетом; поэтому, если верить хронистам, выражавшим противную тенденцию, Артевельде потребовал, чтобы фламандцы «встали на сторону англичан против французов». Во всяком случае в Генте, главном центре рабочих волнений, 3 января 1338 г. народ единодушно выбрал его *guwaert* — то есть капитаном — города. Благодаря умелой пропаганде к движению примкнули и города-соперники Гента, Брюгге и Ипр, а также мелкие сельские суконные центры, хотя крупные сукнодельческие города, согласно своим уставам, всегда относились к ним сурово. Враждовавшие группировки повсюду были вынуждены заключить перемирие, и образовался союз, направленный против графа и короля и имевший форму правящего комитета из делегатов основных городов под председательством Артевельде. Его власть была признана всей страной — от Байёля на юге до Термонда на севере. Тщетно Людовик Неверский пытался силой подавить восстание своих подданных. Натиск вооруженных сил, отправленных в Гент и Брюгге, был отбит коммунальным ополчением; в феврале 1339 г. граф был вынужден бежать ко двору французского короля, оставив всю Фландрию в руках восставших.

Когда Артевельде взял власть, Эдуард III было решил, что Фландрия в его руках. В то время он как раз сколачивал свою обширную нидерландско-имперскую коалицию против Валуа. Если бы к ней примкнуло графство Фландрское, до чего, казалось, было уже недалеко, это дало бы ему сокрушительное превосходство над противником. Но чтобы это произошло, понадобились почти два года трудных переговоров.

Ведь Артевельде отнюдь не спешил за здорово живешь браться в объятия англичан, заключая с ними союз. Восстание, проходившее под его руководством, было направлено против дурных чиновников неумелого графа. Но отвергнуть сюзерена, пусть и ненавистного, — это был более серьезный шаг, на который он пока идти не хотел. Это грозило союзом графа с королем, новым карательным походом французских рыцарей и новым Касселем, а память о катастрофе 1328 г. у всех еще была свежа. Артевельде предусмотрительно предложил Лондону лишь уверения в его благожелательном нейтралитете. За эту скромную поддержку он в июле 1338 г. получил также скромную партию английской шерсти, позволившую нескольким мастерским возобновить работу. Его постоянно подталкивали пойти и дальше, но он полтора года отказывался делать какие-либо новые уступки. Со своей стороны Эдуард, для которого союз с Брабантом был тоже важен, не мог предлагать никаких экономических преимуществ, которые нанесли бы ущерб интересам Антверпена и Брюсселя. Поэтому ситуация не менялась, и свою позднюю кампанию 1339 г. Эдуарду пришлось начинать без поддержки фламандского ополчения.

После рейда англичан на Тьераш Артевельде был вынужден более открыто принять сторону Англии. Ведь французский ост, в полном составе стоявший неподалеку от фламандских границ, теперь мог двинуться против него по призыву графа Людовика. Чтобы иметь возможность отразить эту новую угрозу, фламандцам были нужны деньги и воины Плантагенетов. И переговоры возобновились. Артевельде и Эдуард много раз встречались, и в итоге 3 декабря 1339 г. было заключено соглашение, по которому англичане очень дорого покупали союз с Фландрией. Отныне ничто не должно было мешать фламандцам получать шерсть из-за Ла-Манша, а «этап» перемещался из Антверпена в Брюгге. Им обещали вернуть шателенства Лилль, Дуэ и Орши, со времен Филиппа Красивого попавшие в руки французов; им в четыре приема должны были выплатить 140 000 ливров на военную экипировку и на оборону страны; наконец, в случае нападения Валуа в распоряжение Артевельде передавался английский флот и воинские контингенты. Взамен фламандцы обещали военную

помощь и, главное, признавали Плантагенета законным королем Франции. Так что 6 февраля 1340 г. Эдуард смог устроить прием в Генте, в «парламенте», куда были приглашены его новые вассалы. Как наследник Людовика Святого и Филиппа Красивого он принял здесь присягу городов и оммаж той знати, которая не держала сторону графа. Отныне он принял титул «короля Англии и Франции», приказал переделать большую печать, разбил свой герб на четыре четверти, в две из которых поместил лилии, и стал датировать свои акты «от четырнадцатого года нашего царствования в Англии и первого во Франции». Боевые действия еще не развернулись в полную мощь, а он уже достиг первой цели — превратил феодальный конфликт в династическую войну. Викарий Империи, король Франции, суверен маленького островного государства приобрел престиж, ослеплявший не только его. 29 марта Вестминстерский парламент ратифицировал англо-фламандский союз. В это же время граф д'Эно, которому до сих пор удавалось сохранить шаткий нейтралитет между французским сюзереном и английским зятем, направил Валуа вызов. Это значило, что Филипп теряет последних друзей в Нидерландах.

Но в военном отношении фламандский альянс принес не меньше разочарований, чем альянс имперский. Эдуард крепко попал в лапы к своим нидерландским кредиторам. В феврале 1340 г. они разрешили ему съездить в Англию, чтобы созвать сессию парламента и найти деньги и подкрепления. Но ему пришлось пообещать вернуться до июня. В залог он был вынужден оставить в Генте, под надзором банкиров, чьим должником он был, жену и маленьких детей; именно в Генте в это время родился его третий сын — будущий герцог Ланкастер. А в Англии общины не пожелали одобрить новых финансовых жертв, которых от них потребовали, и отказались вотиловать тягостные налоги на сельскохозяйственные доходы и на движимость горожан нормой в одну девятую, посчитав их разорительными. Даже администрации, прежде всего службам Канцелярии и Палаты Шахматной доски, надоело, что ими командуют с континента функционеры ведомства двора; здешние чиновники намеренно затягивали военные приготовления, а некоторые и открыто противились им. Наконец, король Фран-

ции готовился вывести в море новую армию вторжения. Для этого французский флот, усиленный кастильскими кораблями и несколькими генуэзскими галерами, крейсировал у фламандского побережья или стоял в Слэйсе — по-французски Эклюз — единственном приличном порту графства.

С отважным упорством Эдуард преодолел все препятствия, подавил всякое сопротивление, не посчитался с французской угрозой. 22 июня он повел весь флот во Фландрию. Через день на входе в порт Слэйс он дал морское сражение. Вследствие весьма посредственного уровня командования у противника и несогласованности действий французов и кастильцев флот Валуа за несколько часов был уничтожен — потоплен или сожжен. Великолепный успех, обеспечивавший победителю, во всяком случае на несколько лет, господство на море. Но не имевший решающего значения: Французское королевство как таковое не пострадало, его еще нужно было завоевать. У Эдуарда, как мы увидим, сил для этого не было.

Английская армия, усиленная фламандскими ополченцами, — в целом это, вероятно, составляло тысяч тридцать бойцов, — выступила в поход в конце июля. Она пошла прямо на Турне, первый аванпост королевского домена на берегах Шельды. Однако материалов, необходимых для осады столь мощной крепости, у нее не было, и она на долгие недели застряла под стенами города. Тем временем армия Филиппа, сосредоточенная на холмах Артуа, вышла в район Лилля, стала перехватывать вражеских фуражиров, нападать на отколовшиеся отряды, но опять-таки не желала принимать полевого сражения, которое Эдуарду, по-видимому, не терпелось дать. К середине сентября положение обеих войск, из-за приближения мертвого сезона и нехватки фуража, стало быстро ухудшаться. Англичане, уже знавшие о на шумевшей измене Брабанта, который считал, что их примирение с Фландрией наносит удар по его интересам, теперь слышали, что с Валуа примирился граф д'Эно. Во избежание худшего они согласились на краткое перемирие, предложенное посланцами Бенедикта XII. Перемирие, действовавшее до июня 1341 г., но не исключавшее продления, было заключено в Эплешене, деревушке в области Турне, 25 сентября 1340 г.

Итог первых лет войны был в целом скорее неблагоприятен для Плантагенетов: Их рейды не нанесли урона живой силе Французского королевства, сплоченность которого перед лицом опасности как будто даже повысилась. Усиление власти Филиппа VI было особенно заметным в финансовой сфере: не посчитавшись с желаниями податных людей, он осмелился обложить их повышенными налогами, по крайней мере часть которых позволила набрать значительные войска. В 1340 г. он созвал по бальяжам представителей подданных и потребовал от них установить подоходный налог с нормой в одну пятидесятую, а также новый налог с продаж. Мы знаем, что в Штатах Вермандуа мнения разделились, но в целом они дали ответ, «отнюдь не приятный королю». Однако Филипп проигнорировал это несогласие и официально ввел налог. В 1341 г. он содрал с купцов почти всего королевства побор за коммерческие операции в размере 4 денье за ливр. В 1342 г. все королевство должно было выплатить подъемную подать в 20 су на очаг, из которой, насколько нам известно, 73 000 ливров пришлось на одно только сенешальство Каркассон и 33 000 ливров на Перигор и Керси. Какими бы неудачами и затруднениями ни сопровождался сбор налогов, Валуа смогли ощутимо улучшить свои экстраординарные доходы. Кстати, в это же время удалось сделать всеобщим и постоянным новый налог — габель¹. До сих пор королевская власть за свой счет разрабатывала соляные копи Каркассона и Ажена, входящие в состав домениальных ресурсов, пользуясь в этих расположенных рядом округах исключительной привилегией на разработку и продажу. Ордонанс от 16 мая 1341 г., изданный без обращения к Штатам, распространил габель на все королевство. Комиссары короля принялись конфисковывать или скупать все запасы соли, строить торговые амбары, и население обязали запасаться солью только здесь. Скоро, впрочем, монополия на такую продажу останется лишь в Лангедоке. В остальных местах королевские амбары станут просто складами, куда будут поступать оптовые партии соли, ввозимые в город, и откуда смогут брать соль купцы

¹ Габель — система взимания налогов на соль (*прим. ред.*).

при условии выплаты подати по системе, аналогичной «этапу» шерсти, выгоду с которого получает король Англии. Этот налог, став одним из самых непопулярных, тем не менее просуществует до конца Старого порядка.

Наконец, несправедливо было бы умолчать о том симптоматичном факте, что заботы об английской войне не заставили Филиппа и его советников отказаться от плодотворной политики приращения домена, продолжающей политику его капетингских предшественников и расширяющей сферу ее приложения. В 1341 г. он, воспользовавшись «мятежом» Хайме III, короля Майорки, державшего от французской короны половину города Монпелье и одноименной сеньории, конфисковал и занял его фьеф. Вскоре мятежник будет прощен, но, испытывая жесткий нажим со стороны короля Арагона, пытающегося отнять у того его маленькое островное и пиренейское королевство, он в конечном счете в 1349 г. продаст свой фьеф Филиппу за 120 000 экю. Так домен приобретет последние права, которыми королевский дом Арагона полтора века владел в Лангедоке. В это же время французские дипломаты вели трудные переговоры, пытаясь приобрести для какого-нибудь принца из рода Валуа одну провинцию, расположенную за пределами королевства Франции, но входящую в «Арльское королевство», где со времен Людовика Святого безраздельно преобладало французское влияние. Известно, что Юмбер, последний дофин Вьеннский, не имевший наследников и желавший найти славу и приключения в крестовом походе, собирался продать свое наследие тому, кто дороже заплатит. Успешные переговоры позволили принцам золотых лилий стать владельцами этих земель. В 1343 г. еще предполагалось передать их младшему сыну короля, Филиппу Орлеанскому, с тем чтобы он основал там местную династию, но с запретом на последующее присоединение их к короне. В следующем году Филипп вместо младшего сына решил отдать их старшему — Иоанну. Наконец, в 1349 г. по новому договору, на сей раз окончательному, Юмбер продал Дофине старшему сыну Иоанна Нормандского — будущему Карлу V, тем самым ставшему первым французским принцем, носящим титул дофина.

III
БЕДСТВИЯ ФРАНЦИИ
(1340–1364 гг.)

Эплешенское перемирие отражает явный провал грандиозных планов, порожденных манией величия Эдуарда III, который рассчитывал быстро сокрушить династию Валуа. Некоторые историки нового времени, особенно французские, находили особое удовольствие в том, чтобы изображать английского короля политиком несомненно амбициозным, но реалистичным, умеющим использовать все обстоятельства и знающим, чего он хочет, что может и куда идет. Именно такие качества менее всего характерны для молодого, тридцатилетнего суверена, который, как мы видим, в последние месяцы 1340 г. оказался в крайне бедственном положении. Как только дело дошло до завоеваний на континенте, Эдуард показал себя точно таким же прожектором, как и его противник. Суровая реальность образумит его, научив соразмерять амбиции со средствами. Только что он получил самый жестокий урок на своем долгом жизненном пути.

Что осталось от множества альянсов, собранных с таким трудом и оплаченных так дорого? Замысел окружить Францию военными силами Нидерландов и Германии потерпел плачевный провал. Это сооружение держалось лишь на английском золоте; едва последнее иссякло, как все рухнуло. Людвиг Баварский подал сигнал к общей измене. В январе 1341 г. французская дипломатия добилась, чтобы он расторг союз с Англией и обещал дружбу Валуа. Потом он отозвал титул викария Империи, пожалованный Эдуарду, и заставил объявить о нейтралитете всех князей, которых английские стерлинги недавно подняли на борьбу. Когда в мае 1342 г. в Авиньоне наденет тиару новый понтифик — Климент VI, это лишит Людвига Баварского возможности проводить поли-

тику вмешательства в дела земель к западу от Империи, что, впрочем, он и так делал довольно вяло. Вновь началась борьба, еще более упорная, чем когда-либо, между Империей и папством. На это ушли последние силы императора, и франко-английская дуэль его больше не интересовала.

Фландрия, где Эдуард впервые выступил в качестве французского короля, тоже была недалеко от того, чтобы отказаться от союза с Англией. И там дипломатия Филиппа, не столь неумелая, как о ней говорили некоторые, сумела организовать падение Артевельде и проанглийской партии. Фламандские города, поднявшиеся против французского вмешательства, в то же время бунтовали и против своего графа Людовика Неверского, слишком верного вассала Филиппа VI. По просьбе парижского двора папа поспешил отлучить мятежников, нарушивших клятву верности своему законному сеньору. Такие приговоры еще не совсем утратили действенность: в 1342 г. граф восстановил контроль над франкоязычной Фландрией. А в сукнодельческих городах власть Артевельде могла держаться, только если без перебоев работали мастерские, если общественные классы жили в добром согласии. Диктатор-высочка, неимоверно разбогатевший, кичившийся тем, что живет в роскоши, теперь раздражал ремесленников, которые привели его к власти. Вскоре — несколько опередим события — ткачи возмутятся против суконщиков, а мелкие ремесленные центры выступят против экономической тирании Гента, Брюгге и Ипра. От этих внутренних опасностей, от угрозы безработицы, вновь возникшей во Фландрии, Артевельде увидит лишь одно, отчаянное средство: он будет все глубже втягиваться в союз с англичанами. Поскольку все его враги группируются вокруг Людовика Неверского, он отвергнет власть законного графа и предложит графскую корону старшему сыну Эдуарда III, к тому времени уже герцогу Корнуэльскому, который вскоре станет принцем Уэльским. Польщенный таким предложением и решив, что вернулись счастливые дни 1340 г., король Англии в июле 1345 г. прибыл сюда лично с большим флотом, вставшем на якорь в порту Слэйса. Измена была слишком явной, чтобы гентцы смирились с ней. Возмущение, дошедшее до предела, выльется в убийство диктатора, возвраща-

ющегося с последней встречи с английским королем. Эдуарду, надежды которого вновь не оправдаются, останется лишь поднять якоря без надежды вернуться сюда вновь.

Несомненно, в 1340 г. этих событий никто бы не предвидел; однако дальновидный наблюдатель мог предсказать крах английских усилий во Фландрии, если присутствовал при отпадении Брабанта, Эно, видел бездействие Империи. Таким образом, Эплешенское перемирие не улучшило положения Плантагенетов в Нидерландах. Не в состоянии заплатить своим наемникам, доведенный до банкротства, осаждаемый бандой итальянских и нидерландских кредиторов, Эдуард III мог найти спасение лишь в бегстве. 27 ноября 1340 г. он тайно покинул Гент, в Зеландии сел на корабль и, предельно униженный, прибыл в свое королевство, обескровленное двумя масштабными и совершенно безрезультатными военными экспедициями. Его уязвленное тщеславие вылилось в гнев на собственных чиновников: они, мол, в его отсутствие правили по своему произволу, не выполняли приходящих из-за моря приказов и не присылали денег, предназначенных для продолжения войны. Главным виновным в его глазах стал Джон Стратфорд, архиепископ Кентерберийский: он, фактически выполняя с 1339 г. функции регента, не сумел принять административных мер, которых требовала ситуация. Архиепископ спасся, лишь укрывшись в монастыре Крайст-Черч; остальных чиновников, включая судей, король сместил и присудил к крупным штрафам. Сборщиков налогов и шерифов, на которых теперь возложена ответственность за плохой сбор податей, верховная власть карала, не разбирая правых и виноватых. Эта слепая месть вызвала негодование баронов и парламента, которые вынудили короля проявить больше милосердия. Долговое бремя от всего этого не ослабло. Эдуард брал деньги без отдачи; итальянские банки, прежде всего Барди и в меньшей степени Перуцци, предоставили ему огромные авансы в залог доходов от налогов на шерсть. Но этот налог покрывал лишь небольшую часть их издержек. В 1343 г. они обанкротились, и это сказалось на всех банковских городах Европы. Теперь занять их место вызвалась группа английских купцов, которые брали налог на откуп и давали круп-

ные авансы — слишком большие для их возможностей, слишком маленькие для нужд короны. Банкротство настигнет и их в свою очередь — после чумы 1348 г. Пока что приходилось жить как и чем придется. Похоже, эпоха великих начинаний миновала.

Чтобы победить Валуа, само бездействие которых уже внушало надежду, надо было при минимальных издержках найти подходящий плацдарм. Случаю угодно, чтобы он представился почти сразу же: это Бретань.

I

РАСПРЯ В БРЕТАНИ

Вмешаться в дела континента Плантагенетам снова позволила династическая распря. После того как 30 апреля 1341 г. умер герцог Бретонский Иоанн III, оспаривать бретонское наследство стали два кандидата: Жанна де Пантьевр, прозванная Хромоножкой, дочь младшего брата герцога — Ги, давно покойного, и его собственный младший сводный брат граф Жан де Монфор. Племянница вела род от старшего из братьев, но младший брат приходился усопшему более близким родственником. Позволял ли обычай Бретани право представительства, как уверяла Жанна, право, которое пытался внедрить Иоанн III? Или же, наоборот, герцогство-пэрство должно было подчиниться законам, установленным недавно для французской короны, на которые ссылался Монфор, и исключить женщин из наследования? Проблема деликатная, любопытная для юристов. Этот юридический вопрос следовало бы решить королю Франции как сюзерену герцогства. Но Жанна была замужем за племянником Филиппа — Карлом Блуаским, сыном его сестры Маргариты; Монфор, опасаясь пристрастности суда, решил, что самым ловким ходом будет поставить своих противников перед свершившимся фактом. Едва брат умер, он захватил Нант — столицу Бретани, хотел было смелым налетом завладеть герцогской казной, но она была спрятана в надежном месте в Лиможе, вызвал вассалов бретонского герцога и потребовал от них оммажа. Однако их реакция обескуражила его: все прелаты и почти вся знать отказались признать переворот. Тогда он начал войну и одну за другой взял такие крепости, как Кемпер и Брест на западе, Сен-Бриё и Динан на севере, Ренн, Ванн, Орей, Эннебон на востоке. Фактически Жан стал хозяином Бретани. Но более

он не мог рассчитывать на благоприятный приговор французского короля, права которого погрязли, завладев своим фьефом до получения инвеституры. Поэтому он обратился к Эдуарду III. В результате этого рокового шага Бретань двадцать три года будет истекать кровью, королевство Валуа ослабнет, а Плантагенеты приобретут необходимый им именно сейчас престиж.

Итак, Жан де Монфор в июле 1341 г. поспешил в Англию за помощью; ему с радостью обещали помочь в обмен за ручательство, что новый герцог принесет оммаж Эдуарду III как законному суверену Франции. Чтобы крепче привязать Монфора к Англии, ему вернули графство Ричмонд на севере острова, которым когда-то владели его предки. Двор Филиппа отнесся к этому неблагосклонно. Сторонники Пантьевров вселили в короля тревогу, и он потребовал, чтобы Монфор явился ко двору, а здесь упрекнул его за сделки с англичанами и запретил покидать Париж до вынесения грозного приговора. Опасаясь за свою жизнь, тот бежал. 7 сентября пэры Франции, признав обоснованность притязаний Жанны и игнорируя возражения ее заочно осужденного соперника, объявили Карла Блуаского единственным законным герцогом Бретонским и позволили ему принести королю оммаж. Чтобы привести приговор в исполнение, к Нанту подошла внушительная королевская армия под командованием наследного принца Иоанна, герцога Нормандского; крепость капитулировала, Монфор был взят в плен. Казалось, дело закончено.

Но победители не приняли в расчет неукротимой энергии жены Монфора — Жанны Фландрской, которая возобновит борьбу во имя своего юного сына, в то время как Жанна де Пантьевр станет душой противной партии. Началась «война двух Жанн», вполне способная разжечь энтузиазм придворных хронистов, полная прекрасных подвигов, героических побегов, своеобразных поворотов сюжета. Но эта война была фатальной и безысходной для обеих сторон: соперники быстро разорвали Бретань на равные части. За Монфора стояли мелкая знать, большинство городов, крестьяне запада, где говорили по-бретонски; за герцога Блуаского — духовенство,

почти вся высшая знать, франкоязычные села. Но решит судьбу Бретани более весомая поддержка — извне. А за спиной Жанны Фландрской стоял Эдуард III, тогда как за спиной Жанны де Пантьевр — Филипп VI. Война королей, на время приостановленная в Эплешене, вновь, несмотря на перемирие, начнется на бретонских полях сражений. Мы не будем рассказывать здесь о ее запутанных перипетиях. Остановимся лишь на английской интервенции и ее долговременных последствиях. Сначала по призыву Монфоров в Бретани высадился небольшой корпус, в составе которого сыграет последний акт своей бурной жизни Робер д'Артуа, и деблокировал Эннебон, где герцог Блуаский осаждал своего соперника; потом, в октябре 1342 г., прибыл сам Эдуард с двенадцатитысячной армией, намеренно разорил страну и двинулся на Ванн. Прежде чем французская армия, которой вновь командовал герцог Нормандский, успела сойтись с англичанами, папские легаты в январе 1343 г. в Малетруа навязали обеим странам перемирие. Рыцарство обоих лагерей вновь, в третий раз за пять лет, лишили большого полевого сражения, о котором оно мечтало всей душой. Тем временем Плантагенет, несмотря на перемирие, продолжал распоряжаться в Бретани, некоторые гарнизоны оставлял на месте, другие выводил, направляя их занимать именем Монфора порты, замки, стратегически важные пункты. Несмотря на перемирие, война скоро возобновилась; Монфор, обещавший не возвращаться в Бретань, все-таки приехал сюда снова, чтобы умереть в Эннебоне. Тогда Эдуард объявил себя опекуном юного Иоанна IV; Жанну Фландрскую, сошедшую с ума, он отправил в заточение. К концу 1345 г. бретонскими делами английский король заправлял сам. Какой путь пройден за пять лет! И как удачно компенсировали потерю Фландрии, которая окончательно произойдет именно теперь, эти новые пункты высадки — бретонские порты! В Эдуарде III одновременно жили два человека — честолубец, гонящийся за химерами, и практик, не упускающий случая исправить ошибки первого. Бретонская интермедия дала Англии время собраться. Теперь англичане могли продолжить борьбу непосредственно против династии Валуа.

Последняя попытка добиться мира, предпринятая Климентом VI, закономерно провалилась, потому что Эдуард чувствовал себя готовым к новой войне. Однако понтифик не жалел ничего, чтобы довести предпринятое им как посредником дело до благополучного конца. Он помнил, как хлопотал о примирении обоих королевств, еще будучи просто кардиналом Руанским, Пьером Роже. Ему давно были знакомы участники распри, болевые точки, редкие пункты, по которым было возможно согласие. Если он потерпел неудачу, то лишь потому, что Валуа и Плантагенет, умудренные опытом первых военных столкновений, теперь знали, как быть, уточнили свои цели в войне, сформулировали для себя минимальные требования, при условии выполнения которых сложат оружие, и взгляды обоих более чем когда-либо оставались непримиримыми. Последовав за их полномочными представителями на Авиньонскую конференцию в октябре-декабре 1344 г., мы узнаем, каких принципов будут упорно придерживаться оба противника, за исключением кратковременных периодов слабости, в течение более чем половины столетия.

Эдуард начал с того, что потребовал возвращения себе «долга», то есть Французского королевства, причитающегося ему в качестве «наследства» его матери Изабеллы. Притворство чистой воды. Наученный тяжкими поражениями, он больше не надеялся и никогда не будет надеяться увенчать себя короной, которую так трудно завоевать. Династические притязания для него — лишь разменная монета. И тут же выяснилось, чего он действительно хотел: возвращения Гиени в пределах, как можно более широких, — пока речь шла о границах герцогства времен доброго короля Людовика Святого, но от успехов английского оружия аппетиты будут возрастать. Более того, для этой увеличенной Гиени он был намерен требовать полного суверенитета: больше никаких вассальных связей, никакого вмешательства французских чиновников в ее дела, никаких апелляций в Парижский парламент, никаких угроз конфискации. Если бы Гиень перестала быть частью Французского королевства, Плантагенеты наконец стали бы в ней хозяевами, и сам повод к войне исчез.

Советники Филиппа не менее стойко отстаивали свои принципы. Они начали с утверждения, что Аквитания конфискована по праву; незачем возвращаться к приговору, который к тому же еще и не приведен в исполнение. Потом они попытались предложить иллюзорные компенсации, которые якобы были возможны в Шотландии или в других доменах; наконец они согласились на «возврат» этого фьефа — чисто символический, потому что по-настоящему Плантагенетов изгнать из него и не удавалось; они даже были согласны признать его расширенные границы, которых требовал Эдуард. Но от суверенитета они отказаться не могли. Французский король имел право передавать домены в лен, но не расчленять королевство. Если король Англии отказывался приносить ему оммаж, считая, что вассальная связь несовместима с независимостью его короны, пусть уступил бы герцогство Аквитанское в апанаж одному из своих сыновей; тот станет вассалом французской короны, и все останутся при своем. Советники Филиппа VI произносили гордые слова; потом их будет повторять Карл V, приближенные Карла VI... Один только Иоанн Добрый забудет их под тяжестью поражения. Но не будем забежать вперед. Довольно и того, что мы выявили константы конфликта, который до конца века и даже дольше сохранит в основном феодальный характер.

II

КРЕСИ И КАЛЕ

Срок перемирия, продлевавшегося несколько раз, истек в начале марта 1345 г.; после провала Авиньонской встречи его не возобновляли. Сразу же последовало нападение англичан — в Бретани, где прибывшие из-за пролива отряды, которыми командовал грозный Томас Дагуорт, брали крепости от имени Иоанна IV, и прежде всего в Аквитании, где неистовая англо-гасконская армия под началом графа Дерби вновь двинулась вперед, грабила окрестности, плохо защищенные замки брала с ходу, устраивала безнаказанные набеги на Лангедок. Против нее-то французский король и решил бросить самые крупные свои силы. Внушительная, хорошо экипированная, но слишком долго собиравшаяся армия была в мае 1346 г. передана под командование герцога Нормандского, наместника короля в Лангедоке. На долгие недели она застряла под стенами хорошо укрепленной крепости Эгийон, стоящей в месте слияния Ло и Гаронны, — ключа к аквитанской равнине, которую несколько месяцев тому назад не хватило сил удержать. Она бы там осталась намного дольше — наследник престола был известен своим упрямством — если бы невероятные новости из Северной Франции не заставили 30 августа 1346 г. снять осаду: король только что потерпел в полевом сражении жесточайший разгром за всю войну.

Операции своих войск в Бретани и Гиени Эдуард III рассматривал лишь как мелкие стычки с целью разведать территорию, прощупать противника, либо как диверсии, не рассчитанные на многое. Он готовился высадиться в благоприятный момент и в благоприятном месте, твердо решив довести до победного конца ту большую экспедицию, первые попытки совершения которой в 1339, в 1340, в 1342 гг. в Тьераше, в

области Турне, в Бретани слишком рано сошли на нет. Собирая оружие, людей, корабли, он все никак не мог выбрать направление удара. Фландрия в этом качестве отпала в 1345 г. из-за убийства Артевельде — в тот самый момент, когда он намеревался там высадиться. В следующем году он получил неожиданную поддержку, что и определило место высадки. Филипп, слишком жестокий в своем «правосудии» — и не умевший его компенсировать, по обычаю того времени, скорым прощением, — только что сурово покарал, приговорив к конфискации земель и изгнанию, одно могущественное нормандское семейство, основательно утвердившееся в Котантене и, в частности, державшее важную крепость Сен-Совёрле-Виконт. Попав в опалу и лишившись владений, Жоффруа д'Аркур принес оммаж Плантагенетам. И поэтому король Англии высадился 11 июля 1346 г. в Котантене — в Сен-Вааст-ла-Уг. Армия, которой он командовал, была сравнительно невелика: англичане, ограниченные малым водоизмещением кораблей, никогда не могли ввести в сражение более восьми тысяч всадников, поддержанных несколькими тысячами пехотинцев. Но эффект неожиданности сыграл свою роль, потому что никакой системы береговой обороны не было, а крепости еле-еле укомплектованы. В атмосфере всеобщего страха захватчики, не встретив сопротивления, растеклись по Нижней Нормандии, без боя захватили Кан, пересекли область Эврё, достигли Сены близ Пуасси, проникли в самое сердце земель Капетингов. Пойдут ли они на Париж? Королевская армия, куда толпой устремились вассалы, наконец собралась вокруг Филиппа. Эдуард не помышлял мериться силами с этим внушительным и слишком многочисленным врагом. Он поспешил на север, рассчитывая достичь побережья Булонской области, прежде чем его нагонят. Но французы, двигаясь форсированным маршем, приближались. Он и сам потерял драгоценное время, форсируя Сомму. Волей-неволей ему пришлось принять бой.

На пикардийских плоскогорьях, в Креси, 26 августа произошло то, во что нельзя поверить. Почему англичане вышли победителями из этой неравной битвы, где по всей логике должны были потерпеть сокрушительное поражение? Неко-

которые обвиняли французских рыцарей в безрассудной лихости: мол, они пошли в бой, не дав отдыха лошадям, не перегруппировавшись и атаковав наудачу. На самом деле Эдуард обязан победой, сколь ни странно это может прозвучать, тому факту, что его армия была меньше. В этих условиях открыто дожидаться противника, искать ближнего боя между рыцарями, вести войну по правилам, которые уважаешь сам и которым охотно последовали бы твои вассалы, было бы непростительной глупостью. Надо на ходу измышлять хитрости, за которые в глубине души стыдно и самому. Он выбрал выгодное место, откуда можно было следить за передвижениями неприятеля; кавалерия, которая рвалась в бой, по его приказу вынуждена была пока оставаться на месте. Жалкую пехоту прикрывали частоколы и изгороди; уэльские лучники, первыми подвергшиеся конной атаке, осыпали противника градом стрел, убивая лошадей и вышибая из седел всадников. Пригодились даже несколько пушек, взятых исключительно на случай осад, — и они внесли лепту в создание паники. Когда же началась рукопашная — это была уже просто страшная бойня. Весь цвет французского рыцарства, граф Фландрский Людовик Неверский, старый король Чехии Иоанн Слепой и многие другие устлали своими трупами поле битвы. Было взято множество знатных пленников. Известно, что вечером после сражения король в панике бежал чуть ли не в одиночестве и потребовал в ближайшем замке, чтобы ему открыли ворота и пустили переночевать.

Став вопреки всякому ожиданию победителем, Эдуард был не в силах развить свой успех. Он настоял на том, чтобы погрузиться на корабли. Ему нужно было найти какой-нибудь порт. И он остановил выбор на Кале — крепости, зависящей от графа Булонского, расположенной недалеко от Фландрии, — рассчитывая быстро взять город. Но способы осадной войны в то время были столь слабо развиты, что, если город имел прочные стены и решительных защитников, одолеть его можно было лишь с помощью измены или голода. Осада затянулась. Осаждавшему понадобились смелость и упорство, чтобы не снять ее: солдаты возмущались, что кампания вопреки обычаям ведется зимой, в их рядах участи-

лись дезертирства. Весной изголодавшиеся жители города, увидев, что к англичанам подошли подкрепления, решили, вероятно, заключить с осаждающим договор такого рода, какие не были редкостью в то время: если до начала августа город не получит поддержки, он безоговорочно капитулирует. Жители очень рассчитывали, что французский король появится раньше условленной даты. Но Филипп, ошеломленный первым поражением, как будто вовсе обессилел. Его армия медленно переформировывалась, но она уже была меньше по численности, и боевой дух ее был ниже. Ни командующий более не верил в нее, ни она в него. В июле она вступила в Булонскую область. Английские авангарды начали ее беспокоить и преградили путь. Филипп остановился, помедлил несколько дней, а потом отступил. Кале сдался 4 августа 1347 г. По историческим сочинениям хорошо известен гнев победителя, ярко отражающий характер этого жестокого и утонченного рыцаря; много раз рассказано, как он хотел истребить всех жителей, чтобы наказать их за слишком долгое сопротивление; как потом он решил принести в жертву только мэра и самых богатых граждан; как наконец мольбы жены, Филиппы де'Эно, утихомирили его гнев и побудили всех помиловать. На полотне Эпиналя изображена финальная сцена драмы.

Победив при Креси и овладев Кале, Эдуард исчерпал свои силы до предела. Вконец изнуренный, теперь он мог лишь возвратиться домой — увенчанный славой, но почти с пустыми руками. По крайней мере, заключая новое перемирие, он позаботился оставить в Кале гарнизон, способный отбить любой внезапный налет; на место некоторых горожан, изгнанных из своих жилищ, предусмотрительно поселили английских колонистов. Филиппа же тяготила собственная непопулярность — состояние, характерное для побежденных.

Он мог бы свалить вину на подданных, обвинив их в безразличии перед лицом опасности, в нежелании вносить свой вклад в борьбу. Ведь никто не верил в победу Плантагенетов, никто не рассчитывал на длительную и дорогостоящую войну. Даже в 1343 г. с трудом удалось уговорить Штаты оставить прежний размер габели и на год обложить все продаваемые в королевстве товары новым «побором».

За это пришлось пообещать вернуться к полноценной монете. В последующие годы от местных собраний, всегда непокорных, удавалось получать лишь скудные суммы. За несколько месяцев до Креси Штаты Лангедойля подали пространную жалобу; они всегда требовали одного и того же — отмены принудительных займов в пользу короля или его приближенных, ограничения призового права, учета реквизиций пищевых продуктов при выплате податей, удаления бесполезных чиновников, ограничения судебных прав бальи и сенешалей, докладчиков Палаты прошений короля, лесничих. Если они соглашались сохранять существующие нормы сборов, то лишь за обещание отменить их при первой возможности. Они считали, что при лучшем управлении доменом король мог бы жить только за счет своего, не взимая налогов. Депутаты Лангедока проявили больше податливости. Иоанн Нормандский добился от них субсидии, хоть и небольшой, позволившей финансировать осаду Эгийона. Но когда потребовалось помочь Кале, оказалось, что сундуки пусты.

Новые Штаты были созваны в Париже 30 ноября 1347 г. Нужно было со всей поспешностью восстанавливать флот, набирать армию, отражать новое вторжение. Все депутаты были возмущены. Обращаясь к побежденному королю, они сказали: «Вы должны знать, как и по чьим советам вели свои войны и как, следуя дурному совету, вы проиграли их все, ничего не приобретя, тогда как, если бы вы следовали советам добрым, надо думать, не нашлось бы в мире ни единого человека, ни государя, каковой смог бы тогда вам либо вашим подданным учинить зло». Вспоминая Креси и Кале, они напомнили ему, «как пошли вы в места оные с честью и при великом отряде, понеся великие расходы и великие затраты, и как там обесславили вас, и заставили вернуться с позором, и навязали оные перемирия, позволявшие, чтобы враги пребывали в вашем королевстве и господствовали над ним... И оными советами были вы обещены». Нуждающаяся в деньгах королевская власть была вынуждена смиренно выслушивать упреки своих буржуа. Она проглотила оскорбление с покорным и просительным видом. Штаты смягчились и признали: да, чтобы покончить с этим делом, надо напасть

на врага на его территории, собрать армию, восстановить флот. Депутаты обещали оказать королю поддержку «своими телами и своими состояниями». Ничего более определенного. После этого следовало отправлять комиссаров для переговоров на местах — с городами, знатью, духовенством, добиваться скудных субсидий, которые быстро расходуются на местах.

Намеченное нападение на Английский остров не состоялось. В это время Францию парализовало новое бедствие, достигшее вслед за тем Англии и Центральной Европы. То была черная чума — ужасная эпидемия, сеющая смерть и опустошение. Она появилась в последние месяцы 1347 г. в Лангедоке, привезенная, по словам современников, на одном судне из Леванта. Судя по устрашающим описаниям хронистов, эту болезнь вполне можно идентифицировать как бубонную чуму, еще недавно — эндемичное заболевание народов Дальнего Востока. Она застала Европу врасплох, неспособную бороться, и нашла здесь благоприятную для своего распространения территорию, где гигиена еще слабо развита. Она двигалась торговыми путями, как в свое время проказа, опустошала города, скученное население которых, незнакомое с гигиеной, становилось ее легкой добычей, а деревни поражало не столь сильно — во всяком случае, в некоторых регионах. Никто не знал, как ее лечить, тем более как ее остановить. Одни бежали в удаленные места с менее вредными условиями для жизни — прежде всего зажиточные люди, высшее духовенство. Другие заявляли, что это ведьмы навели порчу, а евреи отравили колодцы. В некоторых городах южного Средиземноморья и Рейнской области эти обвинения стали удобным предлогом для проведения еврейских погромов, отчего к умершим от чумы добавились новые трупы. Почти весь 1348 г. счет жертвам этого бедствия непрерывно рос. Потом эпидемия мало-помалу затухла, достигнув самых отдаленных районов, но так и не исчезла полностью. Ее периодические рецидивы в течение последующего полувека означали, что она сохранялась в латентном, скрытом состоянии, готовая поразить всякого, кто ослабнет.

Ограничившись лишь гекатомбой 1348 г., попробуем подсчитать жертвы, уточнить масштабы смертности. Современ-

ники приводят цифры фантастические, не заслуживающие доверия, — по их словам получается, что погибло девять десятых населения. Будь это так, Европа обратилась бы в пустыню. У нас есть некоторые точные данные, но они фрагментарны, а как-либо обобщать их рискованно. Один населенный пункт в Бургундии, процветающая деревня с численностью населения в тысячу двести — тысячу пятьсот человек, за три месяца потерял более четырехсот жителей. В некоторых сельских сеньориях Центральной Франции доля необрабатываемых земель быстро дошла до 20%. Численность английского сельского духовенства сократилась приблизительно на треть, и т. д. Оценив цифры потерь в пределах от одной восьмой до одной третьей всего населения, как во Франции, так и в Англии, мы, несомненно, не выйдем за границы правдоподобного.

Жизнь очень быстро восстановилась, но шла в более низком темпе, в более тесных рамках. Как всегда после великих бедствий, заключалось много браков и возникло превышение рождаемости над смертностью, однако недостаточное, чтобы восполнить потери. Последствия этой ужасной гекатомбы продолжают сказываться еще долго, особенно во Франции, где периодические рецидивы эпидемии и военные грабежи будут поддерживать численность населения на пониженном уровне. Легко понять, какой вред это причиняло сельскому хозяйству, все еще преобладавшему в стране. Из-за редкого населения значительная часть земли оставалась необработанной; невыплаты оброка наносили чувствительные удары по сеньорам — владельцам земли, как светским, так и церковным. Во избежание худшего крупные землевладельцы — этот случай был изучен применительно к церковным поместьям в Англии — как правило, забрасывали плохие земли, горные владения или отдавали их под выпас овец, требующий меньше труда, а всю имеющуюся рабочую силу концентрировали в равнинных, более процветающих хозяйствах. Должно быть, то же делали и мелкие землевладельцы, в меньших масштабах. Ланды почти повсюду были землями бедными, приносящими посредственный доход, едва окупающимися, которые обрабатывали только затем, чтобы удовлетворить нужды избыточного населения. Вполне понятно, что теперь этими

землями жертвовали, но этого было недостаточно для высвобождения сельскохозяйственных работников, необходимых для обработки оставшихся хозяйств. Поэтому в областях, где это возможно, происходило откровенное ужесточение крепостной зависимости или, во всяком случае, усиление барщины, гужевой и прочих повинностей для выживших держателей.

Но сами по себе сеньоры и землевладельцы были не в состоянии удержать в повиновении сократившуюся рабочую силу: поскольку цены подскочили, то и рабочие требовали очень высокой оплаты, бóльшую, чем прежняя, самое меньшее на 50%. Поэтому хозяева обратились к властям, требуя их вмешательства. В первый раз в истории западноевропейских монархий была сделана попытка с помощью строгих законодательных мер регламентировать условия работы, но в пользу нанимателей. Самыми эффективными эти меры оказались, похоже, в Англии. Первый ордонанс, изданный в 1349 г., а потом дополненный и утвержденный в форме «статута земледельцев» (закона о рабочей силе), как только в 1351 г. удалось созвать парламент, объявил незаконной любую заработную плату выше тех, какие существовали до 1348 г., установил санкции против хозяев, которые будут предлагать более высокое жалованье, и против рабочих и ремесленников, покидающих место работы в надежде найти более высокое вознаграждение в другом месте. В результате сельский рабочий, городской ремесленник оказывался прикованным к своей работе, лишенным возможности улучшить свою судьбу. Любое нарушение этого закона должны были рассматривать специальные судебные комиссии, которые на своих выездных заседаниях, позже слившихся с выездами мировых судей, осыпали непокорных штрафами, приговаривали их к тюремному заключению, клеймению или калечению.

В конечном счете больше всех от кризиса пострадало государство: база налогообложения таяла, как снег под солнцем. А имущий класс — знать, духовенство, — получив чувствительный удар, не мог ни выполнить своих вассальных обязательств, ни обеспечить поддержание порядка. Представители этого класса допускали, чтобы их замки разрушались и делались легкой добычей захватчика, или же пытались возме-

стить доходы, которых уже не могли получить от держателей, за счет разбоя. Преступность во Франции начала прогрессировать задолго до появления наемников с их грабежами; беспокоит она и Англию, где, правда, воинские отряды никогда не станут шайками грабителей. Обедневшее духовенство уже не справлялось со своими задачами. Его поредевшие ряды пришлось срочно восполнять, и новые священники, которых выпекали наскоро в массовом количестве, как по знаниям, так и по усердию не дотягивали до предшественников. Уменьшение доходов ударило по госпиталям, из-за чего иссякла благотворительность; высокопоставленные главы приходов начали совмещать все большее число должностей, и вообще священники все реже являлись на службу. Все духовенство оказалось в трудном положении и оттого, что фискальные требования к нему одновременно предъявляли и папа, и монарх. Ведь не случайно первые суровые меры против выплат за счет будущих доходов от бенефициев и против злоупотреблений папских налоговых служб были объявлены в Англии в 1351 и в 1353 гг., сразу же после эпидемии чумы.

Основную массу податных людей всегда составляли крестьяне, ремесленники, горожане. Но что касается косвенных налогов, зависящих от экономического процветания, или налогов прямых, обычно взимаемых исходя из учтенного количества очагов, то кризис 1348 г. привел к пугающему снижению доходов от них. Если сохранить прежнее число очагов как фиктивную основу для будущей раскладки, то при взимании налогов получишь крайне неприятный недобор. Пересмотреть количество очагов, чтобы оно соответствовало нынешнему положению, — значит показать всем оскудение страны и, следовательно, государства. Сразу увидят, что три лангедокских сенешальства, первоначально оценивавшиеся в 210 000 очагов, в 1370 г. сократились до 83 000, а в 1378-м — всего до 30 000 очагов. Теперь на несколько поколений монархия, и раньше плохо снабжаемая налоговыми поступлениями из-за того, что не имела ни постоянных обеспеченных ресурсов, ни организованной фискальной системы, будет посажена на голодный паек — как во Франции, так и в Англии. Ей следовало бы признать оскудение ресурсов и умерить амбиции до

уровня своих жалких средств. Но ни Валуа, ни Плантагенеты не усвоили сурового урока, который преподала им жизнь. Они продолжали строить грандиозные планы, измышлять самые дорогостоящие комбинации — союзы, вторжения, крестовые походы, завоевания... Результаты этого уже не смогут оправдать ожиданий. В итоге королям удалось лишь сделать свои страны еще немного беднее, истощить один за другим источники своих будущих доходов. Во всей франко-английской политике с 1350 по 1400 г. и даже позже ничто так не бросается в глаза, как вопиющая несоразмерность скудных средств и смелых начинаний. Она легко объясняет неимоверную длительность конфликта.

III

ПАНИЧЕСКИЕ СТРАХИ КОРОЛЯ ИОАННА

После смерти Филиппа VI в августе 1350 г. на французский трон взошел его сын Иоанн, которого потомки прозвали Добрым. Новый король пока проявил только храбрость да некомпетентность в военном деле — на посту наместника Лангедока и при осаде Эгийона. Отец осыпал его почестями, сделав последовательно герцогом Нормандским, потом графом Анжу и Мена, а затем и графом Пуатевинским, тем самым отдав ему все, что корона отобрала у бывшей империи Плантагенетов; было известно, что он отважен, проникнут идеалами рыцарства — именно эти качества принесли популярность Филиппу, во всяком случае в начале правления. Расточительный, любящий пышность, как все Валуа, он вполне мог понравиться знати, охочей до набегов, красивых подвигов и празднеств. Бедствия, в пучину которых он слепо бросится, изменят суждения современников о его персоне. Его упрекнули за то, что он окружает себя советниками низкого происхождения, несведущими, алчными, озабоченными лишь собственным состоянием: некий Робер де Лоррис, некий Никола Брак, некий Симон де Бюси... Однако кое-кто из них был еще советником его отца, а другие станут приближенными сына. Если бы царствование оказалось счастливым, его бы поздравляли с удачным выбором. Фруассар, всегда пристрастный и стоящий на стороне Плантагенетов, объяснит его поражение изъянами характера — несомненно, имеющими место, но не объясняющими всего: Иоанн подозрителен; подвержен страшным приступам гнева, возникающим из-за самых смутных подозрений; тех, кому он не доверяет, наказывает кстати и некстати; его безрассудную ненависть утихо-

мирить невозможно. Великодушно даруемые прощения не компенсируют суровых расправ в духе времени. Но если последнее и вызывают возмущение, то лишь потому, что король неудачлив в своих делах. Втихомолку на него возведут самые странные обвинения. Благосклонность к некоторым выскочкам, особенно к коннетаблю Карлу Испанскому, будет расценена как свидетельство постыдных нравов. Потомство еще не разобралось по справедливости со всеми этими поклепами.

А беда была в том, что в трагический момент истории Франции ее корону носил не то что бездарный — это слишком сильное слово — но посредственный человек. Сознывая, конечно, какие опасности над ним нависают, но не обладая силой духа, которая дала бы возможность встретить их лицом к лицу, Иоанн прожил жизнь в постоянной панике, в атмосфере предательства, которую тоже надо принимать в расчет, объясняя зверские проявления его мстительности. Однако, несмотря на все удары судьбы, несмотря на людские потери вследствие «мора», королевство оставалось богатым и могущественным. Слэйс и Креси были поражениями без дальних последствий. Взятие Кале могло бы показаться более опасным в военном отношении; но оно не коснулось королевского домена, пострадали от него графы Булонские. В качестве десантной базы этот город имел меньше преимуществ, чем Бордо, где англичане могли сразу получать ощутимую поддержку со стороны гасконских контингентов, или чем Брест — цитадель партии Монфора. Таким образом, первые неудачи как бы не затронули «подводную часть» страны. Поэтому двор Иоанна оставался притягательным для европейских рыцарей, ищущих турниров и пирушек; здесь продолжались те же праздники, что и при Филиппе VI. На учреждение Эдуардом III праздников Круглого стола и ордена Подвязки Иоанн ответил основанием ордена Рыцарей звезды, которое стало поводом для блестящих и ослепительных празднеств в «благородном доме» в Сент-Уане, близ Парижа. Неужели кто-то сможет противостоять этому королю-рыцарю? Рыцарство — это пока единственный класс, который имеет значение и пользуется престижем. Казалось бы, он должен быть заодно с сувереном.

Но за этим блистательным фасадом крылись глубокие трещины. Социальный и экономический кризис, вызванный чумой 1348 г., имел долговременные последствия, бороться с которыми власть умела не слишком хорошо. Нужно было вновь вводить в действие законы о заработной плате и вернуть ее на уровень, соответствовавший прежнему, до чумы, помешать рабочим уходить от хозяев, заставить лентьев наниматься за низкое жалованье под страхом клеймения каленым железом. Напрасные старания: не похоже, чтобы ордонанс 1351 г., в отличие от английских статутов той же направленности, действительно начал работать. В деревне сеньоры-землевладельцы сталкивались с проблемой оттока рабочей силы, и так поредевшей, и обвиняли в своем разорении правительство. Неясно, как можно было не допустить возобновления войны, которой Иоанн, похоже, ждал со страхом. Прежде всего надо было укрепить дисциплину в армии. Ордонанс, выпущенный также в 1351 г., установил новую шкалу жалованья для баннеретов, башельеров, оруженосцев; в нем предписывалось, чтобы в «руте»¹ под знаменем одного капитана находились не менее двадцати пяти воинов, раз в два месяца проводились обязательные смотры, которые клеркам маршалов надлежало устраивать без предупреждения, и чтобы не было махинаций с численностью и вооружением рот. Но все это не дало ничего или почти ничего, потому что власти были не в состоянии обеспечить регулярную выплату жалованья, так что капитаны увольняли воинов, сокращая отряды до численности меньше уставной, и вся армия жила за счет населения. Казна была пуста, а страна, потерявшая от войны и эпидемий больше десятой части всего населения, платить не желала. На собраниях любых Штатов, что в Лангедоке, что в Париже, депутаты все время сетовали на лихоимство людей короля и отказывали власти в субсидиях, жалуясь на обеднение своих провинций или утверждая, что не уполномочены своими избирателями взимать деньги. Экономический и финансовый кризис вынуждал правительство проводить все новую «порчу» монеты, отчего ме-

¹ Рута — военный отряд (*прим. ред.*).

нее чем за шесть лет королевская монета, и так сильно подешевевшая, обесценилась еще на 70%.

Итак, нужно было любой ценой исключить, чтобы в столь неблагоприятных обстоятельствах вспыхнула война. Следовало вести беспощадную борьбу со всеми, кто, близко или далеко, вызывает подозрения, что играет на руку противнику. Теперь, поощряемый обирающим его окружением, Иоанн неумело, очертя голову, руководствуясь только своим посредственным интеллектом, погрузился в эту безумную политику. Годы с 1350-го по 1356-й — один из самых хаотичных периодов в истории Франции того века, но притом они отличаются обилием химерических проектов.

Эдуард III не пребывал в неведении относительно слабостей и панических страхов нового французского короля. Ему было приятно поддерживать во Франции страх перед угрозой нового десанта, постоянно откладывая его высадку. Сразу же после взятия Кале заключили перемирие, и папы вновь завели речь о мире. Эдуард не считал мир выгодным для себя, поскольку не умел использовать своих изначальных преимуществ. И он лавировал, сначала в качестве предварительного условия для начала любых переговоров требуя прощения своих бывших фламандских союзников, потом протестуя против пристрастности Святого престола, который, мол, излишне щедро ссужает деньгами французского короля; он направил войска в Гасконь. Смерть Филиппа, а после и смерть Климента VI в декабре 1352 г. дали ему новые предлоги для оттягивания переговоров. Дело взял в свои руки новый папа Иннокентий VI. Наконец весной 1353 г. противники встретились в Гине под патронатом кардинала Булонского, о котором было известно, что он имеет полную власть над душой Иоанна — король недавно женился на его племяннице — и жаждет дипломатического успеха.

Этот самый момент и выбрали Плантагенеты, чтобы посеять панику в лагере Валуа. С 1347 г. Эдуард держал в плену Карла Блуаского, французского претендента на герцогство Бретань. Война, которую упорно не прекращала Жанна де Пантьевр, приносила ей лишь такие успехи, которые нельзя было развить, — как убийство Дагуорта или знаменитый бой

Тридцати, подобие великолепного турнира, в котором бились насмерть¹, очень благодатный «материал» для хронистов рыцарских подвигов. В Лондоне от бретонского пленника сумели добиться всего: чтобы его на время отпустили, он обязывался заплатить выкуп, сделать Бретань фьефом английского короля и переженить своих детей с его детьми. Король сделал ловкий ход: он здесь подстраховался, не лишив милостей и сына Монфора, своего воспитанника. Кто бы теперь ни взял верх, Бретань оставалась в зоне влияния Эдуарда, и каждый претендент станет обращаться за помощью к нему.

Потом у него нашелся еще один союзник, более опасный для дома Валуа, — Карл Наваррский, сын Жанны Французской и Филиппа д'Эврё, принц «королевских лилий с обеих сторон», который вскоре станет смертельным врагом для династии, царствующей в Париже. Когда он только появляется на сцене, это еще юноша, но обольстительный, красноречивый, умный и безумно честолюбивый. По матери он был внуком короля, то есть прямым потомком последних Капетингов, и потому имел на французскую корону больше прав, нежели Плантагенеты. Однажды он посетует на то, что не родился раньше. В 1328 г. его, несомненно, предпочли бы бесцветному Валуа. Теперь же было трудно вернуться к вопросу, который уже однажды решили, трудно взобраться на французский трон, за который спорят могущественные соперники. По крайней мере Карл мог требовать у короля Франции похищенное у него наследство. Отстраненная в 1316 г. от наследования трона Жанна Французская должна была бы унаследовать и все владения матери — Наварру и Шампань. Наварру ей оставили, но Филипп VI, как и его капетингские предшественники, не захотел выпускать из рук богатую Шампань, столь близкую к Парижу. Эту область он заменил ей граф-

¹ Битва Тридцати (март 1351 г.) — эпизод войны за бретонское наследство. Французский военачальник Роберт де Бомон, комендант Жосслена и сторонник Карла Блуаского, вызвал на бой коменданта Плоермеля, германца Бранденбурга, который воевал под знаменем Монфоров. В сражении сошлось по тридцать человек с каждой стороны, и победу одержали французы (*прим. ред.*).

ствами Мортен и Ангулем, не такими ценными, а потом даже Ангумуа забрал обратно, пообещав иллюзорные компенсации. Карл знал, что его мать одурачили. Тем не менее он в 1352 г. согласился жениться на дочери короля Иоанна; приданого за юной принцессой не дали, и это удлинило список его претензий к династии узурпаторов. Но что он мог сделать против могущественной французской монархии? Что такое маленькое королевство Наварра и несколько нормандских фьефов по сравнению с Францией? Все силы он черпал только в интригах. Снюхаться с Англией, пообещать поддержку делу Плантагенетов, побеседовать с английским претендентом о том, что нужен раздел Франции, а потом, когда эффект неожиданности достигнут и противник напуган, примириться с Валуа, вырвав у них новые территориальные уступки, — такой была политика этого вечного заговорщика. Политика, лишенная величия, лишенная искренности, политика правителя, не уверенного в собственных силах и постоянно играющего на руку другому, поскольку собственных целей он добиваться не может.

Но для Эдуарда III он стал великолепным орудием! Получилось так, что Иоанн Добрый, не удовлетворившись тем, что вручил Карлу Испанскому — младшему отпрыску королевской династии Кастилии, из дома де ла Серда — меч коннетабля, выпавший из рук Рауля де Бриенна, казненного за «предательство»¹, передал ему еще и графство Ангулем, которое, как полагал Наваррец, причиталось ему. Карл — его испанские подданные дадут ему прозвище *el Malo*, Злой — и его молодые друзья в начале 1354 г. заманили фаворита в ловушку: тот приехал в Легль, в их нормандские земли, и там его зверски убили. Король, охваченный горем и яростью, поклялся погубить наваррцев. Но убийца обратился за поддержкой к тетке и сестре, вдовам Карла IV и Филиппа VI, добивался вмешательства папы и других влиятельных лиц. Он открыто

¹ Рауль IV де Бриенн — граф Э и Гина, коннетабль Франции в 1344–1350 гг. Попал в 1346 г. в плен при захвате англичанами Кана и за свое освобождение отдал Эдуарду III Гин. 9 ноября 1350 г. по приказу Иоанна II был казнен по обвинению в измене (*прим. ред.*).

вступил в сношения с англичанами и попросил военной помощи у герцога Генриха Ланкастера, кузена Эдуарда III и его помощника по французским делам. «Знайте, что это я, — нагло признавался он, — с Божьей помощью устроил убийство Карла Испанского». Опасный комплот мятежника и врага вынудил французского короля проглотить унижение и позволить кардиналу Булонскому, заинтересованному посреднику, подготовить примирение с Наваррцем. Убийца вошел в милость у короля; за подчинение ему передали добрую часть Котантена. Договор в Манте, подписанный в марте 1354 г., унизил короля Франции, но не уgomонил его ненасытного зятя.

Потрясенные бретонским предательством, растерявшиеся от интриг Наваррца, французские дипломаты, продолжавшие в Гине переговоры с легатами и англичанами, теперь были готовы к самым тяжким уступкам. В апреле 1354 г. они согласовали предварительные условия мира. Но какой ценой доставалось им окончание войны, отказ Плантагенетов от притязаний на французскую корону! Франция наконец признавала суверенитет Аквитании; в последнюю теперь включались также Пуату, Турень, Анжу, Мен — вся бывшая империя Плантагенетов XII века, империя Генриха II и Ричарда Львиное Сердце, — и даже Нормандия. Эдуард мог торжествовать: корону, о которой он никогда не помышлял всерьез, он менял теперь на едва ли не половину Французского королевства и благодаря этим территориальным аннексиям навсегда избавлялся от вассальных уз. Капитуляция была слишком очевидной, более того — явно неоправданной, чтобы тех, кто ее подписал, в скором времени не дезавуировали. Однако она стала эпизодом, ярко характеризующим жалкое царствование Иоанна.

Ратифицировать предварительные договоренности предполагалось осенью, в присутствии папы. Но в Авиньоне французы опомнились. Разъяренные постоянными нарушениями перемирия в Бретани, куда непрерывно поступали подкрепления из Англии, и узнав о новых интригах Наваррца, которые тот плел прямо здесь при попустительстве Иннокентия VI, они взяли назад свои обещания — несомненно, при поддержке того же понтифика, наконец осознавшего, какие опас-

ности грозят его родной стране, — и более не пожелали надеяться суверенитетом оставленные территории. Политика мира потерпела крах. Согласившись вынести столько унижений, Иоанн Добрый все равно не смог избежать войны.

А ведь к этой войне, ответственность за которую Эдуард III еще раз переложил на своего соперника — якобы инициатора разрыва, еще ничего не было готово. В Аквитанию для подготовки к новым боевым действиям приехал Эдуард Виндзорский, принц Уэльский, молодой двадцатипятилетний рыцарь — легендарный Черный принц. Участникам первого англо-гасконского рейда, вышедшим из Бордо осенью 1355 г., удалось безнаказанно разграбить Лангедок до самых ворот Монпелье. На 1356 г. намечались и операции большего размаха. Иоанн, хотя и слишком поздно, но потребовал денег и солдат. Штаты Лангедойля, собравшиеся в Париже в октябре, не отрицали, что это необходимо. Но, не доверяя людям короля, они месяц вели с ним переговоры и в конечном счете добились того, чего местные ассамблеи Нормандии и Вермандуа требовали уже десять лет. Им было разрешено самим взимать субсидию, на которую сто очагов могли в течение года содержать одного воина, и притом использование ее также должны были контролировать представители Штатов; предполагалось, что в каждой епархии ее будут собирать их *делегаты* (*élus*), а *генеральные делегаты* (три представителя знати, три прелата и три горожанина) — выдавать деньги непосредственно воинам; счета следовало представлять Штатам, а значит, последние должны были периодически собираться. Но депутаты забыли, что средства податных людей иссякли и те готовы оплачивать разве что местную оборону. Если монархия утратила контроль над налогами, то и Штаты, сделав попытку их взимать, добились не большего. Когда весной 1356 г. оказалось необходимым собрать армию вассалов, оплачивать ее было нечем.

Предвестием финальной катастрофы сделалась последняя драма. Карл Наваррский, все еще недовольный своей участью, вновь принялся плести интриги. Осенью 1355 г. со своих земель на Котантене он задумал перебраться в Англию. Его удалось успокоить, заключив с ним договор в Валони. Пос-

ле этого он поселился в Руане и завел опасную дружбу с дофином Карлом, который совсем недавно был сделан герцогом Нормандским. Пошла молва, что молодые люди затевают заговор с целью свергнуть короля. В душе последнего копилась ненависть, и наконец чаша подозрений Иоанна переполнилась. Тайно покинувший столицу король Франции 5 апреля 1356 г., задыхаясь от долгой бешеной скачки, внезапно ворвался в Руан и вломился в зал, где бражничали его сын, зять и их свита. Друзья Наваррца были схвачены и казнены без промедления, Карл Злой брошен в одиночную камеру. К этому поступку, наделавшему много шума, взывало все прошлое жертв. Но он вызвал возмущение: все произошло слишком поздно, после слишком многих уступок и притворных примирений, и притом Наваррец пользовался тайными и загадочными симпатиями знати — легкомысленной, склонной к заговорам и традиционно лишенной всякого политического чутья.

Теперь события начали развиваться быстрее. Стало известно, что английский экспедиционный корпус из нескольких тысяч конников под командованием Генриха Ланкастера покинул Бретань и направляется в Нормандию, не без оснований рассчитывая на восстание всех сторонников Наваррца. В свою очередь в Пуату, сжигая и разоряя все на пути, вторглась перегруппировавшаяся англо-гасконская армия Черного принца численностью в пять-шесть тысяч человек. Он намеревался достичь Луары и переправиться через нее, совершенно явно рассчитывая оказать поддержку герцогу Ланкастеру в Нормандии. Судя по незначительности сил, ни та, ни другая армии не собирались принимать полевого сражения, тем более искать его. Ланкастер, удачно выполнив несколько маневров, сумел уклониться от встречи с противником. Но когда стало известно, что армия короля Иоанна, гораздо более многочисленная, намерена отправиться в погоню за ним, Черный принц, находившийся в это время в Турени, медленно двинулся назад в Гиень, отягощенный обозом с добычей. К середине сентября западнее Пуатье, близ Мопертюи на берегах Миоссона, его нагнала французская армия, численности которой хватило бы, чтобы его раздавить. Но два кар-

динала, посланные папой Иннокентием VI, добились перемирия на двадцать четыре часа ради последних и напрасных мирных переговоров. Англичане и гасконцы использовали эту отсрочку, ниспосланную провидением, чтобы укрепиться на более сильных позициях. Когда битва наконец началась, их малочисленность, как и при Креси, вынудила их прибегнуть к военным хитростям, недостойным рыцарей: движению вдоль изгородей, засадам в островках леса, стрельбе по лошадям, которую вели валлийские лучники, обманным движениям, заманивавшим «баталии»¹ противника одну за другой в ловушку. До боя Черный принц не желал большего, чем позволения отступить на свои земли, обещая даже не поднимать оружия в течение семи лет, — так он страшился разгрома при встрече с пятнадцатитысячным войском противника. Уверенный в победе, король Иоанн отверг его предложения. Но когда 19 сентября сражение закончилось, те из французов, кто не погиб и не бежал, оказались пленниками жалкой англо-гасконской армии, в которой творцами победы были намного в большей степени аквитанские вожди, каптал де Буш, Чандос², нежели принц Уэльский. Пленных отправили в Бордо; среди них был и король Франции, упрямо не желавший бежать.

¹ Баталия (фр. *bataille*) — основное тактическое подразделение во французской армии XIII–XIV вв. Баталией командовали назначенные королем или коннетаблем великие чины короны или представители высшей знати (*прим. ред.*).

² Каптал — в Гаскони аналог звания капитана, возглавлявшего военный округ — капталство. В 1356–1371 гг. капталом в Буше (области в Гаскони) был Жан III де Гральи, один из самых одаренных военачальников эпохи Столетней войны, преданный сторонник наваррского короля Карла Злого. В битве при Пуатье отряд Жана де Гральи зашел в тыл французскому войску; впоследствии Жан попал в плен и умер в 1371 г. в заключении в Лувре; Чандос Джон (уб. в 1370 г.), английский военачальник, коннетабль Аквитании и сенешаль Пуату (1369–1370 гг.) (*прим. ред.*).

IV УПАДОК ФРАНЦУЗСКОЙ МОНАРХИИ

Король в плену: эти слова отражали всю трагичность положения Франции. Подобной ситуации не возникало уже более столетия. Но после Мансуры Людовик Святой пользовался в Европе таким престижем¹, что никто и не помышлял напасть на его королевство; он оказался в руках противника, легко удовлетворившегося хорошим выкупом; наконец, его подданные не страдали от этой далекой и славной войны, в которую его вовлекла вера. Совсем в другом положении оказался Иоанн. Конечно, лично короля ни в чем не обвиняли. Из всех провинций доносились изъявления сочувствия рыцарственному суверену — доказательства верности народа своей монархии, верности, которую не могли бы поколебать никакой промах, никакое поражение. Но тем, кому плохо, требуются виноватые; ругали знать, отважную, но легкомысленную, которая потребовала сражения и дала разбить себя на поле боя; обличали бездарность чиновников, королевских советников, ободравших население как липку, что не помешало разразиться катастрофе. Это чувство ненависти, в пассивной форме существующее по всей стране, открыто выльется не везде. По стечению обстоятельств восстание вспыхнет лишь в двух очагах очень ограниченной площади: в нем, с одной стороны, примут участие буржуа Парижа и городов Иль-де-Франса, с другой — крестья-

¹ Французский король Людовик Святой в ходе седьмого крестового похода потерпел поражение при осаде египетской крепости Мансуры и 6 апреля 1250 г. попал в плен (*прим. ред.*).

не области Бове. Однако часто бывает, что небольшая, но смелая группа берет верх над апатичными массами. Почти на два года твердое сопротивление повстанцев поставит под угрозу всю систему управления монархией, плод терпеливых усилий нескольких веков, а может быть, и само будущее династии.

Действительно, в результате возник настоящий конституционный кризис. Он представлялся тем опаснее, что на корабле не было кормчего. Старший сын короля бежал с поля битвы при Пуатье; теперь, после катастрофы, этот очень молодой человек, восемнадцати лет, должен был сделаться наместником королевства. Его телесная слабость бросалась всем в глаза. Карл, щуплый, внешне непривлекательный юноша, слишком рано женившийся на своей кузине Жанне Бурбонской, не имевший ни настоящего политического опыта, ни смелости воина, до сих пор был не более чем игрушкой в руках активного окружения. Теперь он носил титул дофина, но провинцией Дофине от его имени управляли люди короля. Его сделали герцогом Нормандским, но, проведя всего несколько месяцев в своем апанаже, он беззаботно предавался развлечениям, подпал под влияние своего наваррского шурина и, может быть, злоумышлял вместе с ним против отца. Ничто не предвещало, что он сможет задолго продумывать планы, сумеет ловко выпутываться из сложных положений, хитрить с судьбой. Тот, кто, окрепнув от несчастий, станет Карлом V, пока выглядел лишь жалкой марионеткой. Он окружал себя самыми одиозными советниками короля Иоанна, учился у них притворяться, бравировать непопулярностью, демонстративно презирать народные бедствия.

Реакция не заставила себя ждать. Через месяц после Пуатье ему пришлось созвать в Париже Штаты Лангедойля, чтобы удовлетворить растущую нужду в деньгах. В этом многочисленном собрании сразу же дали о себе знать две оппозиционные группировки. Одна из них — это горожане, горящие желанием бороться за свои интересы во имя общественного блага, обеспокоенные расстройством коммерции и

считающие, что как главные кредиторы государства они вправе требовать многого; вторая, более беспокойная и более лицемерная, — это группка честолюбцев, друзей короля Наваррского, желающих пропихнуть его на первую роль в покинутом королевстве. Их объединение могло стать крайне опасным для дофина. Олицетворяли их соответственно два человека: первую — Этьен Марсель, купеческий прево столицы, богатый суконщик, предки которого сколотили себе состояние в качестве поставщиков двора, искренний и честный, пламенный реформатор, убежденный в своей правоте и в своих способностях вождя; вторую — Робер Ле Кок, епископ Ланский, краснобай, подыгрывающий королю Наваррскому, и его намерения не были столь чисты. Чего хотели горожане? Прежде всего реформы правительства и системы управления, обуздания алчных чиновников, прекращения злоупотреблений в высших эшелонах управления государством, давно обличаемых депутатами «добрых городов», — буржуа не без наивности полагали, что все эти реформы позволят королю жить исключительно за счет домена и упразднить непопулярную фискальную систему. Они также требовали в первую очередь уволить и предать суду самых скомпрометированных советников. По их мнению, были необходимы и другие чрезвычайные меры. При слабом дофине следовало учредить совет, избираемый Штатами, настоящий орган опеки, куда надлежало ввести наряду с четырьмя прелатами и двенадцатью рыцарями добрую дюжину горожан. Наконец, они настоятельно требовали освободить короля Наваррского, популярность которого росла пропорционально усугублению бедствий королевства. Перед лицом этих категорических требований дофин решил схитрить и выиграть время: он отлучился из Парижа для встречи в Меце со своим дядей Карлом Люксембургским, уже десять лет правящим Империей, но добился от него лишь слов ободрения. Когда он возвратился, новая сессия Штатов вынудила его 3 марта 1357 г. издать Великий реформаторский ордонанс — это любопытная попытка поставить королевскую власть под контроль. Снимать, арестовывать и судить недобросовестных чиновников и конфисковать их

имущество, не слишком глубоко вникая в дела, теперь должна была специальная комиссия по чистке. Отныне в Совете заседали полдюжины представителей Штатов — назначать весь состав Совета последние не хотели; высшие органы управления государства, администрация домена, местные чиновники оказывались под пристальным контролем. Экстраординарные субсидии, без которых, несмотря на все налоги, нельзя было обойтись при продолжении войны, должны были полностью контролироваться Штатами, невзирая на печальный опыт 1355 г.; предполагалось также периодически собирать депутатов трех сословий для выверки счетов.

Означало ли это все контроль над королевской властью? Если присмотреться, это не более чем карикатура на конституционную реформу. Штаты не имели политической традиции: это разношерстные ассамблеи, собираемые при необходимости, которые не умели создавать органы постоянного контроля. Чистка утолила чувства ненависти, но не дала никаких гарантий на будущее. Стремление к административным реформам из-за отсутствия искренне преданных исполнителей не возымело никакого практического эффекта. Чего-то можно было бы ожидать от ввода депутатов в состав Совета; но там они оказались в меньшинстве; едва минует опасность, бывшие советники поднимут голову или займут их место. Никто не рискнул предложить обойтись без дофина — носителя монархической власти. А его упорное нежелание проводить реформы ставило непреодолимую преграду усилиям реформаторов. Движение, начатое в порыве энтузиазма, очень быстро иссякло, и у обеих сторон не было иного выхода, кроме как прибегнуть к силе.

Ведь, вопреки видимости, последнее слово осталось за королевской властью, представленной щедедушным дофином. На его стороне были чиновники, традиция, преемственность в управлении. Делегаты Штатов, кому поручено собирать субсидии и управлять этим процессом, натолкнулись на косность податных людей, крестьян, убогих ремесленников, которые не желали платить налог новоявленным сборщикам; надменный

купеческий прево, вынужденный прибегать к худшим уловкам, в точности как королевские чиновники, сам объявил о новой девальвации, хотя программа реформ включала требование возврата к полноценной монете. В конечном счете Штаты не пользовались авторитетом. Слишком частые сессии утомляли депутатов, их беспокоили дорожные опасности и расходы. Вскоре в Штатах останутся почти одни парижские буржуа.

Предстояла еще проба сил, опасная для дофина, у которого не было ни войск, ни денег. Летом 1357 г. Карл попытался снова захватить власть: Великий ордонанс не претворялся в жизнь, дурные советники снова возвращались в милость. Этьен Марсель быстро поставил его на место. В ноябре благодаря обилию сообщников из тюрьмы бежал король Наваррский — к великой радости Штатов, которые уже снова заседали. В Париж возвратился ненадолго изгнанный Робер Ле Кок. Чтобы сохранять опеку над дофином, его надлежало держать в постоянном страхе. О чем речь: пародия на Штаты в феврале 1358 г. вынесла постановление, что отныне заседания будут проходить только в столице. Наваррца пригласили в Париж, и дофина вынудили с ним примириться. Карл унизился до того, что приказал провести покаянные церемонии в память жертв руанской драмы. Наконец, купеческий прево организовал мятеж, и восставшие прямо в покоях дофина, на глазах у него, вырезали его приближенных, убили маршалов Шампани и Нормандии и надели на наследника престола сине-красный шаперон — цветов парижских горожан.

Такое множество неуклюжих и жестоких выходов ускорили разрыв. 14 марта Карл принял титул регента, дающий ему больше власти, чем должность наместника королевства; 25 марта он бежал из Парижа в Санлис, противопоставил одни Штаты другим¹, обратился за советом к знати и добрым городам Вермандуа, а затем Шампани. Семью он укрыл в крепости Ле-

¹ В мае 1358 г. дофин собрал в Компьене свои Генеральные Штаты, постановившие бороться с парижскими мятежниками (*прим. ред.*).

Марше-де-Мо. Карл набрал войска и начал нападать на наваррские банды, грабившие сельскую местность. Ощувив опасность, Этьен Марсель пришел в сильное возбуждение. Он полагал, что призван осуществить великие замыслы, считал себя защитником городских свобод против некомпетентной и деспотичной власти монарха. Он пишет фламандским городам, напоминает им об Артевельде, назначая себя его духовным наследником. Но у него нет иного выхода, кроме как принять помощь самых одиозных союзников. С 28 мая ими становятся «жаки»¹.

Восстание крестьян областей Бове и Суассона носит загадочный характер. Этот один из тех страшных взрывов ярости бедноты, которые так часто встречались в средние века и в которых имущий класс видел только вспышку разнузданности «черни». Для его объяснения достаточно напомнить о разорениях, которые творили рутьеры², уже год бродившие по стране и грабившие ее то от имени англичан, то ссылаясь на наваррцев, о грубой настойчивости агентов фиска. Может быть, чашу народного гнева переполнили и требования сеньоров, многие из которых, попав в плен при Пуатье, нуждались в деньгах для своего выкупа; но текстов, которыми можно что-либо здесь доказать, у нас нет. Эффект неожиданности поначалу сработал. Их возбужденные ватаги под началом неизвестных и грозных вожаков, таких, как Гильом Каль, резали знать, грабили и жгли замки, двигались во всех направлениях, распространяясь по стране, как масляное пятно на ткани. Жакерия стала синонимом крестьянского бунта — опустошительного, не имеющего ни цели, ни завтрашнего дня. Чего хотели «жаки»? Этого они не сказали. Что они могли? Не слишком много, как только прошел первый шок. Плохо вооруженные, без умелых командиров, они становились легкой добычей для тяжелых рыцарских отрядов. Кроме того, знать, на миг растерявшаяся, нашла себе вождя: поставив свои клас-

¹ Презрительное прозвище крестьян (*прим. ред.*).

² Рутьер (фр. *goutier*) — профессиональный воин, нанимающийся за деньги. Часто рутьеры собирались в крупные отряды, жившие за счет грабежа (*прим. ред.*).

совые интересы выше политических интриг, Карл Наваррский возглавил сопротивление, избавив, сам того не желая, дофина от очень серьезной головной боли. Его неистовство помогло ему взять верх над «жаками» под Мелло. Вскоре все вернулось к обычному порядку. Наваррец в этом деле приобрел у знати, став ее спасителем, неимоверную и недорого ему стоившую популярность, которую рассчитывал немедля обратить в монету.

Больше заботясь о последовательности своей политики, но не будучи столь удачливым, Этьен Марсель рассчитывал, что сумеет использовать «жаков» против регента; но посланное им на помощь «жакам» городское ополчение опоздало и повернуло на Мо, но не сумело захватить здесь дофину¹. Это стало началом краха. Дофин избегал столицы, правил без нее и вопреки ей; но он сохранил в ней приверженцев, настраивавших «умеренных» против диктатуры купеческого прево. У Этьена Марселя осталось лишь одно средство против этих неуловимых заговорщиков: обратиться к королю Наваррскому, чье красноречие привлекало к нему новых сторонников, и к английским шайкам, наняв их за свои деньги. Ничто не помогло: ни вступление в Париж 22 июля англо-наваррских отрядов, ни назначение Карла Злого на пост капитана города. После недели сумбурных споров и тайных перемещений Этьен Марсель был убит 31 июля, прямо на улице, когда возвращался с осмотра внешних укреплений. Карл Наваррский отошел от стен города. Дофин возвратился в Париж, и те, кто его изгнал, теперь заискивали перед ним. Не было необходимости ни долго свирепствовать, ни казнить много людей. Парижская революция закончилась. Королевская власть, изнуренная материально, вышла из нее морально усилившейся.

Теперь можно было подумать и о короле. В Бордо, где Черный принц обхаживал именитого пленника, потом в Лондоне, где с 24 мая 1357 г. в его распоряжение предоставили роскошный манор Савой на престижной дороге между Сити и Вестминстером, Иоанн Добрый с наслаж-

¹ Супругу дофина Карла, Жанну де Бурбон (*прим. ред.*).

дением смаковал горькое вино поражения. Стыдиться ему было нечего — храбрый воин, он славно бился; если же его при этом разбили, то ведь «превратности боя непредсказуемы». Поражение в битве по всей форме ничуть не унижает истинного воина. Эдуард III принял его хорошо и даже увлекся этим человеком, уже не понимающим, что с ним происходит, но щепетильным в вопросах чести, верным рыцарскому ритуалу, который английский король сам так ценил. Среди празднеств Иоанн думал о своих подданных, но лишь затем, чтобы они думали о нем. Из писем пленника, которых сохранилось довольно много, образовался солидный сборник, тон которого одновременно патетический и инфантильный. На поле битвы под Пуатье французы утратили своего отца; именно за это он жалел их больше всего, а не за нищету и не за угрозы, нависавшие над ними. Значение имеет только одно — его скорое освобождение, ради которого они все должны стараться. Он рассчитывает на их щедрость, когда речь пойдет о выплате выкупа за него. Что касается политических условий, которые выдвинет противник, территориальных аннексий, отказов от суверенитета, то не надо отвергать их с ходу: ведь «кое-какие вещи сделать намного легче», нежели долго страдать в плену. Ради того, чтобы вновь оказаться на свободе, достойный суверен готов был к тому, чтобы в решающий момент проявить себя не слишком умелым дипломатом и не посчитаться с интересами короны.

Однако поначалу казалось, что все идет как нельзя лучше. В Бордо, опять-таки под эгидой Святого престола, было заключено перемирие на два года. В сентябре 1357 г. в Лондоне собрались советники Эдуарда, советники Иоанна, три кардинала, присланные папой, и представители дофина. Поскольку речь шла не только об освобождении Иоанна, но и о заключении «доброго и длительного мира», Эдуарду собирались предложить за высокую цену отказаться от притязаний на французский трон. Вопреки всякому ожиданию, требования англичан были меньше, чем в Гине. Проект договора, обнародованный в январе 1358 г. (его называют

первым Лондонским миром), устанавливал сумму выкупа за короля в размере четырех миллионов золотых экю и требовал предоставить полный суверенитет Гиени, к которой добавлялись Сентонж, Пуату, Лимузен, Керси, Руэрг и Бигор, что, если добавить сюда Понтье и Кале, составляло добрую треть королевства. С учетом обстоятельств сам дофин нашел эти условия приемлемыми: он опасался худшего.

Он не ошибся. Эдуард III быстро раскаялся в своем относительном великодушии. Желая получить личные преимущества в споре с папой относительно назначения епископа Илийского и зная, что папа стремится к миру, он намеренно задерживал ратификацию соглашения. Тем временем парижская революция, Жакерия, война, которую с августа повел против дофина король Наваррский в Нормандии и на землях до самых ворот Парижа, привели к тому, что у англичан появились новые притязания. От изнемогающего противника можно было потребовать большего. Комиссары, которых Иоанн Добрый направил в провинции для сбора денег на свой выкуп, вернулись с пустыми руками; только Лангедок, менее опустошенный войной, дал кое-какие суммы. Эдуард мастерски разыграл гнев: раз не платят, он разрывает договор. Шесть месяцев назад он посвятил Иоанна в рыцари во время традиционных турниров в день св. Георгия; теперь он заключил его под стражу и угрожал отправить в какой-нибудь более безопасный донжон. Дофин погряз в войне с Наваррцем и не был способен продолжать переговоры; папские легаты не вернулись, полагая, что мир заключен. Беседа с глазу на глаз между победителем и побежденным, который был крайне обеспокоен новыми грозившими ему строгостями и потерял голову от перспективы более сурового содержания, дала новые выгоды Плантагенету. Тот сам кичился, что «из дня в день французы предлагали» ему «великие договоры и прекрасные предложения». И 24 марта 1359 г. был подписан второй Лондонский мир, бесконечно более тяжелый, чем первый. Выкуп за царственного пленника, все в том же размере четырех миллионов экю, следовало выплатить в более ко-

роткие сроки, а в обеспечение этого следовало выдать Англии в качестве заложников лиц королевской крови или ноблей. Даже будучи освобожден, фактически Иоанн оставался пленником вплоть до выполнения всех условий договора. Территориальные уступки стали тяжелее: теперь англичане требовали также земли между Луарой и Ла-Маншем — Турень, Анжу, Мен, Нормандию, а также прибрежные области между Соммой и Кале; кроме того, оммаж за Бретань герцог должен был принести английскому королю. Французское королевство теряло западную половину и все морское побережье, получая границу по линии, соединяющей Кале с Пиренеями. Никогда, даже во времена слабого Людовика VII¹, Плантагенеты не обладали таким могуществом на континенте. Вполне понятно, и в глазах Эдуарда III это было существенной уступкой, что все это переходило под его полный суверенитет, не накладывая на него никаких вассальных обязательств.

Английский король вскоре сам догадался, что аппетиты его оказались чересчур велики. Тем более что в наваррской войне дела стали оборачиваться в пользу дофина. Карл Злой, чувствуя, что его бросили, заключил сепаратный мир в Понтуазе и тем самым избавил столицу от серьезной заботы. Можно ли было думать о том, чтобы пойти на уступки, которых требовал Иоанн Добрый? Одно собрание Штатов, на сей раз покорное указаниям регента, заявило, что этот договор «неприемлем и невыполним». Другое вотировало кое-какие субсидии на возобновление военных действий. Ведь дело дошло уже и до них: Эдуард III был вынужден сам ехать усмирять Францию, хотя суверен истерзанной Франции уже был его пленником. Но, чтобы победить врага, нужно было, чтобы он принял сражение. А Карл признавал свою слабость. Наученный опытом, побуждаемый своей не больно воинствен-

¹ Людовик VII Молодой — французский король в 1137–1180 гг. Неудачно воевал со своим вассалом графом Анжуйским Генрихом Плантагенетом, который стал королем Англии и герцогом Аквитании, объединив под своей властью западную половину Франции (прим. ред.).

ной натурой, он уклонялся от боя. Эта ловкая тактика, которую позже сочтут инициативой Дюгеклена¹, была именно тактикой дофина. «Набег» силами в несколько тысяч воинов, если нет правильного сражения, позволял только грабить страну, но не завоевать ее и тем более не оккупировать. Его сила со временем иссякала сама, когда более не могла расходоваться на разорение края. «Бедный народ» страдала от этих грабежей, но королевская власть берегла свои скудные силы, будучи не вправе зря жертвовать ими. Поэтому Эдуарду с сыновьями позволили в конце октября 1359 г. высадиться в Кале, постепенно разорить Артуа, Тьераш, Шампань, потерпеть неудачу под Реймсом, мощные стены которого исключали возможность приступа, обойти Бургундию, чей герцог откупился от бедствия, щедро заплатив за уход солдатни, две недели жечь округу под Парижем и наконец разорить провинцию Бос. Тем временем нормандские моряки совершенно безнаказанно подошли к Винчелси, вызвав у англичан панический страх перед высадкой французов, которую они с 1340 г. считали невозможной. Наконец в дело вступило само небо: неожиданный ураган дезорганизовал силы захватчиков на шартрских землях. Пора было завершать эту плачевную экспедицию. 8 мая 1360 г., после всего лишь недели переговоров, дофин и принц Уэльский согласовали предварительные условия мира в босской деревушке Бретины; английский король сразу же покинул Францию, где во главе армии его больше не увидят.

Неудача Плантагенета была очевидной. Его грозный набег отбросил его в положение, в каком он находился до первого Лондонского мира, заключенного полтора года тому назад. То, на что он соглашался теперь, было тоже нелегким для Франции, но в меньшей степени, чем уступки, на которые ей предла-

¹ Дюгеклен, Бертран — бретонский рыцарь, сеньор Броона, граф Лонгвиля, участник войн за бретонское наследство на стороне Карла Блуаского. С 1357 г. поступил на службу к дофину Карлу. В 1370—1380 гг. — коннетабль Франции. Придерживался оборонительной военной стратегии, не вступая в крупные сражения и изматывая врага в мелких стычках (*прим. ред.*).

галось идти до того. В территориальном отношении возвращались к условиям, согласованным в Лондоне в 1358 г.: образование обширной суверенной Аквитании от нижней Луары до Центрального массива и до Пиренеев; передача «плацдармов» на севере — Понтье, Кале, графства Гин. Но финансовые требования смягчились: сумма выкупа за Иоанна составляла теперь лишь три миллиона золотых экю вместо четырех. Первая выплата в размере 600 000 экю, самая тяжелая, освободит короля Франции, который будет дожидаться ее в Кале. Уступаемые территории — кроме Ла-Рошели, которая сразу же перейдет в руки англичан, — будут переданы победителю в течение года после освобождения Иоанна; после этого шесть ежегодных выплат по 400 000 экю погасят долг Валуа и постепенно освободят заложников — принцев крови, крупных феодалов, баронов, буржуа из восемнадцати «добрых городов», которые до того будут жить в Лондоне за свой счет. Окончательно ратифицировать договор предполагалось в Кале, во время выплаты первой части выкупа и перед освобождением царственного пленника.

Поскольку ничто не позволяло надеяться на более мягкие условия, дофин, на сей раз согласный с отцом, предпринял отчаянные усилия, чтобы удовлетворить требования англичан. Надо было освободить короля, а там будет видно. 8 июля Иоанн прибыл в Кале. Тем временем каждый город, каждая провинция были обложены податью на пределе их возможностей, и от них требовали «живо» выплатить ее. Северная Франция, жестоко пострадавшая от недавних грабежей, опять не смогла дать многого; но Лангедок расплатился щедро. К середине октября в аббатстве Сен-Бертен, близ Сент-Омера, набралось 400 000 экю — две трети требуемой суммы. Эдуард, которому было нетрудно сыграть в благородство, заявил, что удовлетворится этим. Постепенно в Кале приехали король Англии, его сыновья, дофин, советники монархов; еще какое-то время велись переговоры, и наконец 24 октября предварительные соглашения в Бретиньи, с небольшими изменениями, были торжественно ратифицированы. Это было более

чем соглашение между Валуа и Плантагенетами — полагали, что это всеобщий мир. Эдуард III подписывал мир с графом Фландрским; Иоанн еще раз примирялся с Карлом Наваррским; оба короля, которых теперь связывали договоры о вечной дружбе и союзе, обещали вместе стараться прекратить распрю в Бретани. Коль скоро на Западе воцарялся мир, папство могло вернуться к своим химерическим планам крестового похода.

Договор в Кале отличался от предварительных соглашений в Бретиньи только в одном важном пункте. По первоначальному тексту оба короля немедленно отказывались от взаимных претензий, но эти отказы были неравной значимости: Эдуард отрекался от титула короля Франции, пустой погремушки, на признание которого в реальности никогда и не рассчитывал, а Иоанн — от суверенитета над оставляемыми территориями, и эта уступка отрезала от королевства целую треть, преграждала его судам, сборщикам налогов, армиям доступ в Юго-Западную Францию. В Кале «отречения» стали предметом особого соглашения; обменяться ими предполагалось позже, после передачи территорий; последним сроком для этого назначалось 30 ноября 1361 г. Внешне эта модификация выглядела ничтожной. Но фактически она будет иметь неисчислимые последствия. Некоторые историки полагают, что к ней приложили руку дофин и его советники, которые со своей безупречной ловкостью, уже выказанной в прошлом году, предвидели будущее, догадались, что срок будет перенесен, и тем самым сохранили для короны суверенные права на оставляемые территории. Однако допустить такое сложно. Возможно ли было заранее предугадать все задержки, хитрости, проволочки всегда несытного противника? Будущий Карл V при всем уме не мог обладать такими способностями предвидения. Однако события покажут, что он был прав.

Мы не последуем за королем по пути свободы, через вновь обретенное — во всяком случае, частично — королевство. История его поступков позволила бы нам всего лишь глубже проникнуть в душу монарха, который за три

года, которые ему оставалось жить, не воплотит ни одного из своих химерических прожектов. При этом бедствия ничуть его не унизили. По крайней мере он мог бы понять, что через четыре года отсутствия найдет Францию истерзанной, ослабленной, искалеченной, мог бы попытаться утешить ее раны, восстановить ее силы путем мудрой экономии. Но предполагать, что он способен на столь терпеливые расчеты, можно было бы, лишь плохо его зная. Он бессильно наблюдает бесчинства рутьеров, грабящих богатейшие провинции. Дорого купленный мир, за который пришлось заплатить такой кровью и такими страданиями, для него только неожиданная возможность наконец воплотить мечту отца и свою собственную — крестовый поход. Едва получив возможность, он спешит в Авиньон; правда, дороги королевства неспокойны, и ему приходится делать длинный крюк через Бургундию, Бресс, Дофине, земли Империи. Но святой папа Урбан V находит в нем более ценного, более рьяного помощника, чем Филипп VI был для Бенедикта XII. Победенный при Пуатье уже видел себя предводителем крестового похода, во главе целой европейской армии, идущей на грозных османов.

Этот прожект постигла та же судьба, что и множество других: изменившиеся реалии перевели его в сферу химер. Более насущные заботы удерживали Иоанна в его королевстве, и не самой мелкой из них было практическое выполнение условий договора в Кале. И это возвращает нас к предмету нашего рассмотрения.

Территориальные соглашения с давних пор относились к статьям, которые выполнялись проще всего, хотя и с заметными задержками. Советники французского короля предпочли бы, чтобы передача осуществилась, лишь когда король Англии взамен освободит французские провинции от рутьеров, грабивших страну от его имени. По мнению Плантагенета, довольно было и того, что он уволил этих вояк; а если они продолжают грабежи по собственному почину, его это не касается. Итак, Иоанн еще раз уступил. Но английские комиссары, имевшие поручение формально принять аннексии, прибыли только в августе 1361 г. В каждой

оставляемой области они приняли власть от чиновников Валуа, оммаж от вассалов, присягу от городов. То здесь, то там возникало противодействие, о котором нам известно мало. Может быть, население не побоялось бы менять господина, если бы его верховным сюзереном по-прежнему оставался французский король. Верность прежнему монарху заставляла их страдать от того, что отныне они полностью отделяются от королевства Франции. Но проявления этих чувств оставались спорадическими и разрозненными; возможно, в некоторых случаях они были даже порождены расчетом. Когда тот или иной город заставляет ждать своей капитуляции, когда тот или иной вассал заявляет, что хочет принести оммаж только лично королю Англии, то это делается затем, чтобы добиться подтверждения и расширения привилегий, чтобы создать прецедент, который в дальнейшем будет полезным для укрепления автономии. Так будет до самого 1789 г., когда зарождающийся патриотизм сметет эгоистичную тщету местных привилегий. Весной 1362 г. мучительная операция близилась к концу: после этой большой передачи территорий оставалось лишь несколько спорных округов — Бельвиль в Пуату, Монтрёй в Понтье. Эдуард III сумеет создать из новых континентальных владений обширное княжество Аквитанию, определять судьбы которой было поручено победителю при Пуатье — Черному принцу.

Выплата выкупа шла с более заметными задержками. Ведь вытрясти такую сумму из страны, которая постоянно беднела, а недавно утратила треть своей территории, было непросто. На этот раз, поскольку речь шла о выкупе пленного короля, такой случай предусматривался феодальным обычаем, и поэтому можно было не обращаться к Штатам¹. Королевский ордонанс от 6 декабря 1360 г. устанавливает на шесть лет —

¹ По феодальному обычаю король имел право на денежную помощь, не требовавшую согласия вассалов в следующих случаях: когда в рыцари посвящали старшего сына короля или он женился, когда старшую дочь выдавали замуж, когда король отправлялся в крестовый поход или попадал в плен (*прим. ред.*).

первый пример общего и долгосрочного налога — троекратное обложение товаров, соли и вина. Налоги на потребление собирать трудно, они непопулярны и, кроме того, тесно связаны с экономическим процветанием; а дело было в кризисный период. Но все-таки они принесли ощутимые суммы. Основную их часть поглотила борьба на местах с рутьерами, придворные праздники, приготовления к крестовому походу. Из оставшихся за три года не смогли собрать даже первый миллион для выкупа.

Обладая уступленными территориями, имея в кармане почти треть затребованной контрибуции, король Англии, казалось бы, должен был поспешить с обменом отречениями, чтобы на взаимные уступки легла печать необратимости. Однако эти отречения не были сделаны ни в ноябре 1361 г., ни позже. Не будем усматривать в этом ни ловкости дофина, который по завершении своего регентства уже никак не участвовал в управлении королевством, ни беспечности Иоанна, который, напротив, чтобы поддержать свою честь, старался тщательно и полностью выполнить договор. Все дело в Эдуарде, изобретательном на новые дипломатические комбинации, всегда выискивающим дополнительные преимущества. Перестав титуловать себя королем Франции, он знал, что Иоанн уже не считает себя вправе претендовать на суверенитет над Аквитанией. Теперь его заботили более верные материальные выигрыши, а церемонию, не дававшую непосредственных выгод, можно было провести и позже. Ведь коль скоро выкуп в срок не уплатили, ссылка заложников в Лондон затянулась. Это ожидание стало невыносимым для принцев королевских лилий: брата короля — Филиппа Орлеанского, двух старших сыновей — Людовика Анжуйского и Иоанна Беррийского, его кузена Пьера Алансонского и шурина дофина — Людовика II Бурбона. Чтобы ускорить свое освобождение, они взяли с короля Франции слово и в ноябре 1362 г. заключили со своим тюремщиком гибельный «договор заложников». В нем они проявляли щедрость за чужой счет, обещая немедленную выплату 200 000 эку, окончательную уступку спорных тер-

риторий, передачу в залог основных беррийских замков. Вследствие этого их перевели в Кале, где они должны были ждать королевской ратификации договора, лишь после которой предполагалось провести обмен отречениями. Иоанн был с радостью подписал новые отказы — ведь это значило не только больше заплатить за мир, но к тому же освободить своих близких и ускорить начало крестового похода. Однако Эдуард потребовал одобрения со стороны Трех сословий. Ассамблея, собравшаяся только в октябре 1363 г. в Амьене, проявила упорство. Дофин и его советники еще раз оказались лучшими защитниками интересов короны, чем король. Они были душой сопротивления и добились отклонения договора.

Это был первый инцидент после заключения мира, первое пятно, омрачившее вечную дружбу, в которой поклялись в Кале оба суверена. В ситуации, где дипломат увидел бы лишь политическую необходимость, Иоанн считал себя обесчещенным, решив, что противник заподозрит его в вероломстве, хотя тот вовсе не выдвигал подобных обвинений. Это болезненное ощущение у короля укрепил один случай личного характера. Его второму сыну Людовику Анжуйскому, томившемуся в Кале, разрешили съездить на поклонение в святилище Булонской Богоматери. Там он встретил свою молодую жену Марию Бретонскую, дочь Карла Блуаского, которую не видел два с половиной года и в которую был очень влюблен; княжеская чета сбежала и более в Кале не явилась. Сделав это, позже скажет ему Эдуард III, «вы весьма запятнали честь своего линьяжа». У чести свои законы. В политике они слишком часто служат прикрытием худших капитуляций. Будучи до конца рыцарем, Иоанн остался им верен и в первые дни 1364 г. вернулся в Лондон, чтобы сдать в плен: ведь он считал, что лично отвечает за невыплаченный выкуп, за бегство титулованного заложника. Тем не менее от плана крестового похода он не отказался. Поскольку интерес к этому плану проявил и Эдуард, то Иоанн начал переговоры с целью прийти к новому «конечному соглашению» взамен договора заложников. Едва эти переговоры успешно завершились, как

он заболел и слег. Он умер 8 апреля, еще молодым — ему было сорок пять. Его бывший тюремщик устроил ему пышную заупокойную службу в соборе святого Павла. Потом через Дувр и Кале бранные останки с большой помпой были привезены в Париж и Сен-Дени.

IV
KAPΛ V

(1364–1380 zz.)

Шестнадцать следующих лет после смерти Иоанна Доброго стали для Франции периодом восстановления, непредвиденного, разумеется, неполного, но быстрого; Англия же за эти годы не смогла остановить упадка, понемногу сбросившего ее с пьедестала славы, куда ее возвел гений Эдуарда III. Над обеими странами очень высоко возвышается одна личность — личность Карла V.

I

КОРОЛЬ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

Карл V обрел популярность такого рода, какую в периоды бедствий получают слишком рано ушедшие вожди золотого века, отныне оставшегося в прошлом. Мудрого короля особенно полюбили после смерти, в печальные времена анархии, в которую погрузило страну безумие его сына. Тогда, к счастью, в числе прочих его апологетов нашлась любезная итальянка — дочь одного из его медиков Кристина Пизанская, чье восторженное перо внесло немалый вклад в создание ореола легенды вокруг царствования короля-восстановителя. Историки нового времени не сумели отринуть все умилительные анекдоты, все заказное восхищение, все благоговейные похвалы, чтобы за официальными славословиями разглядеть живого человека.

Внешне мы вполне можем его представить по восхитительной статуе из церкви Целестинцев, ныне украшающей Лувр: хрупкое сложение, хилое и тщедушное тело, так отличающее его от атлетичных великанов, какими были первые Валуа, и от красавцев — последних Капетингов. Тонкий и длинный нос, изможденное лицо, тяжелая и слегка склоненная голова на костлявых плечах. Загадочная болезнь, начавшаяся в юности, часто вынуждала его ложиться в постель и унесла вскоре после того, как ему стукнет сорок. Физическая слабость сделала его скорее кабинетным человеком, нежели человеком действия. Во времена Креси он был ребенком, при Пуатье — юношей, и военное ремесло ассоциировалось для него с длинной цепью неудач. Еще в большей степени, чем здоровье, от поля сражения его отдаляли его вкусы. Это первый из французских суверенов — и единственный до Людовика XVI — кто воздерживался от того, чтобы брать на себя

командование войсками, даже номинально. Это место займут командиры-профессионалы. Не то чтобы он был трусом — никто не осмеливается упрекнуть его за бегство с поля боя при Пуатье в последние часы сражения — но лагерная жизнь не для него. Зато от своих предков Валуа он унаследовал любовь к роскоши, к красивым жилищам, к придворным праздникам — необходимый атрибут королевского величия. Когда страна страдала от разорения и налогов, когда он сам призывал свои службы к экономии, он отстраивал Лувр и Венсенн, возводил загородный дом в Боти-на-Марне и городской — в отеле Сен-Поль близ Бастилии, в том самом квартале Маре, который при нем станет ансамблем изящных строений. Как и его брат герцог Беррийский, он любил собирать красивые вещи, украшения, посуду, произведения искусства, ковры. В большей степени, чем брат, он испытывал страсть к книгам, собирая их в башне Лувра отнюдь не только из любви к переплетам с ценными и редкими миниатюрами. Он достаточно знал свою библиотеку, чтобы перелистывать книги и размышлять над ними; он заказал для себя переводы на французский политических произведений Аристотеля, латинских историков; он попросил Николя Орезма изложить ясным языком теорию полноценной монеты.

Ибо ни один король после Филиппа Красивого так не ощущал королевского величия и никто после Людовика Святого так, как он, не сознавал обязанностей, сопряженных с его саном. Щепетильный, порой до крайности, он всегда хотел удостовериться в своей законной правоте, убедиться, что налоги собираются лишь для блага королевства, что его войны справедливы, что все его поступки направляются законом. В его царствование легисты¹ станут королями; Эдуард III однажды не без презрения назовет его «адвокатом». Его честность будет казаться казуистикой, умение — изворотливо-

¹ Легисты — знатоки гражданского права, лиценцианты или доктора, получившие образование в университетах Тулузы, Монпелье, реже Орлеана. С эпохи правления Филиппа IV Красивого (1385–1314 гг.) занимали важное место в Королевском совете и системе центрального управления (*прим. ред.*).

стью, доводы — демагогией. А он восстанавливал досадно прерванную давнюю традицию Капетингов, всегда старавшихся привлечь право на свою сторону, даже ценой интеллектуальных построений, порой граничащих с виртуозностью. Суровый искус двух регентств, сначала с 1356 по 1360 г., а потом в первые месяцы 1364 г., научил его не доверять людям, обходить затруднения, сгибаться под бурей, терпением и цепкостью разрушать самые опасные коалиции. Карл — именно такой король, какой был нужен ослабленной, временно расчлененной Франции, которая сомневалась в своем настоящем, а то и в будущем, и с высоким чувством правоты своего дела сочетал дешевые приемы, хитрость, уловки, недобросовестность, лишь бы избежать полной гибели: нужда не знает закона — говорят политики.

Часто заявляют, что Карл, не доверяя своим братьям, систематически отстранял их от власти. Нет утверждения, более далекого от истины. Хороший супруг (преждевременная кончина Жанны де Бурбон сделала его безутешным), хороший отец (как он радовался рождению будущего Карла VI!), он был и верным, великодушным братом, порой чрезмерно снисходительным. Людовик, герцог Анжу и Мена, — честолюбец, алчный до власти и денег, но отнюдь не лишенный политического чутья. Назначенный в 1364 г. наследником престола, он потребовал, чтобы в дополнение к апанажу ему отдали Дофине. Ему предложили только Турень, чтобы он владел ею до рождения дофина. Ему дали пост наместника Лангедока, который он сохранит в течение всего царствования Карла V. Исключительная должность, позволяющая герцогу Анжуйскому не только использовать ресурсы богатейшей провинции королевства, но и проводить собственную политику, которая чаще всего вторит политике короля: притязания на бывшее королевство Майорку¹, вмешательство в дела Кастилии, скрытые помехи действиям администрации Черного принца в Аквитании; герцог, порой предвосхищая желания брата,

¹ Королевство Майорка было создано в 1276 г. из Балеарских о-в, Руссильона, Сердани и Монпелье. В 1344 г. было присоединено к Арагону (*прим. ред.*).

принял участие не в одном деле, подготовившем возобновление войны. Иоанн, второй принц «королевских лилий», отличался меньшим честолюбием. Сначала он был графом Пуатевинским и Маконским, после мира в Бретиньи ему отдали Берри и Овернь вместе с титулом герцога. Благодаря долгому пребыванию в Англии в качестве заложника он сохранил там связи, использовавшиеся королем при переговорах по деликатным вопросам. Вместе с герцогом Анжуйским принял участие в отвоевании Пуату, и эта провинция была добавлена к его апанажу. Наконец, Филипп, любимец отца, в 1363 г. был только герцогом Туренским. Иоанн Добрый дал ему пост наместника Бургундии, совсем недавно присоединенной к королевскому домену, втайне пообещав передать ее в апанаж. Карл в первую очередь поспешил выполнить отцовское обещание, осыпав младшего брата привилегиями, земельными пожалованиями, разрешениями на откуп налогов. Вскоре мы увидим, как он увеличит могущество брата, обеспечив ему наследование богатой Фландрии. Разве оказал бы он столько милостей братьям, если бы не доверял им?

Но хоть он и жаловал им провинции, назначал их в состав посольств, доверял руководящие посты, основная власть им не доставалась. Это совершенно естественно, и ничего особо нового здесь нет. Не в традиции французской монархии позволять принцам крови распоряжаться на совете короны: пример Карла Валуа при последних Капетингах стал исключением. Как и его предшественники, Карл V отныне предпочитал людей невысокого рода, мелкопоместную знать, которая была всем ему обязана, преданных клириков и горожан, иногда даже авантюристов и выскочек: эти люди легче, чем магнаты, привыкали к административной рутине, лучше поддерживали преемственность в управлении. Некоторых он унаследовал от отца, и души их были не слишком чисты: таков, к примеру, сомнительный Жан де ла Гранж, аббат Фекана, который был казначеем Франции, прежде чем стать кардиналом Амьенским и даже претендовать на тиару. Другие в большинстве хоть и заботились о своем состоянии, но были честными чиновниками и добросовестными парламентария-

ми: это Жан и Гийом де Дорманы, последовательно занимавшие пост канцлера, первый президент парламента Пьер д'Оржемон, прево Парижа Юг Обрио. Отдельно надо упомянуть Бюро де ла Ривьера, мелкого дворянина из Ниверне, конфидента Карла V в последние годы жизни, и особенно военачальников — Дюеклена и Жана де Вьенна.

Уже при жизни бедный бретонский рыцарь¹ пользовался популярностью, совершенно несоразмерной его талантам или же его подвигам. С тех самых пор в памяти людей имя Карла V неотделимо от имени его коннетабля, легендарного святого паладина. Повинна в этом не только неудобоваримая поэма Кювелье², длинная песнь рапсода, наполненная наивными анекдотами и невероятными легендами, — французский ответ на дифирамбы герольда Чандоса Черному принцу и его гасконским капитанам, создавшие им дутую славу. Фруассар, хорошо знавший предмет и точно выражавший чувства рыцарей, не меньше удивлялся фавору Дюеклена и с не меньшей готовностью восхищался его геройскими деяниями. В лице этого заурядного капитана, неспособного выиграть сражение или успешно завершить мало-мальски значительную осаду, но умевшего повести за собой грабительские банды рутьеров (видевших в нем своего хозяина), раздувшегося от сознания собственной значительности и притом щепетильного в вопросах рыцарской чести, Франция Карла V обрела военачальника по своей мерке — для решения рутинных задач, которые только и были ему по плечу. Когда он поступил на службу к королю накануне восшествия того на престол и на исходе проведенной в нужде молодости, богатой одними затрещинами, бедный бретонский рыцарь был всего лишь капитаном рутьеров, любителем набегов и грабежа, однако превосходящим себе подобных железной властью, умением добиться от своих наемников суровой дисциплины. Его гробница в Сен-Дени показывает, что физически он был некрасив: большая

¹ Бертран Дюеклен (*прим. пер.*).

² Кювелье, Жан — музыкант конца XIV в., менестрель на службе Карла V (1372 г.), автор поэмы о жизни Бертрана Дюеклена (*прим. ред.*).

голова на квадратных плечах, сильно приплюснутый нос, и лишь в улыбке видна человечность. В силу вещей его призвание — иметь дело со скудными ресурсами, небольшими силами, проводить короткие вылазки, налеты, стычки. Даже его выжидательную стратегию нельзя поставить ему в заслугу — эту стратегию навязал ему король. Всякий раз, когда он выскальзывал из-под королевской опеки и действовал по своему разумению, то искал полевого сражения и терпел в нем разгром — при Орее, при Нахере¹. Жаден и кичился недавно полученными титулами: он граф Лонгвиля милостью Карла V и герцог де Молина милостью короля Кастилии. И однако в момент опасности мудрый король, не задумываясь, заставит завистников умолкнуть: он доверит Бертрану меч коннетабля, то есть главнокомандующего королевскими армиями. Фигура Дюгеклена снова блистательно соответствует потребностям момента. За десять лет, которые ему остается жить, он скудными средствами изгладит позор договора, заключенного в Кале. Его слава затмит славу всех остальных капитанов, всех остальных соратников короля: что такое рядом с ним энергичный Жан де Вьенн, сухопутный человек, которого в это же время назначили адмиралом и который, никогда не выходя в море, полностью восстановит королевский флот?

¹ Битва при Нахере (3 апреля 1367 г.) — сражение между кастильским королем Педро Жестокий и его союзником Эдуардом Черным, принцем с одной стороны, и Энрике Трастамарским с его союзником Бертраном Дюгекленом, которого послал в Испанию французский король Карл V, с целью поддержать своего претендента на престол Кастилии. Энрике проиграл битву, а Дюгеклен попал в плен; Битва при Орее (24 сентября 1364 г.) — сражение под стенами Орея, в котором французская армия пыталась отбросить войска Иоанна IV де Монфора. Битва завершилась полным разгромом для французов, Карл Блуаский погиб, а Дюгеклен был пленен (*прим. ред.*).

II

ВОЗРОЖДЕНИЕ КОРОЛЕВСТВА

Один английский шпион, имевший задание собрать для принца Уэльского сведения о намерениях Карла V, весной 1364 г. писал своему правительству:

«Политика нового короля состоит в том, чтобы говорить англичанам красивые слова, пока не получит обратно заложников, каковые находятся в Англии, или хотя бы большую часть; тем временем он пойдет войной на короля Наварры и будет продолжать войну в Бретани; прикрываясь же оными войнами, он будет непрестанно собирать войска; по получении означенных заложников он немедля повсюду пойдет войной на англичан и на княжество (Аквитанию)... и вернет себе все, что попало в руки англичан, после чего истребит их».

Политическое прошлое дофина подтверждало правдоподобность этого предсказания, которое, может быть, больше соответствует фактам, ибо осуществится точь-в-точь, чем намерениям. Если англичане подозревали Карла, в этом не было ничего удивительного: тот, кто отверг одиозный Лондонский мир, отразил великий набег англичан 1359 г., ускорил освобождение отца, способствовал отклонению Штатами «договора заложников», тот не мог до бесконечности мириться с уступками, сделанными по договору в Кале. Но предполагать, что с самого восшествия на престол он готовил разрыв и собирал силы с целью в ближайшее время возобновить войну, — значит обвинять его в двурушничестве или приписывать ему дар предвидения, каким он в такой мере не обладал. В то время слишком много серьезных проблем грозило самому существованию королевства, чтобы еще начинать новый франко-английский конфликт. И чтобы выбраться из

этого затруднительного положения, недостаточно было усыплять бдительность недоверчивого противника красивыми словами: следовало еще и убеждать его в своей добросовестности, завоевывать его доверие, а для этого со всем возможным рвением выполнять все договорные обязательства. Как мы увидим, такой и была политика Карла по отношению к Англии почти четыре года. Не будем забывать о постоянном присутствии победителя — придирчивого, бдительного, всегда готового к интервенции, если заподозрит притворство, и тогда результаты, которых добился мудрый король, покажутся еще более замечательными.

Король Наварры с 1359 г. сохранял спокойствие, но в марте 1364 г. начал новый мятеж. И у него вновь были причины, чтобы обратить оружие против Валуа. На сей раз это было бургундское наследство. После преждевременной смерти в 1361 г. последнего герцога Бургундского, тщедушного Филиппа де Рувра, герцогство должно было достаться одному из потомков двоюродных бабок покойного. Этих потомков было двое: Карл Злой, внук старшей — Маргариты, и Иоанн Добрый, сын младшей — Жанны. Вопрос был тот же, что и в Бретани: признает ли бургундский обычай наследование по праву представления? Если да — а похоже, что так и было, — наследником должен был стать Наваррец. Но здесь и судьей, и одной из сторон был такой знатный сеньор, как король Франции. После мнимого расследования он провозгласил наследником себя, аннексировал Бургундию и присоединил ее к домену. Когда же он после пообещал ее младшему сыну Филиппу, этого Наваррец стерпеть уже не мог. И он начал войну с дофином, едва Иоанн уехал в Англию. Этот мятеж был очень опасен, потому что с несколькими бандами наемников Карл Злой осмелился на попытку взять измором Париж. В число его нормандских владений входили Мелан, Мант, низовья Сены; он легко мог угрожать Понтуазу и Крею на Уазе; его тетка Жанна, овдовевшая сорок лет назад после смерти последнего Капетинга, и его сестра Бланка, вдова Филиппа VI, могли впустить его в Мелён, их вдовье наследство. Ему принадлежали все реки, кроме Марны. Но счастливый поворот судьбы позволил устранить эту угрозу. Дюгеклен,

которому регент поручил организовать оборону, подарил ему к восшествию на престол самую блестящую победу в своей жизни: при Кошереле близ Манта гасконские контингенты каптала де Буша, Жана де Гральи, служившие Наваррцу, 16 мая 1364 г. были разгромлены наголову. Поскольку Плантагенет, успешно сбитый с толку новым королем Франции, не поддержал Карла Злого, Дюгеклен смог завоевать Котантен, захватить Валонь, но потерпел неудачу под Эврё. Вскоре Наваррец предпочел сложить оружие. Договор, заключенный в марте 1365 г., навсегда лишил его возможности угрожать Парижу. Крепости на нижней Сене у него отобрали; отныне о его мимолетном владычестве здесь будет напоминать лишь очаровательная Наваррская капелла в коллегиальной церкви Манта. За это он получал баронию Монпелье, то есть становился одним из сеньоров этого далекого города, где чиновники герцога Анжуйского сведут иллюзорную компенсацию к ничтожной малости. Отныне Наваррец перешел в разряд мелких интриганов, и королю Франции он больше не был опасен.

Бретонское дело обернулось для Франции не столь выгодно. Вспомним, что согласно договору в Кале, Эдуард и Иоанн, примиряясь, обещали посредничество в деле умиротворения этого герцогства. Но у каждого из них был свой кандидат: у Эдуарда — его воспитанник Иоанн IV¹, воспитанный при лондонском дворе, проникнутый ненавистью к Валуа, юноша, которого изгнание научило скрытности и коварству; у Иоанна Доброго — Карл Блуаский, который с удовольствием бы уступил, если бы властная жена не заставляла его быть непримиримым. Участники переговоров, проходивших под эгидой обоих королей в Кале, в Сент-Омере, а потом в Лондоне, тщетно пытались добиться мира в Бретани. Иоанн IV Монфор, когда опекун дал ему юридическую дееспособность, летом 1362 г. вернулся в свое герцогство. Тут же вспыхнула война, за которой потянулся прискорбный шлейф опустошительных рейдов, налетов, захватов и осад. Долгое время ситуация оставалась неясной, пока оба противника не решились

¹ Сын Жана де Монфора и Жанны Фландрской (*прим. ред.*).

на полевое сражение. 29 сентября 1364 г. при Орее Карл Блуаский потерпел сокрушительное поражение. Святой человек — церковь причислит его к лику блаженных — умер как храбрый рыцарь; Дюгеклен, поспешивший на защиту своего «природного сеньора», оказался в числе пленных. Дело Жанны де Пантьевр, а тем самым и дело Валуа было проиграно. Однако, проникшись доверием к новому королю Франции из-за его кажущейся корректности, Эдуард, верный принципам договора в Кале, не попытался воспользоваться выгодной ситуацией. Это позволило Карлу спасти лицо. Договор в Геранде, заключенный в апреле 1365 г., давал Жанне де Пантьевр, дело которой уже не защищал никто, некоторые компенсации за отказ от герцогства: графство Пантьевр в Бретани, виконтство Лиможское. Герцогом Бретонским остался один Иоанн IV, но оммаж он должен был принести Карлу V. В восторге от своего успеха, новый герцог не придавал большого значения тому факту, что оказывается в подчинении у ненавистных Валуа. Несомненно, вскоре он изменил бы им; но пока Бретань была очищена от английских наемников, двадцать лет оккупировавших ее. Это было все, на что можно было рассчитывать после разгрома при Орее.

Когда наваррцы были разбиты, а Бретань временно нейтрализована, все «дыры», через которые Плантагенеты могли бы проникнуть в ослабленное королевство, одна за другой закрылись. Легко достичь таких успехов позволил нейтралитет Эдуарда III. Во Фландрии потребуется вся ловкость Карла V, чтобы одержать победу над английской дипломатией и при этом не подтолкнуть Англию к войне. Урегулирование вопроса о фламандском наследстве — за которое в будущем историки станут корить мудрого короля, увидев здесь лишь слепую непредусмотрительность, — было как раз, если рассматривать его в контексте событий, самой блестящей дипломатической победой его царствования. В Кале, при заключении договора о всеобщем мире, который должен был охватить весь Запад, Эдуард примирился с сыном Людовика Неверского, выдав графскому правосудию последних приверженцев Артевельде. Этот мир вскоре перешел в дружбу, насторожившую Валуа. Поскольку Людовик Неверский был

убит при Креси, ему наследовал его сын Людовик Мальский, и при нем политика Фландрии изменилась. Людовик Неверский, как и все его предшественники с начала века, показал себя верным вассалом французской короны. Верно выполняя вассальный долг, он оттолкнул от себя самых богатых из своих подданных, крупные промышленные города Приморской Фландрии, разорился на страшных гражданских войнах. Урок был усвоен. Его сын Людовик Мальский, которого в самые мрачные дни восстания держали при себе заложником горожане Брюгге, таких унижений больше не хотел. Твердо решив поднять престиж графской власти, он знал, что без финансовой поддержки сукнодельческих городов эта власть — одна видимость. Поэтому он избавится от французской опеки и сблизится с Англией: поступающая оттуда прекрасная шерсть и далее будет служить сырьем для фламандского ремесла. А политика Эдуарда III в отношении экспорта шерсти после стольких колебаний, похоже, как раз начинала отвечать фламандским интересам. В 1363 г. местом «этапа» шерсти был назначен Кале; товар, за который здесь выплачивали сбор, обогащающий Палату Шахматной доски, далее везли в Брюгге — крупный торговый центр и оттуда наконец в промышленные города. Чтобы шерстяной путь оставался открытым, Людовик Мальский не колеблясь укреплял союз с Плантагенетами.

А ведь у графа не было других наследников, кроме единственной дочери. Маргарита, уже овдовевшая после смерти в 1361 г. тщедушного Филиппа де Рувра, герцога Бургундского, — самая богатая наследница Европы. От отца ей должны были достаться графства Фландрия, Невер, Ретель, права на Антверпен и Мехелен; от бабки — графство Артуа и графство Бургундия (которое с тех пор называли «Франш-Конте»). С 1363 г. с лондонским двором начались брачные переговоры. Эдуард сватал четвертого сына, Эдмунда Лэнгли, графа Кембриджа, который позже станет герцогом Йорком и основателем династии Йорков. В апанаж¹ юному претенденту он

¹ Апанаж — фьефы, земли и феодальные права, которыми наделялись сыновья или братья короля в обмен на вассальную присягу (прим. ред.).

давал Кале, графство Гин, Понтье — все владения на севере Франции. Тем самым возникла угроза создания обширного княжества от устья Соммы до устья Шельды, которое могло бы стать зеркальным отражением Аквитании, занятой принцем Уэльским. В этом случае оба сына английского короля, получив богатые наделы, смогли бы следить за Валуа и, угрожая с двух сторон, не дали бы ему начать новую войну. Во всяком случае, ленная зависимость Фландрии, которую столь дорогой ценой купили и отстояли французы со времен Филиппа Красивого, была уже пустым звуком.

Едва Карл V вступил на престол, он приложил все силы, чтобы раскрутить интригу. Вдовствующая графиня, дочь Филиппа V, владелица Артуа и Франш-Конте, была целиком предана делу Валуа и выступала против сына и английского брака. Еще полезней была поддержка папы: 18 декабря 1364 г. Урбан V, ссылаясь на запретную с точки зрения канонического права степень родства, объявил невозможным брак между Эдмундом Плантагенетом и Маргаритой Фландрской; а потом, поскольку английский принц хвалился, что может и пренебречь этим запретом, папа отменил все послабления в отношении кровного родства, которые его предшественники даровали сыновьям английского короля. Эдуард III не осмелился ни протестовать, ни даже упрекнуть Карла в коварных происках. Людовик Мальский надолго затаил за это злобу на сюзерена.

Едва английский брак был отменен, Карл V задумал еще более амбициозный план включения фламандского наследства в состав владений своего дома. Из трех его братьев Филипп Храбрый, герцог Бургундский, был еще не женат. Он унаследовал герцогство после Филиппа де Рувра — разве не было бы естественно, если бы он женился на его вдове? Все демарши Эдуарда III с целью побудить Урбана V переменить решение натывались на упорное сопротивление французского понтифика, не желавшего допускать ослабления своей страны. Но когда к папе в свою очередь обратился Карл V, тот в 1367 г. легко согласился даровать послабления ради брака герцога Бургундского. Людовик Мальский проявил больше упрямства. Понадобилось два года тяжелых переговоров, что-

бы он уступил. И согласие его обошлось дорого: пришлось вернуть ему «франкоязычную Фландрию» — три шателенства Лилль, Дуэ и Орши, со времен Филиппа Красивого входившие в состав королевского домена. Впустую Карл V заставил брата подписать секретное обязательство вернуть отданные земли короне, как только он станет графом Фландрии: в это же время не слишком щепетильный муж Маргариты Фландрской пообещал тестю никогда не отчуждать трех шателенств, отныне навсегда потерянных для французской монархии. Как бы то ни было, король полностью реализовал свои политические амбиции. Фландрия, столько времени представлявшая опасность, теперь попадала под власть принца из дома Валуа: Если будущее опрокинет эти расчеты, если этот поступок станет первым шагом к созданию грозной Бургундской державы, можно ли за это обвинять короля в слепоте? Карл V продолжал политику предшественников, Капетингов и Валуа, для которых укрепление власти монарха было неотделимо от устройства жизни младших братьев. Счастливые случайности: заурядность большинства этих отпрысков, быстрое угасание самых могущественных родов или укоренение их за пределами королевства — как будто доказывали мудрость этой политики. Первые бунты «принцев лилий»: Робера д'Артуа, Карла Злого — против королевской власти вызвали скандал, но были успешно подавлены. Никто не предполагал, что соотношение сил между монархией и принцами — обладателями апанажей может измениться. Это поймут лишь по смерти Карла V, когда устранять опасность будет уже поздно.

Все эти успехи относились к сфере дипломатии. Более грозные проблемы изводили короля в самом сердце королевства. «Компании» (*compagnies*)¹ с годами становились все более тяжким злом. Войны — английская, бретонская, наваррская — привлекли на французскую землю массу наемников, разноплеменную, но объединенную желанием жить войной и потребностью провоцировать войну, чтобы жить и дальше. Среди них было небольшое число англичан, много гасконцев,

¹ Компания — военный отряд наемников (*прим. ред.*).

бретонцев, испанцев и даже немцев. Капитанами себе они выбирали темных личностей, авантюристов, чьи удачи, авторитет, достижения влекли к ним фанатичных и корыстных сторонников. Хотя до Бретињи не все эти рутьеры сражались за деньги Плантагенетов или их союзников, тем не менее в провинциях, которые они терроризировали, их называли «англичанами». Может быть, это было первым проявлением ненависти одного народа к другому, какую мало-мальски продолжительная война обязательно вызывает в сердцах людей. Ни Арно де Серволь, по прозвищу Протоиерей, — овернец, ни Бертюка д'Альбре, гасконец, ни Сеген де Бадфоль, перигорец, ни Малютка Мешен, выходец из Лангедока или Савойи, не родились по ту сторону Ла-Манша. Они прежде всего были воинами, и договор в Кале лишил их заработка. Тех из них, кому до сих пор деньги платил Эдуард III, он пообещал вывести из провинций, оставленных Франции. Но после расчета с ними он уже не мог на них воздействовать: приказы его теряли силу, и заставить их повиноваться можно было лишь принуждением. А поскольку Черный принц, стараясь хорошо управлять, решительно закрыл для рутьеров границы английской Аквитании, они хлынули в королевство Иоанна Доброго, где никто был не готов дать им отпор.

Они не растеклись равномерно по всей территории, а установили выбор в основном на провинциях, которые еще не слишком пострадали и которые легче было грабить: Бургундии, Центральном массиве, Лангедоке. Впрочем, никакого единого плана у них нет. Каждая «компания» — максимум несколько сот человек — действовала сама по себе. Внезапно захватив два-три замка, она уже могла терроризировать округу, обирать жителей, реквизировать продукты питания, перекрывать дороги, продавать за золото «выгоны» (*pâtis*), то есть охранные свидетельства на одного человека или на целую деревню. Лишь иногда они объединялись для проведения масштабной операции, как «Большая компания», которая сформировалась в конце 1361 г., спустилась к югу по долинам Соны и Роны, захватила Пон-Сент-Эспри и потребовала с папы выкуп; так же возникли и «опоздавшие» (*Tard-Venus*) — это выразительное название говорит о том, что они

действовали на территории, уже истерзанной другими, — которые в последующие годы будут угрожать Лиону. Ни Иоанн Добрый, ни Карл V не могли выделить достаточно крупной суммы, которая бы позволила уничтожить эти неуловимые банды. Отлучения, которыми их осыпали папы, запрет верующим торговать с ними — еще менее эффективное оружие. Бремя обороны легло на плечи населения, и субсидии на нее требовались властям бальяжей или крупных фьефов. Но местные Штаты опасались долгой и непредсказуемой войны и считали, что дешевле купить уход рутьеров, что только оттягивало решение проблемы. Когда же кто-то решался на большее, последствия оказывались катастрофическими. Так, в 1363 г. сильная рыцарская армия, собравшаяся по призыву герцога Бурбонского, позволила Сегену де Бадфоллю разгромить себя под Бринье близ Лиона.

Ситуация все усугублялась. С концом бретонской и наваррской войн, в первые месяцы нового царствования, в обескровленное королевство хлынули новые банды. Самые опасные логова находились в горах центра страны: это была цепь крепостей от границ Перигора до границ Дофине, идущая через Овернь, Веле, Форэ, Лионскую область и отрезавшая южные сенешальства от остальной страны. Избавиться от этих разбойников можно было только одним способом — увести их сражаться и грабить в другое место. Никто лучше Дюгеклена, разделявшего их вкусы и умевшего польстить их амбициям, не мог бы провести эту операцию. К этому его побудил Карл V. Первая попытка провалилась: идея состояла в том, чтобы повести этих отлученных нечестивцев через всю Европу к границам Венгрии, чтобы сдержать продвижение османов, недавно проникших в Европу; это было бы названо крестовым походом, а рутьеры заслужили бы рай. Но предложение показалось им рискованным, а цель — слишком далекой. Тогда был предложен более близкий театр для их подвигов — Испания.

Занятые войнами между собой, иберийские королевства оставались пока в стороне от великого франко-английского конфликта. Уже лет пятнадцать в Кастилии правил король Педро, с полным правом прозванный Жестоким, — человек

несомненно умный, смелый и властный, но отличавшийся такой лютостью, что вызвал неприязнь к себе у большинства подданных. Не удовлетворившись тем, что незаконно посадил в тюрьму, а потом и умертвил там свою жену Бланку де Бурбон, свояченицу Карла V, потому что испытывал к ней неприязнь, он в ревливой подозрительности стал преследовать незаконных детей своего отца; один из них, Энрике Трастамарский, бежав из Испании, нашел убежище в Лангедоке, где Людовик Анжуйский, более горячий, чем его брат, с конца 1364 г. был готов к скорейшему возобновлению войны с Аквитанским княжеством. Изгнанный принц получил земли, деньги и был использован для решения военных задач, став надежным орудием в руках Валуа. К середине 1365 г. возникли и приобрели отчетливость грандиозные планы. Педро Жестокий вступил в конфликт с Педро Церемонным, своим арагонским соседом; это была старая распря из-за нескольких пограничных провинций, масла в огонь которой подливало соперничество двух равно коварных королей. Араговец искал союзников и нашел общий язык с Людовиком Анжуйским; Энрике Трастамарский, участвуя в том же заговоре, объявил себя претендентом на кастильский престол и обещал Арагону уступить спорные провинции в обмен на военную помощь. Карл V, наблюдавший за интригой довольно равнодушно, увидел в ней лишь возможность избавиться от «компаний», которую искали так давно. Так что Дюгеклен, которого упрашивали и король Арагона, и бастард Трастамарский, повел с собой за Пиренеи самых опасных рутьеров; среди главарей этих шаек были гасконцы, но встречались и грозные англичане — Хьюго де Колвли, Мэтью де Гоурней. Поход обещал быть легким. Покинутый всеми, Педро Жестокий бежал. Энрике Трастамарский, вступивший в Кастилию во главе рутьеров, надел корону. Так Карл V приобрел за Пиренеями признательного союзника и одновременно избавил королевство от большей части грабивших его головорезов.

Ответный удар англичан не заставил себя ждать. Энрике Трастамарский столкнулся с теми же трудностями, что и всякий претендент, который в изгнании обещал слишком много, а взойдя на трон, не мог выполнить обещанного. На него дави-

ли король Арагона, рутьеры, другие алчные приверженцы, добиваясь исполнения его опрометчивых обещаний. А его соперник не пал духом. Коль скоро Трастамар — король милостью герцога Анжуйского, то Педро Жестокий, чтобы вернуться на трон, обратился к принцу Аквитанскому и Уэльскому. Он знал, что Черный принц жаден до воинской славы; в Байонне, где Педро укрылся, он обещал тому Бискайю — полезное дополнение к Аквитании — и предложил взять на себя все военные расходы. Карл Злой из своей наваррской столицы привычно интриговал с обеими партиями и в конце концов склонился на сторону той, которой покровительствовал Плантагенет. Англо-гасконская, наваррская и кастильская коалиция быстро сформировала грозную армию. При Нахере (французские хронисты называют это место Наваретт), к юго-западу от Памплоны, победитель при Пуатье 3 апреля 1367 г. одержал новую победу, столь же полную, как и первая. Дон Энрике бежал, Дюгеклен попал в плен, и получалось, что от всех комбинаций Карла V не осталось ничего; может быть, единственный выигрыш — истребление рутьеров, немалая часть которых устлала телами поле боя.

Тем не менее кастильская комедия не закончилась. Дальнейшее нас интересует меньше. Достаточно напомнить, что Педро Жестокий, ненадолго вернувшийся на трон, вновь услышал вокруг гул восстания; что Дюгеклен, благодаря королю Франции получивший свободу (он нагло бахвалился, что выкуп за него, размер которого установил он сам — очень высокий, чтобы придать себе больше значения, — с готовностью будет платить каждый крестьянин Французского королевства), вернулся на службу к Энрике Трастамарскому; что через два года после Нахеры, при Монтеле, оба брата-врага наконец встретились лицом к лицу и Энрике вероломно убил Педро собственной рукой. К тому времени во Франции возобновилась война, и Дюгеклен, считавший себя уже достигшим вершины могущества, получивший в Кастилии богатые дары, был призван Карлом V для борьбы с англичанами.

III

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ВОЙНЫ

Улаживание наваррских, бретонских и фламандских дел, борьба с «компаниями» плюс к тому необходимость восстановить расстроенные финансы и реорганизовать оборону ослабленного королевства были достаточно вескими поводами для Карла V, чтобы поддерживать хорошие отношения с победившим Плантагенетом и подчеркнуто демонстрировать свою приверженность миру, каких бы жертв это ни стоило. Соглашение о спорных территориях, выплата остатка выкупа, постепенное освобождение заложников — для этих проблем мудрый король с 1364 по 1368 г. пытался найти удовлетворительное решение. Юридически его позиция остается неуязвимой: он полностью соблюдает условия договора в Кале. «Договор заложников», отвергнутый Штатами Амьена, соглашение, которым накануне смерти заменил его Иоанн Добрый, — статьи этого соглашения нам неизвестны — нового суверена не связывали. Однако, проводя в жизнь статьи мира в Кале, он выказал такое рвение, истинное или притворное, что Эдуард III, который, похоже, не так спешил уладить нерешенные вопросы, проникся к нему доверием. Переговоры, начатые в последние месяцы 1364 г., быстрого успеха не принесли. Карл, не желая уступать ни пяди сверх положенного по договору, оказывал королю Англии мелкие услуги, за которые тот соглашался терпеливо ждать. В феврале 1366 г. герцог Беррийский наконец заключил соглашение. В соответствии с ним Карл без промедления вносил первый миллион и обещал сделать остальные выплаты сумм выкупа в сроки, какие позволяли ему указать расстроенные финансы. И действительно в течение года он заплатит 400 000 экю, а в 1367 г. ему предстояло покрыть и перекрыть половину договорной сум-

мы. За это окончательно возвращали свободу заложникам королевской крови — Иоанну Беррийскому и Пьеру Алансонскому; другие, как, например, Бурбон, освобождались временно, но в заключение они уже никогда не вернутся. В Лондоне теперь оставалась шушера — мелкие бароны и горожане; какое-то их количество освободилось благодаря индивидуальным помилованиям, если только они не нашли себе здесь жену и не обосновались постоянно, как, например, Ангерран де Куси, ставший зятем Эдуарда III. Наконец, договорились о создании смешанных комиссий для уточнения на месте границ между французскими и английскими территориями. Зависит ли Монтрёй от Понтье или от Пикардии? Кому именно подчинена сеньория Бельвиль, присоединенная к плантагенетскому Пуату? Карл явно выражал желание, чтобы все это выяснили побыстрее. Но английские уполномоченные опаздывали, расследование, постоянно натывавшееся на противоречия — нет ничего сложнее феодальной географии, — шло медленно и порождало лишь бесплодные споры между его участниками. Однако это были незначительные мелочи, не представлявшие серьезной опасности для мира. В первые месяцы 1368 г. казалось, что соблюдение договора в Кале теперь обеспечено. Конечно же, и в других местах ощущалось соперничество Валуа и Плантагенетов. Но ни Карл V, ни Эдуард III официально в испанские дела не вмешивались. Они дали свободу действий герцогу Анжуйскому и принцу Уэльскому. Эта видимость невмешательства позволяла им сохранять дружбу. Такой была ситуация, когда неожиданный инцидент поставил под угрозу самые основы мира, вновь выдвинув на первый план так и не решенную проблему взаимных отречений. Речь идет об апелляции гасконских сеньоров.

Нельзя сказать, чтобы Черный принц успешно управлял Аквитанией. Он принес сюда жесткие требования, составлявшие силу Плантагенетов: придирчивое администрирование, высокие денежные поборы, желание добиться беспрекословного подчинения от всех — вилланов, церквей, вассалов. Это еще годилось для недавно аннексированных провинций, привыкших к бюрократии Валуа. Но у гасконцев на это был свой взгляд. Они были настроены «антифранцузски» лишь в

той мере, в какой опасались вмешательства в свои дела чиновников французского короля, предпочитая легкую опеку далекого Плантагенета. Всё: давняя привычка к автономии, которую так и не смогли переломить присылаемые из-за Ла-Манша слабые «наместники», застарелое пристрастие к анархии — восстанавливало их против требований принца Уэльского. У независимости, предоставленной наследному принцу в его апанаже, были «обратные стороны»: амбициозную политику он был вынужден оплачивать сам. В 1364, 1365, 1366 гг. ему уже пришлось наложить на подданных тяжелую подымную подать. Сразу же после Нахеры ситуация еще ухудшилась. Педро Жестокий и Бискайю не отдал, и на поход не дал ни гроша. Победоносные рутьеры хлынули обратно в Аквитанию. Чтобы они не грабили, им надо было заплатить. Измученный лихорадками, которые рано подорвут его здоровье, победитель при Нахере обратился с мольбой к Штатам Аквитании, созванным в Ангулеме в первые дни 1368 г. Он добился, чтобы Штаты вотировали подымную подать в размере 10 су на очаг на пять лет — тяжелое бремя, чтобы откупиться от испанских авантюристов.

Опять-таки в провинциях, недавно отобранных у французского короля, никто не протестовал. Но в старой английской Гаскони отношение было совсем другим. Забыв о милостях, которыми их осыпали после договора в Кале, заявив, что никто не вправе облагать их подданных налогом без явно высказанного ими согласия, два из крупнейших магнатов Гиени, Жан I д'Арманьяк и Арно Аманье, сир д'Альбре, запретили взимать подымную подать на своих землях. Напрасно принц Уэльский убеждал их, что субсидию, вотированную аквитанскими Штатами, обязаны платить все подданные в княжестве, кем бы они ни были. Они обратились к королю Англии как сюзерену над апанажем принца, а потом, не дожидаясь результата расследования, которое велел произвести Эдуард III, поехали в Париж, где сиру д'Альбре как раз предстояло жениться на самой младшей сестре французского короля.

Можно себе представить замешательство и колебания Карла V в связи с предложением хитрых гасконцев. Коль скоро принц Уэльский, отвергнув их протесты, не пожелал с

ними судиться, они апеллировали на это к королю Франции как сюзерену Аквитании и требовали, чтобы его суд вынес приговор в их пользу. Следовало ли принимать гасконские апелляции? Имел ли король на это право? Конечно, по вине Эдуарда III обмен отречениями, предусмотренный договором в Кале, так и не состоялся. Но ни для кого не было секретом, что Эдуард перестал титуловать себя королем Франции, убрав из герба четверти с лилиями, чередовавшиеся с леопардами, и наоборот, ни Иоанн Добрый, ни Карл V не притязали на сюзеренитет над Аквитанским княжеством — там не действовали французские сержанты, не проходил набор в королевский ост, не делались апелляции в парламент. Если с точки зрения юридической апелляцию можно было принять, то на практике это означало нарушение договора в Кале и новую войну. Была ли истерзанная Франция способна на нее? Карл хотел быть уверенным в своей правоте по закону и в своих силах. Он окружил себя советниками, просил легистов просветить его, советовался с баронами и с нотаблями. Из высказываний этих заинтересованных лиц он вынес убеждение, что дело его правое: ведь обмен отречениями не состоялся, «суверенитет и ведение» над Аквитанией причитались ему по праву; отвергнуть апелляции значило бы пренебречь своим долгом короля как верховного судьи, бросить своих подданных на произвол неверного вассала, отступить от присяги, принесенной при коронации. Мира это не подрывало: вопрос состоял лишь в том, чтобы Плантагенеты подчинились справедливому приговору их сюзерена, остальная часть договора оставалась в силе. Если он будет расторгнут, вина за это падет на короля Англии.

После двух месяцев колебаний и рассуждений Карл перешел Рубикон. 30 июня 1368 г. граф Арманьяк принес в формах, каких требовал обычай, свою апелляцию в парламент; король обещал апеллянтам помощь против любых репрессий принца Аквитанского; пока что он жаловал им пенсии и дары. Но пока что эти соглашения оставались секретными. Раскрыть свои карты и начать новую войну можно было, лишь когда на руках Валуа будут все козыри.

Прежде всего надо было сделать так, чтобы апеллянтов стало больше, организовать против принца Аквитанского почти единодушное восстание в его землях. Заботу об этом поручили герцогу Анжуйскому, всегда плававшему рвением возобновить борьбу против Гаскони, за счет которой он бы округлил свое «наместничество». В июне 1368 г. апеллянтом был один граф Арманьяка, потому что сир д'Альбре принес свою апелляцию только 8 сентября; в мае следующего года их уже было восемь-девять сотен. Раздавая деньги, даруя привилегии, обещая и даже угрожая, люди Валуа «обработали» Пуату, Перигор, Керси, Руэрг, Ажене; им удалось привлечь на свою сторону прелатов, монастыри, таких магнатов, как граф Перигорский, города — Ажен, Каор, Мийо. Началось неударжимое движение, сулившее легкое возвращение земель.

Тем временем пустили в ход неумолимый механизм парламентской процедуры. Поскольку секрет, хранившийся плохо, уже получил огласку, 3 декабря 1368 г. Карл V опубликовал большое воззвание, объяснявшее, почему в соответствии с законом он мог принять апелляции, как добросовестно он рассмотрел их и почему, наконец, если это станет поводом для нарушения мира, то лишь по вине Плантагенетов. Большинство магнатов одобрило этот текст, сформировав нужное общественное мнение. Лишь граф Фландрский — переговоры о браке его дочери как раз вступали в самую деликатную фазу — дерзко ответил королю: «Я думаю, вы хорошо знаете, что должны делать. Что касается меня, то в своих землях я не стану обнародовать это послание: мои подданные люди грубые и простые, и это сообщение не принесло бы пользы никому». 28 декабря Большой совет одобрил королевскую политику. В середине января сенешаль Тулузы привез принцу Уэльскому в Бордо вызов на суд в Парижский парламент и официальные уведомления, что апеллянты находятся под защитой короля Франции. Известен гордый ответ принца, приведенный Фруассаром: «Мы с удовольствием прибудем в Париж в день, на который нас вызвали, раз так приказывает король Франции, но только явимся в шлеме и в сопровождении шестидесяти тысяч воинов нашего отряда». И сенешаль Тулузы был брошен в тюрьму... 2 мая 1369 г.

апеллянты явились в Париж, парламент заочно осудил принца, а потом новое собрание нотаблей бурно приветствовало короля. 8 июня тот заявил о намерении начать добрую войну с принцем Уэльским и его приверженцами. Но он дождался 30 ноября, чтобы провозгласить конфискацию Аквитании у неверного вассала, повторив тридцать три года спустя жест, которым в свое время развязал войну Филипп VI.

До последнего момента Эдуард III пытался примирить стороны, чтобы спасти одновременно и мир, и свои завоевания. Еще в сентябре 1368 г. его послы требовали в Париже передачи спорных территорий, выплаты выкупа, замены заложников, умерших в заключении, и умоляли Карла не принимать гасконских апелляций, о которых уже начали говорить. Мудрый король посулил переговоры; но в Лондоне в январе 1369 г. его посланники заявили претензии уже в другом тоне. Если выкуп до сих пор не выплачен, так это потому, что английский король позволил своим наемникам грабить Францию; еще совсем недавно победители при Нахере, прогнанные без оплаты из Аквитании, хлынули в Овернь и грозили Бургундии. Чтобы покончить с проблемой спорных территорий, он взамен уступал иллюзорные права на Родез и Ла-Рош-сюр-Йон. Эдуард, примиряясь с таким высокомерием, предложил сделку: он соглашался на новые отсрочки выкупа, на размен территорий, даже обещал, если рассмотрение апелляции будет прекращено, признать короля Франции в качестве третейского судьи между принцем Аквитанским и его мятежными подданными; наконец, немного позже он предложил и немедленно обменяться отречениями. Карл, решившись на войну, не ответил на предложения соперника.

Дело в том, что Французское королевство, несмотря на потерю юго-западных провинций, могло уверенно идти на возобновление боевых действий. Благодаря удачному стечению обстоятельств, умело использованному, ресурсы Карла были более стабильны, чем у его предшественников. Вспомним, что сразу после освобождения Иоанн Добрый издал указ о сборе по всему королевству габели и косвенных налогов с продаж и за алкогольные напитки. Эти налоги должны были взыматься, пока не будет выплачен весь выкуп за короля. Того и

гляди, они к величайшему благу монархии станут постоянными. Еще в 1363 г. Штаты в Амьене, сославшись на бич «компаний», согласились ввести подымную подать с поквартальными выплатами на год, добавив, что «в случае необходимости» (неужели таковой не возникнет!) это решение будет действительно и «на другие годы на тех же условиях». Карл продолжил ее регулярно взимать, разве что в 1367 г. по просьбе Штатов Лангедойля уменьшил ее норму. Но возобновление войны в 1369 г. позволило ему сохранить нормы косвенных налогов, габель и подымную подать в 6 франков на очаг для городов и в 2 франка для сельской местности. Сбор их будет производиться до конца его царствования. Конечно же, не везде был гарантирован успех: для обедневших провинций надлежало снижать норму, следовало прощать недоимки, заключать с городами соглашения о повинностях, делить с магнатами налоговые поступления, когда тех удавалось заставить их взимать на своих землях, — ни Фландрия, ни Бургундия, ни Бретань в этом не участвовали. Налог в принципе оставался временным, и его выплата зависела от согласия податных людей. Но, кроме как в Лангедоке, где Штаты сами вотировали и раскладывали налоги и обеспечивали использование поступлений от них на месте, Карл V — более де-факто, чем де-юре — имел постоянные источники дохода. Доказательством этому служит тот факт, что он окончательно создал административный механизм для сбора «экстраординарных финансов» и распоряжения ими и добивался его стабилизации. В Лангедойле — а это около двух третей территории королевства — он сохранил институт «делегатов» (*élus*), придуманный Штатами в 1355 г. Но отныне «делегаты» — не представители Штатов, а королевские чиновники. В каждом из финансово-податных округов (*élections*), на которые теперь делился домен (их порядка тридцати), они раскладывали подымную подать по приходам, требовали эти суммы от сборщиков, отдавали на откуп косвенные налоги, осуществляли функции судей первой инстанции в фискальных процессах; наверху от шести до двенадцати «генеральных советников по вопросам эд» ведали оценкой имущества, рассматривали апелляции, проверяли бухгалтерию

главного сборщика, в задачу которого входила централизация поступлений, бухгалтерию военных казначеев, производящих выплаты. Строгим становится взимание габели: смотрители соляных амбаров, контролеры, измерители следили за содержанием соли в королевских амбарах, где за ее получение платили сбор. А поскольку контрабанда угрожала казне оскудением, податным людям уже навязывали закупку определенного количества соли: это «обязательная соль» (*sel du devoir*), язва Старого порядка.

При всем своем несовершенстве этот финансовый механизм, в конечном счете непопулярный, позволял содержать сильную армию, малочисленную, но более дисциплинированную, чем раньше. В военных делах обильное законотворчество Карла V как до 1369 г., так и после него включало мало новых элементов: он только повторял и кодифицировал старые ордонансы. В том, что касается дисциплины, иерархии, выплаты жалованья, контроля за денежными средствами, никаких нововведений не было: те же меры, тот же механизм, что и при Филиппе VI и Иоанне Добром. Если на практике он оказался чуть эффективней, так это потому, что возврат к полноценной монете позволил сделать выплаты жалованья постоянными и большими; потому, что военные казначеи, среди которых деятельный Жан ле Мерсье, платили их более регулярно. Только за отчетный 1370—1371 год они израсходовали 300 000 ливров; и это только оплата тяжелым конникам, то есть кавалерии, потому что пехоте платил клерк командира арбалетчиков. В общем, ничего похожего на будущую военную реформу Карла VII.

Тем не менее обратим внимание на несколько новых дел, полезность и уместность которых выявится в ходе ближайших операций. Власти стали проявлять интерес к пехоте, которой в бою до сих пор пренебрегали; в 1367 г. они дали предписание выяснить, сколько арбалетчиков может поставить каждый город, приказали им регулярно упражняться, уточнили вооружение; в 1369 г. запретили популярные игры, чтобы побудить ремесленников заниматься стрельбой из лука. В военном отношении наиболее оригинальна деятельность Карла V в сфере фортификации. Борьба с «компаниями» по-

казала, как опасно, когда замки плохо охраняются и плохо содержатся. Ордонанс от июля 1367 г. ввел инспектирование сеньориальных замков; на сеньоров возлагалась обязанность их ремонтировать, размещать в них войска и артиллерию при финансовой поддержке короля; все замки, которые защитить невозможно, приказали разрушить и скрыть. Эта мера была осуществлена не полностью, однако в достаточной степени, чтобы французы смогли дать отпор английским набегам.

Ведь Плантагенет, не усвоивший урока 1359 г., по сути придерживался той же тактики, какую использовал всю первую часть войны: подготовить на большие деньги у себя на острове экспедиционный корпус в несколько тысяч всадников, перевезти его на континент и там бросить в авантюру, в опустошительный «набег», при котором он мог с ходу брать плохо защищенные города, но прежде всего занимался грабежом, а полевое сражение принимал, лишь когда находил удобную территорию, чтобы закрепиться. Сражение можно было принять, только если противник в этих условиях давал втянуть себя в схватку. Карл знал, чего это стоило его деду и отцу. Пока он предпочитал военному поражению грабежи в сельской местности. Тактика, которую он использовал в то трудное время, когда был регентом, станет и тактикой королевской войны. Не без труда он навяжет ее нетерпеливому рыцарству, обяжет применять ее и Дюгеклена, который наконец убедится в ее достоинствах. А тем временем войска герцога Анжуйского, набираемые в Лангедоке, станут методично сокращать территорию английской Аквитании.

Так как победителю при Пуатье приходилось нелегко и в собственном княжестве, Эдуард III, который сам был уже стар для войны — вскоре ему стукнет шестьдесят, — доверил вести набеги другим капитанам. В последние месяцы 1369 года третий сын короля Джон Ланкастер, по жене — наследник славного имени и славной судьбы¹, высадился в Кале, пересек Артуа, Пикардию и вышел в Нормандию; но силы у него

¹ Джон Гонт был женат на Бланке, дочери Генриха Гросмонта, герцога Ланкастера (1351–1361 гг.), известного военачальника (*прим. ред.*).

были незначительными, а съестные припасы в предвидении зимы добывать удавалось редко, и он вернулся в Кале, не сделав ничего толком. В следующем году — очередное вторжение. Факт новый и почти уникальный: руководил походом простой рыцарь, но прославленный капитан — Роберт Ноллис. Из Кале он вышел прямо на Иль-де-Франс, выжигая окрестности Парижа. Именно тогда Карл V, от которого окружение требовало принять бой, назначил Дюгеклена коннетаблем и поручил ему тревожить вражескую армию, внезапно нападать на отдельно действующие отряды и вынудить ее отступить. А когда обеспокоенный Ноллис отошел на Бретань, где дело англичан еще встречало преступные симпатии, французы нагнали и уничтожили его арьергард в Понваллене, близ Ле-Мана, в самом конце осени. Аристократия из-за Ла-Манша возложила вину за это на навязанного ей неудачливого и безродного командующего. После этих двух неудач англичане были вынуждены сделать передышку. Но в 1373 г. они организовали еще более внушительный набег — в котором, похоже, участвовали более десяти тысяч всадников, — предводитель которого, герцог Ланкастер, намеревался глубже проникнуть на территорию Французского королевства. Поначалу ему удавалось повторять маршрут, избранный 1359 г. Эдуардом III: Кале, Артуа, Шампань, Морван. Но вместо того чтобы повернуть на Париж, Ланкастер с наступлением осени решил пойти на помощь гасконцам Аквитании. Для этого надо было пройти сквозь Центральный массив, а в неблагоприятный сезон дорога здесь была нелегкой. И в начале января 1374 г. в Бордо прибыли поредевшие, изнуренные войска, так и не сделавшие ничего серьезного.

Этим бесполезным набегам противопоставил свою тактику герцог Анжуйский, которого при случае поддерживал Дюгеклен. Провинции, потерянные с 1360 г., возвращали скорее благодаря дипломатии, нежели вооруженной силе; у королевских наместников на Юго-Западе никогда не было могучих вооруженных сил; успеха они добивались потому, что после гасконских апелляций население было уже умело обработано. Герцог Анжуйский, поддержанный графом Арманьяка, ждал лишь разрыва отношений, чтобы выйти в поход.

В январе 1369 г. его войска заняли Руэрг — почти без единого выстрела, потому что многие владения здесь принадлежали брату графа Арманьяка. Далее они покорили Керси, часть Ажене и Перигора, а Абвиль и Понтье на севере сдались без сопротивления. Кампания 1370 г. после приезда Дюгеклена была, несмотря на пребывание Ланкастера в Бордо рядом с его больным братом, еще более блистательной: подчинились вся целиком провинция Ажене, включая Ажен и Муассак, и почти весь Лимузен; по ту сторону Гаронны капитулировал Базас. Кровавые репрессии, на которые пошел принц Уэльский, а именно разграбление Лиможа в отместку за сношения его епископа с французами, не спасли англичан от новых отступничеств. Основные усилия были предприняты в 1372 и 1373 гг., когда к герцогам Анжуйскому и Беррийскому присоединились отряды Дюгеклена, до того задерживавшегося в Бретани; целью их стали Бигор, Пуату и Сентонж. Ла-Рошель, излюбленный город английских купцов, подготовилась к обороне. Но когда кастильский флот, вовремя высланный Энрике Трастамарским, полностью уничтожил направленные морем английские подкрепления, она 8 сентября 1372 г. капитулировала. Потом от последних вражеских гарнизонов были очищены Пуату, Ангумуа и Сентонж. Когда в начале 1374 г. после капитуляции Ла-Реоли открылась дорога на Бордо, у Плантагенетов ничего не осталось от недавних завоеваний. Не сохранилась в целости даже старинная провинция Гиень: теперь в нее входили лишь четыре епархии между Жирондой и Пиренеями — Бордо, Дакс, Эр и Байонна, между которыми вклинивались владения дома д'Альбре.

IV

ПРОСЧЕТЫ КОНЦА ЦАРСТВОВАНИЯ

Результаты пяти лет войны оказались неожиданными. Еще чуть-чуть, и владичество Плантагенетов исчезло бы с французской земли. Казалось, чтобы отвоевать последние территории, хватило бы и не самого большого усилия. Карл V этого усилия сделать не смог. Сколь бы удачливыми ни были его наместники, они истощили страну. Не забудем, что обедневшая Франция могла рассчитывать лишь на ограниченные успехи; впрочем, положение Англии было немногим лучше. Ничто так явно не свидетельствует о том, что противники выдохлись, как их обоюдное желание сложить оружие. В январе 1374 г. Дюгеклен, не спросив короля, заключил в Перигё с герцогом Ланкастером, завершившим свой бессмысленный набег, перемирие местного значения, в соответствии с которым все армии на юго-западе Франции не должны были продвигаться дальше позиций, на которые вышли. Коннетабль, разумеется, использовал передышку, чтобы поспешить в Нормандию, ополчиться на английских рутьеров и оказать помощь адмиралу Жану де Вьенну, плотно блокировавшему цитадель Сен-Совер-ле-Виконт — логово английских банд. При всей важности этой осады, где уже широко использовалась артиллерия, все это лишь забавы. Час крупных операций еще не настал.

Зато пробил час переговоров. Его приход ускорила деятельность последнего авиньонского папы — Григория XI, взшедшего на трон святого Петра в конце 1370 г. Как и все его французские предшественники, как Бенедикт XII и его дядя Климент VI, как Иннокентий VI и Урбан V, Григорий, происшедший из лимузенской семьи, стремился к франко-английскому примирению; он желал этого мира тем более, что видел

в нем необходимую прелюдию к великому делу его понтифика — возвращению пап в Рим. Не щадя никаких сил для организации встреч представителей обоих королей, он прежде всего столкнулся с недоверием Эдуарда III, который был обманут дипломатией Валуа и теперь подозревал Авиньон в сообщничестве с французами в деле возобновления войны, и с упрямством Карла V, не слишком торопившегося останавливать войска, возвращавшие его земли. Тем не менее папские легаты неутомимо колесили по дорогам, уговаривали герцога Анжуйского в Тулузе, принца Уэльского в Бордо, суверенов в Лондоне и Париже и поселялись в Кале, чтобы легче следить за обоими дворами. В начале 1374 г., пользуясь перемирием в Перигё, они сумели на несколько недель собрать в Брюгге полномочных представителей Франции и Англии, но тем не удалось найти общего языка. Англичане, изображая обиду, требовали либо всего Французского королевства целиком, либо просто возврата к договору в Кале; посланники Карла V, ссылаясь на приговор о конфискации, вынесенный парламентом, соглашались говорить о «справедливом мире» только после того, как их войска будут впущены в последние английские владения — Кале, Бордо, Байонну. Медленный ход военных операций и изнурение обоих противников к 1374 г. исключат для них возможность долго отстаивать непримиримые позиции. Сил сражаться больше не хватало, и потому лучше уж было искать взаимопонимания, как бы трудно это ни казалось.

Настоящий мирный конгресс открылся в Брюгге в марте 1375 г. под председательством архиепископа Равеннского и при посредничестве Людовика Мальского, который был рад, что внушает почтение французам. Французскую делегацию возглавлял Филипп Храбрый, английских представителей — Ланкастер. 27 июня стороны без особого труда пришли к соглашению о всеобщем перемирии на год, которое в дальнейшем будет продлено до 1377 г. О мире как таковом спорить пришлось дольше. Если отбросить чисто теоретические требования противников, то все, как и прежде, упиралось в проблему Аквитании. В территориальном отношении договоренность была почти достигнута. Терпя с 1369 г. пораже-

ния, англичане понимали, что не могут претендовать на восстановление обширного княжества, территория которого по миру в Кале была слишком велика, а Карл V ради прочного мира соглашался отдать по крайней мере часть своих недавних завоеваний. Поэтому была выдвинута идея раздела: либо половина великой Аквитании образца 1360 г. отойдет королю Франции, а другая — королю Англии; либо Аквитания будет разделена на три части, и в этом случае Карл V сохранял половину своих завоеваний, другую отдавал в качестве фьефа какому-нибудь младшему отпрыску английской династии, а Эдуарду оставались территории, которые он еще контролировал. Можно было бы договориться и о Кале, который Валуа оставлял противнику после завоевания Понтье; эта уступка шла в счет недоплаченного выкупа за Иоанна, в дальнейшем французам осталось бы заплатить только часть. Но снова не хватило краеугольного камня для договора: общий язык не удалось найти в вопросе о суверенитете. Соглашаясь на значительные территориальные уступки, англичане твердо стояли на одном: сколь бы малой ни была доля, оставшаяся их повелителю, она возвращается под его полный суверенитет. Вернуться в вассальную зависимость от Валуа, которая была первой причиной войны, они ни за что не хотели. А Карл, усвоив уроки договора в Кале и гасконских апелляций, был намерен сохранить «суверенитет и ведение» над всеми территориями, которые оставят себе Плантагенеты.

Папские легаты тщетно искали компромисс между этими непримиримыми подходами. Их идею временного суверенитета — было предложено, чтобы он оставался за англичанами на время жизни нынешнего короля и его старшего сына, после чего Аквитания вновь стала бы фьефом французской короны, — все восприняли как насмешку: Эдуарду III исполнилось шестьдесят пять лет, что было редкостным по тем временам долголетием, а Черный принц был при смерти. Необходимо было, чтобы кто-нибудь из противников уступил. Все вот-вот могло рухнуть, и осенью 1376 г. посредники попытались оказать максимальный нажим на Карла V, напоминая ему о бедствиях, причиненных королевству войнами, о том, что его упрямство может привести к разрыву, умоляя

хоть немного уступить в вопросе суверенитета. Валуа не поддался. Уступить для него значило бы обвинить себя, что развязывать эту войну он не имел права. Его интересы и его королевский долг не допускали расчленения королевства. Именно это повторяли ему легисты; именно это советнику Жану Ле Февру было поручено передать легатам; именно это один придворный клирик, возможно — бретонец Эварар де Тремогон, вскоре изящно, в духе времени изложит в форме аллегорического диалога под названием «Сновидение садовника».

Поскольку по вопросу о суверенитете достичь согласия оказалось невозможно, все надежды на мир рассеялись. Конечно, англичане и французы еще свидятся между Кале и Булонью, «в привычных местах», для разговоров о мире или длительном перемирии. Но убежденности в их словах не было: в 1377 г. война возобновилась, и рассуждения послов остановить ее уже не могли. Казалось, французы могли надеяться на счастливое и скорое обретение своих земель. Англия была в трауре и представляла собой корабль без кормчего. Она уже утратила Черного принца, символ былых побед, который, страдая от лихорадок, вернулся на родную землю, чтобы вскоре (8 июня 1376 г.) там умереть. Потом настала очередь старого суверена, который более пятидесяти лет руководил судьбами своего островного королевства — это было здесь самое долгое царствование со времен Генриха III и до Виктории¹ — и вверг его в завоевательные походы на континенте. Он умер 21 июня 1377 г., и корона перешла к мальчику лет десяти — Ричарду Бордоскому, единственному сыну принца Уэльского. Эта смена суверена могла лишь дополнительно остудить наступательный пыл Английского королевства, уже изрядно ослабший в течение нескольких лет.

К тому же у Франции наметился прогресс в морских делах. После Слэйса у королевства Валуа не было ни флота, ни средств для сооружения нового. Но урок Ла-Рошели, взятой в прошлом году благодаря кастильскому флоту, для мудрого

¹ Генрих III — король Англии в 1216–1272 гг.; Виктория — королева Англии в 1837–1901 гг. (прим. ред.)

короля не прошел даром. Он больше не хотел зависеть от союзника, несомненно верного, но не всегда способного вовремя ввести в действие свои военно-морские силы. Именно тогда, в 1373 г., Жан де Вьенн был назначен на пост адмирала, а королевские ордонансы определили и расширили его полномочия. Именно тогда произошла реорганизация Галерного двора в Руане, настоящей судостроительной верфи, которая в 1376 г. спустит на воду десять кораблей, а в 1377 г. — тридцать пять. В экстренных случаях прибегали к реквизиции купеческих судов. С момента возобновления войны в 1377 г. можно сказать, что нормандский военный флот господствовал в Ла-Манше, чего не было со времен катастрофы при Слэйсе. До конца войны он не раз будет угрожать англичанам на их собственном острове, проводя грабительские рейды на порты для посадки войск, в частности, на Винчелси.

Но он был не в силах помешать английским подкреплениям прибывать в Гиень, в Бретань, в Кале. Наземная кампания 1377 г., начатая при счастливых предзнаменованиях, не принесла ожидаемых результатов. Войска Дюгеклена и герцога Анжуйского хоть и взяли Бержерак, но задержались у границ Гаскони, наткнувшись на неожиданное сопротивление. В следующем году лондонское правительство прислало в Бордо энергичного наместника, Джона Невилля де Реби, который без труда выправил положение, сдержав натиск не слишком могучих сил захватчиков, снова отобрал у них несколько крепостей, организовал карательные набеги и даже отразил рейд кастильцев на Байонну. Отвоевание земель французами было прекращено и более не возобновится. Дюгеклен занялся решением более скромных задач — он прочесывал Овернь, которую рутьеры продолжали опустошать. Когда 13 июля 1380 г. он умер под стенами Шатонеф-де-Рандона в Жеводане, где осаждал «компанию» грабителей, король, которому он так хорошо служил, болезненно воспринял его потерю. После его смерти не видно никого, кто мог бы воодушевить войска.

К военным неудачам добавились дипломатические. Конечно, в первые дни 1378 г. ситуация еще выглядела превосходной. После девяти лет почти непрерывных успехов престиж монархии Валуа ярко блистал в Европе. Она могла рас-

считывать на союз с крупнейшими державами континента, в частности, с Империей. Двадцать лет назад после смерти Людовика Баварского императорская корона перешла к дружественной Франции семье Люксембургов в лице Карла, короля Чехии. Его отец, король Иоанн Слепой, верно служивший Филиппу VI, был убит при Креси. Женат Карл был на сестре Филиппа VI, а свою сестру Бонну Люксембургскую выдал за Иоанна Доброго. Карл V уже встречался со своим дядей в Меце в последние дни 1356 г., когда, будучи дофином, искал поддержки против парижских горожан. Теперь Франция хотела превратить этот семейный союз в политический альянс. В январе 1356 г. стареющий император и его сын Вацлав приехали в Париж. По случаю встречи обоих суверенов были устроены грандиозные празднества, услужливо описанные официальными хронистами. Но за обычными комплиментами, клятвами в дружбе, дипломатическими приглашениями не стояло никакой политической реальности. Люксембургский дом, исполненный германских амбиций, твердо решил не вмешиваться во франко-английский конфликт. Апофеоз Карла V завершился пышными торжествами, но остался не более чем представлением, лишенным содержания.

Тот же 1378 г. принес и жестокие разочарования, в том числе и исключительно тяжелые. Прежде всего надо сказать о последнем мятеже короля Наваррского, начавшемся весной. Карл Злой не пожелал смириться со своим поражением 1365 г. Его двурушничество в испанских делах привело к тому, что его пиренейское королевство стало полем боя, где без выгоды для него мерялись силами сторонники Педро Жестокого и Энрике Трастамарского. Королевство Наваррца было разорено, и он счел нужным вернуться к своей политике лавирования между Валуа и Плантагенетами, ставшей для него привычной. Когда разразилась война, он попытался продать свою поддержку тому, кто больше даст. В сентябре 1370 г. он приехал к Эдуарду III в Кларендон, предложив вместе с союзом свой план раздела Франции. Попытка не удалась — принц Уэльский отказался иметь дело с союзником, коварство которого слишком хорошо знал. А Карл V сумел еще раз успокоить вечного заговорщика, пообещав ему по Вер-

нонскому договору, заключенному в марте 1371 г., наконец отдать баронию Монпелье и принять за нее оммаж. Таким было положение вещей, когда внезапный арест двух наваррских агентов весной 1378 г. позволил задушить в зародыше новый заговор. Заговорщики якобы предполагали отравить короля Франции и развязать наваррскую войну, воспользовавшись замешательством, вызванным смертью короля. Сколько правды было в этих полицейских донесениях, умело использованных? Наваррец имел прочную репутацию отравителя, и не похоже, чтобы он присвоил себе ее сам, что придавало обвинению правдоподобность: его подозревали в устранении кардинала Булонского, и было известно, что он избавился от рутьера Сегена де Бадфоля, слишком настойчиво требовавшего свое жалованье. Это был удобный случай раз и навсегда устранить наваррскую угрозу. Дюгеклену было поручено занять графство Эврё и Котантен и временно передать их старшему сыну обвиняемого — Карлу Благородному, преданность которого делу Валуа была известна. Тем не менее коннетабль оказался недостаточно проворен. Карл Злой успел за деньги, в которых он нуждался ради испанских авантур, уступить порт Шербур англичанам, чей гарнизон продержится здесь пятнадцать лет.

Бретонское дело обернулось для короля Франции еще хуже. Осмелев после кажущегося успеха в наваррской кампании, он решил, что против него не устоять и другому не слишком верному вассалу. Иоанн IV Бретонский после своей победы в 1365 г. не замедлил показать, как на деле относится к своей вассальной зависимости от французского короля. Не принимая открыто сторону Плантагенета, он после возобновления войны тайно помогал ему. Именно в его герцогстве Роберт Ноллис, жестоко теснимый Дюгекленом, нашел убежище в 1370 г. после неудачного набега. В 1372 г., сбросив маску, герцог разорвал вассальную связь с Францией и бежал в Англию; в следующем году он участвовал в набеге Ланкастера, а потом воевал на гасконских границах, не стяжав особой славы. Дюгеклен, пользуясь поддержкой населения, подчинил власти французского короля почти все герцогство; у англичан осталось лишь четыре крепости, в том числе Брест

и Орей. Когда заключенное в Брюгге перемирие было расторгнуто, Карл решил, что пора наказать предателя. Некоторые бретонские феодалы, в том числе крупнейшие — Рога-ны, Клиссоны, сам Дюгеклен, — которые раньше жаловались на коварство Иоанна IV, уверили суверена, что эта операция не представляет никакой опасности: мол, надо лишь юридически узаконить фактическую оккупацию. И против герцога Бретонского обратилось все величие королевского правосудия. Обвинение в неверности, вызов в парламент, заочное осуждение, приговор о конфискации, вынесенный 18 декабря 1378 г. — десять лет назад такая же операция против принца Аквитанского вполне удалась. Но на сей раз советчики короля обманулись в расчетах. Герцога поддержало все население — горожане, духовенство, вилланы. Даже знать, соглашавшаяся на временную оккупацию, воспротивилась присоединению края к королевскому домену. Под покровом жестоких войн, сорок лет сменявших одна другую, родился бретонский партикуляризм — мы бы даже сказали: бретонский национализм, — жаждущий независимости Бретани, недоверчивый, предпочитающий призвать иностранцев, чем терпеть любое вмешательство Валуа. Французской монархии понадобится более века, чтобы подчинить его. Официально отстраненный от власти Карлом V, Иоанн де Монфор возвратился к «первой любви» и восстановил союз с Англией. Герцогу Ланкастеру, посредственному воину, французы не дали захватить Сен-Мало. Но Иоанну IV они не смогли помешать высадиться в Сен-Серване, усилить английский гарнизон в Бресте, а также сохранить контроль над всей западной Бретанью. Попытка не удалась.

В это же время французская монархия утратила и поддержку папства. Три четверти века в Авиньоне сменялись французские понтифики, окруженные в основном французскими кардиналами, и все привыкли, что они поддерживают политику Валуа. Конечно, авиньонские папы вовсе не всегда были верными слугами Парижа, какими их изображали англичане и итальянцы. Ни Бенедикт XII, ни Иннокентий VI никогда не выполняли всех желаний Филиппа VI или Иоанна Доброго. Однако в целом короли Франции получали от них, вместе с

ощутимой денежной поддержкой, влияние, моральный престиж, которые делали этих монархов признанной опорой Святого престола. Но необходимость управлять на месте церковным государством, возвращенным дорогой ценой, бежать с берегов Роны, разоряемых рутьерами, в большей мере, чем страстные призывы итальянского общества, побуждали Урбана V, а потом Григория XI мечтать о возвращении в Рим. В 1369 г. мольбы Карла V уже не могли отвратить Урбана от отъезда в Италию. Однако беспокойный характер римлян вынудил умирающего понтифика вернуться в Авиньон. Григорий XI вернулся к мысли о возвращении, но отложил ее исполнение в надежде, что здесь лучше сможет контролировать мирные переговоры. Однако к концу 1376 г. оказалось, что франко-английское примирение невозможно, и он не захотел больше медлить. Напрасно французские послы, при поддержке герцога Анжуйского, умоляли его остаться, расхваливая преимущества дальнейшего пребывания по эту сторону гор, напоминая о дружбе Валуа, превознося услуги, оказанные королями папам. Ничто не помогло, и кардиналы без особого энтузиазма вынуждены были следовать за понтификом. Григорий вернулся в Рим, где его сразу же захлестнули итальянские дела, и Карл V был почти забыт.

Много хуже стало, когда со смертью Григория XI римская чернь вынудила конклав избрать в апреле 1378 г. папу-итальянца — Бартоломео Приньяно, архиепископа Бари, взявшего имя Урбана VI. Новый понтифик, суровый и высокомерный старец, сразу объявил о намерении реформировать священную коллегия, умерить ее пристрастие к роскоши, освободить от французского влияния. Обеспокоенные кардиналы начали выражать сомнение в легитимности избрания папы, хотя сами участвовали в нем. Об этом сомнении они сообщили королю Франции, слишком склонному верить им на слово. Когда они получили подкрепление в лице кардинала Амьенского — честолюбивого Жана де ла Гранжа, мечтавшего о тиаре, и бежали из Рима, найдя убежище на землях королевы Неаполитанской, а потом провозгласили анафему папе-самозванцу, они были уверены в поддержке со стороны Карла V, которого легко удалось убедить в их правоте. 20 сентября в

Фонди они выбрали папой одного из них — Роберта Женевского, который назвался Климентом VII. Избежать раскола, прискорбного для церкви, можно было лишь в случае, если все христианские государи единодушно выскажутся в пользу одного из двух соперников. Карл V сделал выбор, искренне считая его честным. Не слушая и даже не дожидаясь аргументов итальянцев, в ноябре он потребовал от своего духовенства, университета, администрации признать Климента. Но он переоценил свое влияние на другие европейские дворы. За ним пошли только королевства Неаполитанское и Шотландское. Сколь бы верным союзником ни был Энрике Трастамарский, здесь к призывам Валуа он остался глух; по отношению к другим испанским королевствам Кастилия при его жизни сохраняла нейтралитет. Карл Люксембургский, умирая, не пожелал признавать иного папы, кроме избранного первым. Его сын Вацлав продолжил его политику. Его примеру последовали Венгрия, Польша, скандинавские королевства, большинство немецких князей, Фландрия. Наконец, Англия, в лице Глостерского парламента, без промедления высказалась в пользу римского папы — по единственной причине, что он был не французским. Раскол произошел. По праву или нет, но он был воспринят как дело рук французов; создалось впечатление, что он инспирирован или даже организован Карлом V, особенно после того как Климент, изгнанный из Италии, вернулся в Авиньон, сделав из него снова папскую резиденцию.

«Великая схизма Запада» расколет христианский мир на сорок лет; на ходе франко-английской войны она скажется губительно. До сих пор папы всегда активно вмешивались в конфликт с целью умиротворения. Они были заинтересованными, но в целом непредвзятыми посредниками, и их усилия не давали враждебным действиям слишком затянуться, они добивались перемирий — порой продолжительных — и отсрочек. Теперь же каждый из пап подстрекал к войне. Ведь они могут одержать верх над соперником только при военной поддержке своих сторонников-королей. Франко-английский мир стал бы крахом надежд и того и другого. На всех будущих мирных конгрессах они

уже не появятся, а станут систематически срывать эти переговоры.

Эта перемена обнаружилась немедленно. Архиепископ Равеннский, годами хлопотавший о мире в Брюгге, — теперь стал кардиналом Урбана VI и легатом в Центральной Европе; он ездил по Германии, убеждал Вацлава расторгнуть традиционный союз Люксембургов и Валуа, строил планы объединить Империю и Англию участием в общем крестовом походе против схизматической Франции. Напрасно Карл V, которого военные поражения в последних походах сделали менее непримиримым, делал англичанам соблазнительные предложения: он был готов уступить всю Аквитанию к югу от Дордони (из его завоеваний ему остались бы только Пуату, Сентонж, Лимузен и Перигор) и выдать свою дочь Екатерину за юного Ричарда II, отдав ей в приданое графство Ангулем. Кардинал Равеннский в мае 1380 г. добился прекращения этих переговоров и решил женить Ричарда II на сестре Вацлава — Анне Чешской. В конце лета, когда Карл V уже чувствовал приближение смерти, на континенте высадился новый английский экспедиционный корпус, и начатые им грабежи стали признаком новой войны. Вел войска самый младший из сыновей Эдуарда III — Томас Вудсток, граф Бекингем, будущий герцог Глостер — из Кале в Бретань по маршруту, уже ставшему привычным: через Шампань, Гатине, Бос, Анжу; прежде чем сесть на корабли, он безуспешно осаждал Нант, а за собой оставил разоренный край.

Конфликт затянулся в тот момент, когда Франция, чьи силы Карл напряг до предела, была уже не в состоянии этого выдерживать. Война, даже сводящаяся к коротким набегам, к местным операциям, стоила все равно дорого, а налоги тяготили поредевшее население. Ряд тревожных симптомов говорит о растущей непопулярности режима и об усталости народа. Короля, о добром правлении которого позже будут сожалеть, не любили — слишком тяжела была рука его чиновников. Пока что открытый мятеж вспыхнул только в Лангедоке, и вызван он был поборами герцога Анжуйского, главного творца войны. В октябре 1379 г., выведенные из себя постоянными требованиями денег, восстали жители Монпе-

лье, а до того сходные движения начались в Ле-Пюи и в Ниме, где убили самых ненавистных чиновников и нескольких сборщиков налогов. Это восстание, к счастью для королевской администрации, дальше не распространилось. Чтобы показать величие власти, которой облечен, герцог Анжуйский вынес мятежникам беспощадные приговоры, впрочем, быстро смягчив их и объявив о помилованиях, а потом полностью восстановил порядок. Но испуганный король счел необходимым отозвать брата. Ведь Карл знал о нищете народа, ему известно, что в деревне назревало недовольство. На смертном ложе его одолевали угрызения совести. Может быть, он несправедливо угнетал подданных? Имел ли он право собирать налоги, которых они не хотели платить, или сделать постоянными подати, на которые они согласились временно? Дав все советы близким, благочестивый суверен 16 сентября 1380 г. в качестве последнего своего акта декретировал отмену подымной подати. Эта мера нам кажется абсурдной и прежде всего неразумной политически. Король признавал необходимость постоянных налогов не лучше своих подданных. Успокаивая свою совесть, он одним росчерком пера отобрал у своего преемника инструмент управления.

V
НА ПУТИ К ПРИМИРЕНИЮ
(1380–1400 гг.)

За шестнадцать лет царствования, восстановив, но при этом изнулив страну, Карл V совершил одно великое дело — свел на нет договор в Кале, в чем и состояла главная цель этого упрямого и хитрого человека. Но тем самым он вновь развязал войну, а слабые ресурсы Франции не позволяли успешно завершить ее. Дилемма, перед которой он поставил королевство, так и не была разрешена до его смерти. Не в состоянии выиграть войну, он был вынужден продолжать ее, не рассчитывая на окончательный успех. Более того: вследствие бретонской измены, отступничества пап, внутренних волнений эта борьба могла бы принять для Валуа роковой оборот. Если в малолетство Карла VI на Францию не обрушились новые бедствия, так это потому, что и Англия в свою очередь переживала тяжелый кризис, одновременно политический и социальный, ставший расплатой за слишком долгую и непосильную войну. Обе страны, терзаемые периодическими спазмами, выбились из сил. Ни та, ни другая не в состоянии были нанести решительный удар. Затишье — которое продлится тридцать пять лет — порождено просто истощением обоих противников. Чтобы раскрыть его причины, необходимо вернуться назад. Нам следует нагнуться над ранеными бойцами, пересчитать их видимые или скрытые раны, выявить их слабости.

I

ИЗНУРЕНИЕ АНГЛИИ

Какой путь за период от мира в Кале до смерти Карла V прошло королевство Плантагенетов по наклонной плоскости упадка! В последние дни 1360 г. Эдуард III достиг пика своей славы. Прежде всего славы военной. Победы при Креси и Пуатье повергли в изумление всю Европу, привыкшую к французским успехам. Теперь западные рыцари стремились к лондонскому двору; знатные вельможи домогаются приема в орден Подвязки; более низкородные, рубаки, любители турниров, спешили встретиться с героями войны — Черным принцем, Чандосом, Ноллисом и другими. Самые блистательные зрелища теперь можно было увидеть по преимуществу в Виндзоре и Вестминстере. Страна необыкновенно обогатилась от огромных выкупов, наложенных на пленных, которых взяли на французской и испанской войнах; шла настоящая торговля выкупам, их продают и перепродают, как ходовой товар. Самый значительный выкуп — за Иоанна Доброго — попал в королевскую казну. Пусть он был выплачен лишь наполовину, все равно эта сумма в полтора миллиона золотых экю представляла собой нечто колоссальное; ее действительную стоимость (сорок миллионов жерминальских франков¹) точно оценить еще не могли, но тогдашняя нехватка монеты придавала ей бесконечно высокую покупательную способность. В те времена, когда золото было единственным зримым признаком богатства, передача из одной страны в другую такой массы монет или слитков должна

¹ Франк, введенный законом от 28 марта 1803 г. (7 жерминаля XI года республики) (*прим. пер.*).

была бы создать в Англии изобилие; при разумном использовании этого сокровища хватило бы для нормальных нужд монархии на несколько лет, избавив ее от необходимости просить парламент о субсидиях, что всегда было щекотливой проблемой.

Как и все удачливые монархи, Эдуард был окружен прекрасной и многочисленной семьей. Пятеро его сыновей — украшение его зрелых лет. Старший, Эдуард Виндзорский, принц Уэльский, герцог Корнуэльский и граф Честер, к своему большому островному апанажу добавил княжество Аквитанское, завоеванное им с оружием в руках. Он мог бы жениться на иностранной принцессе королевской крови. Но его романтическую душу пленила одна из его кузин, прекрасная Джоанна, графиня Кентская, уже мать взрослых мальчиков. Позже знать смиритса с этим браком по любви и перестанет роптать на его незаконность¹. Именно в Бордо родится единственный сын от этого счастливого брака, который выживет, — будущий Ричард II. Второй сын Эдуарда III, Лайонел Антверпенский, — фигура менее яркая. Найдя богатую невесту в Ирландии, где его сделали герцогом Кларенсом и графом Ольстерским, он оставался в стороне от континентальных распрей. Лишь позже, в 1368 г., уже овдовевшим, его увидят в числе соискателей выгодной партии из числа дочерей миланских Висконти. Но через несколько месяцев после этого он скоропостижно умрет. Джон Гонт, третий сын, родившийся во Фландрии во время блистательных набегов отца, имел немало амбиций. Первый брак с кузиной, Бланкой Ланкастерской, сделал его самым богатым земельным собственником Англии, герцогом Ланкастером с привилегиями палатината в своем герцогстве, графом Лестером и тем самым наследственным сенешалем Англии, графом Линкольном и Дерби; сын его женится на наследнице графов Хере-

¹ Джоанна Кентская — супруга Эдуарда Черного принца с 1361 г. В первом браке была замужем за графом Солсбери, но Томас Холланд, управляющий графа, заявил, что был тайно женат на Джоанне до ее свадьбы с Солсбери. Томас выиграл процесс в Риме, и Джоанна стала его женой, правда ценой скандальной репутации (*прим. ред.*).

фордов. Считая себя хорошим полководцем, он искал славы и богатства на континенте. Преждевременное вдовство позволило ему в 1372 г. жениться на Констанции Кастильской, старшей дочери Педро Жестокого, чьи права он взялся отстаивать. С тех пор он именовал себя королем Кастилии. Пока этот титул, конечно же, был пустым звуком; но поскольку его отец в это же время заключил союз с Португалией, направленный против Трастамары — о чем не забыли и в XX в., — это уже симптом притязаний на испанские земли, угроза, которая в ближайшее время сможет материализоваться. Характер его младших сыновей, жадных подростков, оценивать еще слишком рано. Эдмунд Лэнгли, четвертый сын Эдуарда, — злополучный герой фламандского сватовства. В 1362 г. он стал графом Кембрижем, а в утешение своих горестей женился на другой дочери Педро Жестокого; но будущий герцог Йорк всегда останется принцем неприметным, посредственным и робким. Бестолковая горячность самого младшего, Томаса Вудстока, позже графа Бекингема, ярко проявится только после смерти отца и принесет ему под именем герцога Глостера печальную известность.

Восемь лет мира только укрепили положение победителя, отчасти избавив его казну от долгов, которыми она доселе была очень обременена. Примирение с Фландрией вновь открыло возможность для нормального экспорта шерсти через Кале и тем самым восстановило английское влияние на все Нидерланды. Эдуард знал, что его поддерживает общественное мнение, представленное парламентом; поскольку король больше не требовал выплаты слишком тяжелых налогов, парламент покорно следовал его указаниям, разделял его чувства вражды и ненависти — выражая ставшее привычным недоверие французам (тем с большей готовностью, что это было безопасным), раздражаясь притворным негодованием на «посягательства» со стороны пап, что позволяло королю, в согласии с папой или вопреки ему, давать церковные бенефиции своим ставленникам. Когда Урбан V в 1364 г. принялся требовать задолженность по феодальному чиншу, не выплаченную более чем за тридцать лет Английским королевством как

вассалом Святого престола¹, он услышал в ответ, что суверенитет государства Плантагенетов несовместим с выплатой этой нетерпимой «дани»; отныне и де-юре, и де-факто аннулировались обещания, некогда вырванные у Иоанна Безземельного Иннокентием III. Этот инцидент не повлечет за собой последствий. Но он показывает, что надменный Эдуард III так же старался утвердить свою независимость по отношению к папству, как он сумел это сделать в Аквитании по отношению к Валуа.

Возобновление войны в 1369 г. рассеяло эти миражи. Выяснилось, что от поступивших в казну миллионов выкупа ничего не осталось — их понемногу растратили, не беспокоясь о завтрашнем дне. Поскольку экспедиции стоили дорого, а прибыли приносили мало, надо было вновь обращаться к парламенту, улещивать его ради новых субсидий, новых налогов на движимое имущество, поступление которых часто было ненадежным и никогда не достигало ожидаемых размеров. Эдуард старел. Овдовев в шестьдесят лет, он погрузился в старческие забавы, увлекся любовницей низкого происхождения — Алисой Перрерс. Тем временем страна управлялась кое-как, хотя руководили ею опытные клирики — Томас Брантингем, епископ Эксетерский, и Уильям Уикхем, епископ Винчестерский. На них и возложили ответственность за военные неудачи и потерю земель, отвоеванных французами с 1371 г. Наконец парламент потребовал и добился их смещения и замены в качестве руководителей Канцелярии и Казначейства на мирян, несмотря на малопрятный прецедент 1340 г.² Однако герцог Ланкастер в перерывах между экспедициями

¹ В 1212 г. английский король Иоанн Безземельный (1199–1216 гг.), отлученный папой Римским от церкви и опасаясь нападения французского короля, признал себя вассалом Святого престола (*прим. ред.*).

² В 1340 г., вернувшись из Гента, Эдуард III обвинил канцлера, епископа Чичестерского, и казначея, епископа Ковентрийского, в пренебрежении своими обязанностями и заменил обоих прелатов мирянами Робертом Бурсье и Робертом Парвингом; при этом король заявил, что больше никогда не назначит на пост канцлера и казначея королевства тех, кого не сможет повесить, если посчитает виновным в злоупотреблениях (*прим. ред.*).

оказывал на правительство все большее влияние, в котором с ним не мог соперничать ни ослабевший отец, ни умирающий старший брат. Оппозиция почти единодушно обвиняла его в том, что он ведет королевство к гибели. Она проявилась в апреле 1376 г., накануне смерти Черного принца, во время долгой сессии, которую хронисты называли «Добрым парламентом». Эта мощная оппозиция вышла, похоже, из рядов самих депутатов общин и нашла себе красноречивого спикера в лице рыцаря Питера де ла Мара. На первый раз бароны, среди которых Ланкастер имел сторонников, подчинились народным требованиям, которых он не провоцировал и с которыми, может быть, примирился лишь скрепя сердце. В этих требованиях заметен отголосок забот, какие волновали и Этьена Марсея: потребность в честной администрации, в контролируемой налоговой системе, в энергичной чистке аппарата. Но принятые меры имели мало общего с этими благородными соображениями. Общины удовлетворялись решениями об удалении Алисы Перрерс, о замене нескольких высокопоставленных сановников и о предании суду, несмотря на яростное сопротивление Ланкастера, двух его приверженцев: Уильяма Латимера, чиновника ведомства королевского двора, и Ричарда Лайонса, крупного лондонского виноторговца, — оба были откупщиками налогов, взяточниками и мошенниками. Впрочем, едва гроза рассеялась, Джон Гонт снова забрал всю власть, позволил отцу вернуть любовницу, призвал изгнанников, заставил новую ассамблею, более податливую, аннулировать акты Доброго парламента и даже бросил в тюрьму самого смелого спикера общин, после того как вынес приговор епископу Уикхему, виновному в том, что поддержал требования Доброго парламента. Среди этих ничтожных интриг и завершилась некогда славная жизнь Эдуарда III. В январе 1377 г. король еще отметил пятидесятилетний юбилей своего царствования. Через пять месяцев он угас, почти забытый своими подданными.

Оставшиеся до совершеннолетия Ричарда II годы ожидалась трудными. В окружении юного короля, едва достигшего десяти лет, пересекались и сталкивались различные влияния: прежде всего здесь действовали советники Черного принца,

совершенно естественным образом склонные властвовать именем его сына и наводнявшие королевский дворец; потом — принцесса Уэльская, законная опекунша суверена, но имевшая и других детей, алчных и жадных Холландов¹; потом — епископы и клирики, с 1371 г. находившиеся в опале, но желавшие вновь попасть в милость в начале этого царствования; сверх того — лондонские горожане, расколотые на соперничающие группировки, но единые в своей враждебности к герцогу Ланкастеру после дела Латимера — Лайонса; наконец, сам Джон Гонт, который как старший из дядьев короля мог бы с полным правом требовать регентства, но чьи амбиции наталкивались на противодействие слишком многих влиятельных людей; фактически отстраненный от власти, он в первые годы царствования сыграет лишь не очень определенную и, по-видимому, второстепенную роль. Чтобы надежнее перекрыть ему дорогу, его не стали назначать регентом; некое примирение партий произошло в форме создания при парламенте исполнительного совета из дюжины членов, дважды обновлявшегося, куда вошли прелаты, бароны, баннереты и рыцари, но откуда были исключены горожане. Этот совет должен был поддерживать порядок, энергично разжигать войну против Валуа и в изобилии находить для нее ресурсы.

В решении всех этих задач избранный совет оказался не состоятельным и тем самым заодно дискредитировал парламент: ведь тот назначил его членов и одобрил его политику. Постоянно нуждаясь в деньгах и извлекая мало прибыли из налогов на движимое имущество, взимавшихся до сих пор, в 1379 г. парламент вотировал подушную подать, или *poll tax*, которая принесла ему посредственный доход и уже изрядную непопулярность. В последние месяцы 1380 г. надо было оплатить высокие затраты на экспедицию Бекингема, подготовить корпус, который Кембридж собирался вести в Португалию, и наконец предусмотреть расходы на свадьбу короля: ведь Анна Чешская прибудет без приданого, а немецких и

¹ Детей от брака с Томасом Холландом, вторым мужем Джоанны Кентской (1349–1353 гг.) (*прим. ред.*).

чешских рыцарей из свиты Вацлава надо было щедро одарить подарками и пенсиями. Новый парламент, новая подушная подать, которую в принципе должны были платить все подданные короля, кроме неимущих, согласно норме, варьировавшейся в зависимости от состояния и общественного ранга, но жестоко ударявшая по самым бедным и по сельским общинам, несшим круговую ответственность за выплату субсидии. Поскольку в начале сбора имели место массовые уклонения от уплаты, в юго-восточные графства были отправлены комиссары для строгого учета податных людей и сурового взыскания денег.

Этот акт стал сигналом к началу ужасной «жакерии», почти одновременная вспышка которой к северу, к востоку и к югу от Лондона в конце мая 1381 г. и быстрое распространение к юго-западу и к центру страны заставляют предположить существование некоего заговора, некоего тайного общества, в назначенный момент отдавшего приказы; но этому нет доказательств. Французские историки ошибочно говорят о «восстании трудящихся», в котором будто бы сразу приняли участие ремесленники городов; в действительности это было крестьянское восстание, по крайней мере на первых порах. Поначалу оно было направлено против комиссий фискальных агентов, которые составляли налоговые списки для сбора подушной подати и требовали выплат по ним; членов этих комиссий убивали, их бумаги жгли, сборщиков обирали. Потом гнев крестьян обратился на сеньоров, особенно на богатые аббатства, которые всегда так спешили требовать положенное и, особенно после чумы, старались оставлять держателей на положении подневольных вилланов или, во всяком случае, требовать от них максимума отработок. Монастыри грабили, их архивы жгли, запугиванием и силой выбивали индивидуальные или коллективные хартии об освобождении, «вольные». Наконец из Кента, где собирались силы восставших, повстанцы обрушились на правительство, на горожан, на всех богачей и на всех власть имущих. Они взяли штурмом Тауэр — юный суверен оттуда вовремя бежал, но в руки им попали Саймон Седбери, канцлер и архиепископ Кентерберийский, и казначей Роберт Хелз. Они ворвались в лондон-

ское Сити по плохо охраняемому мосту, громили дома и лавки иностранных купцов, которые, по общему мнению, наживались за счет народа и выкачивали из королевства все богатства; наконец, они сожгли прекрасный манор Савой, имение герцога Ланкастера, который, зная, что бунт направлен непосредственно против него, нашел надежное убежище в Шотландии¹.

Можно ли по этим актам мести и разорения понять, какие чувства двигали восставшими? К вполне реальному и определенному недовольству налогами, сеньорами, купцами добавлялась неумолимая ненависть к власти имущим, смутное стремление к уравнительному эгалитаризму. Эта идея на все времена была особенно дорога некоторым народным проповедникам, странствующим священникам или монахам, обличавшим богачей и власть во имя сословного равенства первых людей. Таким проповедником был Джон Болл из Эссекса, отлученный священник, который примкнул к повстанцам, рассчитывая, может быть, стать архиепископом Кентерберийским. Он и его соперники любили повторять эпиграмму:

*When Adam dalf and Eve span,
Where was then the gentleman?*²

Следует ли считать, что этих экзальтированных людей одушевляли также теории ересиарха Уиклифа³, который, будучи в 1378 г. удален из Совета суверена, куда его ввел Ланкастер, а вскоре изгнан из Оксфорда, где его лекции по богословию привели к волнениям, собирался в своем сельском приходе дописывать политические памфлеты, теоретические трактаты, библейские переводы, в таком обилии выходившие

¹ Джон Гонт в Эдинбурге вел переговоры о перемирии с шотландцами (*прим. ред.*).

² Когда Адам пахал, а Ева пряла,
Кто тогда был господином? (*англ.*)

³ Уиклиф, Джон (ок. 1280–1384 гг.) — английский проповедник и доктор богословия. Критиковал церковь и основные постулаты веры и таинства, требовал секуляризации церковных земель. Объявлен еретиком (*прим. ред.*).

из-под его плодовитого пера? Его «бедные священники», которым он поручал распространять благую весть, агитировали против церковной иерархии, но за мирскую власть, против богачей, но за евангельскую бедность. Действительно ли эти проповеди, плохо понятые, подтолкнули к восстанию — об этом известно слишком мало. Во всяком случае, они отнюдь не призывали к нему. Параллель между Лютером и Уиклифом, между саксонскими и английскими крестьянами, между началом XVI в. и концом XIV в. очень соблазнительна, но обманчива.

Так или иначе, это был более глубокий и опасный водоворот, чем Жакерия, преходящую угрозу которой преодолел в 1358 г. дофин Карл. На юго-западе Англии сформировались крупные отряды повстанцев, плохо экипированных, но воодушевляемых вчера еще неведомыми вождями, как Уот Тайлер, которого некоторые хронисты прозвали Джек Строу и о котором даже неизвестно, был ли он крестьянином, или слугой, или бастардом, или младшим отпрыском рыцарского рода. Под его командованием эти отряды стянулись к Лондону, и король оказался в их власти. Отважный подросток, Ричард не проявил слабости; помощь ему оказал мэр Лондона Уильям Уолуорт, чья дерзость спасла положение. Шумные встречи повстанцев с королем произошли близ столицы, на Майл-Энде и на Смитфилде. Ричард выступил перед восставшими, заявив, что он — один из них. Но Уолуорт убил Уота Тайлера у них на глазах. Придя в смятение, крестьяне отступили. И стали легкой добычей рыцарей, поначалу растерявшихся, а теперь обуреваемых жаждой мести. Расправы длились несколько месяцев и даже летом 1381 г. еще не окончились. Когда королева Анна после свадьбы добилась амнистии, уже ничего не осталось от этого кошмара богачей и мечты бедняков, вновь жестоко возвращенных под власть сеньоров.

Хоть восстание английских крестьян и не имело будущего, как и все жакерии, тем не менее оно служит нам доказательством: хоть остров Ричарда II и не был напрямую поражен вторжением или грабежами рутьеров, он также ощутил последствия войны — в форме сокращения населения, аграрного кризиса, монетного и налогового кризи-

са и наконец кризиса социального, не говоря уже о бесконечных политических кризисах.

И тем не менее в силу приобретенной привычки правительство Плантагенетов продолжало делать вид, что влияет на ход дел на континенте. Бывшие советники Черного принца хотели бы, чтобы Ричард возглавил новый набег на Францию как источник славы и богатств; прелаты, поддерживаемые и направляемые купцами Лондона и Кале, требовали отправки экспедиции на помощь гентцам, еще раз восставшим против Людовика Мальского; наконец, герцог Ланкастер с нетерпением ждал возможности отбыть на завоевание своего Кастильского королевства — поскольку Хуан I, сын и наследник Энрике Трастамарского, в конечном счете склонился на сторону авиньонского папы, экспедиция превращалась в крестовый поход с благословения Урбана VI. Ни один из этих проектов не удался.

Фламандский экспедиционный корпус, в который собрали всего четыре или пять тысяч бойцов, отплыл только в апреле 1383 г., через шесть месяцев после разгрома гентцев войсками французского короля¹; тем самым поход был обречен на неудачу. Возглавлявший его Генрих Деспенсер, епископ Нориджский, тоже назвал его крестовым и направленным в принципе против схизматической Франции. Но удовлетворился он тем, что взял Дюнкерк, а потом, соединившись с гентцами, осадил Ипр, однако тот устоял. В августе приближение Филиппа Бургундского заставило Деспенсера отступить; французы заплатили крестоносцам, и те отплыли обратно. Кончилось все в Лондоне процессом в парламенте, санкциями против странного прелата и большим бюджетным дефицитом. В свою очередь король не предпринял наступления на Францию, сочтя ее слишком сильной. Но поскольку нужно было любой ценой поднять престиж юного семнадцатилетнего суверена, в 1385 г. решили устроить «военную прогулку» на Шотландию — дорогостоящую и абсо-

¹ Карл VI пришел на помощь Людовику Мальскому и наголову разбил восставших гентцев в битве при Роозбеке (27 ноября 1382 г.) (*прим. ред.*).

лютно бесполезную. Нелепая демонстрация сил привела только к ссорам между военачальниками, между королем и его дядей Ланкастером; потом, простояв лагерем несколько недель под Эдинбургом, все войско удалилось. Весной 1386 года после многих проволочек и отмен приказов Джон Гонт наконец собрал, за счет королевской казны, свою личную армию и поднял паруса, взяв курс на Испанию. Но и его внушительная экспедиция дала немного. Сначала он взял несколько городов и замков в Галисии; потом, весной 1387 г., крупные португальские подкрепления позволили ему устроить короткий набег на Леон. Тем все и кончилось. Как и во многих войнах того времени, завоевательный поход прекратился благодаря договоренности по-семейному. Наследный принц Кастильский, внук бастарда Трастамарского, обручился с дочерью Ланкастера, внучкой Педро Жестокого. Жалкий результат: деньги из английской казны были потрачены зря, а Кастилия, несмотря на этот брак, осталась союзницей Франции и опорой Авиньона.

Как бы то ни было, отплытие Ланкастера в мае 1386 г. на испанские авантюры принесло преимущество кое-кому в островном королевстве, избавив их от неудобной фигуры и дав разным группировкам возможность развернуться и определиться. Король — изящный молодой человек с правильным и задумчивым лицом, позже обрамленным редкой рыжей бородкой; известно, что он был своенравен и капризен, но ярко выраженной политической идеи, кроме потребности заставить всех беспрекословно повиноваться, в его действиях пока усмотреть невозможно. Нежно любя королеву Анну Чешскую, даром что она оставалась бесплодной, он имел также ряд фаворитов, которыми дорожил и которых щедро одаривал: это его сводные братья, граф Кент и граф Хантингдон; его наставники, бывшие приближенные его отца, в обилии представленные в службах его двора, прежде всего рыцарь Саймон де Берли, его «гувернер»; некоторые молодые аристократы, его партнеры в играх, паразитирующие на его казне, в первую очередь Роберт де Вер, граф Оксфорд, сделанный маркграфом Дублинским, а после герцогом Ирландским; наконец, бывший мэр Лондона Николас Брембл и один выскочка,

сын богатого купца из Кингстона-на-Халле Майкл де ла Поль, которого он сделал графом Саффолком и канцлером. Несмотря на свою разношерстность, эти люди образовали придворную группу, что предвещало произвол во власти. Как три четверти века назад при Эдуарде II, существование клики провоцировало враждебность баронов, желающих сохранить свое положение естественных советников при государе и завидующих недостойным фаворитам. Оппозиция тоже представляла собой странную коалицию интересов: в нее вошли прелаты, как Уильям Кортни, архиепископ Кентерберийский, упрекавший короля за недостаточно активное преследование приверженцев Уиклифа, отъявленных еретиков; дядя короля Томас Глостер и его кузен Генрих Ланкастер, тогда граф Дерби, первый из которых — человек безалаберный, горячая, но пустая голова, второй — плут и ханжа; несколько знатных баронов — граф Арундел, энергичный адмирал, граф Уорик, доблестный воин, — которые требовали активных действий во Франции, проповедовали милитаризм, всегда популярный, пока не нужно платить по счету. Все они знали, что их критика дурного правления и фаворитов легко найдет отклик в парламенте. Итак, они будут разыгрывать «конституционную» карту против не вовремя ожившего монархического абсолютизма. Таким образом, в то время как во Франции начиналась борьба между принцами крови за контроль над слабым королем, в Англии резкие политические перемены, уже более яростные и сопровождающиеся большим ожесточением, столкнули друг с другом короля и баронство, равно своевольных.

Первая стадия борьбы, которая одна только и будет нас пока интересовать, была отмечена победой объединившихся баронов над еще неумелым и не имеющим сильной поддержки королем. Канцлер Майкл де ла Поль — козел отпущения и первая жертва оппозиции — пал сразу же после отъезда Ланкастера. Парламент потребовал его смещения и настоял на том, чтобы против него был начат процесс — грозная процедура «импичмента», которую суверены из династии Тюдоров будут так часто использовать, избавляясь от надоевших фаворитов. Он был обвинен во взяточничестве и в конце концов сумел укрыться в Бранте. Но этот собрав-

шийся в октябре 1386 г. парламент, который обычно называют «чудесным», — фактически определение *mirabilis* в тексте хрониста, благоволящего к баронской партии, применяется уже к ассамблее, созванной весной 1388 г., — смог также добиться опалы самых скомпрометированных советников, пригрозить изгнанием Роберту де Веру, навязать королю опеку баронского комитета, которому было поручено подготовить чистку и необходимые реформы; когда Ричард сделал вид, что сопротивляется, Глостер заговорил о его низложении. Суверену пришлось склониться под это ярмо. Но в первые месяцы 1387 г. он выскользнул из-под опеки баронов, оставив их в Лондоне править от его имени, и поехал по западным и центральным областям острова в поисках верных сторонников; члены его суда, созданные им 25 августа в Ноттингеме, дали ему юридические разъяснения, заявив о незаконности баронского комитета и заверив короля — урок, который не пропадет даром, — что закон допускает лишь неограниченное осуществление королевской власти. Осенью вожди баронства, пять лордов-«апеллянтов» (Глостер, Дерби, Арундел, Уорик и Ноттингем), обвинили советников-роялистов в измене и взялись за оружие, чтобы пресечь их махинации. После некой видимости гражданской войны, отмеченной стычкой при Радкот-Бридж, где войска фаворитов сдались, Ричард, вернувшийся в Лондон, был возвращен под контроль баронов. Новый парламент, «беспощадный» для одних, «чудесный» — по словам других, во всяком случае, самый долгий из доселе известных: открывшись в феврале, он разошелся только в начале июня, — завершил баронскую реформу: изгнание всех фаворитов, строгая чистка ведомства двора, казнь самых виновных, как старик Саймон де Берли и главный судья Роберт Трезильян, смещение или перевод на другое место епископов, благоволивших двору, и замена их баронскими ставленниками, абсолютный контроль над Советом и над главными органами управления со стороны Глостера и апеллянтов. Бессильный Ричард смолчал, склонившись перед грозой. Он рассчитывал, что бароны, придя к власти, истощат силы, перессорятся и продемонстрируют свою некомпетентность. С лета 1388 г., несмотря на поддержку новой парламентской ассамблеи, собран-

ной в Кембридже, контроль над страной в их руках был столь непрочен, что они уже не осмелились осуществлять свои воинственные предложения, благодаря которым прежде привлекли общественное мнение на свою сторону. Едва оказавшись у власти, они осознали, что с Францией сейчас нельзя вести иных сражений, кроме дипломатических. Но Глостер меньше всех желал переговоров.

II

ЮНОСТЬ КАРЛА VI

Через три года после Англии и Франция познала все неприятности, связанные с малолетством монарха. За Ла-Маншем такого не было с 1216 г., когда на престол взошел Генрих III; во Франции — с 1226 г., после воцарения Людовика Святого. Карл V, будучи слаб здоровьем, предвидел, что умрет раньше срока. Ордонанс от 1374 г. регламентировал порядок управления после его смерти, указывал, что совершеннолетним король будет считаться с тринадцати лет, наделял ограниченными регентскими функциями Людовика Анжуйского, опеку над королевскими детьми вверял другим братьям, но основную власть передавал в руки Большого совета из пятидесяти членов, сформированного из прелатов, высших сановников из числа главных функционеров ведомства двора или магистратов парламента, рыцарей, клириков и парижских горожан; двенадцать из них, имеющие опыт ведения государственных дел, должны были составить узкий исполнительный совет. Лишь столь серьезная ситуация заставила власть задуматься о составе и роли некоего постоянного совета. Напомним, что в те времена не было ничего более смутного, более неопределенного, чем понятие о королевском совете: суверен был свободен в выборе рекомендаций и помощников.

Ордонанс, как почти всегда происходило в подобных случаях, не был выполнен: едва Карл V умер, герцог Анжуйский как старший из дядьев объявил себя действительным регентом и мошеннически присвоил часть королевской казны; его братья герцоги Беррийский и Бургундский и его кузен Бурбон, шурин покойного короля, потребовали раздела власти. Соглашение между ними было заключено после помазания.

Герцог Анжуйский сохранял преимущественные права, но отказывался от титула регента; двое других дядьев по меньшей мере должны были заседать в постоянном совете из двенадцати членов, назначенном ими же, обеспечивая преемственность политики «принцев лилий». Эта договоренность и сама воплотилась в жизнь лишь отчасти. «Предписанный совет» начал функционировать поздно и просуществовал недолго — лишь с октября 1381 г. по январь 1383 г. Герцог Беррийский практически был отстранен от власти: его послали в качестве наместника грабить Лангедок вместо старшего брата. Потом настал черед удалиться герцогу Анжуйскому, целиком посвятившему себя подготовке к итальянскому походу: он поселился в Провансе, вел переговоры с авиньонским папой и наконец в 1382 г. отправился завоевывать Неаполитанское королевство¹. Фактически основную политическую линию определяли герцоги Бургундский и Бурбонский при помощи совета, откуда лишь частично были исключены приближенные покойного короля. Ведь если в первые дни царствования имели место громкие опалы, если прево Парижа Юг Обрио был приговорен к пожизненному заключению якобы за то, что покусился на привилегии университета, если Бюро де ла Ривьера, кардинала Амьенского и Жана ле Мерсье на время выслали, если Пьер д'Оржемон был вынужден уступить печати Милону де Дорману, епископу Бове, если благочестивого рыцаря Филиппа де Мезьера, «гувернера» юного короля, грубо отстранили, то эти частные опалы не помешали советникам Карла V сохранить вместе с ответственными постами и солидное влияние. Многие после нескольких месяцев изгнания вернулись за кулисы политики.

Новизна положения заключалась в том, что, ссылаясь на несовершеннолетие монарха, которое официально должно было очень скоро закончиться — в год смерти отца Карл VI был

¹ В 1380 г. Людовик Анжуйский был усыновлен Джованной Неаполитанской, последней из потомков брата Людовика Святого — Карла, графа Анжуйского, Прованского, короля Неаполитанского и Сицилийского. Таким образом, Людовик получал права на Неаполитанское королевство (*прим. ред.*).

двенадцатилетним мальчиком и должен был начать править лично с 1381 г., — принцы крови и близкие родственники покойного короля потребовали себе львиную долю власти. Они всей душой желали монархии наибольшего процветания, будучи ее естественной опорой, но не отделяли его от своих личных интересов, от своих частных амбиций. Хотя все они — удельные князья, наделенные такой властью, что из-за нее слабеет власть короля, их доходов не хватало для утоления их ненасытного честолюбия. Особенно отчетливо это видно на примерах герцогов Анжуйского — кандидата на неаполитанский трон и Бургундского, рассчитывавшего унаследовать Фландрию. Все силы монархии будут поставлены на службу их личной политике, укрепляя тем самым их могущество и независимость. С каждым днем возрастала опасность, что король так и не выйдет из-под их опеки.

Правда, поначалу ситуация как будто не очень располагает к подобным опасениям. Но принцы не относились к людям, умеющим умерять свои амбиции сообразно возможностям страны. Герцог Анжуйский добился, чтобы Климент VII назначил его защитником интересов Авиньона в Италии и чтобы престарелая королева Джованна Неаполитанская признала его наследником; он быстро обеспечил себе власть над Провансом, ставшую единственным ощутимым результатом его химерических проектов; далее он принялся донимать парижский двор и авиньонскую курию требованиями денег, и наконец его внушительная французская армия вступила на землю Италии, предвосхитив за сто лет катастрофическую ошибку Карла VIII ¹. Ему предстоит потерпеть поражение от

¹ Карл VIII — французский король в 1483—1498 гг. В 1494—1495 гг. по наущению герцога Миланского Людовика Сфорца принял поход в Италию с целью отнять у арагонских королей Неаполитанское королевство, наследство герцогов Анжуйских. После первых побед и захвата Неаполя французская армия, бесчинствуя, восстановила против себя местное население. Против Карла сформировалась оппозиция, куда, при поддержке папы Александра VI, вошли король Арагона Фердинанд, республика Генуя и сам Сфорца. Карлу VIII пришлось отступить во Францию, бросив завоеванные земли (*прим. ред.*).

Карла Дураццо, отстраненного от наследства племянника королевы Джованны, и погибнуть в Италии в 1384 г. Его жена Мария Бретонская, дочь Карла Блуаского, продолжит борьбу от имени юного Людовика II Анжуйского; но ее не допустят к управлению Францией.

Филипп Храбрый пока что не заглядывал так далеко. Ему не терпелось править во Фландрии, от чего недоверчивый тесть систематически его отстранял. Ведь, несмотря на свою политику согласия с Англией, Людовик Мальский вновь ощущал, что сукнодельческие города поднимаются против него. С 1380 г. недовольство Гента, его соперничество с Ипром — другим промышленным центром, накопившаяся ненависть к брюггским банкирам, которым покровительствует граф, грозили придать событиям дурной оборот. Когда весной 1381 г. в Генте вспыхнуло восстание, город выбрал себе вождем внука диктатора 1340 г. — Филиппа ван Артевельде, который сразу же воззвал о военной и экономической помощи к Англии. Людовик Мальский был вынужден обратиться к зятю; тот в свою очередь взбудоражил весь Королевский совет — мстить за него гентцам, союзникам англичан, надлежало всему Французскому королевству как таковому. Приняли решение об отправке экспедиционного корпуса, который Филипп желал видеть могучим и грозным.

Но могло ли королевство Валуа оплатить его? После смерти Карла V финансовые трудности усугубились. С отменой подымной подати население решило, что никаких «экстраординарных денег» с него брать больше не будут; сборщики продолжали взимать косвенные налоги, и они были непопулярны, потому что назойливы. Ввиду угрозы мятежей в ноябре 1380 г. пришлось отсрочить сбор всех податей и даже отказаться от требования недоимок. Лишенное средств, правительство дядьев обратилось к местным ассамблеям, которые поставили свои условия. В марте 1381 г. Штаты Лангедойля, повторив жест, сделанный в самые мрачные времена царствования Иоанна Доброго, согласились вотировать подымную подать на год только при условии, что ее сбор и использование будут контролировать они и что правительство издаст новый реформаторский ордонанс против королевских

судей и нотариусов, против наделения особой юрисдикцией коннетабля, маршалов, камергеров двора. Обеднев, королевская власть утратила способность защищать своих чиновников от непопулярности. Но этих уступок было недостаточно. Бунт против ненавистных сборщиков поднялся везде: в Руане в феврале 1382 г. при попытке собрать дополнительную талью вспыхивает мятеж, известный под названием *Harelle*¹; в Париже 1 марта, в день, когда должны были начать сбор налога с продаж, согласие на который выбили у запуганной ассамблеи горожан, народ восстает, грабит Арсенал, захватывает свинцовые молоты, после чего восставшие принимаются преследовать агентов налоговой администрации и убивать их. С великим трудом несколько влиятельных горожан, как Жан де Маре, выступив посредниками между двором и «молотилами», добились, на условиях отмены налога, восстановления порядка. Примеру парижан последовали жители почти всех городов домена, особенно в Иль-де-Франсе. Лангедок, настроенный лихоимством герцога Беррийского отнюдь не на мирный лад, также подхватил эту заразу. Поднялся Безье и — что уже серьезней — деревня. Страну терроризировали банды «тюшенов»².

Дело было накануне фламандской экспедиции; затаив в сердце ярость, дядя отложили ее и вступили в переговоры с мятежниками. Лестью и посулами они добились скудных субсидий, в Париже получили несколько тысяч франков, в Нормандии — несколько сот воинов. Остальное дал заем. С помощью этих подручных средств был экипирован королевский ост, который под эффективным командованием Филиппа Храброго разбил гентское ополчение на равнине Роозбеке в Приморской Фландрии 27 ноября 1382 г. Лишившись Фи-

¹ От имени коммунального колокола Руана (*прим. ред.*).

² Тюшены (фр. *tuchins*) — бедняки, обреченные на придорожный грабеж голодом и нищетой. Движение тюшенов началось около 1378 г. в городах, где налоговый гнет был особенно тяжким (Де Пюи, Ним, Монпелье). Протестовали против роста налогов и их неравномерной раскладки. Движение тюшенов было подавлено герцогом Беррийским в 1382–1384 гг. (*прим. ред.*).

липпа ван Артевельде, убитого в сражении, Гент тем не менее продолжил борьбу, но был вынужден перейти к обороне и держался лишь надеждой на прибытие каких-нибудь английских частей, которых добивался его «адмирал» Франс Аккерман. Филиппу Храброму было достаточно дать фламандцам эту острастку, чтобы увериться: теперь он контролировал положение во Фландрии.

По возвращении победоносной экспедиции дядья сделали вид, что мятежи французских городов — то же, что и фламандский бунт. Если на подчинившихся гентских союзников налагались жестокие штрафы, то и города домена должны были понести примерное наказание. В Париже — за то, что хотел примирить порядок и мятеж, — был казнен Жан де Маре; должность купеческого прево и все муниципальные привилегии здесь были изъяты в пользу короны и отныне принадлежали прево Парижа — королевскому чиновнику. Огромные коллективные штрафы были наложены на Париж, Руан, Лан, Орлеан, Реймс. Лангедок, чтобы получить прощение, был обязан выплатить 800 000 франков штрафа. Кроме того, на все королевство скоро вновь наложили сборы за продажи, соль и вино по прежним нормам. Потом потребовали и подымную подать. О том, чтобы спрашивать согласия Штатов, речи больше не было. Налоги приобрели еще более постоянный характер, чем при Карле V, и к тому же стали непосильными. Но запуганная страна больше не осмеливалась выражать недовольство.

В отношении франко-английского конфликта, так и не прекратившегося из-за провала конгресса в Брюгге, дядья, как и советники Ричарда II и по тем же причинам, вели политику то робко-примирительную, то вяло-воинственную. Подчинение герцога Бретонского в апреле 1381 г. по второму договору в Геранде¹ было успехом лишь наполовину: англичане, хозяйничающие в Бресте, не ушли из него. Дальше тоже

¹ Договор в Геранде (4 апреля 1381 г.) положил конец военным действиям в Бретании, начатым после приговора Карла V о конфискации. Иоанна IV призвали герцогом, а он приносил оммаж за Бретань французскому королю (*прим. ред.*).

время от времени говорили о мире и заключали краткие перемирия. Ведение переговоров поручалось второстепенным фигурам — со стороны Франции их вел Никола Дюбоск, епископ Байе; проходили они в течение нескольких недель в маленьком бургундском Лелингене на границе Пикардии и Булонской области, ни к чему не привели и были отложены. Порой власти стремились форсировать военные действия, но, похоже, теперь это было связано лишь с положением дел во Фландрии, милой сердцу Филиппа Храброго. В 1383 г. именно французская армия двинулась на епископа Нориджского и гентские отряды, заставила их снять осаду с Ипра и заплатила англичанам. В следующем году именно французские гарнизоны после столь долгожданной смерти Людовика Мальского оккупировали Западную Фландрию, захватили порт Дамме и поставили Гент в условия суровой блокады, пока в декабре 1385 г. огромный город по миру в Турне не подчинился своему новому графу — герцогу Бургундскому. Похоже, именно тогда, удовлетворенный, что наложил руку на вожделенное с давних пор наследство, Филипп позволил правительству Карла VI вести более независимую, более специфически французскую политику. Он форсировал подготовку к массовому вторжению на Британский остров, для чего летом 1385 г., а потом зимой 1386—1387 гг. в нормандских портах, к великому ужасу подданных Ричарда II, в больших количествах сосредоточивались корабли, воины, боеприпасы, провизия. На это затратили колоссальные деньги. Можно было полагать, что война станет иной и будет теперь вестись на территории самого агрессора.

Толком не известно почему, но экспедиция была отменена. Может быть, авантюру сочли слишком рискованной, а силы недостаточными? Или Филипп, устроив эту дорогостоящую инсценировку лишь для устрашения Англии, удовлетворился возобновлением торговли шерстью между островом и Фландрией? Мы не знаем. Во всяком случае, в то время политика Франции служила лично герцогу Бургундскому, подкрепляя его притязания в Нидерландах. Едва став хозяином Фландрии, Филипп Храбрый положил глаз на герцогство Брабант, которое, аннексировав Лимбург и «земли за Маасом», почти

целиком контролировало большой торговый путь, соединяющий устье Шельды с Кельном. У старой герцогини Иоанны не было детей от брака с герцогом Вацлавом Люксембургским. Значит, следовало оттеснить Люксембургов от наследования, оказать какие-нибудь услуги герцогине и заставить брабантцев, несмотря на их предубеждение против фламандцев, пойти под бургундскую опеку. Первый ход в этой игре, сделанный в 1385 г., позволил герцогу заручиться поддержкой Виттельсбахов, которые как графы Голландии, Зеландии и Эно могли исполнять роль арбитров в этой борьбе за Нидерланды. Сразу два брака соединили детей Филиппа с детьми Альберта Баварского. А чтобы крепче привязать французскую монархию к этой политике, племянницу Альберта Изабеллу Баварскую избрали в жены Карлу VI, и в июле 1385 г. состоялась свадьба. Филипп рассчитывал, что эта свежая и дородная немка, не ведающая изысканных нравов двора Валуа, подавляющая хрупкого мужа почти животной чувственностью и частыми беременностями, станет его послушным орудием. Та, что войдет в историю как «королева Изабо», пока не обнаружила своего истинного лица перед хитрым герцогом Бургундским.

Последняя интрига станет гибельной для правления дядьев или, скорее, власти Филиппа над Францией. Землям герцогини Брабантской за Маасом угрожал герцог Гелдернский, сын герцога Юлихского, чье государство страдало от посягательств брабантцев. Герцог, молодой глупец, проникся дружескими чувствами к Ричарду II и стал (за деньги) вассалом Англии. Ему пришла нелепая мысль бросить оскорбительный вызов Карлу VI. Филипп немедленно добился от королевского совета высылки карательной экспедиции, выгодной лишь одному ему. Королю было уже двадцать лет, и он мечтал о славе и сражениях. Но гелдернский поход 1388 г., проходивший через Арденны и долину Мааса, стал просто скучной военной прогулкой, испорченной осенними дождями.

На обратном пути, в Реймсе, 3 ноября произошел государственный переворот. Старейшина совета Пьер Эйселен де Монтегю, кардинал Ланский, заявил, что король уже не ребенок, и призвал его править. Карл поблагодарил дядьев, а те нагло потребовали возместить им расходы, понесенные на

службе суверену. Они получили отставку и фактически были удалены из совета. Эта перемена стала результатом хорошо подготовленного заговора. Возможно, в нем была замешана и королева, которой наскучила бургундская опека. Но душою его был брат короля Людовик, герцог Туренский — позже герцог Орлеанский, — юный восемнадцатилетний красавец, добивавшийся места под солнцем. Если Карлу до сих пор не доставало воли, то у Людовика ее было на двоих; в прошлом году авиньонский папа договорился о его браке с Валентиной Висконти, дочерью богатого миланского сеньора, — ее приданое составляли графство Асти и солидные надежды на миланское наследство. Брат короля претендовал на первое место в королевстве, стремясь обойти дядьев, доселе не подпускавших его к власти и богатству. За ним стояла сплоченная группа бывших советников Карла V, отодвинутых после начала нового царствования на второстепенные роли и крайне раздраженных тем, что все доходы присваивают дядья и их фавориты. Далеко не все они были «людишками», «мармузетами», как их прозвали в насмешку. Среди них были прелаты, как Никола Дюбоск; военные, группировавшиеся вокруг коннетабля Оливье де Клиссона, адмирала Жана де Вьенна, виконта Мелёнского; это были также выходцы из мелкой знати, как Бюро де ла Ривьер, и наконец судейская мелкота, а также профессиональные финансисты, как Жан ле Мерсье и Жан де Монтагу, ставший «суперинтендантом финансов» в ведомстве двора.

Взяв под контроль совет и все значительные административные посты, «мармузеты» образовали сплоченную команду энтузиастов, которым Карл VI, уже слабый характером, позволил править по их разумению. Это не революционеры: их идеал — возврат к мудрому правлению в духе Карла V. Они не стремились ни к каким кардинальным реформам; великие ордонансы, которые они издали с февраля по май 1389 г., лишь воспроизводили законы, забытые за восемь лет, уточняли и совершенствовали организацию и принцип функционирования всех государственных служб. Прежде всего они хотели не допустить возврата к произволу, к самодурству принцев. В совет теперь должны были входить только двенадцать членов, которые клялись во взаимной дружбе, обещая совмест-

но трудиться на благо королевства. Во избежание появления новых фаворитов основные функционеры центральной власти, бальи и сенешали отныне избирались советом, а парламент — пополнял путем кооптации. Финансовые органы, ставшие столь важными за последнюю четверть века, приобретали специализацию. Так, корпорация «генералов», ведающая всеми экстраординарными финансами, распалась на две группы — администраторов и судей, причем из последней образуется Палата эд (*Cour des Aides*). Точно так же в недрах казначейства возникает Курия Казны (*Cour du Trésor*) для решения спорных вопросов в сфере управления доменом. Наконец, следуя советам Николая Орезма, власти попытались возродить полноценную монету прежнего царствования, которую дядя бездумно обесценили.

Чтобы улучшить функционирование органов управления монархией, произвели чистку администрации. Ставленников принцев удалили из парламента, из Счетной палаты, из налоговой и монетной служб, из Казначейства, из Лесного ведомства. Главной жертвой стал канцлер Пьер де Жьяк, бывший слуга герцога Беррийского. Пять комиссаров-реформаторов получили задание проехать по провинциям, исправить ошибки, пресечь злоупотребления, отстранить недобросовестных чиновников, заменить их «добрыми людьми» и, наконец, расследовать мошеннические отчуждения земель домена. Поскольку эта работа оказалась медленной и сложной — признаки, что она велась, можно заметить даже в 1395 г., — решили сразу же дать наглядный урок. В конце 1389 г. «мармузеты» привезли короля в Лангедок, разоренный деятельностью герцогов Анжуйского и Беррийского в качестве наместников. Каждый житель области получил право изложить свои жалобы Королевскому совету. Герцог Беррийский был отстранен и заменен Гастоном Фебом, графом Фуа; один из самых ненавистных комиссаров, Бетизак, уроженец Безье, ведавший финансами Лангедока, был арестован. Поскольку его бухгалтерия была в порядке, его обвинили в принадлежности к альбигойцам и сожгли как еретика.

Наконец, «мармузеты» сочли нужным примириться с парижскими горожанами, лишенными с 1383 г. всех своих муници-

пальных свобод. Они, правда, не дали им ни эшевенских постов, ни судебных прав. Но права управления городом были отняты у парижского прево и переданы «хранителю должности купеческого прево». На этот новый пост Жан ле Мерсье поставил одного из своих племянников, Жана Жювенеля из Труа, фигуру пока второстепенную, но хорошего администратора.

Сколь бы ненавистным ни было правительство дядьев, власть «мармузетов» стала не более популярной. Общество мечтало о коренных реформах, желало облегчения налогового бремени, сокращения числа чиновников, прекращения административного произвола. А предлагали ему только борьбу со злоупотреблениями и упорядочение работы администрации. Главное, что в неприкосновенности оставалась тяготившая народ налоговая система. Будучи строгими администраторами, а подчас и озабоченные собственным состоянием, как де Клиссон, «мармузеты» нуждались в деньгах для короля и его брата. Людовик оказался алчным, постоянно требовал подарков, пенсионов и земельных владений; в июне 1392 г. он обменял свой апанаж Турень на герцогство Орлеанское, более доходное. С особым рвением он вовлекал короля в празднества и развлечения, пожиравшие ресурсы государства. Посвящение в рыцари в 1389 г. юных принцев Анжуйских стало поводом для блистательных и дорогостоящих увеселений. Вояж в Лангедок тоже превратился в череду празднеств; вместо того чтобы облегчить положение лангедокцев, он лишь отягчил его, потому что вследствие опустения казны пришлось повысить габель и провести некоторые манипуляции с монетами, чтобы покрыть расходы. Праздники — турниры, пиры, попойки, балы — продолжались и дальше, вплоть до знаменитого «бала пылающих» в январе 1393 г., повергшего двор в печаль. Имеется в виду трагический случай, когда группа придворных, переодетых дикими животными, скованных друг с другом цепями, вымазанных смолой и осыпанных клочьями пакли, случайно загорелась от факела и вспыхнула, как ужасный костер. Король лишь чудом избежал смерти.

Веселая жизнь во дворце Сен-Поль отнюдь не приучала молодого Карла VI сознавать свой долг и ответственность.

В двадцать четыре года это все еще большой ребенок, беспечный, слабовольный и изнеженный. Какой контраст с отцом, повзрослевшим до срока! Он правил или сражался, лишь попукаемый окружением. Уроки Филиппа де Мезьера, желавшего сделать из него хорошего администратора, хорошего рыцаря, хорошего христианина, вождя грядущих крестовых походов, не пошли впрок этому слабодушному юноше, о котором можно было сказать, что он останется «навсегда малолетним». Это был красивый белокурый молодой человек с не очень выразительным лицом, спортивный и воинственный, но его здоровье, уже обремененное дурной наследственностью, не могло долго выдерживать излишеств придворной жизни. Отдельные недомогания, нервные расстройства были «звонками», которым не придали значения. И летом 1392 г. внезапно разразилась катастрофа. Всесильный коннетабль Оливье де Клиссон¹ только что избежал покушения, виновник которого Пьер де Краон бежал в Бретань. Герцога Иоанна IV, давно находившегося в ссоре с де Клиссонами, обвинили в том, что это якобы он вложил оружие в руку убийцы. Вопреки советам дядьев Карл VI проявил участие к коннетаблю и решил выступить в поход, чтобы сурово покарать бретонского вассала. Нужно ли в подробностях напоминать драматический инцидент, уже столько раз пересказанный? 5 августа конная армия медленно двигалась под палящим солнцем по равнине в окрестностях Манса. На опушке леса вдруг появился какой-то одержимый, которого подпустили к королю. Он схватил королевского коня за повод, выкрикнул что-то бессвязное и провозгласил, что короля предали. Карл был совершенно потрясен. Жара, слепящее солнце, отражающееся от доспехов, удар копья по шлему вызвали у него приступ буйного помешательства. Король бросился на свиту, желая всех перебить. С огромным трудом его уладили. Подоспевшие герцоги Беррийский, Бурбонский и Бургундский остановили армию. Ярость у больного сменилась оцепенением. Он не ше-

¹ Оливье IV де Клиссон — знатный бретонский рыцарь, один из соратников (с 1368 г.) Дюгеклена, коннетабль Франции в 1380–1392 гг. (*прим. ред.*).

велился, никого не узнавал, бормотал что-то невнятное. Его отвезли обратно в столицу и отправили на отдых в Крей. Благодаря покою и мягкому климату его состояние быстро улучшилось. В сентябре он уже казался выздоровевшим. Но это была лишь передышка. В следующем году он пережил новый приступ, продлившийся уже долгие недели, и снова пришел в себя. Понемногу рецидивы стали возникать все чаще и становились все дольше, а периоды просветления — все короче. Чтобы его вылечить, делали все: приглашали врачей и шарлатанов, испробовали все лекарства, обвиняли колдунов, народ усердно молился (существовали опасения, что на него навели порчу или он одержим злым духом), устраивались паломничества. Ничто не помогало. Теперь во главе великой французской монархии стоял безумный король, игрушка любых интриг, жалкая марионетка, от имени которой можно было удовлетворять самые ненасытные аппетиты, а всего печальней было то, что ему предстояло прожить еще тридцать лет.

Уже во время приступа безумия 1392 г. дядья короля воспользовались случаем, чтобы удовлетворить свою месть и положить конец четырехлетней опале — пусть позолоченной, но наносившей ущерб как их мошне, так и их самолюбию. Команда, стоявшая у власти, была вынуждена уступить свое место. Бюро де ла Ривьер и Жан ле Мерсье, обвиненные в том, что не раз оказывали сопротивление герцогу Бургундскому, были посажены в крепость, осуждены, но потом помилованы; Жан де Монтая бежал в Авиньон, рыцарь Бег де Виллен — в Кастилию, потом же, когда гроза миновала, они вернулись. Коннетабль, ставший козлом отпущения для разъяренных принцев и возбужденного народа, укрылся в своем бретонском замке Жосселен. С ним обошлись еще более сурово. Против него устроили процесс; он потерял должность коннетабля, был изгнан как «лживый и злой изменник» и обязан выплатить крупный штраф. Остальные «мармузеты» остались на своих местах и могли до конца века дальше оказывать благотворное влияние на разные административные механизмы. Но отныне им приходилось удовлетворять амбиции дядьев, что прежде они делали лишь в отношении брата короля. Монархия катилась к распаду и хаосу.

III

МИР ИЛИ ДЛИТЕЛЬНОЕ ПЕРЕМИРИЕ?

Приход в ноябре 1388 г. к власти во Франции «мармузетов», как и победа английских баронов над фаворитами короля несколькими месяцами раньше, существенно отразились на франко-английских отношениях, все больше и больше усиливая стремление к миру. Английские бароны называли себя воинственными; но, чтобы упрочить свое положение у власти, чтобы облегчить финансовое бремя, на которое роптали общины, им было нужно спокойствие. Пока что они не шли на переговоры и отвергали предложения о посредничестве. Беглого царя Армении (т. е. Киликии) Левона V, приехавшего в ноябре 1386 г. в Лондон, чтобы призывать к заключению мира и агитировать за франко-английский крестовый поход против османов и мамелюков, вежливо выпроводили. Тем же кончилась и другая попытка посредничества, которую принял весной 1387 г. Альберт Баварский, граф Голландский, тесть детей Филиппа Храброго и дядя королевы Франции. Англичане еще злились на Валуа за масштабные приготовления к вторжению, посеявшие когда-то в Англии панику, а посредничеству заинтересованных лиц не доверяли. Но к 1388 г. ситуация изменилась. Уверенные в своем положении, но не имея возможности оплачивать милитаристскую политику на континенте, бароны видоизменили свои планы и свою доктрину. В августе баронский совет сломил последнее сопротивление в своих рядах — со стороны Глостера — и высказался за переговоры. Последние возобновились в ноябре, в традиционном месте — Лелингене, в тот самый месяц, когда к власти пришли «мармузеты». Эти люди как бывшие советники Карла V помнили, какие отчаянные усилия предпринимал покойный король в последние месяцы своего царствования.

ния, чтобы побудить англичан к заключению мира; храня верность политике бывшего повелителя, они намеревались делать то же, теми же средствами и на тех же условиях, но в надежде на сей раз добиться успеха.

18 июня 1389 г. было заключено перемирие на три года — прелюдия к более длительному замирению. Так надолго оружие не складывали уже лет двадцать. Эта отсрочка оказалась не лишней, чтобы обсудить очень запутанную ситуацию с условиями подписания окончательного мира. В последующие годы шли многочисленные переговоры, то поручавшиеся безвестным профессионалам, то, как в Амьене весной 1392 г., руководимые непосредственно принцами обоих лагерей — Ланкастером и Йорком со стороны Англии, герцогами Бургундским, Беррийским и Бурбонским с французской стороны. На начальной стадии было немало сложностей, понемногу преодолевавшихся благодаря взаимной доброй воле. С 1391 г. начался вывод английских гарнизонов из бретонских крепостей, исключая Брест. Ждать эвакуации Шербура пришлось дольше. Ричард II проявлял щепетильность, отказываясь вернуть этот город Карлу Благородному, сыну и наследнику Карла Злого, на том основании, что этот принц, признав авиньонского папу, упорствует в схизме. Но в 1393 г. английский король снял свои возражения. Тем временем уточнялись сами условия мирного договора. Вопреки всем ожиданиям, вопрос о суверенитете уже не был, как прежде, препятствием для доброго согласия. Отступив от непримиримой позиции, которой полвека придерживался Эдуард III, забыв урок, который англичанам дали договор в Кале и гасконские апелляции, советники Ричарда II согласились, чтобы их повелитель вновь стал вассалом короля Франции за Аквитанию в качестве фьефа. Они лишь хотели, чтобы формула оммажа и принимаемые обязательства были конкретизированы заранее и резко сокращены, сведясь к простому оммажу, который не обязывал ни к чему; французы же говорили только о свободном оммаже, какой приносили все вассалы короны. Но это означало отложить проблему, а не решить ее. Что касалось территориальных уступок, то расхождения по этому вопросу лишь углубились. Англичане хотели восстановить Аквитанию в грани-

цах времен Черного принца. Из всех завоеваний Карла V они были согласны отказаться только от Понтье, что в самом деле было немного. Все остальное надлежало возвратить им — либо немедленно, либо позже; они могли допустить, чтобы герцог Беррийский сохранил за собой Пуату пожизненно. Перед лицом притязаний столь чрезмерных, если учесть реальную власть Ричарда II над уменьшившейся Аквитанией, Карл VI и прежде всего его дядя в своих уступках вышли за пределы допустимого. Они обещали отдать Сентонж, Ангу-муа, Ажене, Керси и даже Руэрг, оставляя себе из завоеваний, сделанных после возобновления войны, только Пуату, Лимузен и Понтье. Однако они в любом случае требовали возвращения Кале и срытия его крепости. Но ради лучшего согласия они сверх того предложили репарацию — сумму в размере невыплаченного остатка выкупа за короля Иоанна, доходящую до 1 200 000 экю, которую позже они подняли до 1 400 000 экю. Участники переговоров с английской стороны, запутавшись в собственных позициях, отклонили эти соблазнительные предложения герцогов Бургундского и Беррийского.

Подписание мира снова было сорвано в последний момент. И дело дошло бы до нового разрыва, если бы не нашелся человек, твердо решивший добиться соглашения во что бы то ни стало. Этим человеком был не кто иной, как король Англии. Пышность двора Валуа, королевская власть во Франции, со стороны выглядевшая абсолютной, очаровали этого властного молодого человека. Не будучи уверен в собственных силах, он считал, что избавиться от опеки баронов сможет лишь при помощи Карла VI. С 1386 г., когда Глостер произнес слова о его отречении, он в свою очередь угрожал дяде местью со стороны короля Франции. С тех пор он лелеял мысль об этом, с нетерпением дожидаясь момента, когда начнет царствовать. В мае 1389 г. он повторил жест, каким Карл VI шесть месяцев назад выпроводил своих дядьев. Было выпущено воззвание, оповещавшее его подданных, что отныне он правит сам, после слишком долгого «малолетства», поскольку уже достиг двадцати двух лет. Ему хватило благоразумия грубо не изгонять пока единых и могущественных ба-

ронов. Он сохранил за ними места в совете, но на все низшие должности поставил преданных сторонников идеи абсолютной монархии. Сознательный подражатель Карла VI, теперь он хотел примириться с ним. Этим целям в конечном счете послужило и его личное несчастье. В июне 1394 г. скоропостижно умерла королева Анна. Хотя она не родила ему ребенка, Ричард нежно любил ее и первое время казался безутешным. Он велел срыть усадьбу Шин (к юго-западу от Лондона, на территории современного предместья Ричмонд), где протекли счастливые годы их супружеской жизни. Но когда скорбь прошла, он решил, что его статус вдовца может оказаться полезным для его политики.

Как бы ни судили о Ричарде II, нельзя отрицать его упорства, заменявшего связную систему взглядов. Он хотел мира, но оказалось, что мир невозможен из-за несовпадающих территориальных притязаний сторон. Он давно желал встречи с Карлом VI, о чем говорили еще в 1390 г.; но она все время откладывалась из-за постоянных рецидивов болезни французского короля. Он вежливо отказал римским папам, сначала Урбану VI, а потом его преемнику Бонифацию IX, пытавшимся склонить его восстановить союз с Вацлавом Чешским ради совместной войны со схизматиками Валуа. Теперь он предлагал другой выход, демонстративно не принимая в расчет его непопулярность у его собственных подданных: примирение может стать следствием брака с французской принцессой и заключения продолжительного перемирия. В марте 1395 г. посольство, состоящее из фаворита Ричарда — архиепископа Дублинского Роберта Уолдби и королевского кузена — Эдуарда Йорка, графа Ретленда, отправилось в Париж просить для своего короля руки Изабеллы, дочери Карла VI. Их не смущала разница в возрасте: Ричарду было скоро тридцать, Изабелле — немногим более пяти. И, чтобы произвести лучшее впечатление на будущего тестя, Ричард организовал, потратив большие деньги, но не сделав ни единого выстрела, поход для подчинения вождей ирландских кланов, устранив их пышностью и многочисленностью военной церемонии. Брак по доверенности состоялся в Париже 9 марта 1396 г. Было решено, что под этими соглашениями подпишутся все анг-

лийские бароны, что Ретленд тоже женится на французской принцессе, что Лелингенское перемирие, уже несколько раз возобновлявшееся, будет продлено на двадцать пять лет. Мир, хоть и не заключенный по всей форме, обеспечивался по крайней мере на поколение, — ведь до 1423 года начинать новых военных действий не предполагалось.

Наконец 17 сентября 1396 г. между Кале и Ардром состоялась встреча Карла VI и Ричарда II. Король Англии приехал сюда за месяц — ему не терпелось познакомиться с новобрачной. Встреча, как и договаривались, была отмечена пышными празднествами. Дядья обоих королей, разряженные бароны обменивались клятвами в дружбе. Ричард обещал все, о чем его просили, становясь опорой французской политики в Европе: он обязывался заставить римского папу отречься, чтобы ускорить окончание схизмы; он предлагал помощь тестю в Италии во время ломбардского похода, который планировали Валуа; он возвратил Брест герцогу Бретонскому. Но у себя в стране он не нашел желающих поддерживать и защищать эту политику. Одобрял ее лишь стареющий Джон Ланкастер. Обменяв свои испанские притязания у короля Кастилии на внушительный пенсион, получив с 1389 г. в пожизненное владение герцогство Аквитанское, Ланкастер желал мира; теперь он мечтал лишь о том, чтобы узаконить бастардов, прижитых от любовницы, на которой он позже женился, — Кэтрин Суинфорд, и пристроить этих детей, получивших фамилию по анжуйской сеньории Бофор. Когда он в феврале 1399 г. умер, Ричард остался без поддержки. Теперь продолжение профранцузской политики зависело только от способности суверена сохранить свой трон.

К тому же примирение оставалось неполноценным: ведь никакой договор не устанавливал границ, не определял прав бывших противников в их взаимоотношениях. Рутьеры и наемники, не смирившиеся с полной бездеятельностью, как всегда во время перемирий, продолжали разбой на спорных территориях. Английская канцелярия в своих двусмысленных формулировках не скрывала, что ее ставит в тупик одно ложное положение. Тот, кого с давних пор называли «французским противником», стал «французским кузеном», а по-

том «французским отцом». Но за ним так и не признавали титула французского короля, который продолжал носить его зять, что было совершенно лишено смысла.

Во всяком случае, Ричард приближался к цели, к которой стремился давно — десять лет, в течение которых его унижали бароны. На его стороне были усердные чиновники и большинство прелатов: ведь он терпеливо замещал епископские кафедры своими ставленниками. Он набрал в Чeshire гвардию из лучников и тяжелых конников, готовую применить оружие по малейшему знаку. От приданого Изабеллы его сундуки заполнились. Не хватало лишь жеста. И он был сделан в июле 1397 г. Основных предводителей баронства схватили, выслали или предали смерти. Глостер, доставленный в Кале, был там убит по приказу короля. Архиепископ Томас Арундел удалился в Рим. Покорному парламенту было поручено исключить всякую возможность возрождения баронской оппозиции. Поначалу собранный в Лондоне, он закончил свою долгую сессию в Шрусбери. Чтобы не созывать новую ассамблею, Ричард велел нынешней отказаться от своих прав в пользу комиссии из восемнадцати человек, которая бы и собиралась в случае потребности в парламенте. Были установлены самые грозные гарантии установленного порядка: отлучение тех, кто делается изменником; торжественная присяга, обязательная для всех подданных; суровые штрафы, наложенные на семнадцать восточных и южных графств, некогда поддерживавших баронов; многих заставили дать «белые карты», содержащие признание подписавшего в том, что он должен королю неуказанную сумму, которую власти могли проставить сами в случае его участия в бунте. Поначалу казалось, что аристократия подчинилась, подкупленная щедро раздаваемыми титулами герцогов, маркграфов и графов. Всем суверенам Европы Ричард победоносно возвестил о восстановлении королевской власти, то есть абсолютизма. А чтобы окончательно исключить сомнения, он потребовал от Бонифация IX канонизации его прадеда Эдуарда II, предательски убитого мятежными баронами, и велел отменить приговоры, вынесенные в 1327 г. Деспенсерам.

Все это было небезопасно. Он совершил ошибку, сурово покарав своего двоюродного брата и ближайшего наследника по мужской линии — Генриха Ланкастера, графа Дерби, совсем недавно сделанного герцогом Херефордом. Когда Херефорд затеял ссору с одним бароном-роялистом, герцогом Норфолком, Ричард изгнал обоих соперников, рассчитывая лишить Ланкастера его огромного наследства, конфисковав его в пользу короны. В 1398 г. изгнанник отправился во Францию, где его похвальбу не приняли всерьез. Он даже подружился с Людовиком Орлеанским. Но вместе с другими жертвами королевского произвола он начал здесь плести заговоры, вызвав из Рима архиепископа Арундела. Однако в первую очередь он следил за событиями в Англии. Уже сам избыточный характер предосторожностей, предпринятых Ричардом, его деспотичные манеры, разнузданность его преторианской гвардии, его замысел продлить деятельность парламента в форме небольшой комиссии, которая созывалась бы, когда ему нужно утверждать ордонансы, вызывали растущую ненависть к королю. Весной 1399 г. Ричард решил укрепить свою власть, еще раз отправившись в карательный поход против беспокойных ирландских вождей. Когда он уехал, Ланкастер с горстью изгнанников и наемников высадился на взморье близ Ревенспера, во всеуслышание объявив, что намерен только вступить во владение отцовским наследством. Все перешли на его сторону, даже его дядя Йорк, оставленный регентом на время отсутствия короля. Ричард был обречен.

IV

ПРЕОБЛАДАЮЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦИИ В ЕВРОПЕ

Пока политические конвульсии, в которые впадала Англия, не возымели своих губительных для Франции последствий, они по контрасту лишь укрепляли престиж Валуа. Изнутри Французское королевство выглядело ослабевшим из-за безумия короля, непреходящей нищеты деревни, начинающих распрей принцев. Но извне оно еще казалось могущественным. Какое государство в Европе могло соперничать с ним в конце XIV столетия, когда все рушилось? На это не способно ни папство, все еще расколотое схизмой, в ситуации, когда тиару оспаривали два соперничающих понтифика; ни Империя, где князья, устав от власти Вацлава, апатичного пьяницы, объявили о его низложении и заменили его Рупрехтом Пфальцским, бессильным претендентом; ни, наконец, Англия, опять погрузившаяся в страшную пучину смены династии путем переворота. Трон Валуа действительно был самым устойчивым в христианском мире, пусть даже на нем сидел жалкий монарх.

Несмотря на слабое здоровье суверена, во дворце Сен-Поль снова начались праздники. Ими упивалась королева в перерыве между беременностями. Вовлекал ее в увеселения герцог Орлеанский, и столь активно, что скоро их обвинили: мол, они любовники и вместе обманывают бедного коронованного безумца. При дворе кормились голодные Виттельсбахи. Все принцы соперничали в роскоши и расточительности. Каждый хотел иметь свой девиз, свой герб, свою ливрею и даже свой рыцарский орден. Это давало доход всем поставщикам двора, суконщикам, ковроделам, ювелирам, маклерам. Париж наслаждался процветанием — несомненно обманчивым, но блистательным, которое росло

благодаря присутствию итальянских банкиров — это одновременно купцы, менялы, ростовщики, откупщики и инвесторы. На смену флорентийцам и пизанцам, преобладавшим в предыдущих поколениях, пришли выходцы из Лукки, имеющие конторы в крупных торговых городах, в Брюгге и в Италии, обогащающиеся на службе двору и быстро офранцузивающиеся: это семьи Рапонди, Ченамми, Спифами, Избарри. Самый активный среди них, Дино Рапонди, стал всесильным фактотумом Филиппа Храброго.

Под сенью дворцов магнатов расцветала блестящая культура. Из частных резиденций, общественных монументов, церквей, построенных при Карле VI, до нас не дошло почти ничего. Быть может, их и было немного — ведь такие постройки требуют времени и денег, которые на них отпускали не слишком щедро. Меценаты вкладывали средства в другое, поощряя создание произведений искусства, рассчитанных на менее долгое существование, но более драгоценных и притом занимающих меньше места: ковров, золотых и серебряных изделий, миниатюр, картин. Французские художники, уже освободившиеся от итальянского и авиньонского влияний и пока не вытесненные фламандцами, чьи работы позже наводняют Францию, в это время образовали оригинальную школу, произведения которой по приемам всегда очень близки к миниатюрам. Именно тогда Жан Лимбургский завершил для столь утонченного и щедрого мецената, как герцог Беррийский, тщательно прописанные рисунки «Роскошного часослова», которыми ныне можно любоваться в Шантийи. Именно к французским или рейнским художникам обратился Ричард II, чтобы заказать либо свой портрет на престоле, теперь находящийся в Вестминстерском аббатстве, либо свое изображение со свитой, святыми и синими ангелами в широких одеждах, обильно усеянных серебряными оленями с подогнутыми коленями — гербом этого английского короля, на херувимском алтаре, ныне хранящемся в Национальной галерее в Лондоне. Свидетельства изысканной культуры — экстравагантные моды, насаждавшиеся французским двором, которые в начале XV в. станут лишь еще вычурнее: высокие раздвоенные генни-

ны¹ на головах дам, шоссы² и жюстокоры³ в обтяжку у мужчин, яркие расписные шелка, длинные упланды⁴ на меху с широкими воронкообразными рукавами, причудливые чепцы и башмаки «а-ля пулен»⁵.

В литературе, начавшей чахнуть еще при Карле V, в конце века появились новые акценты. Мы не имеем в виду Фруасара, полностью обращенного в прошлое, который именно тогда писал свои пространные хроники, многословные и избыточные диалектизмами, где больше пересказа суждений рыцарского общества, чем исторической точности. Новизну надо искать в других местах. Конечно, Франции Карла VI некого поставить в один ряд с первым великим национальным поэтом — Джеффри Чосером, появившимся в Англии при Ричарде II. Но если Чосер в своих «Кентерберийских рассказах» и сумел блистательно соединить петраркизм с духом английского языка, то познакомился с итальянским гуманизмом он через посредство Франции; сами его выразительные приемы остаются полностью французскими, в чем нет ничего удивительного, потому что для всего культурного общества за Ла-Маншем было еще естественно разговаривать по-французски. По сравнению с ним наш Эташ Дешан⁶ — не более чем придворный рифмоплет, вносящий в баллады политическую, военную и религиозную злободнев-

¹ Высокий женский головной убор в форме обычного или раздвоенного («рогатый геннин») колпака, часто украшенного вуалью, бывший в моде с конца XIV по середину XV в. (*прим. пер.*).

² Облегающие штаны-чулки; так могли называть также только штаны («о-де-шосс») и только чулки («ба-де-шосс») (*прим. пер.*).

³ Приталенные камзолы; это слово чаще используется для названия одежды XVII–XVIII вв. (*прим. пер.*).

⁴ Длинные и широкие одежды, обычно подхватываемые поясом, с чрезвычайно длинными и широкими снизу рукавами (*прим. пер.*).

⁵ Башмаки с чрезвычайно длинными «носами», появившиеся в конце XIV в. и не выходившие из моды почти до конца XV в. (*прим. пер.*).

⁶ Дешан, Эташ (1346–1407 гг.) — приближенный Карла VI и Людовика Орлеанского; участвовал во французских посольствах, занимал пост балы. Поэт, автор огромного поэтического наследия (*прим. ред.*).

ность. Но главное, что в окружении Карла VI тогда зарождался настоящий французский гуманизм. Через посредство Авиньона, анжуйского двора Прованса эти гуманисты познакомились с Петраркой, упивались вместе с ним латинскими классиками, закругляли цicerонианские периоды, писали на языке, правильность и изящество которого достойны великих латинистов XVI в. Из произведений этой маленькой группы утонченных знатоков до нас дошло немногое. Знак времени, что эти люди уходили от университетской рутины и что рядом с клириком Никола де Кламанжем здесь можно было увидеть мирян — Жака де Нувьона или Гонтье Коля, секретаря канцелярии и служителя у герцога Беррийского. Все это исчезнет в пламени гражданской войны, сверкнув лишь на краткое время.

Тем не менее к 1400 г. французская гегемония существовала не только в сфере культуры. Монархия Валуа жила репутацией, приобретенной еще в прошлые века, по инерции двигалась на гораздо большей скорости, чем позволили бы развить лишь ее нынешние силы. Она внушала уважение Европе, ее король еще по необходимости представлялся вождем латинского христианства. Именно в ней еще сохранились люди, с прежней горячностью отстаивающие идеалы крестовых походов. Так, поборником этих идеалов стал рыцарь Филипп де Мезьер, который, прежде чем сделаться воспитателем короля, много лет прожил на Востоке в должности канцлера Кипрского королевства. Он с радостью приветствовал франко-английское примирение и развил в «Видении старого пилигрима» в характерной для того времени аллегорической форме планы совместных действий под руководством Карла VI, в ходе которых была бы наконец воплощена идея объединенного Запада. Французское рыцарство не дожидалось призывов этого визионера, чтобы ринуться в авантюры: с тех пор как перемирия и скрытая война лишили его занятия, оно вновь ощутило тягу на Восток и толпами спешило в походы, организуемые для него. В 1391 г. не кто иной, как дядя короля, «добрый» герцог Людовик II Бурбон, по просьбе дожа Генуи ведет рыцарей в бессмысленный тунииский поход, который терпит крах под стенами Махдии — «Африки» наших хронистов. В 1396 г. начинается более значительная

авантюра. Османы только что завоевали Балканы, уничтожив сербскую империю и разгромив болгарские княжества, и приближались к Дунаю, угрожая венгерской равнине. По призыву брата Вацлава, Сигизмунда Люксембурга, который благодаря браку стал королем Венгрии, французские рыцари собрались вокруг старшего сына Филиппа Храброго — Иоанна Неверского. Они пересекли всю Европу и, не слушая благоразумных советов трансильванских и молдавских воинов, отряды которых присоединились к ним, смело бросились на войска Баязида под Никополем, на берегах нижнего Дуная. Французы потерпели разгром, Иоанн Неверский попал в плен и был освобожден только через два года благодаря посредничеству банкира Дино Рапонди, приобретя в результате этой авантюры лишь репутацию храбреца и прозвище Иоанн Бесстрашный. Эта катастрофа не умерила воинственного пыла французской знати. Когда византийский василевс Мануил Палеолог, со всех сторон окруженный подступающими османами, обратился к отчаянным призывам к христианскому Западу, а потом и сам поехал по всем европейским столицам молить о помощи, только французы под началом маршала Бусико попытались провести мало-мальски крупную операцию на берегах Босфора. Что такое рядом с этими походами скудные подкрепления, которые Генрих Ланкастер отправил тевтонским рыцарям для помощи в борьбе с литовскими язычниками? Даже в сфере дальних экспедиций преимущество французов было несомненно.

Оно, притом более ощутимо и более успешно, утверждалось и ближе к границам королевства. В течение двух поколений Дофине управляли агенты Валуа. Людовик Анжуйский, оккупировав в 1381 г. Прованс, сделал его французским, насколько это требовалось, и поставил здесь анжуйских и лангедокских чиновников. Бывшее Арльское королевство¹,

¹ Арльское королевство (Арелат) — Бургундское королевство, в состав которого входили Прованс, Виваре, Дофине, Савойя, Форэ, Лионне, Франш-Конте. Присоединено к германской империи в 1034 г., но после 1378 г. распалось на ряд самостоятельных территорий. Называлось Арльским королевством по своей столице, где короновались его правители (*прим. ред.*).

формально не имеющее отношения к французской короне, естественным образом попало в зависимость от нее, особенно когда граф Амедей Савойский, по прозвищу Зеленый граф, путем брака породнился с семьей Карла V. Еще в 1368 г. император Карл IV мог в церкви Св. Трофимия надеть на себя древнюю корону арльских королей, продемонстрировав тем самым, что его владычество простирается до низовий Роны. Никто из его преемников не повторит этого жеста и не потребует от монархов Валуа оммажа за Дофине и Прованс.

Присоединение этих юго-восточных провинций ввело в сферу интересов французской политики и итальянские дела, куда до сих пор французы вмешивались лишь неохотно и с крайней осторожностью. В царствование Карла VI начались великие заальпийские авантюры — разорительные и обманчивые, но престижные. Корректно ли говорить об итальянской политике Франции? При дворе Валуа сталкивались и пересекались тысячи интересов, в конечном счете порождая величайший разброд. Есть анжуйская политика, целиком ориентированная на Неаполь, где Людовик II Анжуйский оспаривал корону у своего соперника Владислава, и эта борьба ему обходилась дорого; есть орлеанская политика, которая была полностью основана на союзе с Миланом; есть баварская политика — политика королевы — враждебная Висконти, но дружественная по отношению к Флоренции; есть, наконец, авиньонская политика, нацеленная на завоевание Рима и изгнание итальянского папы. Каждая поочередно одерживала верх, разрушая то, что кропотливыми интригами создали творцы политики предшествующей. Теперь — и это существенно — итальянские сеньории, безнадежно расколотые на враждующие группировки, видели спасение лишь в обращении к иностранцам; а поскольку Империя умерла или вот-вот умрет, все они обратили взоры к Франции. Поэтому Карл VI при всей несогласованности действий французов в Италии осуществлял над ней настоящий протекторат. Чтобы убедиться в этом, нам достаточно здесь вспомнить самые ощутимые результаты этой политики.

Анжуйская авантюра — самая неудачная из всех. Находясь на голодном пайке по сравнению с другими удельными князьями, Людовик II Анжуйский и его властная мать Мария Бретонская все-таки сумели в 1389 г., а потом в 1399 г. ненадолго утвердить свою власть над Неаполем и его пригородами. Но в полуостровном королевстве у них была всего горстка приверженцев, и через несколько месяцев им каждый раз приходилось отпускать добычу. Орлеанские притязания в Северной Италии выглядели куда солидней. Молодой брат короля после женитьбы на Валентине Висконти стал надеждой Климента VII, и понтифик мечтал создать для него королевство из папских владений в областях Романья и Марке, назвав его Адриатическим, — но тот должен был сначала завоевать эти земли. Как бы там ни было, Людовик с согласия «мармузетов» способствовал отправке французского экспедиционного корпуса в Ломбардию и заключению в 1391 г. наступательного союза со своим тестем Джан Галеаццо. Темные происки англичан вынудили французов отложить этот поход. Но Людовик продолжал действовать на собственный страх и риск. Его наместники поселились в Асти и оттуда вмешивались в дела Лигурии, поддерживали Савону, восставшую против генуэзцев, которую в ноябре 1394 г. наконец занял его именем Ангерран де Куси. Но тут в ход событий вмешались проводники баварской политики, поддерживаемой и герцогом Бургундским. Они вынудили короля расторгнуть союз с Миланом, выгодный только Людовику Орлеанскому, и вступить в союзные отношения с Флоренцией, до сих пор хранившей верность римскому папе и стоявшей на стороне врагов Франции; они убедили генуэзского дожа Антонио Адорно, которому грозит прямая опасность со стороны приверженцев Орлеанского герцога, отдаться под покровительство короля Франции, и в результате в 1396 г. французские послы, а в 1401 г. маршал Бусико водрузили на стенах великого портового города Лигурии знамя с королевскими лилиями, которое будет развеваться над ними вплоть по 1409 г. как зримый символ гегемонии Валуа.

Еще внушительней выглядит роль французской монархии в преодолении схизмы, которая с 1378 г. приводила в отчая-

ние римскую церковь. Парижский двор, который как будто способствовал возникновению раскола и усугублял губительный характер его последствий, теперь взял на себя инициативу его прекращения и пожелал, чтобы его усилия поддерживали все остальные государства. Неслыханное дело: во главе этого движения становится Парижский университет, хотя с тех пор, как номиналистская критика разрушила здесь красивые схоластические построения XIII в., он во многом утратил былой блеск. Его магистры становятся важными персонами, к ним прислушиваются при решении государственных вопросов. Жан Жерсон¹ поучал короля; Пьер д'Айи, Жан Пти, Жан Куртекюисс² диктовали правительству, какую политику проводить. Это участие во власти, которое в конечном счете и ускорило его падение, подняло университет Парижа до такой степени могущества, на какой он никогда не находился.

С 1391 г. он уговаривал светских государей брать церковные дела в свои руки по причине несостоятельности понтификов и действовать на благо единения. Единение (*union*) — волшебное слово, которое вскоре будет у всех на устах. На смену «пути насилия», на котором европейские армии тщетно боролись между собой, стремясь поставить одного папу над другим, теперь пришел «путь уступок»: короли должны вынудить соперничающих понтификов отречься, чтобы могло восстановиться согласие. Советники Карла VI, его дядя, его брат, поначалу не принимавшие этой установки, к концу 1392 г. позволили себя убедить. С тех пор именно Франция будет вести первую скрипку в игре, подогревать в других энтузиазм, бороться с апатией. Со смертью Климента VII в 1394 г. ее политики уже было сочли, что цель достигнута. Но авиньонские кардиналы, вместо того чтобы отложить выборы его преемника, поспешили назначить себе нового папу в лице арагонца Педро де Луны. Хотя ранее тот объявлял себя

¹ Жерсон, Жан де (1363–1429) — доктор богословия, канцлер университета, известный проповедник и сторонник церковных реформ (*прим. ред.*).

² Доктора богословия, преподаватели Парижского университета (*прим. ред.*).

убежденным сторонником единения, но, став Бенедиктом XIII, новый понтифик более не захотел ничего знать — ведь он родом из страны добрых мулов¹, как говорят его враги. Это не обескуражило французский двор, который продолжал бурную деятельность: он увлек за собой Кастилию, обратил в свою веру Ричарда II (но не англичан), однако потерпел неудачу, попытавшись воздействовать на Вацлава. Это почти единственный двор, который требовал применения против упорствующих понтификов одного грозного оружия и действительно использовал его: «отказ в повиновении», который в 1398 г. апостолы единения навязали французскому духовенству, лишает папу всякой власти над церковью Франции и всех доходов от нее и отвечает чаяниям зарождающегося галликанства², создавая национальную церковь, которой, прикрываясь лозунгом свободы, полностью распоряжается светская власть.

Осмелев в борьбе, парижские магистры выдвинули доктрины, оправдывающие их бунт против папской монархии. Главное — вопреки двум упрямым папам восстановить единение. Университет, доселе верная опора абсолютизма Святого престола (чем тот активно и пользовался), теперь отказывал папе в действенном духовном влиянии на национальные церкви и призывал, совсем как Англия при Эдуарде III, к восстановлению галликанских «свобод». Он пошел и дальше, выковывая в борьбе опасную теорию «соборности». Чтобы добиться от верующих единодушия в отношении к тем, кто домогается тиары, надо признать за этими верующими, созованными на собор, право смещать пап, то есть судить их и управлять церковью вместо них. Такие идеи, имеющие столь большую будущность, били ключом только в Париже. Ни одному из других крупных научных центров Европы — ни Оксфорду, ни Праге, ни Болонье — подобная смелость еще неведома. Упорно проводя в жизнь идеи парижских магист-

¹ Игра слов: *mule* по-французски означает и «самка мула», символ упрямства, и «папская туфля» (прим. пер.).

² Галликанство — тенденция к автономии французской церкви от власти папы Римского (прим. ред.).

ров, правительство Валуа брало в свои руки руководство церковью. Конечно, чтобы эти идеи окончательно восторжествовали, потребуется еще много времени. Еще будут прискорбные отречения от прежних взглядов, возврат к повиновению в 1403 г., потом ориентация на «путь совещания» между понтификами-соперниками, которые станут играть в прятки, чтобы не встречаться, и наконец, новый отказ от повиновения в 1408 г. Когда, наконец, кардиналы обоих лагерей, которым опротивеет такая недобросовестность, соберутся в 1409 г. в Пизе, чтобы отречься от своих понтификов, созвать собор и назначить нового папу, — для Парижского университета, как и для двора Валуа, это будет триумфом политики, за которую они неуклонно ратовали пятнадцать лет.

Таким образом, что бы ни происходило, на рубеже 1400-х гг. преобладание Франции в Европе становится явным, и она сияет прежним блеском. Через полвека после поражений при Креси и Кале истерзанная Франция вновь заняла былое место на христианском Западе. Она здесь пользуется престижем, какого не имела со времен Людовика Святого и лишить которого ее смогут лишь новые поражения, которых пока никто не в состоянии предвидеть.

VI
ЗАВОЕВАНИЯ
ЛАНКАСТЕРОВ

(1400–1420 гг.)

Перемирием в Лелингене и встречей королей в Кале завершился первый этап Столетней войны. Прерываемый долгими, плохо соблюдавшимися перемириями и даже одним очень непрочным миром, этот конфликт со всей своей свитой бедствий, скорбей и опустошений уже затянулся на шестьдесят лет по единственной причине — Валуа и Плантагенеты так и не смогли прийти к единому мнению относительно Аквитании. Таким образом, эта война по своим причинам, течению, целям оставалась по сути феодальной. Пусть Эдуард III, по рождению, воспитанию и вкусам французский принц, мечтал надеть корону Франции, став правителем обоих королевств, — к своему осуществлению эта мечта не была близка никогда, даже после самых блестящих его побед. А если бы он и добился успеха, то, вероятно, по завещанию разделил бы эти королевства, отдав Францию одному из младших сыновей. После этого обе страны продолжали бы существовать раздельно под властью родственных династий, как это уже было при Людовике Святом и Генрихе III — свояках или при Филиппе Красивом и Эдуарде II, второй из которых был зятем первого. Но в реальности завоеватель не загадывал так далеко. Опираясь на Аквитанию, где гасконский партикуляризм традиционно оставался враждебным французскому королю, он добивался восстановления бывшей империи Плантагенетов, расширив ее до Луары, а то и до нормандских берегов. Но, чтобы избежать повторения прежних ошибок, чтобы окончательно устранить угрозу грабительской конфискации, он требовал, чтобы его континентальные владения оставались полностью суверенными и не предполагали с его стороны никаких вассальных обязанностей.

В этом смысле можно сказать, что он добился и раздробления Французского королевства. Но завоевания Плантагенета — это еще не завоевания Англии. Кроме появления нескольких высоких сановников из-за Ла-Манша, кстати, не слишком почитаемых населением, в жизни провинций, вышедших из ленной зависимости от Валуа, ничего не изменилось: они остались французскими по языку и по форме управления и сохранили собственные институты. Исключение составлял только Кале. Там по военным и экономическим соображениям был применен более суровый подход. Занятый сильным английским гарнизоном, этот город, став эмпорием шерсти, был и заселен английскими горожанами. Должность «мэра этапа» обычно исполнял богатый лондонский купец. Во всех остальных местах Плантагенеты правили как французские принцы, при помощи французских чиновников, следуя местным традициям и не ущемляя их.

Но при всем том следует ли полагать, что обе страны оставались равнодушны к беспощадной борьбе, которую вели их соперничавшие династии? В души народов, до которых прежде никому не было дела, война заронила зерна ненависти, которые дадут обильные всходы в будущем. Любопытно, что эти зерна можно обнаружить даже в Англии, на территории которой военных действий никогда не велось. Королевские воззвания, в течение полувека непрестанно обличавшие коварство французов, возлагавшие на них ответственность за все ссоры, утверждавшие право Плантагенетов на возвращение своего континентального «наследия», в конечном счете создали у всех классов общества своеобразный менталитет. Бароны и рыцари, которых в XIII в. совершенно не интересовали континентальные домены династии и именно безразличие которых в конечном счете было причиной неудач Иоанна Безземельного и Генриха III¹, теперь пристрастились к

¹ Речь идет о череде поражений, которые англичане в правление Иоанна Безземельного (1199—1216 гг.) и Генриха III (1216—1272 гг.) потерпели на континенте от французов, в результате чего под властью королей Франции оказались Нормандия и значительная часть Аквитании (*прим. ред.*).

набегам, приносившим богатую добычу и выкупы; они требовали войны, потому что война стала для них доходной операцией. Пока представители высших классов по языку и воспитанию оставались французами, заморские экспедиции их не интересовали. Теперь, когда они все больше англоизировались, они всем своим авторитетом поддерживали французскую политику своего короля: своеобразное противоречие, позволяющее предсказать, что власть английского суверена над завоеванными землями еще проблематична и не будет длительной. Для народа война означала рекрутские наборы, реквизицию кораблей, тяжелые подати. Вину за эти непопулярные меры возлагали на французов, хотя толком их не знали. Свидетельства монастырских хронистов на этот счет неопровержимы. У духовенства франкофобия обострилась после появления папских налогов, введенных авиньонскими французскими папами. Наконец, на французов-врагов распространялась та же ненависть, какой в Англии ненавидели всех иностранцев: ганзейских купцов, итальянских банкиров, фламандских торгашей и которая порой проявлялась в неслыханных насилиях, как во время крестьянского восстания 1381 г.

Франция еще лучше, чем Англия, узнала противника, который в течение двух поколений топтал ее землю, и еще больше его возненавидела. До 1340 г. ненависть между народами проявлялась разве что в распрях между нормандскими и английскими, ларошельскими и байоннскими моряками. Теперь же ненависть поселилась в сердцах жителей всех провинций, страдавших от грабежей рутьеров во время мира, перемирий и войны. Это состояние национального духа тем более упрочилось, что соединило два чувства, пустивших равно глубокие корни в душах, но часто противоречивших одно другому: верность монарху и местный партикуляризм. Поскольку англичанином называли любого, кто воевал с французами и грабил страну, откуда бы родом он ни был, то дело защиты от врага объединило на местах все население. В самые трагические моменты, когда знать, побежденная на полях сражений и поредевшая от войны, проявляла неспособность возглавить сопротивление, инициативу приходилось брать на себя городской буржуазии и деревенскому крестьянству.

Обездоленные порой проявляли потрясающий героизм, вызывая восхищение даже у хронистов, обычно склонных повествовать только о деяниях рыцарей. Так, от множества подвигов, оставшихся неизвестными, до нас дошло сообщение о делах могучего крестьянина из области Бове по прозвищу Большой Ферре, который в самый разгар наваррской войны в 1358—1359 гг. боролся с утвердившимися в Крее бандами англичан и встретил здесь славную смерть.

Однако о патриотизме в современном смысле слова говорить еще нельзя. Большинство не заглядывало дальше своей колокольни. Люди хотели одного — чтобы прекратились беспорядок, бедствия, грабеж. Когда они боялись мериться силами с рутьерами, то откупались, тем самым позволяя им грабить соседний кантон. Несомненно, народ даже в беде сохранял верность королю и династии. Но национальное сознание возникало лишь проблесками. Существовало Французское королевство, но не французская нация. Это уже продемонстрировали Фландрия, Бретань. Даже самые верные провинции были связаны с королевской властью лишь тонкими нитями личной преданности. Так, по призыву сюзерена дворяне из центральных областей поспешили на гибель под Пуатье, как позже отправятся под Азенкур. Но в завещаниях, составляемых перед отъездом, они сообщали о своем намерении ехать на службу королю во Францию, как будто Францией был только бывший королевский домен севернее Луары. От бедствий гражданской войны эти смутные чувства еще более ослабнут. Когда именем короля страну станут разорять банды грабителей и врагов, многие из подданных возмечтают о возвращении порядка пусть даже ценой иностранного вторжения. И, как всегда в подобных случаях, пример отступничества покажут имущие классы, удельные князья, торговая буржуазия, высшее духовенство. Не будем бросать камень в современников Жанны д'Арк: с тех пор мы насмотрелись и не такого¹. Чтобы страна опомнилась, понадобится урок долгой оккупации, всегда целительный. До 1400 г. его не было. Пришествие Ланкастеров сделало его возможным.

¹ Здесь можно вспомнить, что эта книга писалась в 1943—1944 гг. в оккупированной Франции (*прим. пер.*).

I

ПРИШЕСТВИЕ ЛАНКАСТЕРОВ

Противопоставляя двух соперников, Ричарда Бордоского и Генриха Болингброка, которые в последние месяцы 1399 г. боролись за английский трон, Шекспир сделал первого проектером, поглощенным своими мечтами об авторитарном правлении, о мире с Францией, о легкой и роскошной жизни, второго — принцем холодным, практичным, хитрым, приземленным, скрывающим свои намерения до тех пор, пока он не соизмерит их со своими возможностями. Это поэтическая интерпретация характеров, но она имеет под собой основания. Генрих Ланкастер был совсем иным человеком, чем его кузен Ричард II, хотя детство и юность они провели вместе. Долгое пребывание за границей, в Пруссии, в Святой земле, ссылка во Францию все-таки не привили ему того космополитизма, который характерен для всех Плантагенетов вплоть до Ричарда II. Хотя он еще говорил по-французски, как почти вся аристократия его страны, он оставался прежде всего английским принцем и землевладельцем, добавившим к обширному уделу предков значительные владения на западе Англии, которые принесла ему жена, последняя представительница прославленного англо-нормандского рода Боэнов. Этот зрелый человек долго скрывал свою игру. Были ли у него убеждения или замыслы, кроме желания захватить трон и удержать его? В этом можно усомниться. С холодным и расчетливым цинизмом он использовал все средства, чтобы победить соперника, в том числе подчеркнутое почтение к привилегиям парламента и войну с Францией. Это, однако, не значит, что, сделавшись сувереном, он станет искренним почитателем конституционности или рьяным милитаристом. В его показном благочестии, которое унаследует и его сын,

также сильно недоставало христианских чувств. Двумичие во время подъема на вершину, но смелость в беде — вот две черты, лучше его характеризующие, чем долгий анализ. Мы ближе познакомимся с ним, узнав о его действиях.

Высадившись в мае 1399 г. в Англии, Генрих подчеркнул, что потребовал только наследия Ланкастеров, несправедливо отобранного у него. В этом он получил поддержку всех недовольных: баронов, оттесненных от власти, изгнанных прелатов, жестоко притесняемых лондонских бюргеров. Когда Ричард поспешно вернулся из Ирландии, сторонников у него больше не было. Несколько недель он блуждал по Уэльсу, зря потерял время, потом, чувствуя, что игра проиграна, попросил о переговорах. Во Флинте он согласился простить мятежников, отдать им власть, созвать новый парламент. Он надеялся такой ценой спасти трон и вернуться к униженному положению времен «апеллянтов». Но это была лишь комедия. В Лондоне его бросили в Тауэр, сделав узником. Выступая перед парламентом, Генрих напомнил о дурном правлении короля и предъявил документ, согласно которому пленник якобы «с улыбкой на устах» при свидетелях сознался в своих провинностях, признал себя недостойным царствовать и наконец отрекся. Потом Ланкастер потребовал себе корону, и ассамблея в сентябре-октябре 1399 г. даровала ему право ее носить. Так Генрих IV стал королем по праву завоевания и с согласия парламента, но это был не тот человек, чтобы удовлетвориться узурпацией. Ему нужно было задним числом придать себе легитимность. Был пущен слух о незаконности брака Черного принца. Словно этого недоставало, Генрих IV объявил, что занимает трон как прямой и законный потомок Генриха III Плантагенета, умершего в 1272 г. Он цинично воспользовался бытовавшей в народе легендой, согласно которой младший сын Генриха III Эдмунд Ланкастер был на самом деле старшим, но его отстранили от наследования трона из-за физического дефекта — горба. Будучи по матери правнуком Эдмунда Ланкастера, узурпатор сделал вид, что поверил, будто славная линия трех Эдуардов, чьим потомком он был по отцу, совершенно нелегитимна. Эта наглая уловка (но кого она обманула?) отстраняла от наследования англий-

ского трона разом всех потомков Эдуарда III — дочь Кларенса, сыновей герцога Йорка и даже узаконенных бастардов Джона Ланкастера, не задев только Генриха IV и его потомство.

Если этот тезис еще выглядел благовидным, когда речь шла об английской короне, то какое отношение он имел к титулу короля Франции, который Генрих тоже присвоил? Отказавшись считаться наследником Эдуарда III, хотя и его наследником он был не самым прямым — Кларенс, второй сын старого суверена, оставил дочь, вышедшую за Роджера Мортимера, графа Марча, — по какому праву он домогался наследия Капетингов, будучи связан с ними лишь дальним и сомнительным родством? Но подобные юридические тонкости его не смущали. Титул французского короля входил в Англии в комплект королевского реквизита. Никто и не думал оправдывать его — он составлял часть наследства. Кстати, своей популярностью Генрих был обязан тем, что афишировал антифранцузские чувства. Было известно, что к политике примирения, проводившейся предшественником, он относится враждебно. С самого момента восшествия на престол он заявлял, что надо возобновить войну и отвоевать его континентальное «наследство». Доказательства такого рода были убедительней, чем генеалогическое древо.

Во Франции узурпация Ланкастера вызвала удрученные чувства. Политика мира, продолжавшаяся десять лет, держалась на персоне Ричарда. С тех пор как его не стало, можно было опасаться чего угодно. Поначалу здесь надеялись, что реакция будет кратковременной. Ричарда после коронации Генриха держали в Тауэре, потом перевели в донжон Понтефракт в Йоркшире. Еще оставалась возможность похищения, побега, возможность восстания его сторонников. В ожидании лучшего надо было выиграть время. А поскольку Генрих, еще непрочно сидящий на троне, только того и желал, что отсрочить выполнение своих воинственных планов, то в мае 1400 г. Франция спешно приняла выдвинутое им предложение ратифицировать то самое Лелингенское перемирие, которое он клялся прервать. Это была передышка и для узурпатора, позволявшая ему упрочить свое положение. Карл VI, отча-

яввшись увидеть свою дочь Изабеллу королевой, теперь требовал ее возвращения, как было оговорено в брачном контракте принцессы. Здесь Генрих мог в свое удовольствие унижать могущественного Валуа, уверенный, что это не поставит под угрозу мир. Свергнутая королева служила для него средством шантажа: он незаконно ограничивал ее свободу, сокращал ее французскую свиту, отказывал ей в свиданиях с послами ее отца, заламывал непомерные условия ее освобождения. Когда в августе 1400 г. он наконец согласился вернуть ей свободу, то приданое и драгоценности несчастной королевы оставил себе, якобы в качестве компенсации за не полностью уплаченный выкуп за короля Иоанна.

Дальше пока не шла ни та, ни другая стороны. Перед Генрихом Ланкастером встали все проблемы, с какими обычно сталкивается узурпатор, которого привела к власти коалиция, сплоченная корыстью. Ему надо было либо удовлетворить интересы слишком многих, либо иметь дело со слишком многими противниками. Чтобы выйти из этого положения, он стал проводить политику, во всем противоположную политике Ричарда II. В свое время Генрих, этот честолюбец, приверженец авторитаризма и насилия, протестовал против абсолютизма Плантагенетов. Собирался ли он теперь пойти под опеку баронов, из среды которых вышел, или парламента, который провозгласил его? Обманутые внешней видимостью, либеральные историки прошлого века пели дифирамбы ланкастерскому «конституционализму», якобы гармонично сочетавшему представление о необходимости сильной королевской власти с идеалом контролируемого правления. На самом деле в государственных институтах не изменилось ничего, даже дух. Разве что, еще чувствуя непрочность своего трона, Генрих IV скрепя сердце был вынужден проявлять предупредительность, чаще собирая великие баронские советы и парламентские ассамблеи. Испрашивая субсидии у общин, он принял необычные меры предосторожности, убедив тем самым палату, что она участвует в управлении страной. В результате образовалось слабое правительство, которому постоянно мешали и которое перед лицом опасности часто не могло получить достаточных средств, чтобы действовать.

Полной удачи — и пока что — он добился только в отношениях с духовенством. Ричарда убедили следовать политике единения, к которой призывал двор Валуа. Но епископы и университеты не пошли за ним. Генрих вернулся к политике пламенной, хоть и малоэффективной поддержки римского папы. Бонифаций IX, а потом его преемники Иннокентий VII (с 1404 г.) — который под именем Космы Мельорато долгие годы был в Англии сборщиком налогов для Апостолической палаты — и Григорий XII (с 1406 г.) могли не сомневаться в верности королевства за Ла-Маншем. Генрих демонстративно держался в стороне от всех попыток Франции побудить обоих понтификов отречься или договориться. Когда же в 1409 г. в Пизе кардиналы наконец назначили третьего папу, Александра V, лондонский двор, хоть и неохотно, решился его признать. Но в то же время, если Ричард II заключил с Бонифацием IX конкордат, фиксировавший раздел бенефициев между папой и королем, то Генрих громко и открыто возмутился, представил себя защитником «свобод» англиканской церкви и официально ввел антипапское законодательство. Пусть на практике это ничего не изменило, но, во всяком случае, он угодил общественному мнению и привлек на свою сторону низшее и среднее духовенство. Наконец, Ричарда II в свое время упрекали, что он недостаточно энергично преследует оставшихся сторонников Уиклифа. Не имея возможности приписать еретические взгляды свергнутому королю, ланкастерские хронисты додумались обвинить в таковых его окружение. Это были о четырех рыцарях королевского двора, замешанных в кознях лоллардов¹, докатилось и до наших дней. Как бы то ни было, епископат во главе с архиепископом Арунделом рьяно требовал от светской власти поддержки в искоренении ереси. Генриху IV принадлежит сомнительная заслуга введения преследований на религиозной почве в стране, до него очень веротерпимой, где никогда не было инквизиции. На основании статута «De heretico comburen-

¹ Лолларды — бродячие проповедники, возглавлявшие народное движение, обличавшее церковь (*прим. ред.*).

do»¹, ратифицированного в 1401 г. парламентом, в Англии, к великой радости епископов-ортодоксов, запылали костры.

Но все это не смягчило нарастающего политического кризиса. Генриха IV по-настоящему поддерживали только *Home counties*², семнадцать графств, притеснявших его предшественником, которые приблизительно соответствуют тому, что географы называют Лондонским бассейном или, если угодно, осадочными землями. На всем остальном острове, исключая герцогство Ланкастер, вотчину узурпатора, но включая Север, *Midlands*³, земли грозных чеширских горцев, уэльские марки, гранитный Юго-Запад, еще хватало сторонников свергнутого режима. В январе 1400 г. возникают первые заговоры с целью освобождения Ричарда II и возвращения ему трона, в которых, вероятно, участвует герцог Йорк — последний из «дядьев», еще оставшийся в живых. Старший сын Йорка, по самый 1399 г. любимый кузен свергнутого короля — граф Ретленд, двоюродный брат узника Кент и его же племянник Хантингдон, граф-роялист Солсбери планировали похитить короля; после того как заговор был раскрыт, они бежали на запад, но были разбиты при Сайренстере, между Глостером и Оксфордом. Вскоре стало известно, что Ричард умер в тюрьме от истощения. Чтобы довести это до всеобщего сведения, тело выставили на публичное обозрение, предполагая через долгое время перевезти его в Вестминстер. Это преступление не предотвратило восстаний, которые начались одно за другим с угрожающей частотой. Все они были направлены на то, чтобы свергнуть ланкастерскую династию и посадить на трон законного потомка Эдуарда III — юного Эдмунда Мортимера. Самым опасным из них было восстание Перси, могучего северного рода, завоевавшего свою славу в непрерывной борьбе с шотландцами, которые устраивали набеги через плохо охраняемую границу. Глава рода, граф Нортумберленд, и его сын Генрих Перси по прозвищу Хотспер (Горячие Шпоры) были щедро одарены Генрихом IV. Но они

¹ «О сожжении еретиков» (лат.).

² Графства, окружающие Лондон (англ.).

³ Центральные графства (англ.).

сочли, что получили недостаточно. Прodelав стремительный переход, повстанцы обрушились на Чешир в надежде соединиться с валлийцами. Ланкастерские войска вовремя преградили им путь и 21 июля 1403 г. разбили под Шрусбери. Хотспер был убит, его тело расчленено, его отец попал в плен, и на Севере вновь установилось спокойствие. Но за этим выступлением последовал мятеж в Эссексе, а потом попытка похитить молодого Мортимера. В 1405 г. Перси вновь взялись за оружие, получив поддержку со стороны архиепископа Йоркского Ричарда Скрупа. В ходе репрессий, предпринятых по подавлении мятежа, этот прелат, к великому негодованию духовенства, был обезглавлен. Нортумберленд не смирился и в свою очередь погиб в 1408 г. во время последней и безумной попытки взбунтовать Йоркшир. Тем временем явился и некий самозванец, выдававший себя за бежавшего Ричарда II, с почетом принятый при шотландском дворе и возбуждавший надежды уцелевших сторонников Ричарда даже в сердце Англии.

Еще опаснее было то, что с 1400 г. шло восстание в Уэльсе, а опала Перси позволила шотландцам безнаказанно возобновить войну. Население княжества Уэльс не выказывало ни малейшего недовольства с тех пор, как в конце XIII в. было раз и навсегда укрощено жестокой хваткой Эдуарда I. Сохранение порядка здесь обеспечивали гигантские крепости — Карнарвон, Кармартен, Бомари; край был жестко подчинен английской администрации, но по отношению к короне пользовался относительной автономией, по традиции становясь уделом старшего сына суверена; наконец, округа, не принадлежащие к самому княжеству, отдавались под охрану баронам уэльских марок, грубым воинам и могущественным магнатам, первенство среди которых принадлежало семье Мортимеров. Почему произошло восстание 1400 г.? Повод был ничтожным: один кельтский вождь, тщетно умолявший королевский двор о правосудии в отношении его соседа — английского сеньора, взбунтовался, был лишен владений и мало-помалу вовлек в мятеж всех своих соотечественников. Сначала валлийцы последовали примеру сторонников Ричарда II, которых в этих землях было много, и объявили, что сражаются против узур-

патора и за дело Мортимера. Ситуация стала серьезнее, когда этот мятеж, и очень скоро, приобрел национальную и этническую окраску, превратившись в борьбу валлийцев как представителей кельтской культуры против англичан. Их вождя, вновь вдохнувшего жизнь в славные планы Ллевелина¹, знаменитого противника Эдуарда I, звали Оуэн Глендауэр, по-кельтски Glyndwr, и вокруг себя он сплотил всю боевую мощь Уэльса. До самого 1409 г. против этих свирепых горцев приходилось почти ежегодно посылать экспедиции, разорительные для взбаламученного королевства. В этих походах вовремя принял боевое крещение юный наследник трона Ланкастеров — Генрих Монмут, принц Уэльский. Но исход борьбы долго оставался неопределенным, а поначалу центральная власть вообще оказалась в критическом положении. Ведь валлийцы пользовались всеми трудностями Ланкастеров и в своих атаках действовали согласованно с мятежными баронами; еще в 1406 г. они сговорились с Мортимерами, отстраненными от наследования короны, и с лишенными земель Перси провести совместный поход, по завершении которого победители поделили бы владения свергнутой ими новой династии.

За пределами Англии они рассчитывали на шотландские силы. С первых дней Столетней войны маленькое северное королевство, постоянный союзник Франции, всерьез не беспокоило Плантагенетов. Его король Давид Брюс долго находился в плену у Эдуарда III. Новая династия Стюартов, младшая ветвь прежней, в которой раньше по наследству передавалась должность сенешаля — по-английски steward — Шотландии, возобновила войну и во времена Ричарда II добилась некоторых успехов — состоявших, впрочем, не более чем в разграблении северных графств. Потом интересы Шотландии были учтены в условиях Лелингенского перемирия, и Ричард II отнесся к ним с полным почтением. Король Шотландии Роберт III вновь начал борьбу, уже против Ланкасте-

¹ Ллевелин ап Груффит (ок. 1224—1284) — последний князь Уэльса, с 1257 г. вел войны с англичанами за независимость своей страны (*прим. ред.*).

ров. Только союз с валлийцами позволил ему создать серьезную угрозу противнику. Маленькое королевство имело лишь скудные ресурсы, и его фатально раздирали внутренние усобицы. Готовясь к смерти, Роберт велел своему юному сыну, будущему Иакову I, ехать во Францию, где королевский сын мог бы спокойно обучиться своему ремеслу. Английским морякам в 1406 г. удалось перехватить корабль и взять юного Иакова в плен. Обреченная на беспокойный период регентства, Шотландия опять была нейтрализована. Но чтобы окончательно подавить уэльское восстание, понадобилось еще три года.

Рано постаревший, слабый здоровьем, Генрих едва совладал со всем этим ворохом опасностей. Захватив трон с намерением вести внешнюю войну с французами, он оказался вынужден на несколько лет перейти к обороне в слабом положении. Валлийско-французский сговор, состоявшийся в 1404–1405 гг., грозил перенести конфликт на почву самой Англии, доселе чудом спасавшейся — благодаря провалу всех французских планов высадки. Превосходный случай для энергичного короля, если бы Карл VI был таковым! И в самом деле затруднения Генриха IV с самого начала порождали при французском дворе большие надежды. Дальнейшую политику можно было вести в одном из двух направлений: первое состояло в том, чтобы, воспользовавшись случаем, укрепить мир, сохранить перемирие и подтолкнуть признательных Ланкастеров к мысли о прочном примирении. Этого хотел Филипп Храбрый, постоянно озабоченный, чтобы не пострадала англо-фламандская торговля. Сторонники второго варианта действовали активнее. Коль скоро Генрих связан таким обилием проблем, а при надобности его могут дополнительно сковать умелые диверсии валлийцев, самое время завершить дело Карла V и изгнать Ланкастеров из последних оплотов на континенте — из Гаскони и Кале. Это политическая программа Людовика Орлеанского, однако для ее успешного проведения был нужен более способный и не столь легкомысленный вождь. Но теперь борьба с Англией уже не составляла первостепенной заботы парижского двора. Главное исчезало из виду за множе-

ством заманчивых прожектов, а ведь такой случай больше не представится.

Тем не менее одно усилие, заслуживающее упоминания, было предпринято. С самого начала века, то и дело временно продлевая Лелингенское перемирие, окружение Карла VI подумывало: нельзя ли разжечь восстание гасконских вассалов против узурпатора? Чтобы прощупать почву и возбудить мятеж, в Гиень отправились французские эмиссары. Но результат не оправдал надежд. В целом гасконцы ничего не имели против нового повелителя, далекого и слабого, который их не беспокоил. Произошла лишь одна серьезная измена: отступником в 1401 г. стал Аршамбо де Гральи, каптал де Буш, крупный сеньор Ланд и сенешаль Аквитании. Он передал французам несколько пограничных крепостей, но поднять Гасконь на восстание не смог.

В 1404 г. положение выглядит более обнадеживающим. В то же время, когда Карл VI с готовностью принял предложения валлийцев, посылал им субсидии и даже кое-какие войска, Людовик Орлеанский добился от Совета утверждения обширного плана завоевания Аквитании. Для этого даже не понадобилось официального разрыва перемирия: обе стороны давно усвоили привычку безнаказанно нарушать его. Некоторые умелые военачальники в ходе кампании 1405 г. уже оказались в двух шагах от победы: коннетабль Карл д'Альбре, прибывший из Пуату, освободил все крепости к югу от Сентонжа и на границах Перигора; передовые части французов достигли Жиронды и нижней Дордони. Тем временем граф Арманьяка, набрав армию в Лангедоке, действовал в Средней Гаскони, к югу от Гаронны, создав серьезную угрозу Бордо. Но для полного осуществления замыслов вновь не хватило средств. Французам не удалось достаточно быстро развить преимущество, чтобы деморализовать противника и окончательно сломить его сопротивление. Кампания, которую следовало бы провести молниеносно, бессмысленно затянулась. Зимой 1406—1407 г. Людовик Орлеанский, неважный воин, потерпел неудачу при осаде Блея, без взятия которого блокировать Бордо было невозможно. В свою очередь новый герцог Бургундский Иоанн Бесстрашный, которому поручили

взять Кале, ограничился лишь вялыми атаками. Большого он и не хотел. Все более ожесточенная борьба между обоими принцами вынудила Францию отказаться от завоевательных планов.

Избавившись в 1407 г. от аквитанской угрозы, а вскоре и от уэльской, Генрих IV мог перевести дух. Пора трудностей завершилась; начиналась пора надежд. Если бы ему позволило здоровье, он, конечно, раньше вмешался бы в дела Франции, где вот-вот вспыхнет гражданская война.

II

АНАРХИЯ ВО ФРАНЦИИ

Пора произвести анализ недуга, которым страдала монархия Карла V, со стороны выглядевшая столь сильной и столь гордившаяся своим авторитетом в Европе, — недуга, который гораздо в большей мере станет причиной ее упадка, чем угроза нового нападения англичан. Можно ли еще говорить о монархии, если в королевстве властвует группка магнатов, удельных князей, уже слишком могущественных, но амбициозных, ненасытных и стремящихся присвоить как можно больше из тех еще немалых богатств, на которые пока распространяется власть короля? Когда авторы учебников по истории говорят о властителях этих крупных апанажей, они, не давая себе труда задуматься о терминах, по-прежнему используют слово *феодалы*. С «феодальными мятежами» якобы также предстоит столкнуться сначала Карлу VII, а потом Людовику XI. Ничто так не искажает представления о ситуации, в которой в XV в. очутилось Французское королевство, как такие выражения. Разумеется, все эти принцы — вассалы короны по своим апанажам и французским доменам. Но «вассальные узы» — теперь не более чем пустые слова, не объясняющие истинной структуры общества, истинного лица политики. Борьба не идет, как в XII и XIII вв., между феодалами, жаждущими независимости, и монархом, чьи посягательства на их права они воспринимают с раздражением, чьих чиновников ненавидят, чью верховную власть не признают. Принцы вовсе не стремятся разрушить здание монархии, которое медленно возводилось в течение веков и в ущерб феодалам прошлого. Будучи сами монархами — или почти монархами — у себя в доменах, они хотят подчинить себе администрацию, держать под контролем государство, чтобы развить свой успех.

Воспользуется ли коалиция магнатов безумием короля, чтобы разделить бесхозное королевство? Или же один из них, более могущественный, чем прочие, навязет свою волю сразу и суверену, и группе принцев? Вот весь вопрос. Но намечающиеся усобицы грозят разрушить то самое здание монархии, за обладание которым идет спор.

Создание крупных апанажей для младших сыновей короля, процесс, получивший новый импульс после воцарения династии Валуа, повлек за собой пагубное последствие — резкое уменьшение коронного домена, где власть монарха осуществлялась непосредственно и нераздельно. Этот домен пока включал одну компактную группу провинций на севере королевства — Иль-де-Франс, Шампань, Пикардию, Нормандию — и другую на юге, куда входит Лангедок; южные сенешальства пока пользовались квазиавтономией — ими управлял королевский наместник, чаще всего удельный князь, а средства, выделяемые Штатами Лангедока, расходовались на месте и были неподконтрольны столице. Несколько изолированных крепостей между ними, Маконне, Лион не позволяли соединить эти части. Все остальное королевство более или менее постоянно находилось в руках принцев. Сыновья Людовика Анжуйского правили Меном, Анжу, а также Провансом, провинцией у ворот Франции; брат короля владел Орлеанской областью, а также Ангума, Перигором, графствами Блуа и Дюнуа; герцог Беррийский создал себе между Луарой, Центральным массивом и Атлантикой компактное государство из трех соседних провинций — Пуату, Берри и Оверни; его домены соседствовали с доменами дома Бурбонов, которые, терпеливо проводя свою территориальную политику, добавили к Бурбонне сначала Марш, потом Форе, потом, позже (в 1400 г.), Божоле, а за пределами королевства — Домбы. Филипп Храбрый контролировал Бургундию — герцогство и графство, Фландрию, Артуа, графства Ретель и Невер; к ним он добавит Шароле. Не менее щедр по отношению к своим сыновьям, чахлым подросткам, которые, умирая юными, будут оставлять младшим братьям все более солидные апанажи, будет Карл VI: за первым дофином Карлом, умершим до получения Дофине, последуют Людовик, герцог Гиени — то есть части Аквита-

нии, не занятой англичанами, — потом Иоанн, герцог Туренский, а позже Карл, граф Понтье, будущий Карл VII.

Сколь ни велики эти уступки, это было бы еще полбеды, если бы владельцы этих уделов были послушными вассалами, удовлетворялись на своих землях домениальными ресурсами и во всем остальном поддерживали усилия короля, не посягая на его фискальную систему, судебные власти, администрацию. Но крупные фьефы короны в XIV веке пережили ту же эволюцию, что и монархия, превратившись в настоящие государства со всеми административными механизмами, высшими чиновниками, которые начинают пагубное соперничество с королевскими. Каждый принц имел свой двор, где кишели его ставленники и челядь, — настоящий питомник функционеров; у каждого был свой оплачиваемый совет из прелатов, высокопоставленных сановников, вассалов и клириков; своя канцелярия, высылающая гонцов и утверждающая ордонансы; свои бальи и сенешали, отправляющие правосудие. Конечно, верховенство короля в принципе было защищено возможностью апелляции к парламенту; но бывало, что в качестве уступки владельцу удела, как, например, герцогу Беррийскому с 1370 г., на его землях регулярно устраивались Великие дни, когда выездная делегация парламентариев разбирала апелляции на месте, избавляя стороны от необходимости ехать в Париж. Точно так же герцог Бургундский в Боне торжественно открывал заседания «Генеральных дней» (*Jours Gépégaux*), настоящего парламента в миниатюре, со своим президентом и двадцатью советниками, которым в феодальных делах помогали «почетные рыцари» (*chevaliers d'honneur*). Главные учреждения сферы финансов, пока что скопированные с соответствующих институтов монархии, — это Казначейство (с генеральным сборщиком и главным казначеем) и Счетная палата. Буржская счетная палата была создана в 1379 г.; у Бурбонов их три: Счетная палата Бурбонне находилась в Мулене, Счетная палата Форэ — в Монбризоне, Счетная палата Божоле — в Вильфранше. В 1386 г. Филипп Храбрый потребовал от парижских чиновников организовать Счетную палату в Дижоне, под чьей юрисдикцией окажутся обе Бургундии; тогда же в Лилле для Фландрии и

Артуа создали Совет Фландрии — одновременно апелляционный суд и счетная палата.

Как и сама монархия, государства-апанажи не могли существовать только за счет доходов от домена. Им необходимо было находить другие ресурсы, обращаясь в первую очередь к подданным, представители которых, собираясь в местных Штатах, при необходимости вотировали эд и подымные подати. Но, будучи дополнением к королевским налогам, эти субсидии приносили лишь очень скудные деньги, кроме довольно редких случаев, когда нависшая опасность вынуждала податных людей затянуть пояса. Обычно проще было наложить руку на королевские налоги, собираемые здесь, поскольку для их взимания существовала полностью готовая и опытная администрация. Поэтому «пожалование эд» — это первое, чего хотели удельные князья, неспособные без этой милости сбалансировать свои бюджеты. Со времен царствования Карла V они получали на ограниченные, но бесконечно продлеваемые сроки треть, половину, а то и всю сумму налогов, собираемых от имени короны в их собственном домене. Тут в привилегированном положении находился Филипп Храбрый. Хитростью и настойчивостью он добился от брата дозволения, чтобы королевский эд в Бургундии не собирали или, во всяком случае, чтобы все эти деньги взимались его собственными чиновниками и полностью переходили в его собственность. Ни о каких королевских налогах не было речи и во Фландрии. Иногда такие подати выплачивали только Артуа, Ниверне и графство Ретель, если герцог не побеспокоился присвоить эти средства под тем или иным предлогом. Весь эд в своем апанаже в течение длительных периодов получал и герцог Беррийский; так же поступал Бурбон и многие другие.

Таким образом, экстраординарные деньги для короля уже взимались почти только в самом королевском домене, без конца сокращавшемся от новых отчуждений. На взгляд принцев, эти доходы еще слишком велики. Придя к власти, они получили возможность обратить свои услуги в монету, заставляя возмещать себе расходы, сделанные «ради поддержания своего положения». Эти компенсации рассчитывались

постоянно в соответствии с оказанными услугами и вскоре начали выплачиваться ежемесячно, заранее, тем самым превращаясь в постоянные пенсии. Пенсия Филиппа Храброго в 1402 г. достиг 100 000 франков в год. К этому постоянному источнику доходов добавлялись экстраординарные дары, жалуемые сначала по каким-либо важным поводам, а потом и просто так. У герцога Бургундского их сумма более чем вдвое превышала размер его пенсии. Другим принцам то и дело даровались целые категории коронных доходов: так, Людовик Орлеанский в 1392 г. присваивал все штрафы за нарушение вассальной верности и поступления от конфискаций, а в 1402 г. — прибыли от организации ярмарки в Ланди. От всей этой благодати бюджеты принцев непомерно раздувались. Доход герцога Бургундского, в 1375 г. составлявший только 100 000 франков, в 1400 г. достиг суммы в 500 000 франков и превысил ее.

Видимо, чтобы не дать иссякнуть источнику пенсий и подарков, принцы требовали для себя возможности плотного контроля над королевским правительством и постоянно добивались новых милостей, которых становилось все больше. Им мало того, что они присутствовали в Совете. Они хотели заполнить все государственные службы своими Kreatурами, иметь связи во всех управленческих сферах. Карьера королевского функционера при Карле VI обычно начиналась в администрации принца, и принц оставался покровителем чиновника, а тот — его клиентом даже после перехода последнего на службу в королевскую администрацию. Пример овернского сеньора Пьера де Жьяка, который с 1371 по 1383 г. был канцлером герцога Беррийского, прежде чем его выдвинули в канцлеры Франции, не единичен. Его преемник в Бурже Симон де Крамо, епископ Пуатевинский, впоследствии сделанный патриархом Александрийским, перед концом века станет самым влиятельным советником короля во всех церковных делах, инициатором и оплотом отказа папе в повиновении. Если хочешь сохранить свое место близ короля, ты должен продолжать верно служить принцу, которому обязан всем. Когда чиновник совмещал службу у принца и короля, преимущество имела первая: как-то раз в 1407 г. канцлер не

обнаружил в парламенте ни одного из его пяти президентов — они были в Бургундии, в Пуату, в Анжу, то есть на службе своих патронов. Но стоило одному принцу приобрести больший вес, чем другим, как начиналась чистка всех служб, охота за должностями, настоящая spoils-system¹ для всей служебной лестницы сверху донизу. Опалы 1380 г., 1389 г., 1392 г. — лишь цветочки по сравнению с тем, что будет происходить в первые пятнадцать лет XV в. С этой точки зрения характерной выглядит карьера какого-нибудь Гонтье Коля, горожанина из Санса, поступившего на службу к герцогу Беррийскому: став в начале 1388 г. секретарем короля, он потерял это место с возвышением «мармузетов», возвратился на него, когда король утратил рассудок, и потом Коля участвовал в дипломатических и финансовых миссиях. В 1411 г. он вместе с герцогом примыкнул к партии арманьяков, и бургундцы конфисковали его владения. На краткое время он снова возвысился, а потом во время восстания кабошьенов его дом ограбили. Возвращенный на свою должность арманьяками, он примет смерть от рук бургундцев, когда те захватят Париж в июле 1418 г.

Чтобы удовлетворить все аппетиты и пристроить всех протеже принцев, мало периодически устраивать чистки. Рост числа должностей, обычное явление в любом бюрократическом государстве, жалобы на который не прекращались весь XIV в., при Карле VI приобрел столь неимоверный масштаб, что это вызывало тревогу. В парламенте, в Счетной палате, в Палате эд к обычному составу советников и докладчиков добавлялись «экстраординарные» чиновники, которых становилось все больше. Тщетно торжественные ордонансы периодически декретировали упразднение лишних должностей, скрупулезно устанавливали максимальный штат каждого управления. Очень скоро после них появлялись королевские предписания, вводившие новые назначения «вопреки всем ордонансам, противоречащим этому». В верховных судах принцип кооптации, введенный «мармузетами», никогда не приме-

¹ Распределение государственных должностей среди сторонников партии, победившей на выборах (*англ.*) (*прим. пер.*).

нялся. Если возникало противодействие, то в ту или иную контору, чтобы добиться приема в нее протеже принца сверх штата, отправлялся лично канцлер. Еще более вопиющий избыток служащих — в ведомстве королевского двора, дворов королевы, дофина, королевских детей, где не было контроля со стороны опытных чиновников. Суммы на содержание этой челяди росли каждый день. В 1406 г. на питание чиновников ведомства двора уходит 60 000 ливров, на столовое серебро — 30 000 ливров, а были еще чрезвычайные расходы, почти вдвое превышавшие все остальные, вместе взятые. Когда наличных денег не хватало, функционеры этого ведомства прибегали к праву на реквизицию и изъятие, от которого страдали поставщики двора.

Все эти чиновники ненасытно поглощали золото и серебро. В завтрашнем дне они не были уверены и поэтому старались как можно быстрее воспользоваться случаем, систематически прикарманивая государственные доходы. Взятничество служащих, хронический порок средневековой администрации, принимало устрашающие размеры. Пример подали принцы, а другие от мала до велика ему последовали. Ежегодное жалование канцлера Арно де Корби составляло 2000 ливров, сумму, существенную для тех времен, но ему было этого мало. Он назначил себе еще 2000 ливров экстраординарного жалования, столько же из поступлений налога эд, столько же за наложение печати, получил проценты от расходов на Канцелярию, не говоря уже о взятках и подношениях. Жалование нижестоящим чиновникам выплачивалось нерегулярно, и из положения они выходили сами, прибегая к различным мошенническим приемам.

Дело в том, что контрольные органы, обязанные надзирать за всей этой администрацией, постепенно разросшейся — потребности каждого текущего момента приводили к возникновению нового нароста, — оказались неэффективными. Счетная палата, основная часть каркаса монархии, могла бы поставить препятствия для этого процесса, возглавить сопротивление честных функционеров монархическому произволу. Однако эта хранительница домена не могла оспаривать властных приказов, которые велели ей соглашаться на отчуждения и утверж-

дать разорительные пожалования. Время от времени отчуждения, сделанные после определенной, порой довольно давней даты, все чохом отменялись. Но едва начиналось расследование, которое могло бы позволить навести порядок в домене, как заинтересованные лица заставляли чиновников подтвердить прежние пожалования и уже домогались новых. Недобросовестные счетоводы не боялись контроля палаты, потому что она не располагала средствами принуждения. Наконец, система ассигнований и расписок (*décharges*), в соответствии с которой из отдельной статьи дохода вычитали издержки, была распространена настолько, что многие сборщики обязаны были платить больше, чем собирали, отчего всякий контроль расходов делался иллюзорным. Эти ассигнования часто подложны, их даже не предоставляли в финансовые службы для контрассигнации; выдавались векселя на предъявителя, где сумму указывал по своему усмотрению получатель денег.

Государство обкрадывали повсюду, доводя его до банкротства. Тем не менее налоги, уже постоянно взимаемые после их введения в 1383 г., периодически повышались. Налог на продажу увеличился с 12 до 18 денье на ливр, то есть с 5 до 7,5%, налог на вино — с 12,5 до 25%; габель, первоначально установленную в размере 20 франков на мюид¹, удвоили; талья, приносившая в 1402 г. 1 200 000 ливров, в 1408 г. достигла 1 800 000 ливров. Несмотря на это, пропасть углублялась. В Сберегательную кассу (*Épargne*), организованную Карлом V для хранения излишков доходов, ежегодно поступал авансовый платеж с поступлений эд, но на следующий день после перечисления касса оказывалась пустой. В 1411 г. в кассе эд Лангедока хранилось всего 2500 ливров. Деньги добывались всевозможными хитрыми путями, и хоть ни один из них не нов, число их пугающе расло: выплаты в счет будущих доходов, десятина с церкви (под предлогом покрытия расходов на политику единения), вычеты из жалованья, принудительные займы у чиновников и горожан, ссуды под залог драгоценностей, закладывание домениальных доходов.

¹ Мюид — мера сыпучих тел, равная примерно $15 \frac{3}{4}$ гектолитра (прим. ред.).

Когда над королевством вновь нависнет угроза войны, Франция при правительстве Карла VI окажется беднее, чем в свое время при непредусмотрительном Филиппе VI или нуждающемся Иоанне Добром.

Административная анархия, которую мы попытались изобразить как можно точнее, проникла в государственные механизмы лишь постепенно. Все эти злоупотребления, ни одно из которых не было новостью и в 1380 г., понемногу широко распространились. До 1400 г. те из «мармузетов», кто еще удерживался у власти, могли частично смягчать их последствия. Потом этот недуг резко обострился, поощряемый соперничеством принцев. Политическая борьба, к описанию которой мы теперь перейдем, лишь способствовала распространению халатности, мошенничества, взяточничества, но не создала их. Жажда наживы и грабежа, одушевлявшая принцев в гражданской войне, косвенным путем усугубила и эти пороки.

Благодаря безумию короля дядя и кузены Карла VI с 1392 г. вернули себе места в Совете и потребовали своей доли в щедротах, которыми четыре года пользовался один Людовик Орлеанский. Их аппетиты были слишком велики, чтобы при тогдашнем истощении королевства их можно было удовлетворить все одновременно. Между столькими претендентами неизбежно должно было возникнуть соперничество. Вскоре из этой группы выделятся и вступят в ожесточенную борьбу двое — герцоги Орлеанский и Бургундский. Остальные, не отказываясь ни от каких притязаний, в предстоящем поединке станут лишь поддерживать того или другого. Молодые принцы Анжуйские были всецело погружены в свои неаполитанские мечты, воплощения которых они упорно добивались. Старейший Людовик де Бурбон — в 1410 г. его сменит сын, Иоанн I, — не рвался на первое место, весь поглощенный округлением своих владений за счет покупок или наследования земель. Герцог Беррийский легко удовлетворял свою дорогостоящую страсть к меценатству при помощи богатых доходов от своего апанажа, а также от Лангедока, наместником которого он еще раз стал в 1401 г. Но Филиппа Бургундского и Людовика Орлеанского равно снедала

жажда власти. Они соперничали за влияние на больного суверена, и верх брал то один, то другой. Никакое соглашение между ними было невозможно; очень скоро они начнут противоборствовать во всем, даже в сферах, где у них как будто нет личных интересов, лишь ради того, чтобы помешать политике другого. В Италии Людовик безусловно рассчитывал на поддержку тестя, чтобы создать на землях, окружающих Асти, обширное ломбардское княжество; поэтому Филипп сразу же поддержит антимиланскую политику королевы и Виттельсбахов, будет ратовать за союз с Флоренцией и, добившись оккупации Генуи, сорвет планы герцога Орлеанского. Когда речь зашла о достижении единения в лоне церкви, герцог Бургундский, а за ним, не столь активно, и другие принцы, потребовал решительных мер, способствовал принятию решения об отказе от повиновения, добился отправки на берега Роны небольшого отряда, запершего упрямого Бенедикта XIII в папской крепости. А Людовик Орлеанский использовал свои новые успехи, чтобы его назначили защитником этого понтифика, и из духа противоречия ратовал за примирение. С 1401 г. он разжигал недовольство всех, чьи интересы затронул отказ от повиновения, — прелатов, приходских священников, клевретов университета, сговаривался с анжуйскими чиновниками, помог Бенедикту бежать и укрыться в Провансе и, наконец, спровоцировал возврат к повиновению.

То же противостояние, как мы видели, проявлялось в отношении к английской политике Франции. Перед лицом узурпации Генриха Ланкастера Людовик Орлеанский, даром что был его другом, выступил за то, чтобы возобновить войну и отобрать Аквитанию у узурпатора. Он ни много ни мало намеревался послать вызов Генриху IV лично, чтобы противники, в сопровождении восьмисот секундантов каждый, встретились на границах Гиени. Не сумев убедить Королевский совет, он в 1402 г. организовал в Сент-Энглевере близ Кале блестящие турниры, где французские рыцари своими победами на ристалище отомстили за поруганную честь Изабеллы Французской. Выступив противником этой политики, Филипп Бургундский заявил о желании добиться доброго соглашения с Ланкастерами, заключил новый англо-фламандский торго-

вый договор, приложил руку к установлению брачных связей между английской королевской семьей и Виттельсбахами, провел в Королевском совете решение о продлении Лелингенского перемирия, хотя Генрих IV и нанес тяжкие оскорбления двору Валуа. Когда умер герцог Иоанн IV Бретонский и его вдова Жанна Наваррская немедленно вышла за английского короля, герцог Орлеанский потребовал военной оккупации герцогства Бретани. А герцог Бургундский в октябре 1402 г. добился своего назначения опекуном юного Иоанна V и выиграл еще очко у племянника.

Но самое острое соперничество разгорелось в Нидерландах. С должным упорством проделав ряд операций, в 1396 г. Филипп достиг своей цели. Он уже заставил отдать себе власть над Лимбургом и землями за Маасом и навязал Брабанту принудительный курс фламандской монеты. Старая герцогиня Иоанна, должница Филиппа, наконец решилась признать своим наследником Антуана, младшего сына Бургундского герцога, и воспитать его при своем дворе. Людовик Орлеанский хотел любой ценой остановить рост бургундского могущества в тех же местах, где сам старался представить себя в выгодном свете. Он вел переговоры о покупке сеньории Кузи, земли которой граничили с графством Ретель. Он вступил в союз с герцогом Гелдернским, с герцогом Лотарингским. Он сговорился с Вацлавом Чешским, который после смерти мужа Иоанны Брабантской стал главой Люксембургского дома. От этого нуждающегося короля Чехии, которого немецкие князья уже лишили его титула римского короля, и от его кузена Иоста Моравского он за звонкую монету получил в залог герцогство Люксембург. В 1402 г. его войска оккупировали это обширное арденнское княжество, заняв до того Туль, и вокруг него стали собираться все, кого в Нидерландах и на Мозеле беспокоила бургундская экспансия. С тех пор в области Мааса реяли одновременно два знамени с геральдическими лилиями, но соперничавшие меж собой: одно с прибавлением турнирного воротника — знамя Орлеанов, другое с каймой — Бургундии.

Пока был жив Филипп Храбрый, непрерывно обострявшееся соперничество не вырождалось в открытую вооружен-

ную борьбу. Дядя еще внушал племяннику уважение и имел слишком сильную поддержку в окружении короля, чтобы опасаться полного исключения из игры. Притом в 1403 г., чтобы распря утихла, председательствовать в Королевском совете поручили королеве Изабелле. Но Филипп в апреле 1404 г. умер, а вскоре за ним в могилу сошла и Маргарита Фландрская. Их огромное наследство досталось их старшему сыну Иоанну Неверскому, после битвы под Никополем прозванному Иоанном Бесстрашным. Лицо на политической арене новое — до сих пор он жил очень уединенно в своем апанаже в Ниверне на скудный пенсioen, выплачиваемый отцом, или же замещал последнего в Бургундии, — Иоанн сразу же выказал энергичный и неприятный характер. Маленький и некрасивый, с длинным носом, опускающимся на узкогубый рот и загнутый кверху подбородок, правитель еще более амбициозный, чем Филипп, а значит, плохой администратор, — он брал деньги в счет будущих доходов, — это был человек жесткий, циничный, коварный, высокомерный, угрюмый, враг развлечений. Он не брезговал никакими средствами для достижения своих целей, в первую очередь — постоянного контроля над государством. Соперничество двух кузенов перешло в ненависть. Герцог Орлеанский выбрал себе эмблемой суковатую палку, означавшую взбучку, которую он задаст противнику, Иоанн усеял свои ливреи серебряными стругами, чтобы обстрогать дубины врага. Бургундец сразу же счел нужным принять властный тон, чтобы произвести на парижский двор должное впечатление. Он настроил против себя королеву, так сблизившуюся с герцогом Орлеанским, что общественное мнение осуждало их, считая любовниками. Когда же ненасытный честолюбец пошел на столицу с грозной армией, чтобы навязать ей свою волю, Людовик Орлеанский и королева сговорились похитить дофина Людовика. Они это сделали в августе 1405 г., но не сумели увести юного принца дальше Жювизи. Там беглеца догнали бургундцы и вернули домой. Отныне в Королевском совете между Людовиком и Иоанном постоянно происходили стычки, которые с великим трудом удавалось улаживать, чтобы они не выродились в гражданскую войну: ведь при малейшей тревоге обе партии

начинали набирать войска. Но когда уже казалось, что намечается поворот к миру, Бургундец, чтобы покончить с этим делом, решил на убийство. Темной ноябрьской ночью 1407 г. Людовика Орлеанского, только что проведенного вечер у королевы во дворце Барбетт, заманили в западню. На улице Вьей-дю-Тамплъ, перебив слабую охрану, его убили наемники герцога Бургундского. Следствие быстро выявило виновника преступления. Через день Иоанн Бесстрашный на Королевском совете, отведя в сторону герцога Беррийского и Людовика II Анжуйского, признался им, что «по наущению дьявола» отдал приказ об убийстве. На следующий день в Совет его не допустили. Опасаясь за свою жизнь, он опрометью бежал и остановился, лишь достигнув Лилля, где был в безопасности.

III

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Поначалу убийство Людовика Орлеанского казалось колоссальной политической ошибкой. Все принцы сплотились вокруг безутешной вдовы — Валентины Висконти, требуя мести от имени детей покойного герцога. Но чтобы наказать убийцу, нужна была военная сила. А к ней принцы прибегать пока не хотели. Их номинальный глава, герцог Беррийский, единственный оставшийся в живых из братьев Карла V, был благодушным стариком, не склонным к авантюрам и ценившим свой комфорт. Уклонялись от действий и анжуйцы, и даже Бурбон. Валентина нуждалась в более мужественном защитнике. Но при ее жизни такого не найдется. Только после ее смерти эту роль примет граф Бернар VII д'Арманьяк, алчный солдафон, чья дочь в 1410 г. выйдет за юного Карла Орлеанского и который позже, в 1416 г., получит меч коннетабля. В грядущей гражданской войне Бернар принесет зятю поддержку грозных гасконских банд, носящих в качестве знака различия белые шарфы крест-накрест, так что орлеанская партия от них получит название, которое вскоре станет одиозным, — «арманьяки». Но пока что в своем горе Валентина одинока; поддержку королевы и дофина Людовика Гиенского, женатого на кузине-бургундке, она не ставила ни во что. Король, перед которым прелестная вдова взывала о мести, поначалу выказал потрясение трагической смертью брата; но в редкие моменты просветления он мечтал лишь восстановить мир в королевском доме. Иоанну Бесстрашному в его фламандском убежище это было известно. Он пригласил своего дядю Беррийского и кузена Анжуйского приехать в Амьен для переговоров; домогаясь прощения, он поставил свои условия; в феврале 1408 г. он осмелился

вернуться в Париж, зная, что под прикрытием общего примирения готовится его возвращение в фавор. Из-за множества препятствий этого дня пришлось ждать. Наконец король добьется проведения в Шартре 9 сентября 1409 г. торжественной церемонии, где все принцы забудут былые обиды, поклянутся в дружбе и пообещают хранить мир. Это первый худой мир, и в течение десяти лет гражданской войны последует еще много таких же, после которых война тотчас будет разгораться вновь.

Еще до того, как Иоанн Бесстрашный стал единственным, кто выиграл от Шартрского мира, он принялся хладнокровно развивать свое преимущество. Ему было недостаточно возвратиться в Совет, чтобы скромно играть роль раскаявшегося мятежника, которого, может быть, и простят. С циничной дерзостью он стремился оправдать свои действия, выставить себя поборником общественного блага. Именитый доктор университета Жан Пти, приобретший известность выступлением на соборе по вопросам схизмы, получил от него заказ доказать обоснованность убийства 1407 г., составил «Защитную речь» и в марте 1408 г. дерзко произнес ее перед королем и его советом. В ней он с удовольствием перечислил все расстраты, мошенничества, поборы Людовика Орлеанского, совершенные в ущерб казне и государству. В ход шли любые сплетни; Людовик, развратный циник, человек любознательный, но разнузданный и переменчивый, в свое время дал пищу для многих оскорбительных слухов — говорили и об адюльтере, и о бесстыдных нравах, и о занятиях магией, отделить же во всем этом правду от лжи невозможно и по сей день. Но вывод делался категорический: Людовик вел себя как «настоящий тиран». А ведь христианская мораль, уроки истории и мудрецы допускают тираноубийство, признавая его даже настоящим долгом, деянием «дозволенным и похвальным». В речи мэтра Жана Пти преступление 1407 г. превращалось в подвиг, свершение правосудия и выражение преданности короне. И пусть Валентина Висконти в свою очередь наняла юристов, чтобы по пунктам опровергнуть утверждения наглого крючкотвора. Завязалась длительная полемика. Но удар был нанесен. Иоанн Бесстрашный воззвал к общественному мнению, и оно в целом поддержало его.

Окончательно склонил это мнение в его пользу один еще более ловкий ход. Тот факт, что административная анархия без конца усугубляется, тревожил все классы общества, потому что они от этого страдали больше, чем от борьбы принцев. Раздавались призывы провести чистку учреждений, ввести строгую экономию, вернуться к доброму правлению. Доктора университета, вошедшие во вкус после того, как сыграли выдающуюся роль в церковной политике, считали себя призванными реформировать церковь согласно принципам разума. Никакой практической программы у них не было, но к чисто платоническому стремлению к реформам у них добавлялась кичливость интеллектуалов, искушенных в силлогизмах. Парижская буржуазия, строптивая по природе, после Этьена Марселя враждебно относившаяся к посредничеству чиновников монархии, испытывая в начале царствования публичные унижения, память о которых за двадцать лет не изгладилась, образовала оппозицию более солидную и более действенную, так как более практичную. А государство оказалось неспособным реформировать себя самостоятельно. В январе 1401 г., сославшись на улучшение здоровья суверена, несколько проницательных или напуганных высших сановников добились издания великого реформаторского ордонанса, упразднявшего многие бесполезные должности, ставившего режим «расписок» под более строгий контроль, распространявшего принцип избрания или кооптации на все высшие государственные органы и на местные судебные и финансовые учреждения. Из всего этого ничто не было воплощено в жизнь. Должностей, вводимых произвольно, становилось все больше, неразбериха усугублялась. Сразу после убийства Людовика Орлеанского, когда двор вновь охватил страх перед гражданской войной, ордонанс от января 1408 г. ужесточил положения ордонанса 1401 г., одним росчерком пера упразднил множество ненужных должностей, запретил любые новые отчуждения от домена. Последовавшие волнения не дадут осуществиться этим теоретическим планам.

И тогда Иоанн Бесстрашный решительно принял сторону партии реформ. Еще в 1405 г., сразу же после неудачного побега дофина, он выступил перед Королевским советом в

поддержку программы реформирования ведомства двора, домениальной администрации и судов, во всеуслышание объявив о своем желании защитить народ от гнетущих его поборов. Этот манифест, оставшийся пустыми словами, сразу принес ему популярность. После Шартрского мира он возвратился к тому же предмету. Вышел ордонанс о реформировании домена, сокращении административного персонала и снижении жалований. Назначенная комиссия по расследованию должна была навести порядок в финансах. Путем массовых увольнений были очищены верховные суды и Казначейство. Жан де Монтагю, последний оставшийся в живых из «мармузетов» и распорядитель всех финансов короля, был арестован и казнен в октябре 1409 г. Эти меры сделали герцога Бургундского кумиром Парижа.

Получив полную власть над королем благодаря своей хладнокровной воле, поставив свои креатуры на все важнейшие посты, уверенный в нерушимой поддержке столицы, Иоанн Бесстрашный мог не бояться даже того, что для борьбы с его диктатурой объединятся все принцы. Пренебрежительно объявив их вне закона, он их вынудил поднять мятеж. В скрытой форме гражданская война между бургундскими головорезами и бандами арманьяков возобновилась в 1410 г., после того как герцоги Орлеанский, Беррийский и анжуйцы заключили между собой Жьенский пакт. Но принцы еще медлили с открытым восстанием, соглашаясь на новое примирение по договору в Бисетре. Исключенные из Совета и удаленные из Парижа, они смирились с разрывом в июле 1411 г., что выразилось в новом вызове Карла Орлеанского герцогу Бургундскому. Иоанн с помощью подарков и лести привлек на свою сторону беспокойную парижскую буржуазию, в котором верховодил цех мясников во главе с Симоном Кабошем, живодером с большой скотобойни; бесконечно были преданы ему и магистры университета, особенно богослов Пьер Кошон, будущий недоброй памяти епископ Бовезийский. Демократический дух одних, желание реформ у других — это тоже средства давления, позволявшие ему удерживать под своей требовательной опекой короля и его окружение. Один манифест бургундцев, выпущенный осенью 1411 г., назвал поимен-

но возмущенному народу всех, кто в Париже еще держал сторону орлеанской партии или «пылал злобой» против могущественного герцога. Их начинали активно преследовать. Были сняты со своих должностей командир арбалетчиков, коннетабль Карл д'Альбре и другие.

Но Иоанн Бесстрашный хотел предусмотреть все. Принцы еще обладали могуществом, пользовались большим авторитетом, контролировали добрую половину королевства. Они сплотились вокруг герцога Беррийского, последнего ветерана минувшего века, чье имя было связано со славными воспоминаниями. Рядом с ним — Карл Орлеанский и его тесть д'Арманьяк, Иоанн I де Бурбон, коннетабль д'Альбре; их тайно поддерживали королева и дети короля. Чтобы довести дело до конца, Иоанну, возможно, потребовалась бы поддержка извне. Этот французский принц, страстно желавший ради своей выгоды восславить монархию Валуа, с легким сердцем сделал первый шаг по пути измены. В Лондоне он попросил об отправке английского экспедиционного корпуса, обещая — во всяком случае, такой слух распространяли его враги — сдать англичанам Дюнкерк и другие фламандские крепости и помочь им завоевать Нормандию для Ланкастера. Искренне или нет, он позволял думать, что при надобности готов пойти на расчленение королевства. Генрих IV, в отличие от своих единокровных братьев Бофоров и своего старшего сына, еще не доверял Иоанну и не спешил брать на себя обязательства, пока добыча полностью не дошла до кондиции. В октябре 1411 г. он посылал в Кале лишь небольшой отряд в 2000 человек, достаточный, чтобы снять с Парижа осаду принцев и чтобы захватить Этамп, но недостаточный, чтобы попытаться завоевать целую провинцию. Скудный английский экспедиционный корпус — первый ступивший на землю Франции за последние двадцать пять лет — незамедлительно возвратился назад.

Вытесненные в провинцию, на земли к югу от Луары, опасаясь мощи королевского оста, собранного против них Бургундцем за зимние месяцы, герцоги Беррийский, Бурбонский, Орлеанский, а также Арманьяк и Альбре в свою очередь призывали Генриха IV. Английский король, не зная, на чью сторо-

ну склониться и не желая участвовать в этом лично, долго тянул с ответом. Вслед за изменой Бургундца заключенное в Бурже в мае 1412 г. соглашение, быстро ставшее известным через бургундских шпионов, ознаменовало измену принцев. За присылку экспедиционного корпуса в 4000 человек, который будет у них на службе всего три месяца, мятежники обещали Ланкастерам вернуть им юго-западные провинции, отвоеванные после 1369 г., и сдать гасконские крепости, в которых оставались французские гарнизоны. Тем самым на старости лет герцог Беррийский отрекался от всего дела Карла V, в котором как-никак принял участие. К счастью, когда к концу лета части Томаса Кларенса, второго сына английского короля, высадились на Котантене, пересекли Анжу и явились в Пуату, все уже было кончено. Бургундская армия, опередив их, оккупировала Берри, создала угрозу Бурбонне и быстро принудила старого герцога к капитуляции. Другие принцы тотчас подчинились, что было закреплено в Оксерском договоре в августе 1412 г. Сцена нового торжественного примирения всей королевской семьи была разыграна перед депутациями от высших органов государства, парижских горожан, университета. Последовавшие амнистии вызвали бурную радость: народ искренне поверил, что междоусобицы кончились. Только жителям Пуату пришлось скинуться на значительные суммы, чтобы откупиться от английских наемников, и те удалились в Бордо.

В действительности Иоанн Бесстрашный вышел из борьбы еще более влиятельным и могущественным, чем ранее. Чуть позже он выразил беспокойство английской угрозой, которую сам же и спровоцировал, и решил готовиться к войне, ставшей уже вероятной, а то и неизбежной. Чтобы получить необходимые субсидии и завершить чистку, проводимую с 1411 г., он инспирировал решение о созыве Штатов Лангедойля, к которым не обращались уже больше тридцати лет. Он рассчитывал, что подавляющее большинство представителей трех сословий одобрит его политику. Униженные принцы не посмели явиться лично, ожидая развития событий вдалеке от Парижа. Депутатов от провинций, поскольку дороги были небезопасны, оказалось немного. Так что герцог Бур-

гундский и его парижские союзники могли чувствовать себя хозяевами. Никто не догадывался, что пошли последние месяцы диктатуры Иоанна, длившейся уже почти четыре года.

С самого начала сессии, открывшейся 30 января 1413 г., стало очевидным, что Штаты не хотят и слышать ни о какой субсидии, потому что столь долгожданные реформы так и не проведены. Вслед за первыми туманными жалобами ораторов были выдвинуты четкие планы, существенные требования; кармелит¹ Эташ де Павийи перечислил десятка три взяточников, призвал к массовым увольнениям и конфискациям, прибыль от которых позволила бы содержать целую армию. После месяца прений королевское правительство вынуждено было уступить нажиму своих критиков; 24 февраля оно отстранило всех финансовых чиновников и назначило комиссию по расследованию из двенадцати человек (в том числе Пьера Кошона), которой было поручено выработать предложения по санкциям и подготовить реформы. Пока она медленно работала, сторонники принцев, чья жизнь и имущество оказались под угрозой, объединились. Их было еще много в окружении королевы, оказывавшей бесстыдную благосклонность своему брату Людовику Баварскому, и во дворце дофина Людовика Гиенского, куда стали часто приглашать энергичного Пьера дез Эссара, бывшего прево Парижа, впавшего в немилость у герцога Бургундского. Были высланы гонцы, чтобы подключить к заговору принцев орлеанской партии, добровольно удалившихся в свои апанажи. Иоанн Бесстрашный спровоцировал против них мятеж. 27 апреля горожане, возглавляемые грозным мясником Симоном Кабошем, восстали, осадили Бастилию, вытащив оттуда Пьера дез Эссара, заняли дворец дофина и захватили его фаворитов, всем городом перебили ненавистных арманьяков. Четыре недели смута следовала за смутой. Почти каждый день во дворец Сен-Поль врывалась толпа, домогаясь от запуганного короля

¹ Кармелит — монах отшельнического ордена Пресвятой Девы на Кармельской горе, основанного на Востоке в ходе крестовых походов. Кармелиты вели странствующий образ жизни и проповедовали бедность и нестяжательство (*прим. ред.*).

новых жертв, требуя указа о реформах. Ей спешно пошли навстречу. Потребовалось целых два дня, 26 и 27 мая, чтобы прочесть перед всем парламентом текст великого ордонанса из 259 статей, оставшегося в истории под презрительным прозвищем «кабошьенского».

Опять-таки, в этом документе, хоть и созданном под давлением повстанцев, ничего революционного нет. Речь шла только о реформировании администрации, сокращении штата ведомств, призывах к экономии, пресечении злоупотреблений, сбалансировании бюджета. Его составители в основном переписывали, расширяли и систематизировали прежние тексты, остававшиеся мертвой буквой или ставшие недействительными после падения «мармузетов». Но все-таки некоторые оригинальные черты стоит отметить, чтобы можно было оценить рост влияния, оказываемого на страну администрацией монархии. Вина возлагалась не на самих королевских чиновников, а на дурное руководство ими. Знать в 1315 г.¹ роптала против королевских институтов. Кабошьенская оппозиция желала лишь улучшить их работу, не требуя иного контроля над ними, кроме как со стороны самих функционеров. О Штатах больше не было и речи — они отрекались от всяких амбиций в пользу чиновников. Уже не говорилось, как в 1356 г., о взятии под опеку неимущей королевской власти, а тем более, как часто по ошибке пишут, о даровании королевству «конституции». Такое усиление симпатий к монархическому абсолютизму стало следствием английской войны, показавшей необходимость сильной и эффективной власти.

В кабошьенском ордонансе очень явно заметно стремление сделать центром всей контролирующей деятельности Счетную палату. Ее персонал, доведенный до разумной численности, должен был принимать участие в назначении почти всех функционеров, внедрять ускоренные методы учета, каждый месяц получать смету от Казначейства, каждый год —

¹ Речь идет о волнениях северофранцузской знати в конце правления Филиппа IV Красивого (так называемые Лиги 1314–1315 гг.), недовольной чрезмерным усилением королевской власти и гнетом королевских чиновников (*прим. ред.*).

ведомости по доменам от бальи и сенешалей и шесть раз в год — финансовый отчет от генерального сборщика налогов. Предполагалось, что для любого нового расхода потребуются ее предварительное одобрение. Добиваясь же упрощения методов управления, ордонанс предполагал такое слияние двух ведомств, которое, будь оно реализовано, улучшило бы архаичную структуру, просуществовавшую до самого 1789 г. Для провинций его авторы не осмелились отдать в одни руки налоги с домена, собираемые чиновниками бальяжа, и эд, собираемый чиновниками из финансово-податного округа (*élection*). Но для центра они упраздняют систему из двух казначейских управлений, ведающих доменом, и двух управлений «финансовых генералов», ведающих эдом, заменяя их все двумя «управляющими всеми финансами королевства», настоящими министрами финансов, которые контролировали бы все поступления, независимо от источника их происхождения. Меры по ликвидации ведомств, уменьшению жалований, объединению некоторых служб, ускорению методов контроля преследовали только одну цель — оздоровление финансов. Для начала предполагалось отменить принудительный заем у тех, кто пользовался королевскими милостями; все, кто с 1409 г. получил «пожалование эд»¹, теперь должны вернуть половину денег государству в форме займа. В будущем половина поступлений эд должна оставаться в Париже, в специальной казне, и расходоваться строго для ведения войны; она будет расти также за счет штрафов и конфискаций, налагаемых на нечестных чиновников. Если бы все это было выполнено в предусмотренные сроки, новых налогов вводить бы не потребовалось; страна была бы достаточно богата, чтобы без дополнительных расходов выдержать нападение неприятеля, то есть англичан.

Этот памятник административной мудрости постигла плачевная судьба всех слишком запаздывающих реформ. Изданный под нажимом восставших, кабошьянский ордонанс вос-

¹ Часто взимание эд жаловалось королем в качестве награды: например, в начале XV в. герцог Бургундский добился, что ему позволили собирать эд на его землях в свою казну (*прим. ред.*).

принимался как дело рук одной партии; не было единства действий, необходимого для проведения его в жизнь. Волнения парижских мясников, которых подстрекал герцог Бургундский, не прекращались до конца мая. Мятежники вели себя по-прежнему, хватали подозрительных, чинили произвольные расправы. Умеренные горожане испугались. Искусно направляемые Жаном Жювенелем, бывшим хранителем должности купеческого прево и королевским адвокатом, они сблизились с дофином и помогли ему завязать в Понтуазе переговоры с принцами, завершившиеся в конце июля мирным договором. 4 августа Людовик Гиенский триумфально проехал по улицам столицы к ярости мясников, которые не смогли взять ратушу; 23 августа, чувствуя, что его игра проиграна, Иоанн Бесстрашный тщетно попытался увезти короля, а потом покинул столицу, куда вернется только через пять лет. 1 сентября герцог Орлеанский и другие принцы его группировки приехали в Париж; 5 сентября на торжественном заседании парламента в присутствии короля они добились отмены реформаторского ордонанса на том основании, что он был навязан королю без обсуждения на Совете и без рассмотрения парламентом.

Отныне группировка арманьяков торжествовали победу. Ставленники кабошьенов, друзья герцога Бургундского в свою очередь познали суровость изгнания, заключения в тюрьму, конфискации, а то и смерти. Сторонники принцев занимали их места и захватывали имущество. Карл д'Альбре вновь получил меч коннетабля, который после его смерти на поле битвы под Азенкуром достанется грозному графу д'Арманьяку. Гасконские банды последнего теперь контролировали столицу и железной рукой поддерживали порядок. «Собор веры» под председательством епископа Парижского, испытав влияние ораторского мастерства Жерсона, согласился осудить апологию тираноубийства Жана Пти как еретическую и этим *аутодафе* очистил репутацию покойного герцога Орлеанского. Все возвращалось к былому порядку, верней, к беспорядку. Монархию вновь грабили и обирали как раз те, кому полагалось ее оберегать. Этот самый момент и выбрали правители Англии, чтобы двинуться на завоевание Французского королевства.

IV

ОТ АЗЕНКУРА ДО ДОГОВОРА В ТРУА

В то время, когда Штаты Лангедойля обсуждали в Париже возможность возобновления войны, смерть Генриха IV в марте 1413 г. возвела на английский престол его старшего сына Генриха V, молодого человека двадцати четырех лет. При новом короле война стала почти неминуемой.

Военные успехи второго суверена Ланкастерской династии, его ранняя смерть на вершине беспрецедентной славы подняли его во мнении потомства очень высоко, может быть, даже слишком. По своеобразной иронии судьбы первый король Англии, у которого в жилах текла хоть какая-то доля английской крови, который начал требовать составления некоторых актов его канцелярии на английском языке, был именно тем человеком, кому едва не удалось наконец осуществить мечту его предшественников Плантагенетов и надеть себе на голову обе самые престижные короны Западной Европы. Чтобы добиться успеха там, где потерпел неудачу Эдуард III, почти с теми же силами, требовались выдающиеся качества, которыми Генрих V, конечно, не был обделен. Позже его станут упрекать, что молодость он провел в распутстве, плохо вяжущемся с подчеркнутым благочестием этого суверена. А молодость его во всех отношениях была столь же бурной, сколь и раскрывала сущность его характера: суровый боевой опыт в уэльских походах и жажда власти, ради которой он был готов на все. Когда с 1408 г. Генрих IV почувствовал, что ослаб от болезни, наследный принц, заставляя вспомнить о необузданном властолюбии детей Генриха II

Плантагенета ¹, вышел на первый план, собрал сторонников, объединился против отца со своими дядьями Бофорами. Он жаждал сказать в политике свое слово, подталкивал страну у союзу с Бургундцем, порицая отправку подкреплений арманьякским принцам. Как-то осенью 1411 г. он даже потребовал, чтобы отец отрекся от престола в его пользу. Такое нетерпение, с трудом сдерживаемое, уже обличало принца, уверенного в себе, в своих силах, равно как и в своем праве. Встав у власти, он обнаружил и другие черты. Доблестный полководец, он вместе с тем, как его предок Эдуард I и как великие Плантагенеты, был бюрократом и любителем порядка, хорошим администратором, суровым судьей. Это опасный противник для Франции, целиком расколотой на партии, и для Европы, которой правили марионетки. Тем более опасный, что его таланты сочетались с неприятными чертами характера. Его лицемерное ханжество, двоедушие, стремление показать, будто он служит закону и карает за проступки, когда на самом деле лишь удовлетворяет свои амбиции, жестокость его мести — все это предвещало новые времена. Генрих — плоть от плоти своего века, века итальянских тиранов и Людовика XI, в то время как от королей-рыцарей, чье наследие он принимает или чьи планы берется осуществлять, его отделяло тысяча лье.

На его островной политике мы долго задерживаться не будем. От своих английских подданных Генрих ждал прежде всего необходимой поддержки в осуществлении своих континентальных амбиций. Поддержание порядка и военные приготовления — вот к чему теперь годами будет сводиться внутренняя политика Англии. Страна, уставшая от смут, по-

¹ Генрих II Плантагенет — король Англии в 1154—1189 гг., правитель обширной империи, в которую входили Англия, Аквитания, Нормандия, Анжу, Ирландия. Не смог обеспечить единство этих земель; воевал с сыновьями (Генрих Молодой, Ричард Львиное Сердце, Жоффруа, Иоанн Безземельный), которые при жизни отца требовали поделиться с ними землями и властью. Умер во время войны со своим вторым сыном Ричардом и его союзником, французским королем Филиппом Августом (*прим. ред.*).

зволила энергичному королю руководить собой. Когда он сломил последние поползновения к бунту, воцарилось полное спокойствие. Его восшествие на престол — сигнал к самому последнему восстанию, поднятому уцелевшими приверженцами Ричарда II, которых возглавил простой рыцарь, преследуемый за симпатии к лоллардам, — Олдкастл. Когда после романтических приключений Олдкастла наконец схватят и казнят, порядка более уже не нарушит ничто. Самое показательное — это легкость, с какой страна пошла на новые жертвы, позволила возложить на себя изнурительные военные расходы. Если Генриху IV организация уэльских походов стоила немыслимых трудов, то его преемник в подготовке новой экспедиции на континент серьезных затруднений не испытывал. Реформировать законодательство было незачем — хватило и существующей организации, подкрепленной лишь авторитетом популярного суверена. Он умел возбудить общественное мнение против вероломных французов и настроить его в пользу своих завоевательных устремлений; в ноябре 1414 г. парламент легко согласился вотировать крупные субсидии, которых от него потребовали. Набор наемников, феодального оста, формирование пехотных отрядов при помощи призывных комиссий, складирование боеприпасов и провианта в портах на Ла-Манше, реквизиция кораблей произошли довольно быстро. Когда летом 1415 г. дело дошло до разрыва перемирия, Генрих уже сформировал солидную армию, более многочисленную, чем армии Эдуарда III: она насчитывала около двенадцати тысяч человек — по тем временам численность немалая.

Та же энергия и ловкость проявились в дипломатической подготовке, задача которой — вынудить противника к капитуляции или к войне. До восшествия на престол Генрих выказывал себя открытым сторонником бургундцев и противником принцев арманьякской группировки. Теперь он вел переговоры одновременно с обеими группировками, больше рассчитывая на вторую, потому что Иоанн Бесстрашный уже был всего лишь отщепенцем, изгнанником, бессильно грызущим удила у себя в доменах, тогда как арманьяки деспотической хваткой держат власть над французской монархией.

Укрывшись с сентября 1413 г. во Фландрии, Иоанн Бесстрашный грезил о мести ненавистным арманьякам. Но спешно собранная им армия потерпела поражение под Парижем в феврале 1414 г., после чего арманьяки увезли короля в Пикардию и подступили под стены Арраса, отнюдь не заявляя о намерении силой лишить Иоанна наследства. Равно как и его отец, он никогда не забывал, что он прежде всего принц из дома Валуа, вассал французской короны. Расширение Бургундского государства за счет Франции как чужой страны, от которой он объявил бы себя независимым, предвительно предав ее чужеземцу, не входило в планы герцога. Такой не станет, что бы ни говорили, и политика его сына. Иоанн хотел вновь занять в Совете Карла VI первое место, причитающееся ему по праву, управлять королевством, изгнать принцев-соперников. Но поскольку собственных сил для этого у него не хватало, он был вынужден запрашивать у Ланкастеров, на каких условиях те согласны ему помочь. Он посылал гонцов в Лондон, принимал в Лилле и Брюгге английских агентов. На конференции в Лестере в мае 1414 г. бургундцы уточнили свои предложения. Пока они замыслили лишь операции скромного масштаба. Иоанн собирался выставить всего тысячу бойцов и просил у Ланкастеров вдвое больше. Предполагалось, что они вместе поведут войну — не против Карла VI, а против мятежных принцев, как в 1411 г.; вместе они поделят и то, что захватят у побежденных. То есть Генрих конфискует в свою пользу аквитанские домены Альбре и Арманьяка, аннексирует Ангума, принадлежащее герцогу Орлеанскому; ему достанется также часть апанажей Бурбона, Алансона и Э. В августе эти переговоры возобновились в Ипре. Англичане, не слишком довольные этими сложными комбинациями, хотели знать, как далеко в своих уступках могут пойти бургундцы. Отдадут ли они великую Аквитанию, которую предусматривал мир в Бретиньи? И добавят ли к ней, согласно английским требованиям, Берри? Или даже признают титул короля Франции за английским королем? Испугавшись масштабов этих требований, Иоанн не рискнул согласиться и тем самым разрушить свои личные планы гегемонии. В последний момент он ушел в сторону, прервав обсуждения.

После этого английские переговоры с арманьяками приняли более благоприятный оборот. Как и его предшественники, Генрих V требовал корону Франции, но, тоже как его предшественники, давал понять, что при надобности удовлетворится территориальными уступками. Казалось, что в конфликте, где столкнулись два суверена, ничего не изменилось. Сначала речь шла о выкупе за Иоанна Доброго, выплаты которого полвека спустя вновь стали требовать; об Аквитании — мол, надо изменить ее границы согласно тому, как предписывал договор в Кале. Кроме того, повторяя жест Ричарда II, король из рода Ланкастеров просил руки Екатерины, дочери Карла VI. Но с каждой новой встречей: в Париже в августе 1413 г., в Лелингене в сентябре, в Лондоне в ноябре, снова в Париже в январе 1414 г. — территориальные требования англичан росли, разбухая до невероятных размеров. Сначала говорилось только о бывшей империи Плантагенетов — Анжу, Мене, Турени, Нормандии — и оммаже за Бретань. Потом, требуя большего, чтобы получить меньшее, англичане заговорили о суверенитете над Фландрией и Артуа, который бы территориально отдалил Валуа от Кале и сделал герцога Бургундского вассалом Англии; от анжуйских принцев даже потребовали уступить Прованс, не входящий в состав королевства, — в силу прав, которые сто пятьдесят лет тому назад якобы имела жена Генриха III¹. Устрашенные такими аппетитами, Людовик Гиенский и арманьяки тоже зашли по пути уступок дальше, чем было возможно. Они согласились вернуться к прискорбным временам Иоанна Доброго, выплатив остаток выкупа, оцененный в 1 600 000 экю; дать приданое за юной Екатериной в размере двух миллионов франков; допустить возникновение суверенной великой Аквитании. Но Генрих соглашался отказаться от французского трона, только закаба-

¹ Генрих III был женат на второй жене графа Прованского Раймунда-Беренгария V (1236 г.). На первой дочери графа, Маргарите, в 1234 г. женился король Людовик IX, а на четвертой, Беатрисе, брат короля Франции, Карл Анжуйский. Перед смертью Раймунд-Беренгарий завещал свое графство Беатрисе; таким образом, Прованс достался принцу французского дома Карлу Анжуйскому (*прим. ред.*).

лив его обладателя. Аквитания его не интересовала: он знал, что если Валуа останутся хозяевами провинций к северу от Луары, они рано или поздно сумеют избавиться от опеки. Будучи более тонким политиком, чем Эдуард III, он потребовал, чтобы ему в любом случае отдали Нормандию. Тогда французская монархия, зажата между крупным фьефом, отобранным у Плантагенетов со времен Филиппа Августа, и бургундскими доменами, оказалась бы в полной зависимости от лондонского правительства и окончательно впала в ничтожество. В конце февраля 1415 г. Парижская конференция закончилась разрывом. Напрасно послы Карла VI в июле еще ездили в Винчестер, сетовали на английское коварство, перечисляли все бывшие унижения, изобличали все нарушения перемирия, которых за несколько месяцев набралось немало (гасконцы, подстрекаемые герцогом Кларенсом, вновь заняли все крепости, потерянные с 1403 г., захватили Сентонж, угрожали Ла-Рошели, а английские моряки тем временем произвели набег на Дьепп), и повторили свои предложения и уступки. Не получив Нормандии, Генрих выпроводил их, заявив, что скоро отправится за ними сам, и возложив ответственность за войну на Францию.

Конец теплого сезона был уже слишком близок, чтобы думать о долгом походе. Но коль скоро армия была готова, надо было ее использовать. Следовало воспользоваться и выгодным состоянием духа герцога Бургундского, все еще лютующего из-за «остракизма», которому его подвергли армянки. Еще осенью 1414 г. умеренные, нашедшие себе вождя в лице Людовика Гиенского, юного семнадцатилетнего дофина, еще раз активно попытались примирить группировки. Но Арраский мир, о котором договорились в сентябре и который с большим трудом удалось ратифицировать в феврале 1415 г., хоть и отменял приговор об изгнании Иоанна Бесстрашного, но не возвращал ему власть и даже не содержал компенсаций за оскорбление, столь необходимых для его тщеславия, а кроме того, под амнистию не попадало пятьсот его самых верных сторонников. И Бургундец замкнулся, заняв позицию враждебного нейтралитета, хотя, конечно, не помещал своим братьям Антуану Брабантскому и Филиппу Не-

верскому примкнуть к королевскому войску, в рядах которого они и найдут свою смерть. Сам он не шелохнулся и отрядов не прислал.

Доверив регентство в Англии своему брату Джону, герцогу Бедфорду, и выпустив бесстыдные прокламации, где он бахвалился, что едет восстановить мир и процветание в истерзанной Франции, Генрих V 10 августа погрузил войско на корабли. Ночью с 13 на 14 августа он высадился в Шеф-де-Ко в устье Сены, в той самой Нормандии, которую хотел завоевать в первую очередь. Почти месяц ему понадобился, чтобы добиться падения Арфлёра, который, не получив вовремя подкреплений, 14 сентября капитулировал. Намереваясь сделать из этого города второй Кале, Генрих изгнал из него жителей и привез английских колонистов. Потом, как Эдуард III в 1346 г., он отошел к северу, не желая проводить холодный сезон на земле противника. Арманьякское правительство сумело собрать вокруг Руана армию вассалов, но из-за отсутствия бургундских и бретонских отрядов в ней с самого выступления возникли зияющие бреши. Тем не менее она была многочисленней и по боевому духу превосходила захватчиков, вынужденных оставлять по дороге гарнизоны и больных. Она лихо пустилась в погоню за отступающим противником, вопреки советам старого и осторожного герцога Беррийского, который предпочел бы тактику уклонения от боев в духе Карла V. И допущенная при Креси ошибка через семьдесят девять лет была повторена вновь. Генрих, увидев, что путь к отступлению ему отрезал маршал Бусико, шедший за ним по пятам, дождался своих преследователей на плоскогорьях Артуа, в Азенкуре, недалеко от бургундской резиденции Эден. Его пехота выстроила укрепления, лучники отличались меткой стрельбой, к тому же почва была размыта от проливного дождя, и потому французским рыцарям пришлось сражаться спешенными. 25 октября их перебили. Победитель в первую очередь поспешил уйти в Кале и 16 ноября отплыть восвояси.

Однако азенкурский поход не оказал решающего воздействия на ход войны. Это был не более чем рядовой набег, как множество других. Побежденное, но не сломленное пра-

вительство Карла VI попыталось привлечь себе на помощь друзей извне. В то время как д'Арманьяк, назначенный коннетаблем, тщетно пытался отбить Арфлёр, было дано согласие принять посредничество императора Сигизмунда. Младший брат Вацлава Чешского Сигизмунд Люксембург, благодаря удачному браку ставший королем Венгрии, был монархом слабым, но тщеславным и пребывал в убеждении, что рожден для великих дел. Несколько лет судьба ему улыбалась. После смерти в 1410 г. Рупрехта Пфальцского, хотя Вацлав, все более и более спивавшийся, был еще жив, немецкие князья выбрали римским королем Сигизмунда. В его глазах сан императора наделял его высшим духовным влиянием на весь христианский мир. Он решительно взял в свои руки дело водворения единства в церкви, дело, которое Валуа оставили в небрежении после Пизанского собора и начала гражданской войны. Хотя большинство монархов признало Александра V, а после — Иоанна XXIII, ставших папами вследствие пизанского мятежа, но и оба других понтифика — Бенедикт XIII, укрывшийся в Перпиньяне, и Григорий XII, сидевший в Римини, — еще имели приверженцев. Чтобы положить конец «трехглавой» схизме, был необходим вселенский собор. Сигизмунд потребовал, чтобы он был созван на немецкой территории, в Констанце. Тут же он объявил себя его главой, опорой и руководителем. Он поддержал отцов церкви в борьбе с Иоанном XXIII и способствовал его смещению. Он вынудил баварских князей отступить от Григория XII. В конце 1415 г. он приехал в Южную Францию, договорился в Нарбонне с испанскими монархами, добился от Кастилии и Арагона отказа от поддержки Бенедикта. В Констанце споры между бургундскими докторами университета и арманьякскими делегатами, между англичанами и французами могли бы затянуть дело избрания единого папы и реформирования церкви до бесконечности. Чтобы завершить начатое, Сигизмунд навязал Ланкастеру и Валуа свое посредничество.

Сначала, в марте 1416 г., он прибыл в Париж, где обедневший двор, подавленный после военного поражения и из-за траура по многим погибшим, принял его весьма скупно. Дворец Сен-Поль был теперь не более чем жилищем безумного

и обедневшего короля; эхо былых празднеств затихло в его печальных стенах. Потом он направился в Англию. Генрих V, льстя его тщеславию, показал ему великолепные представления, продемонстрировал угодничество народа перед собой, без труда выставил напоказ роскошь и могущество. Большого и не требовалось, чтобы непоследовательный Сигизмунд склонился на сторону англичан. Согласно Кентерберийскому договору, подписанному 15 августа 1416 г., он стал союзником Ланкастера, признал его права на корону Франции, обещал вступить в войну против узурпатора Валуа. На самом деле у него не было ни намерения, ни возможностей выполнить свое обязательство. Но его измена стала последним ударом, добившим престиж Валуа. Почувяв, что ветер переменился, Иоанн Бесстрашный в это же время возобновил переговоры с лондонским двором. 6 октября он встретился в Кале с Генрихом V и, проявив обычное свое двуличие, дал тому понять, что станет его вассалом и поможет свергнуть Карла VI.

Для Генриха настало время воспользоваться своими дипломатическими победами, за которыми последуют его союзы с рейнскими князьями, с Ганзой¹, с Арагоном. От английского народа теперь требовалось новое усилие: была нужна новая экипированная армия. В августе 1417 г. после двух лет отсутствия Генрих V вновь вступил на нормандскую землю. На этот раз он задумал не просто набег. При бездействии арманьякского правительства, которое не может противостоять одновременно захватчикам и бургундской армии, стоявшей лагерем в регионе Парижа, Ланкастер начал методичное завоевание столь желанной провинции. Крепости и города Нижней Нормандии и Котантена пали друг за другом. Замок Кан, в оборону которого было вложено столько средств, капитулировал 20 сентября; в октябре настала очередь Аржантана и Алансона. До конца следующей весны была завоевана уже вся эта область от Шербура до Эврё. Еще сопротивлялись лишь монахи Мон-

¹ Ганза — торговый союз северонемецких городов, с центром в Любеке (XIV–XVII вв.). Целью Ганзы было добиться торговых привилегий в области союза и иностранных государств (*прим. ред.*).

Сен-Мишель, запертые на своей скале с горсткой верных рыцарей.

Арманьяки уже изнемогали. Партия принцев потеряла одного за другим многих вождей: так, Карл Орлеанский и Иоанн де Бурбон находились в Англии, они попали в плен под Азенкуром. Герцог Беррийский умер в июне 1416 г.; умерли также дофин Людовик Гиенский (в декабре 1415 г.) и его брат Иоанн Туренский (в апреле 1417 г.); умер и их кузен Людовик II Анжуйский. Из всего потомства Карла VI остался в живых лишь некрасивый подросток Карл, ставший после смерти братьев дофином и герцогом Туренским, единственная надежда своей партии, носящий с июня 1417 г. титул «генерального наместника короля». Фактически от его имени правил деспотичный коннетабль. Оба совершили роковую неосторожность, поссорившись с королевой Изабеллой, чья развратность с годами возрастала. Они прекратили снабжать ее провизией, выслали в Блуа, затем в Тур. Арманьякский террор больше не страшил измученное население. Уже большая часть городов Пикардии и Шампани, которым пообещали освобождение от налогов, впустила к себе бургундские гарнизоны. В Париже, где первая попытка мятежа была жестоко подавлена в апреле 1416 г., ждали только знака, чтобы восстать и поднять андреевский крест — знамя бургундцев. После пяти лет опалы пробил час Иоанна Бургундского. 8 ноября 1417 г. Изабелла Баварская бежала из Тура. Бургундский эскорт доставил ее к герцогу, ожидавшему в Шартре. Потом оба поселились в Труа, где она возглавила теневое правительство, оспаривающее власть правительства ее сына; при этом Изабелла именovala себя «королевой Франции, по причине захвата монсеньора Короля осуществляющей руководство и управление королевством». Спешно создали Канцелярию, финансовые ведомства, парламент. Потом 29 мая 1418 г. в Париже вспыхнуло восстание, и город, открыв ворота Иоанну Бесстрашному, приветствовал его как спасителя. Оторопевшего короля «избавили» от арманьяков и организовали их резню. Под ударами убийц погибли канцлер, коннетабль и многие другие. Дофину удалось ускользнуть, через несколько дней он даже возвратился с жалкими бандами, ко-

торые сумел собрать, и начал осаду столицы. Его недисциплинированные вояки ворвались в город через восточные ворота, но тут же рассыпались по улицам в поисках добычи. Бургундцы и горожане вышвырнули их вон. Карл не проявил излишнего упрямства, позволив победителям выместить зло на его сторонниках, — число жертв бойни достигло почти двух тысяч. Сам он удалился на юг за Луару, в свой апанаж Берри, оставив отца, мать, весь Север Франции под властью бургундцев.

Эти последние внутренние конвульсии не изменили ничего в ходе войны. Иоанн Бесстрашный имел не больше возможностей остановить продвижение англичан, чем арманьяки. Чтобы поддержать свою репутацию друга народа и реформатора, он был вынужден декретировать отмену эда, тальи и поборов. Его правительство с трудом существовало на поступления с домена в нескольких провинциях, над которыми осуществляло эффективный контроль, на габель, на редкие и скудные субсидии, которых добивалось у городов, на доход от конфискаций и принудительных займов у сторонников арманьяков и прежде всего за счет сильнейших девальваций монеты. Когда жители Руана, осажденного с июля 1418 г. войсками Генриха V с сильнейшей техникой для штурма, умоляли Иоанна о помощи, тот им посоветовал рассчитывать лишь на собственные силы. 13 января 1419 г. после шести месяцев героической и отчаянной борьбы город капитулировал и был обречен победителем на выплату тяжелых репараций. Далее Генрих занял крепости области Ко; потом, предоставив своим полководцам завоевывать Перш, он захватил Вексен, побывал в Манте, в июле подошел к Понтуазу, взяв его 31 июля, несмотря на бургундский гарнизон. Все еще продолжая переговоры по отдельности с герцогом Бургундским и дофином, он уже замыслил кончить дело атакой на Париж, писал папе, кардиналам, своим рейнским союзникам, лотарингским князьям, говорил о правоте своего дела, изобличал черты упадка во Франции, приглашал своих друзей принять участие в добывании и разделе добычи.

Перед лицом опасности бургундцы и остатки арманьяков сблизились. Умеренные элементы уже год искали воз-

возможности примирения, варианты раздела власти между обоими вождями партий. Сен-Морский договор от сентября 1418 г., который герцог Бургундский навязал советникам дофина, даже не начал проводиться в жизнь. Он оставлял Карлу апанаж, состоящий из Дофине, Турени, Берри и Пуату, и позволял ему назначать одного из трех чиновников, ведающих финансами. Но в намерения Иоанна Бесстрашного не входило играть на руку англичанам, слишком могущественным, чтобы он мог рассчитывать править от их имени. Настоящее примирение с дофином позволило бы ему вытеснить последних арманьяков и под прикрытием правительства дофина навязывать свою волю всему королевству. Первая встреча в Корбее в июле 1419 г. закончилась заключением предварительного соглашения, воплотить которое в жизнь было трудно ввиду ненависти, накопившейся с обеих сторон. Только они начали вторую встречу на мосту Монтеро 10 сентября 1419 г., как между принцами разгорелся спор, и дворяне из свиты Карла под предводительством бретонца Танги дю Шателя, бывшего прево Парижа и протеже герцога Орлеанского, бросились на Иоанна Бесстрашного и пронзили его клинками. Карл из последовавшей схватки вышел невредимым, но бургундцы даже не смогли забрать с собой тело своего господина.

Преступление в Монтеро, запоздавая месть за убийство Людовика Орлеанского, окончательно дискредитировало арманьяков в глазах всей Северной Франции. Париж, уже было роптавший на Иоанна Бесстрашного за то, что тот не отстоял Понтуаэ, теперь неистово бросился в объятия бургундской партии. Приверженцы Карла, за некоторыми исключениями, остались только в центре и на юге королевства. Новым герцогом Бургундским стал Филипп, граф Шароле (вскоре получивший прозвище Добрый) и зять Карла VI: он был женат на его дочери Мишели. Этот молодой двадцатипятилетний принц, апатичный и любящий роскошь, воспитанный отцом во Фландрии, где научился понимать душу и интересы фламандцев, почти ничем не напоминал Иоанна Бесстрашного. Ни среди его советников, ни среди родни не было единства, да и сам он пребывал в большом затруднении. Как верному продолжателю политики первых двух герцогов ему претила

мысль об измене своему народу, о том, чтобы отдать королевство под власть победителей — Ланкастеров. Те историки нового времени, которые полагали, что он желал забросить французские дела и полностью посвятить себя нидерландским амбициям, глубоко заблуждались. Его цель по-прежнему заключалась в том, чтобы вернуться на первое место среди тех, кто правит королевством, и защитить его, если это возможно. Но ни отомстить за отца, ни свергнуть преступного дофина он не мог без помощи Генриха V и твердо решил поддерживать Ланкастеров лишь постольку, поскольку английские армии позволят ему разбить личных врагов. Семейный совет, состоявшийся 7 октября в Мехелене, призывал Филиппа мстить, то есть подтолкнул в то ложное положение, всю опасность которого мы только что обрисовали. Соглашение в Руане, заключенное в декабре с захватчиком, выглядело крайне выгодным для Бургундца: Ланкастер и герцог Бургундский будут совместно продолжать войну с дофином; их семьи соединит брачный союз; в том отныне вероятном случае, если Генрих наденет корону Франции, Филипп сохранит по отношению к нему привилегированное положение.

Выбор герцога Бургундского predetermined выбор несчастного Карла VI. Королева Изабелла, пылающая лютой ненавистью к последнему сыну за то, что он приговорил ее к изгнанию, стала главной помощницей короля в долгих переговорах, завершившихся 21 мая 1420 г. подписанием договора в Труа.

Если договор в Кале прекращал феодальную распрю путем выведения Аквитании из ленной зависимости от Франции, то договор в Труа ликвидировал династическую борьбу, сделав Генриха V наследником французского престола. Дофин был грубо отстранен: мол, этот так называемый дофин был, по признанию самой матери — признанию немного запоздалому, надо сказать, — не более чем бастардом, плодом адюльтера, причем имя отца не называлось. Не допускаемый к верховной власти за свои «ужасные и громадные преступления и проступки», будущий Карл VII был лишен наследства собственными родителями. Кроме него, у Карла VI осталась только незамужняя дочь Екатерина. Ее он отдает ланкастер-

скому королю в надежде увидеть королевой. «Настоящий сын» и назначенный наследник безумного короля Генрих V в ожидании смерти тестя, который все еще влачил свое мучительное существование в возрасте пятидесяти двух лет, будет фактически занимать должность регента королевства, сохраняя в качестве апанажа Нормандию и получив оммаж за Бретань. Поддерживая спокойствие, ведя борьбу с дофином и внося порядок в «государственные дела», регент будет действовать заодно с Филиппом. Институты королевства в том виде, в каком их два года сохранял герцог Бургундский, не претерпят изменений. Кроме того, Генрих обязался сохранять все права, все привилегии, все обычаи, все кутюмы. Новым в королевстве будет лишь монарх — оно окажется под властью наследника тех самых Плантагенетов, которые не один век были самыми могущественными вассалами короны. Используя династическое соглашение и французский брак английского короля, Валуа сменили на Ланкастеров.

К северу от Луары не раздался ни один голос протеста против этого договора. Филипп Бургундский, который сам вел о нем переговоры, несомненно, предполагал, что Генрих, слишком занятый двумя своими королевствами, фактически оставит управлять Францией его и при этом еще поможет завоевать мятежные провинции — этот расчет, заметим мимоходом, не совсем оправдался. 2 июня архиепископ Санский освятил королевский брак. Парламент зарегистрировал договор, университет его одобрил; в декабре оба суверена, тесть и зять, в сопровождении молодого герцога Бургундского вступили в Париж под приветственные крики горожан, которые были чрезвычайно рады, что после двух лет отсутствия к ним вернулся двор. Потом были созваны Штаты Лангедойля, чтобы они в свою очередь ратифицировали соглашение. Казалось, кошмар гражданской войны, свирепствовавшей тринадцать лет, и кошмар войны внешней, которая в последние пять лет добавилась к первой, окончательно рассеялись.

Генрих V достиг своей цели — создал некую «двойную монархию», чей король благодаря личной унии правил одновременно Англией и Францией. Но фактически контролировал он лишь Францию бургундцев. Договор в Труа далеко не

объединил Западную Европу под властью одной авторитетной династии, но вырыл ров — более глубокий, чем когда-либо, — между партиями, делившими между собой Францию. Которая из них возьмет верх? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно окинуть взором Францию, разделенную на две враждебные половины.

VII
РАЗДЕЛЕННАЯ ФРАНЦИЯ

(1418–1429 гг.)

До самых последних времен договор в Труа единодушно осуждался как самая позорная капитуляция, какую только знала наша национальная история. Из людей того времени, которые не ведали нашего современного патриотизма и не могли знать будущих событий, так считали не все. Нам надо мысленно перенестись в ту эпоху, чтобы понять их противоположную реакцию.

С юридической точки зрения у договора в Труа был один изъян по существу и по форме, который советники дофина в подходящий момент сумеют изобличить. Обычай сделал Францию наследственной монархией, корона которой более трех веков передавалась от отца к сыну. Когда решался вопрос о наследовании трона после смерти последних прямых потомков Капетингов, принцессы крови и их дети были отстранены. Вернуться к этому вопросу, решение которого имело уже почти вековую давность, значило ввести в обычай инновацию, что в глазах людей средневековья было верхом беззакония. В 1316 и 1328 гг. закон о наследовании был «изречен» собранием баронов и пэров, то есть королевским судом в его высшей форме. Суверену не следовало по своему произволу отменять это решение, изменять закон о наследовании, лишая наследства сына в пользу зятя. Возвысаясь до абстрактного понятия общественных интересов, юристы дофина объявят, что корона — неотчуждаемое имущество и суверен является только ее хранителем, но не может ею распоряжаться, передавая тому или иному лицу.

Большинство подданных подобные умозрительные рассуждения интересовали мало. Для них важней были условия их жизни в ближайшее время, их интересовало, что принесет

или сулит мир между суверенами. Все выглядело так, что народ как раз с радостью примет наконец-то заключенный мир. Договор, добровольно принятый королем, которому народ тридцать лет пламенно желал выздоровления, усилия которого восстановить согласие в семье были широко известны; поддержанный герцогом Бургундским, чей отец пользовался к северу от Луары безумной популярностью; одобренный высшими религиозными и политическими авторитетами — университетом, парламентом, Штатами; наследник трона, подчеркнуто декларирующий желание восстановить порядок, заставить уважать правосудие, поставить на все должности способных и честных чиновников, чтобы навсегда изгнать кошмар гражданской войны; а против этого великолепного букета сил и надежд — молодой дофин, обделенный энергией, до последних времен игрушка в руках ненавистного коннетабля, сомневающийся в собственных правах и сознающий свою крайнюю слабость. Казалось, англо-бургундцы уже заранее выиграли партию. Но это было не так. При всем обилии козырей у нее на руках «двойная монархия» была обречена на поражение. Простое перечисление политических и военных событий от заключения договора до появления Жанны д'Арк, запутанных и неясных, не позволит объяснить этого поражения. Надо знать, как вели себя провинции, как они управлялись, какую поддержку они оказывали соперничающим администрациям. Это трудный вопрос: по многим пунктам нам еще не хватает достаточно подробных исследований, чтобы делать уверенные выводы. Тем не менее можно попытаться набросать общую картину, не претендуя на полноту в отношении деталей, но представив ее основные черты в виде временной гипотезы.

I

ЛАНКАСТЕРСКАЯ ФРАНЦИЯ

После английского вторжения 1417 г. и вступления бургундцев в Париж в 1418 г. было уже не две Франции, а целых три, подчиненные разным режимам: провинции, завоеванные и управляемые Ланкастерами; провинции, которые контролировал герцог Бургундский; и, наконец, провинции, которые еще сохранял за собой дофин. Следует рассмотреть их все по очереди.

Везде, где сила оружия дала ему власть, Генрих V со времен договора в Труа осуществил военную оккупацию и поставил автономную администрацию, в основных чертах существовавшую с 1420 г. и лишь немного модифицированную в 1422 г., когда королем Франции был провозглашен Генрих VI. Прежде всего это относится к герцогству Нормандии, которым он управлял не в качестве наследника Карла VI, а как вотчиной англо-нормандской династии, землями, возвращенными после двух веков капетингского владычества. Сюда же входили и «завоеванные земли», оккупированные с 1420 г., то есть Вексен с бальяжами Мант и Жизор до границ Понтуаза, часть Шартрской области и север Мена. Столицей этого провинциального государства, не очень обширного, но богатого и компактного, стал Руан. Здесь учредили Канцелярию, снимавшую копии с административных актов и составлявшую Казначейские свитки¹ Нормандии, ныне хранящиеся в Лондоне; Большой совет, который должен принимать исполнительные решения; восстановили пост сенешаля Нормандии, под властью которого находилась вся гражданская и военная админи-

¹ Казначейские свитки — в Англии документы Казначейства, где фиксировались расходы и доходы королевства (*прим. ред.*).

страция; была также создана должность адмирала Нормандии. Суд Шахматной доски, который со времен капетингского завоевания представлял собой не более чем ежегодно приезжавшую на время делегацию парламента и Счетной палаты Парижа, был реорганизован. В Руане собственно Суд Шахматной доски стал верховным судом, постоянным учреждением. Специально для Нормандии была создана Счетная палата в Кане, которая после временного исчезновения была переведена в Мант. Финансами распоряжались казначей и генеральный сборщик налогов. Чтобы довершить отделение области от остального королевства, отделив от последнего и интеллектуальную сферу, позже, в 1431 г., Бедфорд организовал в Кане юридический факультет, несмотря на сопротивление парижских магистров.

Во всем этом ничего специфически английского не было. Генрих V удовлетворился тем, что перенял существовавшие институты, приспособил их к нуждам местного управления или восстановил те, что были упразднены при Капетингах. Административный персонал не тронули: местные чиновники, бальи, виконты, прево, делегаты, сборщики остались на своих местах. Таким образом, жители имели дело только с чиновниками собственной национальности. Даже в органах центральной власти преобладал французский элемент — точнее, нормандский. Лишь некоторые посты были отданы англичанам: канцлером стал Кемп, епископ Рочестерский, а адмиралом — граф Саффолк. Даже в Большом совете английский элемент не был ни самым многочисленным, ни самым активным. Ланкастерская власть сумела обеспечить себе сотрудничество нескольких преданных ей нормандцев, служивших ее делу и пользовавшихся ее милостями: это рыцарь Рауль ле Саж, владелец сеньории Сен-Пьер в Котантене, который, когда английскому владычеству придет конец, удалится за Ла-Манш и превратится в настоящего англичанина; это Робер Жоливе, аббат Мон-Сен-Мишель, — не в состоянии завладеть своим аббатством, монахи которого сохраняли несокрушимую верность дофину, он нашел в службе завоевателю удачную компенсацию своим огорчениям. Когда население оставалось лояльным, англичане не трогали ни лю-

дей, ни имущество. Высказанная в первые дни завоевания идея сделать порт Арфлёр английской колонией не нашла продолжения. Жители, поначалу изгнанные, получили возможность вернуться. Генрих V, а особенно, после его смерти, его брат и духовный наследник Бедфорд придавали большое значение хорошим отношениям с нормандцами. Они торжественно подтвердили местные привилегии, частные и общие вольности, особенно Хартию нормандцам 1315 г.; Бедфорд, стараясь снискать расположение горожан, сократил репарацию, наложенную на Руан.

В зависимости от военной организации режим оккупации мог выглядеть очень по-разному. Только гарнизоны из-за Ла-Манша могли сохранить Нормандию в подчинении и предотвратить любую попытку наступления сторонников дофина, желающих сюда вернуться. Покорившись грубой силе иностранной военщины, область забыла о благах упорядоченного правления, о внимании чиновников, избранных из числа сограждан. Когда земля «завоевана» в любом смысле слова, она острее чувствует бремя, которое на нее возлагают. Всякая забота об обороне и о поддержании порядка с самого начала оккупации стала делом англичан. Королевский наместник, чей первый титул был «граф Солсбери», получал общие директивы от военной администрации и жестко выполнял их, несмотря на попытки сенешаля соперничать с ним. Порядок поддерживался благодаря маленьким английским гарнизонам, разбросанным по замкам. Их численность в 1421 г. не превышала 5000 человек, а позже ее даже сократят до 1500–2000 воинов. Но они держали сельские коммуны под своей властью благодаря системе «выгонов» (*pâtis*), коллективных охранных свидетельств, продаваемых запуганным жителям за деньги и позволяющих накладывать тяжелые штрафы в случае восстания. Генрих хотел укоренить эти гарнизоны на нормандской почве, встроить их в местную феодальную систему. Почти вся земельная знать сохранила верность дофину, предпочтя изгнание рабству. Ее фьефы были без разбора конфискованы и позже переданы английским капитанам за обязательства снабдить замки гарнизонами и содержать в них воинские контингенты, соответствующие значимости

фьефа. Тем самым над коренным населением поставили феодалов из числа завоевателей, оплатили, не затратив ни гроша, услуги, оказанные во время завоевания, безо всяких расходов обеспечили надзор над областью и ее оборону. Чтобы помешать этим новым колонистам уклониться от выполнения долга, Генрих V под страхом смерти запретил английским ленникам покидать Нормандию. Эта мера, слишком суровая, была отменена Бедфордом. Тогда кое-кто дезертировал, поскольку жить здесь было неприятно. Но на смену отъезжающим прибывали новые люди, до конца сохранившие этот режим жесткой военной оккупации. Поскольку за всякое противодействие беспощадно карали суровыми конфискациями, в конечном счете добрая часть нормандской территории, замки и сельские сеньории, попали в руки чужеземных пришельцев, жадных до богатств и жестоких по отношению к своим новым подданным.

В какой мере население довольствовалось этим положением вещей или же оно было настроено враждебно? Ответ на этот вопрос может быть разным в зависимости от периода, от региона, от классовой принадлежности людей. Горя желанием поскорее упрочить свои завоевания, Генрих V шел напролом, без зазрения совести ущемляя чьи угодно интересы. В результате выселений, конфискаций, штрафов воцарился режим террора. После смерти Генриха V Бедфорд, как из корысти, так и по душевной склонности, повел себя мягче, пытался брать и снисходительностью, хотя в целом от общего направления не отступил; он избегал напрямую оскорблять чувства подданных, разрешал кому-то примыкать к англичанам, принимал сотрудничество отдельных лиц. В разных районах Нормандии также действовали с разной степенью строгости. В портах, стратегически важных пунктах высадки, был установлен чрезвычайный режим. Если, как мы отметили, в Арфлёре проводились массовые экспроприации, то в какой-то мере они задели и Онфлёр, а может быть, и Шербур. Наоборот, к крупным городам внутренней Нормандии — Кану, Лизье, Руану, — добившись их капитуляции, позже относились мягче. Если они достаточно активно сотрудничали с оккупационными властями, то сохраняли свои муниципальные свободы.

Столь же по-разному складывались отношения с общественными классами. Эффективно и в полной мере добиться сотрудничества удалось только от двух из них, чье влияние определяла скорее их значимость, нежели численность. С одной стороны, это духовенство, прежде всего высшие священнослужители, которые в силу системы конкордатов¹, введенной папством после Констанцкого собора, практически назначались или контролировались правительством, епископы, аббаты, каноники-пребендарии². Именно в их среде Бедфорд найдет самых активных помощников, потому что на престол архиепископа Руанского сам посадит Людовика Люксембурга, сторонника и советника бургундцев. С другой стороны, это торговая буржуазия городов, после героического сопротивления захватчику легко примкнувшая к нему, как только возвратился порядок, а значит, началось процветание коммерции. Особенно характерный пример — Руан, резиденция правительства, Совета, Канцелярии, Суда Шахматной доски, благодаря такому отношению узнавший хорошие времена и заключивший выгодные сделки. Возобновление торговли с Англией окончательно определило симпатии горожан. Совсем иначе дело обстояло в деревне. Местная знать, за исключением крайне редких изменников, дружно не приняла захватчиков и ушла в добровольное изгнание, предпочтя потерять свои владения, но не подчиниться вражескому закону. Крестьянская масса в своей основе тоже была настроена откровенно враждебно. Для крестьянина новый режим воплощался лишь в иноземном сеньоре, жадно требующем оброков и исполнения повинностей, да в соседнем гарнизоне, обычно склонном к грабежам. Французские и нормандские хронисты, к какой бы стороне они ни принадлежали, подчеркивали непримиримую враждебность крестьянства, его мятежный дух.

¹ Конкордат — договор между папой Римским и королем с целью определить, какие обязанности и права есть у каждого в отношении церкви отдельного королевства (*прим. ред.*).

² Каноник — священнослужитель, состоявший при соборе и ведший образ жизни, близкий к монашескому; пребендарий — клирик, получивший пребенду — земельное владение (*прим. ред.*).

В описании некоторых из них оккупанты выглядели варварами и палачами, чьи бесчинства народ скорее терпит, чем принимает с готовностью. Это сильное сопротивление не всегда было равно эффективным. Очень активная поначалу, но встречавшая жестокий отпор со стороны врага партизанская война, которую вела поставленная вне закона мелкопоместная знать при поддержке тысяч сообщников на местах, принесла немало успехов, но по мере того как надежды на скорое освобождение угасали, ее накал слабел. Когда в 1424 г. у врат Нормандии, в Вернее¹, дофин погубил единственную сильную армию, на которую еще можно было рассчитывать, упавшее духом население смирилось со своей судьбой. Отныне войну продолжали только отдельные упрямцы, сорвиголовы да приходящие с Юга дерзкие партизаны, наводившие страх своими стремительными рейдами. Крестьян их приближение пугало не меньше, чем английские гарнизоны. Чтобы справиться с этими патриотами, англичане окрестили их «разбойниками», что давало удобную возможность вешать их без всякого подобия суда, когда удавалось их схватить. Но бесконечно возобновлявшаяся борьба с этими таинственными партизанами изматывала оккупантов, напоминая им, что спокойствия на вражеской земле им никогда не будет. Все новые казни не укрепляли порядка, а лишь разжигали ненависть. Продолжались заговоры. В момент, когда на свое славное поприще вступила Жанна д'Арк, мятеж возник даже в среде мирных руанских горожан, и подавить его удалось лишь с грехом пополам.

Такое обилие трудностей красноречиво свидетельствует о непопулярности и шаткости английского оккупационного режима. А ведь, по признанию самого Генриха V, Нормандия еще была провинцией, где его власть имела самые прочные

¹ Битва при Вернее (17 августа 1424 г.) — первое крупное сражение между армиями дофина Карла и герцога Бедфорда. Англичане легко одержали победу, воспользовавшись отсутствием единства среди предводителей французов и несогласованностью действий отрядов армии Валуа, состоявших, помимо прочего, из шотландцев, арагонцев и галуэзцев. Шотландцы во главе со своими командирами почти полностью погибли на поле боя (*прим. ред.*).

основания. На смертном ложе он дал Бедфорду совет удержать Нормандию любой ценой, даже если придется оставить Париж. И на самом деле честный и энергичный регент сделал все возможное, чтобы сохранить это драгоценное приобретение. Но если эту провинцию он не потерял, то и переломить ее настроения не смог. Отдельные проявления милосердия, осуждение эксцессов некоторых особо одиозных гарнизонов не принесли ему лояльности населения. На этой глубоко враждебной земле англичане продержались тридцать лет — срок немалый, если учесть трудности, связанные с их задачей.

II

АНГЛО-БУРГУНДСКАЯ ФРАНЦИЯ

Под англо-бургундской Францией мы понимаем провинции, где после договора в Труа власть осуществляли совместно английские чиновники и представители партии бургундцев. Отсюда надо исключить собственные домены Филиппа Доброго и его кузенов или младших отпрысков семьи, которые в силу того же договора Генрих V обещал не беспокоить и отдал молодому герцогу в самостоятельное правление: в пределах королевства это Фландрия, Артуа, графства Ретель, Невер и Шароле, герцогство Бургундия; добавим сюда графство Булонь — оно находилось в вассальной зависимости от Артуа, но его законный наследник Жорж де ла Тремуиль с 1416 г. был лишен Иоанном Бесстрашным своих владений; Турне, передовой пост королевского домена на Шельде, с 1420 г. попавший под протекторат фламандских чиновников, и Маконне, оккупированное бургундскими войсками с самого начала войны с дофином. Посмотрев на карту, нельзя не поразиться, сколь небольшая территория находилась под реальным контролем Ланкастеров даже в момент, когда ее протяженность была максимальной. Находясь между собственно английской Нормандией, Бургундским государством и обширными регионами, сохранявшими верность дофину, она по сути сводилась к бывшему королевскому домену Филиппа Августа от Соммы до средней Луары, то есть к старым бальяжам, окружавшим Париж, — Амьену, Вермандуа, Санлису, Мо, Мелёну и Шартру. Сюда надо было бы добавить Шампань. Но, занятая с 1418 г. бургундцами, эта провинция фактически избежала режима совладения. После 1424 г. Бедфорд не будет здесь иметь никакой власти, даже номинальной.

Хоть ланкастерская власть и осуществлялась на ограниченном пространстве, она извлекала неоценимое преимущество из того, что владела Парижем и контролировала центральные органы королевского правительства. Здесь не было никакой нужды ни учреждать новые ведомства, ни даже производить чистку старых. Они были полностью реорганизованы Иоанном Бесстрашным, заполнены ставленниками могущественного герцога и полностью готовы к сотрудничеству с новой династией. Договор в Труа не мог бы принести всех плодов, на которые рассчитывали Ланкастеры, если бы влатель Северной Франции не оставался верным другом Филиппа Доброго. В политической сфере, несмотря на все назревающие ссоры, к которым нам позже придется вернуться, Бедфорд искал верного согласия и в течение десяти лет сумел поддерживать добрую гармонию, укрепленную его браком с Анной Бургундской. В административном плане трудностей было еще меньше, потому что при двух этих принцах Французское королевство управлялось французами или, скорее, бургундцами. Поэтому чужеземное господство не очень сильно проявлялось и стало более приемлемым для населения. Конечно, в Королевском совете можно было видеть нескольких именитых англичан: военных, дипломатов, «почетных гостей», как кардинал Генрих Бофор. Но все остальные члены Совета, самые влиятельные, потому что самые постоянные, были французами и клиентами герцога Бургундского: канцлеры Жан Леклерк, а потом Людовик Люксембург (из семьи графов Сен-Поль), сначала епископ Теруаннский, а позже архиепископ Руанский, сделавший в бургундской администрации быструю карьеру чиновника в качестве председателя Счетной палаты и генерального управляющего финансами; Пьер Кошон, ставший докладчиком Палаты прошений после своих авантур как магистра университета и кабошьена¹, а вскоре (с

¹ Приближенный герцога Иоанна Бесстрашного, Пьер Кошон был одним из зачинщиков мятежа кабошьенов. Именно он выступил перед парижскими горожанами и спровоцировал мятеж, в ходе которого толпы восставших проникли в спальню дофина и схватили его людей (*прим. ред.*).

1420 г.) — архиепископ Бовезийский; Симон Морье, рыцарь из области Шартра, которого назначили парижским прево; мясник Жан из Сент-Йона, ставший управляющим финансами. Этим опытным или же прочно сидящим на своих местах чиновникам Генрих V, а потом Бедфорд предоставили основную власть, оставив за собой на все про все только назначение на военные посты и присуждение даров и пенсионов. Главные органы управления продолжали свою рутинную работу, используя бургундский персонал, назначенный после 1418 г. Парламент, тщательно вычищенный Иоанном Бесстрашным, который поставил первым президентом верного сторонника бургундцев — Филиппа де Морвилье, во всем поддерживал взгляды регента. По традиции придерживаясь галликанизма, он, конечно, выдвинул кое-какие возражения, когда в 1425 г. должен был зарегистрировать конкордат, полученный Бедфордом из рук Мартина V, но его сопротивление ограничилось несколькими протестами, не получившими развития, и было заглушено рабской привычкой высшего духовенства к покорности. В Счетной палате, в Палате эд, восстановленной Бедфордом (Иоанн Бесстрашный в 1418 г. отменил ее вместе с податью эд), — та же верность ланкастерскому режиму; среди тех, кто делил между собой власть, более десяти лет царили заложенные в Труа доброе согласие и сотрудничество в административной сфере.

Если авторитет режима измерять активностью его законодательной деятельности, то о режиме Ланкастеров нельзя сказать, чтобы он был очень силен. Все-таки Генрих V, направляясь во Францию, объявлял о намерении восстановить порядок в работе администрации, пораженной коррупцией, прекратить произвол чиновников и пресечь разграбление государственных доходов. Военные заботы, а равно ранняя смерть не дали ему воплотить эти красивые планы реформ, хотя трудно сказать, насколько искренне он к этому стремился. Но бургундские советники, также ратовавшие за них (из которых некоторые, как Кошон, уже сыграли первостепенную роль в кабошъенском движении), могли бы наконец попытаться под эгидой Ланкастеров провести это коренное переустройство системы управления, которое поминали в своих

обещаниях. Что касается нерадения, косности или неспособности чиновников, то здесь они не сделали ничего. Единственная сфера, где они постарались как-то исправить застарелые привычки, — сфера монетного обращения. Но само обилие монетных ордонансов, повторяющих один другой, показывает, как трудно им было восстановить и сохранить полноценную монету, в то время как страну периодически наводняли монеты из земель дофина, без конца девальвируемые.

Если англо-бургундцы и не ввели новшеств, то нельзя отрицать, что их режим все-таки был прочным. Главную слабость их власти следует искать не в рутинности управления и неприятии новых инициатив. Ее можно свести к трем пунктам: трудности, связанные с военной оккупацией; алчность английских капитанов и баронов; наконец, скудость финансовых средств.

Генрих V заставил Англию совершить финансовое и военное усилие, совершенно непропорциональное ресурсам королевства: экспедиция 1415 г., вторжение 1417 г., подкрепления, отправленные на континент в следующие годы... После его смерти уже нельзя было дальше оплачивать нескончаемую войну, поглощавшую все больше людей без решающего результата. И английский народ в лице его правителей, его парламента счел, что, дав своему королю возможность надеть корону Франции, свой долг он выполнил полностью. Если после этого еще надо было покорить много мятежных провинций, то делать это надлежало его французским подданным, а не английским. За весь период своего правления в Париже и Нормандии Бедфорд немного мог добиться от английских финансовых ведомств, очень неохотно приоткрывавших для него свои сундуки. Дело в том, что в этом пункте со всей строгостью соблюдался принцип «двойной монархии». Расходы на Англию — за счет англичан, на Францию — за счет французов. Оба королевства, хотя и имели общего суверена, существовали сами по себе. Когда из-за Ла-Манша надо было получить подкрепления, всегда недостаточные, Бедфорд должен был их оплачивать из французского бюджета. Потому у него не хватало людей, чтобы создать в частично или полностью покоренных провинциях достаточ-

но плотную сеть постоянных гарнизонов. Англичане старались удерживать самые важные пункты — на реках, вдоль дорог. Экономия средств вынуждала использовать всех имеющихся в распоряжении людей там, где происходили активные действия — в Мене и Анжу, между Сеной и Луарой. Остальные места охранялись плохо, туда лишь периодически направлялись карательные отряды для наказания бунтовщиков. Внешнее равнодушие населения, покорность земельной знати, которая почти вся стояла за бургундцев, не позволяли, как в Нормандии, поселить здесь английских рыцарей, чтобы им можно было не платить и они жили на доходы с фьефа, дарованного им. Бургундские гарнизоны, услугами которых приходилось-таки пользоваться, действовали сами по себе и не были образцами абсолютной верности, как выяснилось в Шампани. Хотя население оказывало менее активное сопротивление, чем в Бретани, захватчики не в полной мере сохраняли контроль над ним, и власть их всегда была непрочной, уверенности в завтрашнем дне у них не было. Париж с пылом принял сторону герцога Бургундского из ненависти к арманьякам. Английская оккупация заставила его забыть о режиме террора, от которого он избавился; он выражал недовольство иностранным гарнизоном, но до восстания дело никогда не доходило. На сельскую местность можно было рассчитывать гораздо в меньшей степени. В результате некоторые крепости могли надолго оставаться в руках своих арманьякских капитанов или впускать гарнизоны воинов дофина, когда из-за случайностей войны его отряды оказывались близко, образуя то здесь, то там островки сопротивления, делая небезопасными дороги, давая возможность для дерзких рейдов. Хотелось бы иметь возможность усеять карту этими красными точками, оценить их плотность и, следовательно, опасность. Но такая карта сильно менялась бы в зависимости от момента времени, к которому она относится. В какой-то момент, в конце 1423 г., они были очень многочисленны — не только вокруг Парижа и в Шампани, но и в Понтье, в Пикардии, на границах Ретельской области и Барруа. Тогда ватаги сторонников дофина рыскали под стенами Парижа. Мощное контрнаступление англичан нанесло им сильный урон. Впрочем,

они сохранились или же изменили облик. Эпопея Жанны д'Арк знакомит нас с двумя знаменитыми образцами таких анклавов. На восточных границах Шампани и Барруа целые округа благоговейно хранили память о Людовике Орлеанском, обладавшем немалым могуществом в этом регионе, и оставались верны дофину, никогда не открывая объятий бургундской партии. Известно, какой властью над деревнями Аргонна обладал Робер де Бодрикур, капитан замка Вокулёр, командовавший от имени буржского короля. В самом Ильде-Франсе кавалькада, едущая на коронацию, вернет Компьень, где в двух шагах от Крея и Фландрского тракта Гильом де Флави разместил гарнизон сторонников дофина. Переложив на бургундцев заботу о поддержании порядка, Ланкастеры никогда реально не владели Северной Францией. Легкость, с какой Труа, а потом Реймс откроют ворота накануне помазания, более чем убедительно доказывает, что англо-бургундское владычество здесь было скорее номинальным, чем эффективным.

Не меньше мешали Бедфорду править требования английских баронов и капитанов. Всякий прибывший во Францию воевать, великий и малый, желал урвать свою часть от захваченных трофеев. За оказанные услуги нужно было платить; чтобы удержать на континенте лучших капитанов, им следовало выделять приличные сеньории; нерешительных соблазняли посулами даров, чтобы побудить пересечь Ла-Манш и влиться в поток воинов. Владения мятежных вассалов, удельных князей: Мен, Перш, Алансон, Э — некоторые из них, правда, еще надо завоевать, — должны были утолить самые ненасытные аппетиты: львиную долю получили Уорик, Солсбери, Саффолк, Тальбот, Фастольф. Другим, а имя им легион, тоже надо раздавать земли и назначать пенсии. Именно ради этого Бедфорд оставил за собой в правительстве Франции контроль над милостями. Но очень быстро оказалось, что выполнить все требования, которым нет конца, он не в силах. Когда конфискаций бывало уже недостаточно, чтобы удовлетворить все амбиции, приходилось кусок за куском отчуждать королевский домен, и так уже плачевным образом урезанный из-за гражданской войны, а дальше — обременять

казну всевозможными выплатами, без конца углублявшими пропасть бюджетного дефицита. Первыми этим пользовались сторонники бургундцев: чтобы не ускорить их измену, нельзя было ни лишать их наследства, ни прекращать снабжение. Где взять суммы, необходимые для насыщения такой алчной оравы агентов власти?

В Северной Франции Ланкастеры унаследовали все фискальные трудности Валуа, усугубленные потребностями войны и военной оккупации. Иоанн Бесстрашный, преследуя свои демагогические цели, отменил сбор эд, подымной подати или косвенных налогов, оставив из непопулярных податей одну габель. С 1420 г. Генрих V добился от Штатов Лангедойля при утверждении договора в Труа восстановления налогов на продажи, правда, по меньшей норме, чем прежде: $1/20$ для коммерческих сделок, $1/4$ для вина и напитков. Вскорости возникла необходимость вернуть и подымную подать. Но режим, не уверенный в поддержке общественного мнения, не мог это сделать одним росчерком пера. Значит, надо было обращаться к Штатам. Но слишком часто созывать представителей всего англо-бургундского Лангедойля англичанам не хотелось. Это было сделано всего однажды, сразу после победы при Вернее, когда вновь выросший престиж позволил им добиться согласия на сбор солидной тальи — 240 000 ливров. С другой стороны, в провинциях старого домена — Иль-де-Франсе, Пикардии, Вермандуа, Шампани — не было давней традиции сборов местных Штатов. И Бедфорд, ничуть не отступая от обычаев, созывал здесь Штаты лишь крайне редко. Известна одна ассамблея представителей Шампани и Пикардии весной 1424 г., и это все. Впрочем, как наиболее пострадавшие от гражданской войны, эти истощенные провинции не могли давать ни постоянных, ни значительных налоговых поступлений. Как ни плохо известны подробности ланкастерского управления в этих округах, похоже, Бедфорд был вынужден удовлетворяться в качестве прямых налогов теми скудными субсидиями, которые время от времени вотировали депутаты некоторых городов или малые ассамблеи баляжей. Вся масса налогового бремени пришлось на Париж, горожан которого давили поборами при всех режимах, и на

Нормандию. Попад под более устойчивый режим оккупации и под более строгое управление, меньше пострадав от войн, Нормандия в полной мере стала «дойной коровой» ланкастерского режима. Местные Штаты здесь по традиции были более жизнестойкими, чем в бывшем королевском домене. Генрих V и Бедфорд тут, как и в других местах, воздерживались от нововведений. Они часто собирали представителей герцогства — в Руане, в Верноне, в Кане, в Манте, иногда даже в Париже; только за тринадцать лет, с 1422 по 1435 г., известно более двадцати сессий нормандских Штатов. Каждый раз от них требовали денег, которые они покорно вотиrowали. Объем выделяемой тальи колебался от 100 000 до 300 000 ливров в год; но невозможно сказать, в какой степени сборщикам удавалось собирать столь крупные суммы с одной-единственной провинции королевства. В любом случае они не удовлетворяли полностью нужд администрации, прежде всего военных. Если вспомнить, что в начале века монархия Валуа ввела во всем королевстве талью, превышавшую миллион ливров, станет понятно, насколько уменьшились суммы, которыми были вынуждены довольствоваться захватчики, причем в момент, когда продолжение войны и завоеваний вело к постоянному росту их потребностей.

Итак, все имеющиеся ресурсы должны были строго расходоваться лишь на войну. Оккупационный режим, который Ланкастеры рассчитывали установить временно, завершился лишь с прекращением их власти и не позволил им привлечь на свою сторону население, потому что так и не дал ему спокойствия, существовавшего до гражданских смут. Тем не менее боевые силы англичан, их экспедиционные корпуса, разделенные на мобильные эшелоны, или разбросанные по замкам гарнизоны регулярно снабжались провиантом и боеприпасами, в определенные дни получали повышенное жалование — ничего этого не ведали, и уже давно, те, кто воевал на стороне дофина. Именно благодаря этой строгой организации армии при небольшом личном составе англо-бургундский режим держался в стране, несмотря на неполный характер военной оккупации, на ненадежность налоговых поступлений. При взгляде изнутри кажется, что он поражен

неизлечимой слабостью, что он умирает раньше смерти. Доблесть вождей, предпринявших это химерическое и безнадежное дело, также объясняет его частичный успех и существование более пятнадцати лет. Наконец, им повезло — прежде всего в том, что среди противников не нашлось людей их калибра, которые бы одним щелчком могли разрушить хрупкий карточный домик «двойной монархии».

III

БУРЖСКОЕ КОРОЛЕВСТВО

Вся Центральная и Южная Франция, за исключением английской Гиени, сохранила верность дофину Карлу после того, как он был лишен наследства. Когда в мае 1418 г. бургундцы вошли в столицу, они кичились, что на их стороне большая часть королевства. На какой-то момент губернаторы, назначенные Иоанном Бесстрашным, а именно Жан де Шалон, принц Оранский, поддержанный Жаном де Гральи, графом Фуа, действительно добились признания в Лангедоке, где лихоемство покойного герцога Беррийского настроило общественное мнение против арманьяков. Поездка дофина с марта по май 1420 г. по южным провинциям и взятие Нима и Пон-Сент-Эспри вернули Лангедок под его контроль; но немного позже, в 1425 г., управление этими богатыми сенешальствами было доверено ныне подчинившемуся графу Фуа, который, как и все его предшественники, стал их сознательно грабить, осуществляя власть практически как независимый правитель и включив в пределы своего наместничества соседние провинции — Ажене и Руэрг, вяло оспариваемые англичанами.

Границы подвластной дофину территории неизбежно оставались неопределенными и сдвигались в зависимости от его переменного успеха в боевых действиях. Если на севере сражались прежде всего за обладание землями между Сеной и Луарой, то есть от бретонских марок до Морвана, то на востоке, напротив, после 1423 г. бургундский фронт стабилизировался: его линия шла вниз по Луаре от Жьена до Роанна — где давно велась борьба за два плацдарма Ла-Шарите и Марсиньи, угрожавшие соответственно Берри и Бурбонне, — далее поворачивала на восток между Маконне и Божоле и наконец

упиралась в Бресс, владение Савойского дома, сохранявшего нейтралитет, скорее благожелательный к бургундцам. На юго-западе театром скрытой войны осад и набегов были Сентонж, Лимузен, Перигор, Руэрг, Ажене.

В этих пределах Карла признавали в трех группах провинций: с одной стороны, в землях по Луаре, северным крылом которых были домены Анжуйского и Орлеанского домов, южным — домен Бурбонов. Это Пуату, Турень, Берри — места, где предпочитал жить юный принц, которого враги вскоре презрительно нарекут «буржским королем». Южную группу составлял Лангедок и причисленные к нему владения, о непостоянстве которого мы только что говорили. Наконец, на юго-востоке располагалось Дофине, удачно соединенное с основной территорией королевства благодаря тому, что в руках дофина находился Лион — стратегическая позиция первостепенной важности, соседствующая с бургундскими доменами; Лион подтвердил свою верность с самых первых дней войны. Позже лионские консулы не без гордости напомнят победоносному Карлу VII, что их город «никогда не колебался». В своей квазицелостности только что перечисленные провинции раньше представляли собой апанажи принцев орлеанской группировки или подчинялись им как губернаторам, причем совсем недавно: Турень и Дофине были владениями детей Карла VI и в последнюю очередь перешли к самому дофину Карлу; в Берри, Пуату и Лангедоке раньше правил герцог Беррийский. Действительно, в 1418 г. основную силу шестнадцатилетнего юноши, которого бургундцы изгнали из Парижа, составляла верность принцев. За него Анжуйцы: он уже был обручен с Марией, сестрой Людовика III Анжуйского и того самого Рене, которого другой брак позже сделает герцогом Лотарингским; лишившись поддержки коннетабля д'Арманьяка, он обрел необходимую покровительницу в лице своей тещи Иоланды Арагонской, вдовы Людовика II Анжуйского, которую по эту сторону Альп величают «королевой Сицилии» и которая старалась согласовать анжуйские интересы с интересами зятя. За него Орлеаны: конечно, герцог Карл на многие годы стал пленником англичан и скрашивал досуг долгого заключения, шлифуя свои изящные рондо, что-

бы стать самым прелестным поэтом нашего XV в. Но в его отсутствие орлеанским апанажем управляли чиновники дофина, а главное, что единокровный брат сиятельного пленника, бастард Жан, граф Дюнуа, отдал свой меч на службу делу Валуа. За него, наконец, Бурбоны; в отсутствие герцога Иоанна, который тоже находился в плену, где и умер впоследствии, делу дофина верно служила герцогиня Мария Беррийская, присоединившая к обширным владениям мужа Овернь; ее войска будут успешно сдерживать натиск бургундцев на границах Шароле и Божоле. Конечно, Буржское королевство на многие годы осталось подверженным анархии, хаосу, разрухе. Но благодаря поддержке удельных князей оно представляло собой компактную группу земель, где не возникало никаких серьезных расколов, где не было ни островков сопротивления, ни партизанских рейдов, столь опасно ослаблявших англо-бургундскую Францию.

Таким образом, при всей неустроенности своей бродячей и нуждающейся жизни на берегах Луары дофин вовсе не был так одинок, не покинут всеми, как часто писали. К поддержке принцев добавлялась не имеющая равных помощь со стороны королевских чиновников, в основном верных слуг Валуа. Столицу дофин был вынужден уступить врагу, а вместе с ней и центральные органы управления. Их пришлось кое-как воссоздавать в изгнании и размещать в случайных резиденциях к югу от Луары. Как с 1418 по 1420 г. Труа для королевы и бургундцев, Бурж стал чем-то вроде столицы, где разместились основные государственные учреждения. Именно там по преимуществу заседал совет дофина, когда он не следовал за принцем в его передвижениях по стране. Именно там были организованы постоянные отделения Канцелярии; там же после кратковременного пребывания в Туре водворилась и Счетная палата. Город Пуатье, другая столица беррийского апанажа, принял к себе собственно судебные учреждения. С 21 сентября 1418 г. согласно Ньорскому ордонансу там расположился парламент. Учтя, что чистка, проведенная в парламенте герцогом Бургундским, практически уничтожила старый парламент и сделала новый незаконным, дофин перенес резиденцию верховного суда королевства в

бывший дворец графов Пуатевинских. Сначала этот суд был очень малочислен и насчитывал не более восемнадцати судей, советников и докладчиков прошений. Здесь удалось организовать только два отделения — большую палату и палату по уголовным делам. Следственная палата и палата прошений были восстановлены намного позже, когда персонала стало побольше и дела пошли более постоянным потоком: ведь беспокойная жизнь во всем королевстве свела почти на нет авторитет и компетенцию этого парламента в изгнании. Между 1420 и 1428 гг. даже пришлось в Тулузе, а потом в Безье создать и сохранить на время отдельный парламент для разбора лангедокских дел на месте, даром что король всегда старался избегать децентрализации своих верховных судов. Наконец, в том же Пуатье в 1425 г. была реорганизована Палата эд — также в уменьшенном составе, потому что в ней осталось семь членов.

Это дублирование институтов в целом не составило особого труда благодаря тому, что королевские чиновники сохранили верность делу дофина. От массовых увольнений в парламенте, ведомстве двора, финансовых службах, верховных судах, проведенных в 1418 г. Иоанном Бесстрашным и завершенных в 1420 г. Генрихом V, пострадало не только некоторое количество заведомых сторонников арманьяков, но и многие нейтральные либо умеренные чиновники, желающие прежде всего возврата к внутреннему миру, возврата, который на какой-то момент произошел при дофине Людовике Гиенском. Уступив место неизвестным бургундцам, слабо разбиравшимся в делопроизводстве и не умевшим придать парижским институтам того блеска, каким обладали прежние представители королевской власти, смещенные чиновники оказались скопом причислены к приверженцам дофина и приговорены к изгнанию. Свою корыстную преданность, не всегда сочетавшуюся с добросовестным исполнением обязанностей, но неизменную, они принесли Буржскому королевству, видя в этом режиме единственное легитимное продолжение прежней французской монархии. Тем самым они стали основой режима, который без них мог бы и рухнуть. Штат всех ведомств откровенно очень сократился, и кандидатов

было явно больше, чем мест. Выбор, который делали из массы соискателей, не всегда бывал удачным: слишком многие из чиновников были продажными людьми, отъявленными взяточниками, однако обладали опытом и теми качествами, которые руководству удавалось оценить лишь задним числом. В парламенте в качестве первого президента заседает Жан де Вейи, старый опытный советник, давний враг кабошьенов; в качестве президента — Жан Жювенель, бывший хранитель должности купеческого прево, потом королевский адвокат, потом канцлер герцога Гиенского и наконец председатель Палаты эд, пристроивший при себе двух сыновей — будущего архиепископа Реймского и хрониста, более известного под латинизированным именем Жювенель дез Юрсен; нашлось место и для Арно де Марля, сына бывшего канцлера, убитого как арманьяка в 1418 г. Во главе финансовых ведомств королева Иоланда поставила (потом она же спровоцирует его опалу) Жана Луве, малопочтенного председателя Счетной палаты Прованса. В состав Палаты эд помимо двух членов прежней палаты, упраздненной бургундцами, назначили двух бывших советников парламента, протеже Людовика Гиенского и Людовика Орлеанского, и трех пуатевинцев, прежде служивших герцогу Беррийскому. Подобную же смесь можно было обнаружить и в местной администрации. Там наряду с заурядными рвачами служили честные и энергичные люди, как Эмбер де Гроле, бресский дворянин, который с 1419 г. до самой смерти, наступившей в 1434 г., замечательно исполнял должность сенешаля Лиона и в этом качестве руководил сопротивлением, отбив немало нападений бургундцев и построив ряд савойских интриг.

Превосходя ланкастерский режим площадью подвластных территорий, поддержкой удельных князей и качеством административного персонала, Буржское королевство к тому же обладало более обширными средствами, которые, если бы их не расхищали мошенники-управители и придворные хищники, могли бы дать возможность для более форсированного военного натиска. Как и его соперник Бедфорд, Карл использовал существующие налоги, продолжал взимать габель и налог с продаж и постоянно требовал от Штатов разрешения на

сбор новой тальи. Счастливые времена, когда Карл V и его сын повышали талью собственной властью, вернутся, лишь когда монархия, став единым целым, вернет себе былой престиж. Однако ассамблеи Штатов, порой созываемые несколько раз в год, редко противились требованиям правительства. И поскольку подчиненные Карлу провинции в целом были богаче и, пожалуй, менее разорены, чем владения Бедфорда, буржский король получал с них, по крайней мере по документам, значительные суммы. Только в 1424 г., явно составлявшем исключение, потому что в этот год формировалась крупная армия, было выделено: в марте Штатами Лангедойля, собравшимися в Сель-сюр-Шер, — талья в миллион ливров; в мае Штатами Лангедока, созданными в Монпелье, — 150 000 ливров; та же сумма в декабре — сессией Генеральных штатов, состоявшейся в Клермоне; тем временем согласие на дополнительный эд дали местные собрания в Сентонже (июнь), в Веле, Жеводане и Виваре (сентябрь), тогда как только для Пуату налог повысили на 50 000 ливров. Это в целых пять-шесть раз превышало сумму, которую мог рассчитывать собрать в своих доменах Бедфорд. В обычные годы, когда Ланкастеры получали 100 000 или 200 000 ливров, Валуа добивались выделения не менее 500 000 ливров; доход еще оставался довольно большим. Очевидно, остается выяснить, в какой степени страна, ресурсы которой все более истощались, выплачивала огромные суммы, которых от нее требовали. Остается также выяснить, какая часть собранных денег попадала в сундуки буржского короля. Есть подозрение, что имели место бесчисленные растраты, хищения, расточительность дофина по отношению к недостойным фаворитам. В первые годы своего изгнания Карл жил в полнейшей нужде, едва находя достойную одежду, — и тем не менее его пристрастие к красивым тканям было столь велико, что он станет тратить на них весь доход скудного бюджета, — в окружении нескольких приверженцев, тоже бедных. Его чиновники, плохо устроенные в слишком маленьких «столицах», лишь нерегулярно получали небольшое жалованье. В Туре, в Шиноне, в Бурже мало-помалу воссоздавался двор, кочевавший из одной резиденции в другую. Но денег продолжало не хватать. Старые

приемы, а именно девальвация монеты, использовались самым активным образом — до такой степени, что Штаты Шинона, созванные в 1428 г. накануне осады Орлеана, отказались выделять какие бы то ни было новые субсидии, пока монета не вернется к прежней стоимости и не стабилизируется.

Следует ли удивляться, что в обстановке подобной неразберихи все, что делалось в военной сфере против англо-бургундцев, не только не оправдывало надежд, но уступало и тем ограниченным результатам, которых при ничтожных средствах удастся достичь экономному Бедфорду? Если английская армия была малочисленна и ее не хватало для выполнения неотложных задач, она, во всяком случае, отличалась сплоченностью, хорошей экипировкой, ей регулярно платили; дисциплина здесь была строгая и действенная. Карл в своем королевстве мог рассчитывать почти на одних арманьякских капитанов, реликтов гражданской войны, закосневших в грубости, привыкших к грабежу и недисциплинированных. За последующее участие в эпопее Жанны д'Арк некоторых из них окружит ореол славы. Но пока что Ла Гир и Ксентрай, Амбруаз де Лоре, гасконцы Арно Гильем де Барбазан и Амори де Северак и даже сам «милый Дюнуа¹» — не более чем атаманы разбойников. Для организации более многочисленных экспедиций Карл возлагал всю надежду на иностранных наемников, а именно на грозных шотландцев, которых посылал ему регент Олбани, очень довольный, что заодно избавлялся от неудобных соперников. Их вождей — Арчибальда,

¹ Жан, граф Дюнуа (1402–1468 гг.), прозванный Орлеанским Бастардом. Незаконный сын Людовика, герцога Орлеанского, после пленения в битве при Азенкуре (1416 г.) своего сводного брата Карла Орлеанского стал главой орлеанской партии, т. е. арманьяков. Примкнул к дофину Карлу и участвовал во всех военных действиях против англичан. Сражался вместе с Жанной д'Арк под Орлеаном (1429 г.), освобождал от англичан Шартр, Париж и Дьепп, командовал армиями в Нормандии (1449 г.) и Гиени (1451 г.). По поручению Карла VII и Людовика XI участвовал в дипломатических миссиях в Милан и Геную, вел переговоры о перемирии в Туре (1444 г.) (*прим. ред.*).

графа Дугласа, Джона Стюарта, графа Бьюкена — буржский король примет с распростертыми объятиями, наделит землями и пенсиями; в 1421 г. Бьюкен опояшется мечом коннетабля. Но они вели себя во Франции как в завоеванной стране, и их гибель на поле боя под Вернеем народ воспримет как избавление.

Очень слабое место партии дофина, в конечном счете ставшее причиной ее периодических поражений и жалкого уровня обороны от англо-бургундцев, — это личность самого вождя и тех, кто давал ему советы и наживался за его счет. Невозможно представить принца, менее способного вызвать воодушевление окружающих и объединить их вокруг себя, чтобы отстоять дело, находящееся под угрозой, менее пригодного на роль вождя, а после — короля. И в физическом, и в нравственном отношениях Карл — слабый человек, уродливый вырожденец. Тщедушного сложения, худой, с невыразительным лицом, грубых и неприятных черт которого несколько не оживляют маленькие испуганные глаза, придававшие ему скрытный и сонный вид и прячущиеся за длинным и широким носом, дофин, последний отпрыск слишком большой семьи, — в 1418 г. ему исполнилось шестнадцать лет — не был предназначен, чтобы занять престол. Совсем ребенком он был обещан в мужья Марии Анжуйской, и за его воспитание с 1412 г. взялась королева Иоланда. Из этого унижительного положения его вывели, только когда ему пришлось со смертью Иоанна Туренского возглавить партию арманьяков, да и тут он попал под жесткую длань страшного коннетабля. Унылое детство, проведенное среди опасностей и врагов, развило в нем скрытность и коварство; очень похоже, что покушение на мосту Монтеро, как бы он от него ни открещивался, было предумышленным. Крайняя слабость сделала его человеком робким и апатичным, не уверенным ни в чем — ни в своих сторонниках, ни даже в своих правах. Постоянно чувствуя обиду, которую нанес ему договор в Труа, он с тревогой задавался вопросом, не права ли его мать — может быть, он и в самом деле бастард? В таком случае чего ради бороться? Порой он восставал против этого оскорбления, громогласно заявляя о правоте своего дела, как в январе 1421 г., когда

Парижский парламент, преследуя в его лице убийцу Иоанна Бесстрашного, объявил его изгнанным из королевства и не имеющим права владеть никакой сеньорией; или как в ноябре 1422 г., когда, услышав о смерти отца, он объявил о своем восшествии на французский престол и поклялся перед несколькими приверженцами в замке Меён-сюр-Йевр, что не сложит оружия, пока не вернет свое королевство. Но вскоре он впал в апатию, связанную с постоянным страхом, чем воспользовалось его окружение, растаскивавшее остатки королевства. Несмотря на отдельные вспышки — с 1422 г. Карл объявил, что не будет сам водить свои армии, — он не верил в вооруженную силу и часто отказывался выступить в поход и оказать сопротивление захватчикам. Ни на миг он не теряет надежды дипломатическим путем добиться примирения, которое только и позволит выдворить англичан из Франции. Но на пути примирения палки в колеса ему вставляли советники, разжигая в нем злобу на бургундцев, которой они жили. Слишком слабый, чтобы выиграть войну, слишком вялый, чтобы договориться о мире, Карл ежеминутно обманывал ожидания тех — а их еще множество, — кто видел в нем законного наследника славной династии. Меланхолично кочуя из резиденции в резиденцию, молчаливый, скрытный, подозрительный, этот юноша, чье отрочество слишком затянулось, ждал ударов судьбы, чтобы обнаружить в себе мужчину, чтобы стать королем.

Что сказать о тех, кто занимал первое место в его окружении и командовал послушными чиновниками? Канцлер Робер ле Масон, президент Луве, Танги дю Шатель, самые влиятельные лица в первые годы Буржского королевства, — последние выжившие представители группировки арманьяков, вдохновители преступления на мосту Монтеро, скрытые приверженцы своей партии, сформированные гражданской войной и научившиеся жить и процветать благодаря ей, рассчитывающие сохранять власть только за счет продолжения борьбы группировок. Возникнет ли для них угроза потерять место? Мы увидим, что они будут прибегать к приемам гражданской войны и возмущаться, ссылаясь на своего повелителя, теми, кто вытеснит их в качестве фаворитов. Надо при-

знать, что их преемники будут немногим лучше. В окружении слишком юного принца, как и при его помешанном отце, вновь начинались распри, интриги, заговоры, дворцовые перевороты. А поскольку Карл еще нескоро станет мужчиной, то от этого растлевающего окружения, при надобности прибегая к убийству, он отделается лишь очень поздно. Придется ждать 1433 года, чтобы алчный Жорж де ла Тремуиль, долгие годы бывший злым гением буржского короля, пал от ударов убийц.

IV

СУДЬБЫ ВОЙНЫ: ОСАДА ОРЛЕАНА

Ход военных операций, проводившихся в течение почти девяти лет, от заключения договора в Труа и до появления Жанны д'Арк, как на бургундском фронте, так и на английских рубежах обороны, трудно описывать последовательно. Если бы захватчики вели их решительно и с привлечением крупных сил, эти операции, конечно, завершили бы опасный ряд «набегов», из которых последним по времени в действительности был Азенкурский, и, может быть, заставили бы события повернуться в пользу того, кто заранее был признан победителем. Но задача завершить завоевания, которую никак не удастся решить, вынуждает Ланкастеров распылять свои силы, терять драгоценное время на то, чтобы подавлять островки сопротивления, в любой момент быть готовыми защититься от внезапного нападения сторонников дофина. В конечном счете все сводится к налетам, захватам крепостей, более или менее глубоким рейдам на территорию противника, отдельным сравнительно долгим осадам. Прекрасный материал для историка-краеоведа, который по ограниченному театру военных действий, на примере Анжу, Ниверне, Южной Бургундии может подробно проследить за превращениями войны в одной конкретной точке; или для биографа, который, посвятив исследование какому-нибудь прославленному капитану, например, пуатевинцу Перрине Грессару у англо-бургундцев или кастильцу Родриго де Вильяндрандо у приверженцев Карла VII, по своему усмотрению представляет героя на той или иной арене его подвигов. Нам придется отказаться от воссоздания на основе этих событий той общей и упрощенной картины, какой требует военная история при описании крупных конфликтов, тем более что даже в этот печальный

период бесконечно возникающие в каждом лагере политические проблемы и переменчивый соблазн дипломатических сближений срывают планы капитанов. А если факты, относящиеся к дипломатии и политике, отделять от чисто военных событий, то последние будут выглядеть еще более бессвязными, чем даже были в действительности. Поэтому придется, рискуя слишком ограничить выборку из моря фактов, попытаться охарактеризовать несколько больших стадий, отметить пройденные этапы, выявить несколько особо значительных дат. Поступая так, историк оказывается в более выгодном положении, чем современники, которые из-за погруженности в текущую повседневность не способны выделить принципиальные перемены в пестром океане событий дня. Чтобы убедиться в этой близорукости, достаточно прочесть ценнейший «Дневник» парижского горожанина, безымянного сторонника бургундцев, — верное отражение чувств жителей столицы, весь заполненный записями о подорожании жизни, о трудностях со снабжением, автор которого проявляет больше интереса к мимолетным колебаниям общественного мнения, чем к самым важным решениям дипломатов и капитанов, или даже увлекательную «Хронику» Жювенеля дез Юрсена, где этот умеренный советник Карла VII, некоторое время спустя и несколько приукрашивая свою роль, излагает свои воспоминания. Если в том и другом лагере все более и более отчетливо ощущают серьезность ставки: ведь на карту поставлена судьба авторитетного Французского королевства, — то как развиваются события и куда со всем пылом несутся люди, современники видят не вполне ясно.

Первый этап этой запутанной истории, в которой нам надо будет уловить самые основные контуры, составляют итог деятельности Генриха V и начало царствования его преемника — до середины 1423 г. Окруженный ореолом беспримерной воинской славы, гордый дипломатическим успехом, благодаря которому давно вожделенная корона оказалась от него на расстоянии вытянутой руки, король Англии, женившись на Екатерине Французской, все-таки не завершил тем самым своего дела. Общая цель и его политики, и политики его бургунд-

ского союзника состояла в том, чтобы свергнуть дофина — единственное препятствие к объединению королевства под скипетром Ланкастеров. Но время атаковать дофина в его логове, на землях к югу от Луары, еще не настало, хотя и казалось, что тот очень уязвим. Дело в том, что Генрих, придерживаясь стройного метода, который использовал до сих пор, хотел сначала завершить подчинение завоеванных провинций и лишь затем двигаться дальше. Почти повсюду — в Понтье, в Пикардии, в Шампани, в Иль-де-Франсе — коммуникациям угрожали арманьякские гарнизоны. Они были на Уазе, на Марне, на верхней Сене, имея возможность подрывать снабжение Парижа. Чтобы подавить их один за другим, понадобились бы долгие месяцы. Англичане для начала удовлетворились одним примером в назидание прочим. Въезд суверенов в Париж для ратификации договора в Труа задержался из-за длительной осады и взятия 17 сентября 1420 г. Мелёна, а за это же время группа бургундцев хитростью проникла в Монтеро и вывезла в картезианский монастырь Шанмоль останки Иоанна Бесстрашного. После этого можно было бы разработать план наступления на основные силы дофина. Но регент Франции дал свободу действий своим полководцам, не усмотрев в этом опасности, а тем не терпелось удовлетворить личные амбиции. Мен он отдал своему брату Кларенсу, Перш — Солсбери, и оба поспешили захватить свои новые апанажи, распылив по удаленным от центра областям и так немногочисленные войска. Наконец, и самому Генриху следовало вспомнить о своем островном королевстве, где он не появлялся уже более сорока месяцев. В январе 1421 г. он привез королеву Екатерину для коронации в Вестминстер. Там он созвал новый парламент, отметил, что со времен его последнего отъезда достигнуты блистательные успехи, предсказал близкий конец всякого организованного сопротивления партии дофина, добился вотирования новых субсидий для последних операций и начал постепенно набирать дополнительную армию.

Эти промахи и задержки повлекли серьезные последствия: окончательная победа, казавшаяся совсем близкой, вновь ощутимо отдалилась. В отсутствие короля завоеватели Мена были

неожиданно атакованы франко-шотландской армией графа Бьюкена, который здесь на поле боя заслужит меч коннетабля. 22 марта 1421 г. в сражении при Боже, в Анжу, погиб Кларенс, лучший из полководцев Генриха и его официальный наследник. Большого и не требовалось, чтобы в лагере дофина возродились все надежды. По всей стране действовали гарнизоны его сторонников, усложняя жизнь чужеземным оккупантам и бургундцам. И, охваченный необычным для него пылом, сам дофин через Мен и Бос повел свою армию к стенам Парижа. Надо было срочно готовиться ответить на удар. В июле в Кале со свежими силами высадился Генрих, и одного сообщения о его приближении хватило, чтобы дофин вернулся за Луару. Но все сделанное за год теперь надо было начинать заново: очистку Пикардии, которую взял на себя Филипп Добрый; отвоевание земель Дрё, Перша, Боса — эту задачу Генрих возложил на своего бывшего пленника Артура Бретонского, графа Ричмонда (французы говорят: Ришмон), брата Иоанна V Бретонского, принесшего оммаж английскому королю; деблокирование Парижа, для чего требовалось взять перекрывающие к нему доступ города на Сене. Все эти дела заняли остаток 1421 года и первых шесть месяцев следующего. Мо капитулировал в мае 1422 г., Компьень — в июне.

На самом пороге масштабных действий король Ланкастер вновь был остановлен, на сей раз болезнью. 31 августа 1422 г. он умер, успев, однако, назначить продолжателей своего дела. Екатерина Французская дала ему наследника, но это всего лишь восьмимесячный ребенок — Генрих VI, сразу же провозглашенный королем Англии, а вскоре и королем Франции. После смерти Кларенса у Генриха V осталось только два брата: одному из них, Джону, герцогу Бедфорду, хорошему полководцу и прозорливому администратору, он оставил французские дела, но при условии, что тот для начала предложит регентство Филиппу Доброму, который, как все надеялись, откажется. Генрих знал, что найдет в лице Бедфорда лояльного и умного преемника, который продолжит его политику; прежде чем умереть, он перечислил тому основные задачи — любой ценой сохранить согласие с Бургундией, энергично вести

войну с дофином, справедливым управлением получить признание строптивного местного населения, постараться удержать Париж, но в случае, если это окажется невозможным, отойти в Нормандию — цитадель ланкастерского режима. В Англии ситуация менее ясная: по логике регентство должно достаться самому младшему брату короля — Хэмфри, герцогу Глостеру. Но Генрих знал, что, хоть тому уже исполнился тридцать один год, это пустой и легкомысленный молодой человек, и его кипучая активность могла привести к самым неприятным последствиям. Если Глостеру невозможно не дать титула протектора королевства, то основная власть будет передана Бофорам, дядьям покойного, самым надежным опорам династии: Генриху, епископу Винчестерскому, который вскоре станет кардиналом, Томасу, герцогу Эксетеру, и Джону, графу Дорсету. Генрих V умер в Венсеннском замке, но покоем в во французской земле ему было не суждено. Заупокойную службу отслужили в соборе Парижской Богоматери, после чего тело перевезли в Вестминстер, словно было предсказано, что ни один Ланкастер не найдет последнего прибежища под плитами Сен-Дени.

Осенью того же года Францию повергла в печаль другая смерть, еще более трогательная. Брошенный всеми во дворце Сен-Поль, откуда ушла даже Изабелла, окруженный несколькими верными слугами, 22 октября 1422 г. угас Карл VI — через два месяца после своего английского зятя, в возрасте пятидесяти четырех лет, однако после тридцати лет перемещающегося, но неизлечимого психоза. На его похоронах не было ни сына, ни племянников, ни даже герцога Бургундского. За катафалком следовал один Бедфорд, представлявший юного Генриха VI, сразу же объявленного королем Франции, хоть он и отсутствовал, оставаясь за Ла-Маншем. Двойная монархия, контуры которой очертил договор в Труа, наконец официально начинала воплощаться в жизнь. Но реальностью она могла стать лишь с падением дофина, теперь называвшего себя Карлом VII, а чтобы его свергнуть, Бедфорду потребовалась бы поддержка всех союзников, и прежде всего надо было укрепить дружеские связи с Филиппом Добрым. Однако до сих пор союз с бургундцами не принес тех резуль-

татов, на которые рассчитывал Генрих V. Властный регент и король мало считался с традиционным желанием повелителей Бургундии править Парижем. Английские гарнизоны грубо вытеснили герцогское знамя с андреевским крестом из всех важных крепостей. Поэтому после Труа Филипп, обиженный на ланкастерский режим, показывался в столице лишь ненадолго и в основном не покидал Лилля или Гента, своих любимых резиденций. Между его капитанами и английскими командирами возникали досадные ссоры, будоражившие общество. Когда в январе 1422 г. в ходе краткой поездки по герцогству Филипп, верный данному слову, захотел, чтобы дижонцы принесли оммаж назначенному Карлом VI-наследнику, горожане дали согласие на договор в Труа в конечном счете лишь нехотя и по категорическому приказанию.

Это серьезные симптомы, что надо принимать меры, чтобы нарыв не созрел. Бедфорд, менее высокомерный и скрытный, чем его старший брат, в отношениях с герцогом Бургундским разыгрывал лояльность и доверие. Еще во время болезни Генриха он, не задумываясь, послал подкрепления в Ниверне, чтобы отстранить от вотчин союзника угрозу со стороны сторонников дофина. Со смертью короля Англии он предложил герцогу стать регентом Франции. Предложение заманчивое, позволявшее без борьбы осуществить мечту какого-нибудь Филиппа Храброго или Иоанна Бесстрашного окончательно взять в свои руки управление королевством. Но Бургундец не спешил соглашаться, взвешивая риск: какой может быть его власть над страной, покорность которой обеспечивалась только иностранными гарнизонами? Не вовлечет ли пост регента его на службу к Ланкастерам? Не станет ли он их лакеем? Другие, менее проникательные и более озабоченные достижением немедленных, но иллюзорных выгод, мигом бы ухватились за возможность достичь своих политических целей, пусть даже «в обобах чужеземца»¹. Исто-

¹ Видимо, это выражение связано с известным событием французской истории: в 1814 г. после поражения Наполеона Бурбоны возвратились во Францию «в обобах союзников» (*прим. пер.*).

рия показала, что простак или бесхарактерные люди, которые шли на подобные комбинации, сколь бы выгодными те ни выглядели, неизменно оказывались в проигрыше. И Филипп предложения не принял. А Бедфорда это заставило вымаливать его дружбу и искать консолидации англо-бургундского союза в брачных альянсах. Иоанн V Бретонский, до сих пор постоянно переходивший из лагеря в лагерь, то становясь арманьяком, то бургундцем, то принося оммаж Ланкастерам, то сближаясь с дофином и при этом всем стремясь лишь к одному — отвратить от своего герцогства ужасы войны, теперь примкнул к герцогу Бургундскому и Бедфорду, чтобы совместно бороться против Карла VII. Тройственный союз был заключен в Амьене в апреле 1423 г. Его закрепили два брака: Бедфорда с Анной Бургундской и Ришмона с Маргаритой Бургундской, уже вдовой Людовика Гиенского.

Коалиция трех принцев была обречена на недействительность еще до ее заключения. При всей ловкости Бедфорда 1423 год стал для него началом долгой четырехлетней полосы разочарований и огорчений, когда дружба с бургундцами перешла в глухое соперничество, а интриги Бургундца с королем Валуа парализовали усилия Ланкастеров в военной сфере.

Начало охлаждению в англо-бургундских отношениях положила одна история, во многих отношениях бурлескная. Эта трагикомедия, выстроенная в драматическом плане безупречно, соединяет похождения взбалмошного Глостера с романтическими авантюрами Якобы Баварской. Когда в 1417 г. умер шурин Иоанна Бесстрашного Вильгельм Баварский, граф Эно, Голландии и Зеландии, за его наследство разгорелся спор между его братом Иоанном Баварским, до того носившим сан епископа Льежского, но теперь поспешившим вернуться в мир, расстаться с митрой и жениться, и единственной дочерью графа Якобой, вдовой бесцветного дофина Иоанна Туренского, которую тотчас после смерти последнего выдали за его двоюродного брата — не менее бесцветного Иоанна Брабантского, сына покойного герцога Антуана. И тот, и другая были в долгу у герцога

Бургундского: бывшему епископу в январе 1408 г. понадобились бургундские войска, чтобы разбить при Отее восставших льежских ремесленников; Якоба, выйдя за молодого герцога Брабантского, который во всей своей политике следовал в фарватере Иоанна Бесстрашного, вошла в число протеже последнего. Поэтому после четырех месяцев борьбы противники обратились к могущественному герцогу Бургундскому с просьбой продиктовать условия соглашения, по которому в апреле 1420 г. и были разделены спорные земли: бывший епископ пожизненно сохранял под своей властью Голландию и Зеландию, Якоба признавалась графиней Эно.

Так бы все, может быть, и осталось, если бы Якоба, не слишком довольная навязанным ей вторым мужем, вдруг не бросила его в апреле 1421 г. После этого она нашла прибежище в Англии, где Глостер, до того не принимавший участия в континентальных походах брата, стал помогать ее руки и наследства. Филипп Добрый выразил резкий протест Генриху V, а после Бедфорду, обвинив союзника в вероломстве: тот-де дал убежище беглой и преступной жене его брабантского кузена и протеже и потворствует криминальной связи двух сиятельных особ. Но ни Генрих V, ни тем более Бедфорд, сознавая, конечно, в какое затруднительное положение ставит их странное поведение сумасбродного Глостера, тем не менее не рисковали строго его наказывать, потому что у этого вертопраха были влиятельные друзья, а расточительность сделала его популярным. Они просто призывали его быть благоразумней, фактически не ограничивая ему свободы действий. А Якоба была не из тех женщин, что покорно ждут развития событий. Не вправе рассчитывать на снисходительность законного папы Мартина V, она обратилась с просьбой аннулировать ее брак с брабантским кузеном к старому Бенедикту XIII, тому самому бывшему понтифику, одинокому и упрямому, который с высоты утеса Пеньяскола, где он нашел прибежище, непрерывно извергал анафемы на весь остальной мир, не признававший его; получив буллы, она в феврале 1423 г. вступила в брак с Глостером. Потом, сделав мужа наследником всех своих

владений, она подбила его отправиться на континент, чтобы завоевать их. Несмотря на неодобрение Бедфорда, Глостер сумел, хоть и не без труда, набрать несколько тысяч воинов, которые в октябре 1424 г. высадились с ним в Кале, прошли через Артуа и от имени Якобы стали занимать Эно. Филипп, посчитав, что его дурачат, решил беспощадно мстить. Поскольку Иоанн Баварский очень кстати умер, завещав герцогу Бургундскому все свои права хранителя графств Голландии и Зеландии, то в марте 1425 г. бургундская армия, усиленная брабантскими контингентами и даже — неслыханное дело — несколькими отрядами сторонников дофина, вступила в Эно. Глостер, едва не попав в плен, бежал в Англию, оставив жену в руках противника. Но и после этого неугомонная Якоба не перестала доставлять Филиппу беспокойство: бежав из гентской тюрьмы, она вновь разожгла в Голландии войну группировок, вынудила герцога Бургундского послать несколько карательных экспедиций и только после этого признала себя побежденной; Глостер же после своего поспешного бегства в Нидерландах больше не показывался. Отвергнутый властной супругой, отныне он всю свою кипучую активность вложит в английские дела: грубо обвинив своего дядю Генриха Бофора, что тот узурпировал пост регента и замахивается на трон, он вынудил Бедфорда приехать в Англию, чтобы примирить противников.

Во время каждого из эпизодов этой комедии, изобилующей бурлескными ситуациями, англо-бургундские отношения переживали новое охлаждение, которым только ловкость регента не позволила вылиться в открытый разрыв. В 1423 г., чтобы компенсировать пагубные последствия брака Глостера, Бедфорд попросил руки Анны Бургундской и закрыл глаза на то, что его бургундские и бретонские союзники всерьез подумывали о переговорах с дофином; в 1424 г., сглаживая дурное впечатление от высадки Глостера, тот же Бедфорд, желая удержать шурина от мести, передал ему в дар графства Макон и Оксер, изъяв их из французского королевского домена; наконец, в 1427 г. он предотвратил новое сближение сторонников дофина и бургундцев, торжественно обязавшись не оказывать более помощи, прямой или косвенной, Якобе

Баварской. Но хоть согласие между англичанами и бургундцами каждый раз в самый последний момент спасали, оно оставалось неустойчивым. В конце 1424 г. даже прошел слух, будто английское окружение Бедфорда разработало план убийства Филиппа Доброго.

Так герцог Бургундский постепенно отдалял от Ланкастеров. Одновременно сближения с ним со своей стороны искали Карл VII, избавляясь от опеки последних арманьяков. Точнее — потому что приписать в то время буржскому королю какую-либо политику значило бы оказать ему слишком много чести — Иоланда Арагонская сумела навязать последнему план, по преимуществу анжуйский, примирения с бургундским недругом. И тревоги, и планы королевы Сицилии объясняются превратностями войны. В 1423 г. Карл с переменным успехом несколько раз посылал свои ватаги на бургундские домены. 30 июля под Краваном, в Морване, англо-бургундские союзники остановили армию сторонников дофина, пытавшуюся пробиться на Шампань, но в Маконне приверженцы Карла VII под командованием Эмбера де Гроле взяли некое подобие реванша. В конце года герцогу Бургундскому с трудом удалось стабилизировать свой фронт по линии Луары, послав Перрине Грессара в Ла-Шарите. Против англичан буржский король действовал в целом еще менее успешно. Тем не менее в начале 1424 г. населению его королевства пришлось очень напрячься, чтобы он мог набрать и оплатить шотландских наемников коннетабля Бьюкена и тех, что прислал из Ломбардии Филиппо Мариа Висконти. 17 августа при Вернее эта крупная армия столкнулась с меньшими силами Солсбери; так же, как при Пуатье и Азенкуре, менее многочисленные воины противника укрылись за ограждениями из кольев, в дело вступили лучники и истребили неприятельских рыцарей, атаки которых захлебывались, не достигая цели. Теперь, избавившись от единственной личной армии, какой располагал Карл VII, Бедфорд мог вернуться к своим завоевательным планам, все тем же: очистка Иль-де-Франса и Шампани, где снова появились партизанские отряды, покорение Перша и Мена силами Солсбери

и Фастольфа, а конечная цель — Анжер, который регент мечтал сделать своим апанажем. Правда, перенося военные действия на эти территории, удаленные от центра, Ланкастеры рисковали сильнее озлобить Анжуйцев, в первую очередь Иоланду Арагонскую.

Энергичная королева направила основные усилия своей дипломатии на спасение Мена и Анжу. Цель ее проста, хотя масштаб прожектов может вызвать изумление. Она хотела перетянуть Бретань на сторону Валуа, обезопасив с запада анжуйские домены, над которыми нависла угроза, и добиться если не примирения, то хотя бы перемирия с Бургундским государством, чтобы все силы Буржского королевства можно было мобилизовать для сопротивления англичанам. Символом и инструментом этой политики станет человек, которого она намерена поставить рядом с зятем. Ришмон, брат герцога Бретонского и зять герцога Бургундского, прекрасно проявив себя на поле Азенкура, впоследствии служил Генриху V. Но Бедфорд, поручая ему лишь какие-то малопонятные дела, восстановил его против себя. А Артур де Ришмон желал играть только роль вершителя судеб, для которой рожден.

Этот план, который королева Сицилии пыталась осуществить прихотливыми путями дипломатии, потребовал для реализации не один год, а тем временем не удалось помешать противнику захватить Мен и выйти к границам Вандомской и Орлеанской областей. Но сторонники дофина и бургундцы не стали долго медлить, чтобы возобновить плодотворные контакты путем переговоров. В январе 1423 г., через тридцать месяцев после договора в Труа, герцог Савойский Амедей VIII сумел устроить под своей эгидой встречу советников Филиппа Доброго с приближенными Карла VII. Итоги этой встречи позволили лишь констатировать высокомерие бургундцев, представленных Никола Роленом: в обмен на «прощение», которое их господин мог дать королю Франции за убийство в Монтеро, они выдвинули непомерные требования. Но лед тронулся. В мае 1424 г. в Нанте Бретань, Савойя и Сицилия договорились о возможных условиях примирения. В сентябре в Шамбери герцог

Савойский добился заключения перемирия, которое будет много раз продлеваться и просуществует не менее пяти лет. В дипломатических грамотах, подтверждающих заключение перемирия, Филипп Добрый впервые признал за Карлом VII титул короля Франции. В ноябре герцог Бургундский принял в Маконе не только своего зятя Ришмона, но и делегацию сторонников дофина во главе с Карлом де Бурбоном, старшим сыном герцога Иоанна I, — сначала приняв сторону бургундцев, после Монтеро тот перешел к дофину и теперь готовился жениться на еще одной сестре Филиппа. Следствием всех этих контактов должна была стать как минимум смена политических кадров при бургунжском дворе. И в самом деле, Савойя и Бретань договорились держать молодого Карла VII, рядом с которым уже не было никого из близких — кто умер, кто в плену, — под негласной опекой. В марте Ришмон стал коннетаблем и поселился в Бурже, где его приняли королева Иоланда и канцлер Мартен Гуж, епископ Клермонский. Непримиемые враги бургундцев, банда арманьяков, уцелевших после Монтеро, в последнем усилии увезли молодого короля в Пуатье и начали нечто вроде гражданской войны с коннетаблем-бретонцем. Но за зятем отправилась королева Иоланда. И с июля 1425 г. закоренелые арманьяки, все эти луве и танги дю шатели, один за другим лишились власти.

Франко-бургундское сближение, так ярко наметившееся в 1425 г., тем не менее принесло своим инициаторам только разочарования, точно так же как с англо-бургундским союзом у Бедфорда были в первую очередь неприятности. Ведь политика Филиппа Доброго состояла в том, чтобы поддерживать равновесие сторон, никогда не брать на себя позитивных обязательств по отношению ни к кому из партнеров и копить силы к тому дню, когда он наконец станет господином и опекуном объединенной монархии. Пока что «великий герцог Запада» был озабочен тем, чтобы с помощью оружия подавить мятежников в Голландии. Объединиться в этот момент с Карлом VII значило бы подтолкнуть Бедфорда поддержать авантюриста Глостера; но, с другой стороны, не-

желательно, чтобы регент был уверен в безопасности своих ле-манских границ — отсюда сохранение перемирия с буржским королем. Его партнеров по переговорам такая изоциренная дипломатия не устраивала. Ришмон, который, добившись опалы последних арманьяков, доказал свою преданность делу бургундцев, не смог дать Карлу VII обещанной компенсации. И звезда коннетабля быстро закатилась. Вернувшись из Англии в начале 1427 г., Бедфорд использовал неопределенность положения, чтобы вернуть силой оружия те преимущества, которых его лишили дипломаты: его войска создали угрозу для Анжу и всей области средней Луары. И тогда же Иоанн Бретонский, наскучив слишком долго оставаться в одном лагере, возвратился к союзу с англичанами, как раз когда банды Солсбери угрожали границам его герцогства. В конце концов положение его брата в Бурже становилось шатким. Его уже готовился оттеснить от власти новый фаворит, чье возвышение подготовил он сам, — Жорж де ла Тремуйль, образчик беззастенчивого интригана, протеже поочередно Иоанна Бесстрашного и Людовика Гиенского, попавший в плен при Азенкуре, освобожденный благодаря герцогу Бургундскому, лишенный своим покровителем графства Булонь, на которое мог претендовать от имени жены, и наконец принятый при буржском дворе, где он пытался избавляться от соперников с помощью интриг и убийств. Получив должность обер-камергера, он приобрел абсолютную власть над Карлом VII, которая продлится шесть лет и которую уничтожат лишь клинки убийц.

К концу 1427 г. Ришмон, впав в немилость, был вынужден бежать в Бретань. Этим новым дворцовым переворотом завершилась четырехлетняя интермедия. В 1428 г. Карл VII стал еще слабей, чем когда-либо, в качестве противника Ланкастеров, которые, наконец оккупировав земли между Сеной и Луарой, намеревались нанести решающий удар. С военной точки зрения, Карла VII лучше всего было поразить в сердце его королевства — в Берри, из которого он выбирался лишь очень неохотно. Значит, следовало форсировать Луару. Из всех возможных объектов атаки Бед-

форд выбрал город, падение которого вызовет больше всего шума, — Орлеан, в стратегическом отношении ключ к Центральной Франции. Его значение столь велико, что оно заглушало голос совести и требования рыцарского кодекса. Ведь Орлеан принадлежал не буржскому королю, а его кузену Карлу Орлеанскому. Чтобы герой атаковал владения врага, которого лично уже держит у себя в тюрьме, — случай беспрецедентный. Хотя бы и так: Бедфорд не придавал этому значения. Лето 1428 г. у англичан ушло на сбор войск, боеприпасов, провианта, на ожидание подкреплений из Англии. Только 12 октября контингенты под командованием Солсбери начали стягивать под стены города; они решили здесь перезимовать, хотя их предводитель погиб от выстрела в самом начале осады. Они построили вокруг города, прежде всего к западу и северу от него, но также и к югу — напротив единственного моста, цепь бастид и с помощью образованной ими дуги следили за стенами города, перерезали дороги, затрудняли снабжение. Буржский король смог оставить в городе несколько отрядов. Оборону крепости возглавил Дюнуа, заменяя отсутствующего брата. Город был хорошо укреплен и имел довольно приличные запасы продовольствия. Но его падение было неизбежно, если Карл VII не сумел бы собрать армию, способную разорвать тиски осады. А все, весьма скромные, вылазки французских войск кончались плачевными неудачами. Так, попытавшись перехватить провиантский обоз из Парижа, они получили чувствительный урок от его охраны, хотя и малочисленной, сторожившей бочки с соленой рыбой, и этот день (12 февраля 1429 г.) получит название «дня селедок».

В лагере Валуа повсюду царил уныние: при дворе Карла VII, который, впервые оказавшись под угрозой в своем любимом Берри, готовился отступать в Дофине, а если и это убежище будет ненадежным — в Кастилию и даже в Шотландию; в Орлеане, где горожане, удрученные перспективой скорой сдачи, просили Филиппа Доброго вступить за них; но все, что смог сделать Бургундец, и сам обеспокоенный вновь проявляющейся надменностью Бед-

форда, — это отозвать отряды, которые раньше прислал для участия в осаде. Все смутно чувствовали, что взятие Орлеана, ожидаемое со дня на день, будет означать финал драмы и полную победу Ланкастеров.

Тогда-то и появилась Жанна д'Арк.

VIII
ФРАНЦУЗСКИЙ РЕВАНШ
(1429–1444 гг.)

В ходе франко-английской дуэли, с 1415 г. громоздившей тьму бедствий на хрупкие плечи ослабевших Валуа, 1429 г. знаменует, вместе с возрождением во Франции национального чувства, крутой поворот фортуны и перелом в войне. С ланкастерской мечтой, с той «двойной монархией», что едва не водворилась одновременно в Англии и во Франции, отныне покончено. Во всяком случае, так решили потомки, оценивая события с временной дистанции и на основе опыта. Однако это вовсе не значит, что блистательная авантюра Жанны д'Арк оставила у всех современников впечатление, будто только что произошло нечто решающее и необратимое. Французский реванш, начало которого означала ее история, отнюдь не принял сразу же после первых ее успехов ни космического размаха, ни ураганной мощи. Война еще длилась более двадцати лет, в течение которых Ланкастеры и их сторонники могли питать иллюзии, что легко наверстают потерянное вследствие временных неудач. Борьба затянулась из-за изуродования обескровленной Франции, вялой апатии короля, слепого эгоизма его фаворитов, всех тех людских слабостей, из-за которых в истории самые прекрасные планы не осуществляются или осуществляются не в полной мере. Таким образом, жертва, принесенная Девой, стала лишь предзнаменованием решающих, но еще далеких побед. Оказала ли она столь принципиальное влияние на ход событий, какое ей всегда приписывают? В этом позволено усомниться.

Историк, даже рискуя показаться святотатцем, обязан поместить чудесное приключение в его человеческий контекст. Он обязан рассеять иллюзии, возникшие, несомненно, по той же причине, по которой подвиги героини сохранились в памяти людей. Казалось бы, мало кто из исторических персонажей известен нам так хорошо. Ведь здесь нам выпала неоценимая удача — мы обладаем драгоценными свидетельствами,

а именно материалами двух процессов: того, с помощью которого инквизиторы по приказу Бедфорда возвели Жанну на костер, и более позднего — может быть, слишком позднего — устроенного в 1456 г. Карлом VII с целью реабилитировать ту, которой он обязан французской короной. Допросы в ходе первого процесса открывают нам саму душу Жанны, ее спокойную веру, ее крестьянский здравый смысл, ее религиозную приверженность законному монарху, ее абсолютную уверенность в правоте своего дела. Они передают нам искру того огня, который ей удалось разжечь в сердцах соратников, но который не вышел за пределы того ограниченного круга людей, кому посчастливилось приблизиться к ней или жить рядом. Второй процесс менее доказателен — именно потому, что ставил целью доказать слишком многое. Здесь свидетельства — это воспоминания о уже далеких событиях, как бы окутанных дымкой легенды; их излагают те же соратники, естественно и искренне стремящиеся очистить от оскорбительного обвинения память их соратницы и вместе с тем реабилитировать ныне победоносного короля. Если бы мы потеряли эти судебные материалы, что бы мы, собственно, знали о Жанне? Во французских описаниях, которые сообщили нам об этих событиях, а именно в официальной хронике Жана Шартье или «Хронике Девы», которую все ее содержание заставляет приписать перу архиепископа Жювенеля, несомненно, использовались рассказы современников, ныне утраченные, авторами которых могли быть некоторые из товарищей Жанны по оружию, не слишком заботившиеся о точности. Они имеют сравнительно позднюю датировку и образуют нечто вроде пролога к процессу реабилитации. Они не выводят нас из круга очевидцев, которых сильная личность Жанны сделала крайне самоотверженными. Но за пределами этой группы, за пределами земель по Луаре, где ее знали и любили, отзвуки затухают с быстротой, вызывающей удивление. Во Франции дофина вокруг этой эпопеи повисло тяжелое молчание, едва нарушенное несколькими свидетельствами. Тем не менее здесь ее знали и, как полагалось, праздновали снятие осады с Орлеана и помазание в Реймсе; в посланиях короля добрым городам восхвалялась роль, сыгранная здесь

Девой, почти чудесное вмешательство которой придавало больше веса этой разновидности официальных бюллетеней. Но дальнейшее ее поприще, ее неудачи, ее плен, ее мученичество вызвали как в провинциях, давно преданных буржскому королю, так и в провинциях, примкнувших к реймскому королю, лишь еле заметные волнения, письменных свидетельств о которых сохранилось мало. Все выглядит так, словно подданные, подражая в этом своему суверену, оставили Жанну д'Арк сразу после помазания. В стане врага в целом царило почти то же равнодушие. Конечно, бургундские хроники уже самой злобной яростью своих нападков, клеветой, посредством которой они пытаются очернить память своей противницы, доказывают, что в правящих кругах первые успехи Девы вызвали смятение, память о котором изгладил только руанский костер. Обычные люди волновались куда меньше: свидетельство — «Дневник парижского горожанина», автор которого, сообщая о неудавшейся осаде Парижа, вспоминает, что во главе осаждавших стояла женщина, о которой одни говорили, что она послана небом, а другие — что она ведьма. «Кем она была, — благоразумно добавляет он, — одному Богу известно». Как только Дева исчезла, все вновь успокоилось. Еще более странным кажется нам почти полное неведение этой истории, в каком пребывали подданные Ланкастеров. Они также, хоть и очень смутно, имели представление о событиях в Орлеане и Реймсе. Если бы подвиги Жанны вселили в сердца английских солдат страх, сведения о котором легенда не замедлила раздуть, беглецы и дезертиры рассказали бы об этом землякам. А если бы Бедфорд устроил процесс в Руане с тем, чтобы укрепить свою пошатнувшуюся власть, он бы не преминул широко разгласить о его результатах в Англии. Ничего подобного в английских хрониках не обнаруживается, и их сухость, краткость и неточность показывают, что там не проявляли интереса к истории, из которой потомки сделали волшебную эпопею.

Итак, пример Жанны д'Арк не поднял массы; он не вызвал того национального подъема, который, охватив все население, позволил бы превратить партизанскую войну, никогда не прекращавшуюся, в освободительный крестовый поход.

Все, что оставила после себя героиня, — это действия, впечатление от которых не мог изгладить никакой приговор: боевые подвиги и политические акты, впервые прервавшие успешное продвижение ланкастерских войск или давшие буржскому королю авторитет помазанника, безвозвратно изменив тем самым ход событий. Благодаря этому ее вмешательство имело решающее значение, и страница, которую она вопреки всем ожиданиям вписала в нашу национальную историю, заслуженно считается одной из прекраснейших; та, которую мы привыкли называть «святой Отечества», даже если ее завет не был услышан, тем не менее спасла своего короля, в котором воплощалась Франция.

I

ЖАННА Д'АРК

Деревня Домреми, где родилась Жанна д'Арк, частично относилась к Шампани, частично — к «зависимому» Барруа. Вся ее семья имела крестьянское происхождение и была родом из Шампани: зажиточные земледельцы, сельские ремесленники, один из дядьев — священник. Как все крестьяне и многие другие в то время, ребенок был неграмотным: будучи воспитана в очень религиозной среде, из религии она знала лишь несколько молитв и красивых легенд, наполненных чудесами. С отрочества она имела видения, слышала голоса, беседовала с ангелами и святыми. А эти отдаленные марки королевства жестоко страдали от военных бедствий, хоть англичане никогда сюда не добирались. О счастливых временах до гражданской войны, когда протекторат над соседними землями — в Туле, в Люксембурге, в Барруа — осуществлял Людовик Орлеанский, здесь вспоминали как об ушедшем золотом веке. Побывала эта область под властью и орлеанистов, и арманьяков, и дофина; ныне ею управлял энергичный и грубый капитан Робер де Бодрикур, сохранивший с тех пор, как занимал пост бальи Шомона на службе у дофина, только замок Вокулёр. С 1419 г. здесь бушевала война между сторонниками дофина и бургундскими рутьерами; те и другие грабили край. В июле 1428 г. Антуан де Вержи, бургундский губернатор Шампани, отправил в шателенство Вокулёр карательную экспедицию, вынудив беззащитных крестьян бежать. Семья Жанны на какое-то время эмигрировала в Нефшато. Девушке было тогда от шестнадцати до двадцати лет. Теперь ее голоса больше, чем когда-либо, говорили ей о дофине, о королевстве, предназначенном ему Богом, о врагах — англичанах и бургундцах, которых необходимо изгнать. Узнав об

осаде Орлеана, она окончательно решилась. Удивляться следует не препятствиям, которые она преодолела, а той легкости, с какой те, к кому она обращалась, позволяли себя убедить. Война крайне обострила чувства людей; им казалось, что от этого кошмара избавит лишь чудо. Повсюду, даже в окружении дофина, кишели пророки и ясновидцы. Никто не удивился заявлениям этой деревенской девушки, что благодаря ей Орлеан будет освобожден, а дофин помазан на царство. Шокировало лишь то, что она остриглась по-мальчишечьи и ездила верхом, вырядившись в мужскую одежду. Это казалось неприличным и оскорбительным, но ничуть не подрывало веры в сверхъестественный характер ее способностей. В нашу скептическую эпоху возник бы соблазн увидеть в Жанне сумасшедшую, простушку, ясновидицу и даже притворщицу. Современники задавались одним вопросом: послана она Богом или дьяволом? И сомневающиеся очень быстро дали убедить себя в первом.

Двух поездок в Вокулёр хватило, чтобы Робер де Бодрикур смягчился: он известил дофина, что к нему едут, дал ей небольшой эскорт, лошадей и оружие. 23 февраля 1429 г. она выехала и почти беспрепятственно пересекла Шампань, Оксер, Жьен, север Берри, Турень, хоть во всех этих областях во множестве водились разбойники. Шинона она достигла 6 марта, а через день ее принял Карл. Она сумела внушить ему свою веру, дать ему «знак» своей божественной миссии. Успокоила ли она его, как часто предполагают, в отношении законности его рождения или же дала какие-то подтверждения конечной победы? В эту «тайну», которую совсем недавно воображение некоего биографа низвело на уровень газетного романа с продолжением, проникнуть сложно. Легко дав себя убедить, король тем не менее из благоразумия, за которое упрекнуть его трудно, захотел узнать мнение своих клириков. Епископы, богословы, парламентские клерки должны были удостовериться в ортодоксальности провидицы, которую отвезли к ним в Пуатье. Поскольку она восхваляла могущество их повелителя, обещала им близкую победу и, следовательно, возврат процветания, эти арманьякские служители церкви, засыпав ее кучей не слишком сложных вопросов, бла-

госклонно приняли ответы, продержали ее несколько недель и наконец, когда она представила им доказательство своей девственности, отпустили. Подтвердить сверхъестественность ее миссии они не могли, но рекомендовали королю позволить ей действовать: ведь делу монархии она желала лишь добра.

Она непременно хотела ехать освобождать Орлеан. И для выполнения этого замысла как раз сложились благоприятные условия. К концу зимы, после шести месяцев осады, положение осаждающих ухудшилось; их не было и четырех тысяч, и они не могли обеспечить жесткую блокаду и даже снабдить достаточно сильными гарнизонами бастиды, только что ими достроенные; трудности со снабжением повлекли за собой болезни и дезертирства. Врага было бы легко разбить, если бы жителям города, пораженным психозом осажденных, не мерещились повсюду шпионы и предатели. Со своей стороны Карл VII набрал кое-какие войска и укомплектовал большой обоз с продовольствием и боеприпасами для осажденной крепости. Жанне, которая легко покорила душу молодого принца крови, «милого» герцога Алансонского, недавно освобожденного из английских тюрем, позволили сопровождать экспедицию. 29 апреля она вступила в Орлеан. В военном искусстве она не понимала ничего, считая, что солдатам достаточно не ругаться и не посещать развратниц, чтобы заслужить победу. Но военное искусство в те времена значило мало — его легко заменяли храбрость, уверенность, дерзость. Впрочем, Жанна, несмотря на свое влияние на войска, не командовала ими, предоставляя заботу об этом капитанам: здесь — Дюнуа, там — Алансону и Ришмону. Их решения часто противоречили ее желаниям, и в конечном счете она смирялась с этим. С нее было довольно, что она обращалась с призывами к бойцам, сообщала о советах своих голосов, выступала вперед в сложные моменты, сплавивала пехоту. Ее окружало несколько священников и монахов, которым она диктовала свои письма (некоторые из них дошли до нас), требовавшие от Бедфорда и английских капитанов уйти из Французского королевства и вернуть его «царю небесному», призывавшие герцога Бургундского признать Карла своим законным сюзереном, приветствовавшие жителей Турне, королевского анк-

лава на бургундской территории, за их верность буржскому суверену.

В Орлеане совместные действия подкреплений и коммунального ополчения позволили совершить несколько удачных вылазок; когда две английские бастиды, находившиеся к востоку и к югу от города, были по очереди взяты и сожжены, осаждающие, имея значительно меньшую численность и обескураженные таким пылом, поспешили убраться прочь. 8 мая, через десять дней после приезда Жанны, город был освобожден. Это произвело огромный моральный эффект. Теперь было легко разгромить маленькие вражеские гарнизоны в городках по Луаре: Жаржо (где был взят в плен Саффолк), Мён, Божанси. 18 июня французы захватили врасплох и после недолгого преследования опрокинули арьергард английской армии, шедшей на помощь своим, что вызвало паническое бегство англичан из-под Пате; Тальбот был захвачен там в плен, а Фастольф спасся бегством. Жанна прибыла на место, когда дело уже было закончено. Как добрый государь Карл приписал ей всю заслугу победы, принадлежавшую Ришмону, а коннетабль, на которого двор всегда смотрел косо, был вынужден вновь удалиться в свои бретонские замки.

После этого можно было либо идти на Париж, где царил паника, либо отправиться в Нормандию на помощь постоянно действовавшим там партизанам. Бедфорд опасался и того, и другого вариантов наступления. Сторонники дофина, став за годы непрерывных неудач осторожными и боязливыми, сочли, что сил для этого недостаточно. Но Жанна, при поддержке, вероятно, канцлера Реньо Шартрского, архиепископа Реймского, добилась принятия не менее смелого плана: совершить помазание короля в главном городе Шампани. Ценой неслыханных усилий в Жьене было собрано от двенадцати до тринадцати тысяч человек. Внешне рискованный, этот переход оказался просто легкой прогулкой. Почувяв, что ветер переменялся, и не слишком желая сражаться, города, когда к ним обращался Карл, просили только повеления открыть свои ворота. Путем умелых переговоров удалось 1 июля добиться нейтралитета Оксера, 10 июля — капитуляции Труа, 14 июля — Шалона, 16 июля — Реймса. Через день прошло помазание — церемо-

ния, по необходимости лишенная пышности. Никого из светских пэров не было, а из духовных — только трое; корона, скипетр, держава находились в Сен-Дени. Но главное, что действо святого миропомазания состоялось. Тот, кого до сих пор Жанна упрямо именovala дофином, отныне был королем Франции, новым Мельхиседеком, освященным посредством «таинства», которое наделяло его даром творить чудеса. Ни один верующий более не мог сомневаться, кто его легитимный суверен: ведь теперь во Франции был король, коронованный в столь невероятных обстоятельствах, что они казались чудом, а против него, за морем, — семилетний ребенок, который называл себя королем Франции, но которого его подданные никогда не видели. Итак, помазание отменило отрешение, незаконно провозглашенное договором в Труа, возвратило Валуа легитимность, которая девять лет у них оспаривалась. Теперь лишь недобросовестный человек мог назвать арманьяков членами группировки: помазание подняло их в ранг верных подданных. А как бургундцы, которых в Бурже пренебрежительно называли «франко-англичанами» (*Français-anglais*), могли, не выглядя изменниками, продолжать подчиняться Бедфорду? Таков был чреватый последствиями результат помазания в Реймсе.

Толчок был дан, и теперь, казалось, ничто не остановит продвижение Карла. Войску, пришедшему на помазание, англичане могли противопоставить лишь ничтожные гарнизоны. Совет Бедфорда был в растерянности; регент выпрашивал в Англии подкрепления, которых бы как раз хватило для усиления оккупационной власти в Нормандии, чтобы спасти от крушения хотя бы ее. Особенно он боялся отпадения Парижа; рассчитывая польстить симпатиям населения к бургундцам, он 29 августа передал управление столицей Филиппу Доброму, который вовсе не рвался лично руководить обороной, потому что как раз вел с королем переговоры о перемирии на несколько месяцев, которое распространялось бы на все территории к северу от Сены. В этой ситуации действия Карла VII, пусть нерешительные и непоследовательные, выглядели как ряд блестящих побед. На следующий день после помазания он получил изъявление покорности от Лана,

вступил в Суассон. Потом через Шато-Тьерри он направился на Бри, принимая повсюду новые капитуляции, но намереваясь вернуться в Берри. Небольшой английский отряд преградил ему путь. Он со всем войском повернул в Валуа, где ему сдался Санлис, и занял Компьень, доверив его охрану Гильому де Флави. Потом он пошел на Париж и на несколько дней остановился в Сен-Дени. В его армии не хватало осадных материалов. Но Жанна, всегда верившая в свою звезду, считала, что столицу, где пробургундски настроенные горожане не были готовы сдаться, можно взять приступом. Штурм был устроен 8 сентября с западной стороны, близ ворот Сент-Оноре; он не удался. Жанна, хоть и была ранена, призывала его повторить. Капитаны и король приняли другое решение. Они увели войско за Луару, на юг; кампания уже шла почти три месяца, для тех времен — долго, и армию распустили.

Несмотря на неудачу под Парижем, военные результаты похода были не менее значительными, чем политические успехи. Шампань, Бри, Суассонне, Валуа и даже окрестности Парижа легко подчинились арманьякам, до сих пор ненавистным местному населению. Пикардия не пожелала бы лучшего, чем последовать их примеру, если бы королевская армия появилась в ней. Но через все эти земли они лишь прошли, оставив небольшие гарнизоны и в качестве королевского наместника — архиепископа Реньо Шартрского, который устроил себе резиденцию в Суассоне. Ничто не было подготовлено ни на случай возвращения англичан с большими силами — впрочем, в тот момент это было маловероятным, ни на случай нападения бургундцев, неминуемого по истечении перемирия. В окружении короля шла борьба за Деву, влияние которой ничуть не уменьшилось. Вместо того чтобы отпустить ее с Алансоном, продолжавшим войну в Иль-де-Франсе, Ла Трёмуйль, завидуя «милому герцогу» и афишируя враждебность к бургундцам, чтобы удержаться на своем месте, отправил ее атаковать Ла-Шарите, город, все еще обороняемый Перрине Грессаром¹. Но здесь предстояло иметь дело не с деморали-

¹ Перрине Грессар (ум. 1438 г.) — наемник на службе англичан и герцога Бургундского, капитан Ла-Шарите-сюр-Луар (*прим. ред.*).

зованными гарнизонами, как под Орлеаном, и не с мирными и трусливыми горожанами, как в Шампани. Осада, которой руководили Людовик де Бурбон, граф Вандомский, и Карл д'Альбре, сын бывшего коннетабля, предпринятая уже зимой, не дала ничего; перед Рождеством ее пришлось снять.

Королевская казна, опустевшая после затрат, которых потребовал поход на помазание, не могла в 1430 г. финансировать новую экспедицию. Как столь часто бывало в прошлом, надежды возлагались на верные гарнизоны и на кое-какие банды наемников, плохо оплачиваемые, но возмещавшие эту потерю за счет жителей. Жанне позволили оказать содействие именно капитанам этих отрядов. С марта ее можно было видеть среди участников их набегов — на Мелён, на Ланьи, на Санлис. Ее присутствия было недостаточно, чтобы гарантировать успех; она не могла помешать Суассону сдать врагу. У Бедфорда, в свою очередь, почти не было войск. Его звезда меркла; в марте в Париже был раскрыт заговор в пользу дофина, где было замешано более пятисот человек. Поэтому более, чем когда-либо, регент нуждался в герцоге Бургундском, который, как обычно, с готовностью принимал плоды своего двурушничества: 8 марта Филипп добился от Ланкастеров передачи ему в апанаж дополнительно Шампани и Бри, с тем, однако, чтобы он их завоевал.

Поэтому по окончании перемирия, в апреле, главный удар был нанесен бургундцами. Поскольку король Франции не передал своему бургундскому кузену, как оговаривали условия перемирия, крепость Компьень, то Филипп поручил своему капитану Жану Люксембургскому, брату епископа Теруанского, захватить ее силой. Захватив кое-какие подкрепления, Жанна 13 мая бросилась туда. Осаждающий, еще не замкнув кольца окружения, расположил свои войска отдельными группами на западном берегу Уазы. Через десять дней была организована вылазка с участием Жанны, чтобы захватить одну из этих групп врасплох. Французы, увлекшись грабежом, замешкались и дали время врагу собрать свои войска, отчего тот обратил их в бегство и резко бросился в погоню. Чтобы вместе с его людьми в крепость не проникли и англо-бургундцы, Гильом де Флави был вынужден запереть ворота

прежде, чем вернется весь отряд. Жанна, не понявшая причин отступления, отстала; она была захвачена одним бургундским рыцарем и передана Жану Люксембургскому.

Весть об этом очень быстро дошла до буржского короля. В землях на Луаре она вызвала ошеломление и подавленность. Как водится в подобных случаях, пошли разговоры об измене, раздавались обвинения в адрес королевских советников. Но, несмотря на все их мелочные свары, Жанна была им слишком полезна, чтобы они могли намеренно отправить ее на гибель. В защиту пленницы произошло несколько трогательных выступлений народа и клириков, никак, естественно, не повлиявших на события. Среди англо-бургундцев, в Париже, где тон задавал кабошьенски настроенный университет, в Руане, откуда теперь на всякий случай управляли королевством Бедфорд и его совет, раздались, наоборот, крики радости и призывы к отмщению. Магистры университета написали герцогу Бургундскому, попросив его выдать пленницу инквизиции, имевшей право сжигать еретиков. Пьер Кошон в качестве епископа Бовезийского требовал отдать ее под его церковный суд, потому что Жанна попала в плен на территории его епархии. Он, конечно, не склонил бы к этому ее тюремщиков, если бы одновременно в качестве советника английского короля не предложил последнему купить ее за десять тысяч ливров, взяв их из субсидий, вотируемых Штатами Нормандии. Жан Люксембургский был небогат. К середине ноября, когда посланные дофином подкрепления вынудили его снять осаду с Компьеня, он согласился на сделку. Жанна после пребывания в разных замках, побывав в заключении в Аррасе, была через Дрюжи, Ле-Кротуа, Сен-Валери и область Ко перевезена в старинную цитадель столицы Нормандии. Англичане, считая церковные тюрьмы не слишком надежными, предпочли стеречь ее сами.

После того как пленение Девы, казалось, положило конец цепочке катастроф, политика Бедфорда приобрела более четкие очертания. Прежде всего надо было нейтрализовать моральный эффект коронации в Реймсе. Генрих VI был законным, но некоронованным королем Франции. Крайне спешно решили его показать континентальным подданным. В начале

июня 1430 г. этот ребенок со своими английскими советниками и опекунами поселился в Руане. Официально регентство Бедфорда кончилось — король правил сам, и герцогский совет преобразовался в королевский. Потом решили провести коронацию. Но Реймс оставался недоступным, а его архиепископ держал сторону Валуа. Вот почему, вопреки почтаемому обычаю, церемония прошла 17 декабря 1431 г. в Париже, в соборе, подчиненном простому епископу, а не в центре архиепископства, освященном памятью святого Ремигия¹. Этого хватило, чтобы в глазах набожной толпы помазание, миро для которого брали не из священной мирницы, стало недействительным. Когда Генрих VI после двадцати месяцев пребывания во Франции вернулся к себе на остров, он не приобрел ни одного дополнительного приверженца и не подогрел энтузиазма собственных сторонников.

Большого ожидали от процесса Жанны. Если бы удалось доказать, что провидица была потаскухой, ведьмой и посланницей дьявола, смешным бы стал выглядеть и слишком легковверный дофин, который неосторожно доверился ей и раструбил о ее подвигах под Орлеаном, при Пате, в Реймсе. Его временные успехи объяснялись бы помощью одиозной пары — преступного бастарда и развратной чародейки. Делу Карла VII был бы нанесен удар, от которого, как очень надеялись англичане, он бы уже не оправился. Наконец, нужно было, чтобы приговор выглядел респектабельно, чтобы суд оставлял впечатление беспристрастного. А случаю было угодно, чтобы дела веры находились в ведении церковных судов, где совместно заседали местный епископ и инквизитор-доминиканец. И возглавлять судебное разбирательство поручили именно Кошону, хоть он и был изгнан из своей епархии вследствие продвижения арманьяков. Дело представлялось ему важным и достойным того, чтобы его торжественно обставить; он окружил себя массой заседателей, советников, адвокатов, следователей. Он выбрал их среди руанских каноников,

¹ Св. Ремигий — епископ Реймский в 459–533 гг., крестил франкского короля Хлодвиг (498 г.) елеем, который, по легенде, принес голубь с неба (*прим. ред.*).

аббатов крупных нормандских монастырей, виднейших богословов и докторов канонического права из Парижского университета. Все они были преданы Бедфорду и делу Ланкастеров. Но даже если весь процесс нам представляется набором низких поклепов и отвратительной чуши, не будем полагать, что все эти люди продали свою совесть или трусливо поддались давлению власть имущих. Большинство из них, воспитанное в проанглийских или пробургундских чувствах, искренне верило: силу для помощи их врагам Жанна могла получить только от дьявола. Бедфорду не было надобности оказывать нажим на судей — они сами пошли ему навстречу; их раболепие и слепота объясняются всем их прошлым, особенно у Кошона, который в награду сразу после слушания дела получит перевод в епископство Лизье. По отношению к обвиняемой все эти люди испытывали только отвращение и ненависть. В ней их раздражало и шокировало все, вплоть до благородной простоты ее жизни, веселого остроумия ответов, достоинства, с каким она держалась.

У нас, современных людей, вызывает негодование жестокость этой судебной процедуры. Но это была обычная жестокость инквизиции, которая никого не трогала, когда от нее ежедневно страдало множество бедолаг, тут и там попадавших на костер из-за злобности общества, глупого тщеславия их обвинителей, недоверчивого фанатизма судей. Абсолютная секретность следствия и свидетельских показаний, о которых обвиняемый не знает; отсутствие какого бы то ни было адвоката для его защиты; все новые и новые допросы, проводимые заседателями, без устали сменяющими друг друга; пытки, угрозы или лживые обещания в расчете добиться новых сведений или вынудить подписать признание. В наше время обращение к подобной практике было бы расценено как возврат в варварство; едва политическая полиция начнет втайне ее применять, общественное мнение всегда быстро ее осудит. А в те времена ни судьи, ни общественность не знали подобной щепетильности. Они не понимали, что такими методами можно кого угодно заставить признаться в чем угодно. В своей гордыне ученых, искушенных в самой пустой болтовне, одержимые идеей, что под маской невинности везде

прячется ересь, они были способны послать в огонь любого искренне верующего, не проявив ни малейшей снисходительности. В процессе не было нарушений ни по форме, ни по существу, но, начавшись, он мог закончиться лишь обвинением. Применяемые средства и приводимые доводы значили мало.

При дворе Валуа у Жанны были почитатели и приверженцы. Они ничего не сделали, чтобы ее спасти, и за это бездействие их сурово упрекали. Конечно, они не могли помыслить ни о том, чтобы прибегнуть к силе, ни о том, чтобы договориться о выкупе. Но чтобы остановить процесс в Руане или отсрочить исполнение приговора, законных средств вполне хватало. Реньо Шартрский мог затребовать к себе как в высшую инстанцию дело, неправомерно начатое его викарным епископом¹ Кошоном в соседней церковной провинции; по закону можно было апеллировать к папе или к собору, и Кошон, почитавший формальности, не мог бы отказаться. Ничего этого сделано не было. Карл бросил Деву на произвол судьбы, хоть она и была ему полезна, рассчитывая заменить кем-нибудь из провидцев, которых было полно при его дворе. Открывшись 21 февраля 1431 г., процесс начался с четырехнедельных предварительных допросов, проводившихся либо в присутствии множества заседателей, либо в узком кругу, либо прямо в тюрьме. Из благородных ответов обвиняемой, то патетичных, то твердых, то веселых, то осторожных, то даже хитрых, легко было вывести любые еретические суждения; судьи и заседатели поднаторели в этой изощренной игре. Процесс как таковой открылся 27 марта и пошел по всем правилам; в последний момент не решились прибегнуть к пытке как к средству добиться более полных и убедительных признаний. Двенадцать высказываний было отправлено в Парижский университет, и его факультет декреталий и богословский факультет единодушно признали, что в этих заявлениях ощущается ересь. Но передавать в руки светской власти церковные суды могли только закоренелых ере-

¹ Викарный епископ — епископ, подчиненный архиепископу своей метрополии (*прим. ред.*).

тиков. Поэтому, чтобы спасти ее от смертной казни, судьи добились от нее отречения от заблуждений. Напуганная мыслью о костре, ослабев от долгого заключения, 23 мая Жанна проявила мимолетную слабость. Толком не понимая, что делает, то плача, то смеясь, она подписала то, чего от нее требовали. Соглашалась на это она ради пожизненного заключения — не в качестве наказания, а в качестве покаяния.

Окружение Бедфорда было недовольно и грубо уведомило об этом судей. Этот инцидент, впрочем, не имел последствий. Жанна вскоре пришла в себя; она — первый скандал — вновь надела свою мужскую одежду; она поняла, что отречение было слабостью, и заявила об этом. На новом допросе 28 мая она была объявлена еретичкой, достойной смертной казни. 30 мая на площади Старого рынка английские власти, которым ее передали, публично сожгли ее.

II

ФРАНКО-БУРГУНДСКОЕ ПРИМИРЕНИЕ

Пока руанская пленница медленно восходила на свою голгофу, Франция продолжала жить, очень страдая от все новых превратностей войны. На нормандских границах, в Иль-де-Франсе, в Шампани, в Ниверне все еще шли бои. Ни с той, ни с другой стороны в них не участвовали крупные соединения. Бедфорд получал подкрепления из Англии в ничтожных размерах. Филипп Добрый, желая сохранить свободу действий на будущее, не считал нужным вести войну в полную силу. В этой ситуации Карл VII мог бы незамедлительно развить успехи 1429—1430 гг.: несомненно, хватило бы нескольких походов, чтобы враг был сметен. Его упрекали, что он не сделал подобной попытки. Ссылки на его уже застарелую апатичность и на козни советников не объясняют всего. Надо еще раз вспомнить о полнейшем истощении подчиненных ему провинций; королевство Валуа находилось на пределе не только дыхания, но и сил. Задача набрать армию в несколько тысяч человек и суметь содержать ее казалась неподъемной и пугала короля. Он не рассчитывал на большее, чем сохранить завоевания, что приобрел в ходе похода на помазание.

И в общем вождям роялистов это удалось. Труа в Шампани держался прочно; власть над Ланьи позволяла сторонникам дофина контролировать нижнюю Марну, а власть над Компьенем — среднюю Уазу; по обоим рекам шли пути снабжения столицы. Из этих надежных крепостей выводили свои отряды Барбазан, Ла Гир, Амбруаз де Лоре, Дюнуа и кастилец Родриго де Вильяндрандо, рыская по сельской местности, устраивая рейды до самых стен Парижа. Это было суровым испытанием для гражданского населения, невинных

жертв налетов и грабежей алчных банд, от чьих бесчинств блекнут воспоминания о «компаниях» предыдущего века. Этих воинов, которые, грабя уже стократ обобранную страну, отбирали у несчастных последнюю рубашку, не оставляя им даже кожи, народ уже с мрачным юмором окрестил «живодерами» (*écorcheurs*, букв. «съемщики шкуры»). Впрочем, разбой царил повсюду, от Севера и до Юга, даже вдали от полей сражений. Авантюристы и капитаны, удобно устроившиеся в своих логовах, содержащие массу клириков в качестве гонцов и массу шпионов для подготовки походов, разоряли деревни на равнине, вымогали дань с городов и аббатств.

Но, перенося тем самым военные действия на территорию провинций, которые совсем недавно подчинились англо-бургундской власти, воины Карла VII вовсе не оказывали дурной услуги своему повелителю: их действия возбуждали ненависть к иностранной оккупации как корню всех бед. Те самые люди, которые когда-то одобрили капитуляцию в Труа в надежде, что она положит конец беспорядкам, теперь поносили ее инициаторов как виновников новых разорений в стране. Нормандию пятнадцать лет порабощения так и не заставили смириться. В 1432 г. Руан едва не попал в руки приверженцев Карла. Был организован заговор, но полиции удалось вовремя раскрыть его. В 1434 г. против требований английского фиска восстали крестьяне области Ко. Был случай, что банды осадили и Кан. Всякий раз порядок восстанавливали с помощью суровой расправы, с кровью. В Париже общественное мнение имело больше разных оттенков. Но и здесь основная масса жителей была открыто враждебна английским оккупантам. Она страдала от блокады, правда, не очень суровой, которую организовали бродящие в окрестностях города роялистские капитаны. Правительство укрылось в Руане, и в результате горожане обеднели, а жизнь подорожала. В регентском совете, в органах управления и суда, в университете еще находились ярые сторонники режима, который платил им жалованье, люди, слишком скомпрометировавшие себя, чтобы им было выгодно подчиниться победителю. Визит, который в 1431 г. нанес им юный Генрих VI во время своей

коронации, подогрел их верноподданнические чувства, но возбудил напрасные надежды. Они чувствовали, что их партия проиграна. Их единственный шанс на спасение — крупные военные подкрепления из-за Ла-Манша. Они слали в Лондон жалобы, просили помощи у своего короля и предрекали катастрофу, если она не придет вовремя.

Если столица еще не сдалась, так это потому, что она пока испытывала стойкую привязанность к герцогу Бургундскому. После 1431 г. вся проблема заключалась в этом. Из-за скудости казны прибегнуть к военной силе стало невозможно, и Карлу VII оставалось только примириться с Филиппом Добрым. Развязка войны, начавшейся из-за раздора между принцами, могла наступить, лишь когда с обеих сторон утихнет старая злоба. Добиться этого не так просто, здесь требовалось определенное время. Но у Карла VII были все предпосылки для решения этой задачи. Апатичный и не очень-то воинственный, он всегда предпочитал войне дипломатию. С 1418 г. он ни разу окончательно не разрывал отношений со слишком могущественным соседом. Даже после Монтеро, даже после помазания велись переговоры, заключались кратковременные перемирия.

У Бургундца было больше препятствий, мешающих заключению мира. Рыцарственный, с безупречными манерами, но реалист в душе, Филипп имел слишком прочные союзные связи с англичанами, чтобы этот союз можно было расторгнуть в одночасье. Но и сидеть на крючке он не хотел. Когда он заключал соглашение в Труа, то, помимо желания (несомненно искреннего) отомстить за смерть отца, им двигал расчет сыграть по отношению к ланкастерскому суверену роль взыскательного опекуна, какую играл его отец при Карле VI. Эта надежда не сбылась. Теперь ему казалось, что если он позволит сыну безумного короля возратить себе столицу, у него будет больше шансов добиться успеха. Карл слаб; ресурсам его владений далеко до ресурсов Бургундского государства; из него можно будет сделать послушную и признательную марионетку. Все способствовало и тому, чтобы дружеские узы между Филиппом и регентом можно было разорвать без труда. Между ними уже было немало ссор и раздоров.

Всякий раз их примиряла Анна Бургундская, жена Бедфорда и сестра могущественного герцога. Но в ноябре 1432 г. она умерла, и больше никто не старался сблизить шурина с зятем, интересы которых расходились все дальше и дальше. Филипп чувствовал, что если он будет продолжать безнадежную войну, Париж ускользнет из его рук. Он знал также, что Карл VII зондирует почву за Ла-Маншем, пользуясь услугами Карла Орлеанского, все еще живущего в плену. Если партия мира в Англии договорится напрямую с Валуа, это будет крах всей бургундской политики. Но как отречься от пятнадцатилетнего союза с англичанами? Как отделаться от клятв, принесенных в Труа? Его легисты очень удачно сумели успокоить его совесть. Никола Ролен, канцлер Бургундии, в недавнем прошлом пламенный защитник англо-бургундского союза, вдруг обнаружил, что Генрих VI не имеет никакого законного права на корону Франции. В Труа договорились, что Карлу VI наследует Генрих V, супруг Екатерины Французской. Но зять умер раньше тестя и потому не мог принять наследство, а значит, и передать эту корону сыну. Отрекшись от дела Ланкастеров, Филипп не изменит духу Труа и не совершит клятвотступления. Правда, и дофин был лишен наследства, но этот факт, который мог бы поколебать хрупкую юридическую конструкцию, обходили молчанием.

При буржском дворе примирению мешал фавор Ла Тремулья. Будучи алчным скотом, камергер не имел иных интересов, кроме как свергнуть Ришмона и оттереть от власти королеву Сицилийскую, королеву Марию Анжуйскую и ее брата Карла дю Мена. Чтобы избавиться от них, он бросил банды Вильяндрандо на Анжу и Турень. А ведь мир между французами и бургундцами было не заключить без участия Ришмона, зятя Филиппа, и участия Анжуйцев, которые как принцы крови были естественными посредниками. С неудобным фаворитом разделались, произведя удачный дворцовый переворот. Ла Тремулья заманили в ловушку, тяжело ранили и оставили ему жизнь только на условии, что он навсегда покинет королевский двор. Иоланда Сицилийская вернула все утраченное влияние на зятя, и в июне 1433 г. коннетабль еще раз стал героем дня.

Вполне можно допустить, что переговоры между буржским и дижонским дворами начались еще с конца 1432 г., а после опалы Ла Тремуйля приобрели еще больший размах. Подробности этого торгоа нам пока известны мало. Хотя интересно было бы узнать, какими были в это время территориальные притязания бургундцев, чего они требовали в отношении убийц, совершивших преступление в Монтеро, и на какие уступки вялого Карла VII подталкивала анжуйская клика. Тогда это ничем не кончилось: средневековая дипломатия никогда не спешила. Чтобы появились первые положительные результаты, пришлось дожидаться первых дней 1435 г. Посредником стал Рене Анжуйский, унаследовавший от двоюродного деда титул герцога Барского, шурин короля и бывший пленник бургундцев. Под его эгидой Филипп Добрый провел в Невере ряд встреч с канцлером Реньо Шартрским, архиепископом Реймским, и коннетаблем Ришмоном; он был очень предупредителен к гостям и выразил желание примириться с Бурбонами, верными сторонниками беррийского дела, чье оружие не раз преграждало ему путь на границах Маконне. Через три недели стороны достигли принципиального согласия, окончательно же его оформить предстояло на представительном международном конгрессе, который был назначен тоже на бургундской территории — в Аррасе.

Дело в том, что Филипп Добрый ни в коем случае не хотел оставить впечатления, что он предает своих старинных союзников, откалываясь от них. Если бы его заботами был восстановлен общеевропейский мир, это бы более подняло его престиж, нежели просто примирение родственников. Если же, как предполагали в окружении герцога, англичане покажут себя слишком неблагоразумными и не пожелают заключить мир, это даст ему благовидный предлог, чтобы их покинуть. В своих ловких расчетах он получил поддержку папы. С тех пор как Констанцкий собор положил конец схизме, избрав Оттона Колонну (Мартина V), Святой престол, вновь став римским и итальянским, не очень интересовался делами в более западных странах. Осторожный реалист, Мартин V лишь беспомощно взирал на раздел Франции, признавал его как свершившийся факт, не одобряя, и по церковным де-

лам тех или иных провинций вел соответственно переговоры с Бедфордом или Карлом. В Париже регент, вразрез с мнением галликански настроенного университета, с мнением парламента, отступая от английских традиций антипапизма, предпочел напрямую договориться с понтификом о полюбовном разделе назначений на церковные должности и доходов от налогов на церковные имущества. А в Бурже дофин, верный галликанским идеям «мармузетов» и арманьяков, вел себя более требовательно. Мартин не пытался помочь делу Валуа, но не покровительствовал при этом и Ланкастерам. Однако его преемник Евгений IV был вынужден сделать уступку духу соборности, влияние которого на духовенство все более возрастало. Сигизмунд вынудил его созвать в 1431 г. новый собор, созыв Мартин которого в свое время сумел оттянуть, и опять на имперской территории — в Базеле. На соборе вмиг возник конфликт между требованиями его членов и папскими притязаниями, который достигнет самой острой стадии к 1436 г. Нетрудно догадаться, сколь выгодным для Евгения было бы заключение франко-английского мира под его эгидой: это бы подняло его престиж, облегчив задачу обуздания собора. И папа отправил в Артуа кардинала Святого Креста в ранге легата. Чтобы не остаться в долгу, участники Базельского собора тоже делегировали одного из своих — кардинала Кипрского. Поскольку и главой английской делегации был дядя Генриха VI — старый кардинал Генрих Бофор, то самый многочисленный и самый пышный дипломатический конгресс, какой только знала доселе Европа, при открытии воистину пылал от пурпурных одеяний. Князья церкви, принцы крови, военачальники и министры, каждого из которых сопровождала внушительная свита, соседствовали здесь с депутатами французских городов и делегацией Парижского университета, который после схизмы и восстания Кабоша полагал, что вправе сказать свое слово в любом государственном деле.

На самом деле главными участниками переговоров были со стороны Карла VII Реньо Шартрский и Ришмон, со стороны Филиппа Доброго — сам великолепный хозяин и его верный канцлер Никола Ролен. Весь август 1435 г., перемежаясь турнирами и пирами, шли прежде всего переговоры о

франко-английском мире. Диалог, прерванный шестнадцать лет назад, возобновился совершенно в иной атмосфере, чем окружала Генриха V в Лондоне, в Винчестере, в Понтуазе, в Труа. Бедфорд знал это и считал, что готов к существенным уступкам. Но для него было невозможно как отступить от дела, которому он тринадцать лет отдавал все силы, так и отречься от идеи «двойной монархии», контуры которой наметил договор в Труа. И он предложил Валуа оставить им провинции, где их преобладание было бесспорным; но Генрих VI оставался королем Франции и хозяином Парижа, а «Карл Валуа» должен был принести оммаж своему ланкастерскому суверену за половину королевства, которую ему разрешалось удержать. Из своего дворца в Руане, где он умирал, Бедфорд не мог услышать, какое изумление вызвали его нелепые предложения. Рассматривать реймского помазанника как обычного мятежника, которого можно простить, указав ему место, не отдавать ему короны и столицы, в то время как он уже носил первую и угрожал второй, значило не понимать, что игра проиграна. Ланкастеры могли бы вернуться к более реалистичным концепциям Эдуарда III, отказавшись от химер, чтобы сохранить некоторые провинции. Они этого вовремя не поняли. Реньо Шартрский при поддержке речистого Жана Жювенеля сначала потребовал полного вывода английских войск из королевства за денежную компенсацию, а потом сообщил, что прежде всего от Ланкастеров требуется отказ от французской короны. При такой разнице подходов достичь соглашения не было никакой возможности, потому 1 сентября Бофор и его свита первыми прервали переговоры и покинули Аррас.

При поддержке папского легата Филипп Добрый решил подписать договор без участия англичан. Мир, заключенный 20 сентября и через день ратифицированный, выглядел крайне невыгодным для Бургундии. Кроме Шампани и Бри, Карл признавал все территориальные уступки, за которые Ланкастеры в свое время купили союз с «великим герцогом Запада»: указывалось, что Филипп сохранит Маконне, графство Оксер, графство Понтье, некогда переданные ему Генрихом V, графство Булонь, занятое им после смерти герцога Беррийского, «города на Сомме» — Сен-Кантен, Амьен, Корби, Сен-

Рикье и т. д., то есть цепь крепостей, прикрывающих Артуа и угрожающих Парижу, которые были отданы ему в залог по случаю брака с Мишель Французской и которые он оставил себе как компенсацию за еще не выплаченное приданое. Король сможет их выкупить за огромную сумму в 400 000 экю. Наконец, отдельная статья освобождала Филиппа при жизни Карла VII от обязанности приносить тому оммаж за свои французские фьефы, давно или вновь приобретенные. Тем не менее герцог, что бы ни говорили, не стремился к независимости от монархии Валуа. Он — французский принц, и все его амбиции ориентированы на Париж. Разорвав вассальную связь, он бы, конечно, мог упрочить единство Бургундского государства, но был бы вынужден отказаться от контроля над королевским правительством, а в качестве «принца лилий» такую возможность он имел. Если же он временно освобождался от принесения оммажа, так это потому, что ему претило быть вассалом человека, которого он считал ответственным за смерть отца.

Ведь Аррасский договор дал Филиппу высшее удовлетворение, которого он тщетно добивался, составляя договор в Труа, — месть за преступление в Монтеро. Карл унизился перед кузеном, отрицая всякое личное участие в убийстве, обещал покарать виновных, названных поименно, воздвигнуть искупительный памятник, заказать мессы за упокой души жертвы; от его имени один из его советников на коленях приносит покаяние перед герцогом Бургундским. Это был чувствительный удар по самолюбию французского короля: перед лицом чрезмерно могущественного вассала он принимал вид кающегося преступника, унижаясь до того, чтобы просить прощения за действие, ответственность за которое он громогласно — может, даже слишком — отрицал. И еще более жестокий удар для оставшихся приверженцев бывшей партии арманьяков, которой церемония в Аррасе предвещала конец. Но, отмежевываясь от тех, кто был для него в молодости единственной опорой, Карл VII завершал трансформацию, начатую помазанием в Реймсе: из вождя группировки, которого активно старались низвергнуть, он превращался в короля всех французов, а значит, в единственного короля Франции. Сколь бы жестоким ни было унижение, игра стоила свеч.

Бедфорд умер 14 сентября, не успев осознать весь масштаб бургундской измены. Через несколько недель в Париже, в полном одиночестве, во дворце Сен-Поль, куда только что переселилась, скончалась королева Изабелла; она ушла в небытие одновременно со своим творением — договором в Труа.

Итак, судьба династии, пятнадцать лет балансировавшей на острие ножа, теперь была спасена. Под ее власть сразу возвращались все провинции, до того верные Бургундцу, все города, где не стояли английские гарнизоны. За одну зиму после Аррасского конгресса был практически очищен от врага Иль-де-Франс. Верхнюю Нормандию охватило восстание, и роялистские шайки теперь могли там рыскать беспрепятственно, а Дьепп сдался Карлу VII. Чтобы взять Париж — его захват стал бы естественным венцом всех этих операций — могла потребоваться долгая осада: ведь гарнизон имел приказ обороняться. Ришмон, подойдя к столице в феврале 1436 г., замкнул кольцо блокады, перекрыв движение судов по всем рекам. В городе начался голод. Коннетабль сговорился с бургундскими чиновниками, которые поручились ему за настроение горожан. Удачно вызванное 13 апреля восстание позволило королевским войскам вступить в Париж без боя. Вражескому гарнизону, укrywшемуся в Бастилии, позволили уйти, но удалялся он под свист тех самых горожан, которые когда-то с радостью приняли его.

Резонанс этого события во всем королевстве был огромен. Карл VII мог с полным правом рассылать повсюду ликующие сводки о победе. Возвращение столицы означало воссоздание и укрепление королевства — к вящей славе Валуа. Это был конец ланкастерской мечты. Добиваясь ее осуществления, умерли Генрих V и Бедфорд, но их дело не пережило их. Конечно, еще оставались Руан, регент, правящий именем Генриха VI, английский сенешаль, Королевский совет, Канцелярия, Счетная палата, Палата Шахматной доски. Эти чиновники пока контролировали почти всю Нормандию, часть Мена, часть Гиени. Но рано или поздно им придется вернуть все захваченное восстановленному королевству, чьи органы управления быстро приспособятся к новой ситуации.

III

РЕФОРМЫ КАРЛА VII

Взятие Парижа и подчинение англо-бургундской Франции означало практическое, если не полное, объединение королевства, власть над которым двадцать лет оспаривали две соперничавших династии и которое до того раздиралось борьбой партий. Чтобы начать реорганизацию управления страной из отвоеванной столицы, нельзя было дожидаться ни полного изгнания Ланкастеров, ни покорения Нормандии и Гиени. Как и после всех великих внутренних кризисов, потрясших страну в позднейшие исторические периоды, как при Генрихе IV сразу после религиозных войн или при Первом консуле после революционной грозы¹, перед победоносным королем встала деликатная проблема — объединить всех отныне примиренных подданных и воссоздать твердую власть, правление которой изгладило бы память о былых раздорах. Конечно, целью «реформ» Карла VII были не столько нововведения, сколько реставрация. Но после них Франция уже и в политическом, и в административном отношениях отличалась от страны, которой правил его дед Карл V. К таким изменениям, которые в свою очередь оказали влияние, и порой решающее, на окончание войны, подтолкнули и выводы из пережитого опыта, и текущие нужды момента. Реформы не были ни делом одного дня, ни воплощением заранее разработанного плана. Административная реорганизация, начатая сразу же после вступления Ришмона в Париж, велась скачкообразно, без направляющей идеи, годами, и особенно ей способствовало затихание войны в период с 1440 по 1450 г., а

¹ Имеется в виду Наполеон Бонапарт, в 1799 г. ставший первым консулом Французской Республики (*прим. ред.*).

после — заключение Турского перемирия. Именно на это десятилетие приходится и больше всего ордонансов, и самые решающие из них. Рассматривая их в хронологическом порядке, можно было бы упустить из виду важность совершенного дела. Но, набрасывая общую картину, нам ни на миг нельзя будет забывать о политических обстоятельствах, объясняющих ее самые броские черты, и ради ясности изложения рассказ об этом начнем сейчас же.

Прежде всего задача состояла в объединении центрального правительства, с недавних пор разделенного в связи с нуждами войны на несколько частей. Эту идею люди короля высказывали неоднократно: пусть верховные суды и основные управляющие ведомства будут нераздельными органами, власть которых распространялась бы на все королевство. Противники децентрализации, допускавшей ими самое большее как временная мера, они считали, что должна быть одна Канцелярия, один парламент, одна Счетная палата. Со времен Карла V периодически выходили ордонансы, запрещавшие «финансовым генералам» по налогам эд делить между собой территорию королевства и оставлявшие их, порой вопреки их желанию, членами некой неделимой центральной коллегии. С 1428 г., когда сообщение между Пуату и Лангедоком упростилось, Тулузский парламент был упразднен, а дела южных провинций переданы в парламент Пуатье. Едва в апреле 1436 г. капитулировал Париж, как сюда перевели Канцелярию и Счетную палату из Буржа, парламент и Палату эд из Пуатье; небольшая делегация советников парламента еще несколько месяцев пробыла в Пуату, чтобы уладить текущие дела, но до конца года она прекратила свою деятельность. Если резиденция короля все еще находилась на берегу Луары, поскольку он избегал города, связанного со слишком многими неприятными воспоминаниями, то Париж, бесспорно, стал административной столицей королевства.

В этих условиях возникала необходимость слияния персонала: ведь в бургундской Франции раньше были такие же суды и такие же ведомства, имевшие те же функции, что и службы Буржского королевства. С местным или низшим персоналом — бальи, сборщиками налогов, делегатами парла-

ментов, лесничими, прево — трудностей не было: для служащих в Северной Франции Арраский договор просто менял хозяина; теперь они верно служили Карлу VII, как прежде подчинялись Генриху VI, и не было необходимости их увольнять или проводить радикальные чистки. В самом Париже дело обернулось иначе. Но нам недостает исследований об административном персонале, дающих возможность ткнуть пальцем в закон, который позволял суверену создавать иллюзию, будто он вовсе не желает изгонять бывших врагов, а только спокойно и без шума устраняет запятанных и подозрительных лиц. Единственный более или менее хорошо известный пример — парламента — дает нам по крайней мере представление об используемых методах. Арраский договор оговаривал, что минимум пятнадцать советников Бургундского парламента сохраняют свои места. Это дало возможность первой сортировки: оставили лишь тех бургундцев, чье раскаяние выглядело более многообещающим. Потом король позволил своему верховному суду регулировать состав самостоятельно, разрешив применять принцип кооптации, к которому неоднократно призывали парламент со времен «мармузетов», а в 1446 г. даже было решено, что новые советники будут избираться из двух кандидатов, предложенных двором. Но в 1447 г., почувствовав себя сильнее, король временно отменил эти выборы, сам назначил членов парламента и изгнал из него последних сторонников англичан, откровенных или скрытых. Надо полагать, и в других органах управления и суда происходили подобные процессы с аналогичным же результатом. Если массовых увольнений и не было, по крайней мере все знали, что в обеих недавно соперничавших администрациях останутся только лучшие независимо от их политического прошлого. Именно этому искусному смешению Карл VII, несомненно, обязан тем, что еще при жизни получил прозвище «Карла, которому хорошо служат» (*Charles le Bien Servi*). Некоторые из его слуг прибыли издалека, как, например, Тома Базен, преемник Пьера Кошона в Лизье: первоначально он был советником в Нормандии и своим местом обязан Ланкастерам, но сумел вовремя договориться о сдаче своего епископского города и вошел в разные советы

суверена, чьим апологетом и хронистом он станет в изгнании, к которому его вынудит Людовик XI. Из этой массы добрых слуг до потомства дошло не много имен: чем подозрительней становился их хозяин, тем меньше он доверял своим советам, очень страдавшим от произвола недостойных фаворитов. Если говорить о клириках, то Базен, как и Жювенель, преувеличили в своих сочинениях истинное свое влияние; потомки сделали то же в отношении Жака Кёра¹, который в качестве казначея был в лучшем случае требовательным и щедрым кредитором двора, как и в отношении братьев Бюро², хороших финансовых чиновников и любителей артиллерийских новинок.

Впрочем, погоду делали не столько индивидуумы, сколько внушительная масса королевских чиновников, чьему постепенному численному росту не помешали ни войны, ни реформаторские ордонансы. Например, число финансово-податных округов (*élections*) от тридцати при Карле V достигнет семидесяти пяти к моменту смерти Карла VII, в то время как в северной части королевства вскоре окажется почти сто пятьдесят соляных амбаров, полностью укомплектованных штатом смотрителей и измерителей. Этих чиновников было достаточно, чтобы из них сформировался довольно индивидуализированный общественный класс, занимавший промежуточное положение между горожанами, из которых они в большинстве выходят, и дворянством, куда они стремятся. Их сплоченность на всех уровнях укрепляли семейные союзы; в центре страны возникали настоящие парламентские династии, члены которых были связаны браками с «господами финансов»

¹ Жак Кёр (1395–1456) — банкир и финансовый советник короля Карла VII, королевский комиссар при Штатах Лангедока (1444 г.), генеральный контролер габели в Лангедоке (1447 г.). Арестован в 1451 г. по обвинению в растратах, бежал к папе Римскому и умер во время экспедиции против турок (*прим. ред.*).

² Братья Бюро — Жак (ум. 1463 г.), сеньор Монгла, и Гаспар (ум. 1470 г.), сеньор Виллемомбля. Приближенные Карла VII, занимали ряд важных финансовых и военных постов, создали королевскую артиллерию, которой Жак лично командовал во время боев в Нормандии и Гиени в 1449–1453 гг. (*прим. ред.*).

(*messieurs des finances*); аналогичные союзы появлялись и на местах, и в нижних эшелонах. Все эти люди в большей или меньшей степени добивались, чтобы за ними признали привилегию вроде той, какую недавно даровали дворянству: коль скоро они служили королю, отдавая ему плоть и время, то считали, что не обязаны платить королевской тальи, а если ассессоры пытались их обложить, они предъявляли иски в исковые суды и часто выигрывали процессы. Так, более де-факто, чем де-юре, образовалось «дворянство мантии», пока составляющее силу монархии — ее слабостью оно станет позже.

Монархическая централизация, ради восстановления которой с 1436 г. было приложено столько сил, вскоре окажется неэффективной или по крайней мере неудобной: королевство было слишком обширным, чтобы в Париже могли одновременно вести все дела — судопроизводство, финансы, бухгалтерию — для большей части доменов. Власть была вынуждена, приближая королевскую администрацию к подданным, создавать верховные суды и прочие механизмы власти еще и в других местах. Правда, это движение, тормозившееся эгоистичным сопротивлением чиновников на местах, явно заметным стало лишь тогда, когда возвращенным Нормандии и Гиени по очевидно политическим причинам пришлось даровать особый режим, чтобы успокоить их партикуляристскую обидчивость; но первые его симптомы появились чуть раньше. Задолго до 1435 г. «финансовые генералы» по налогам эд разделили налоговую администрацию на ведомства для Лангедойля и ведомства для Лангедока. Территории «земель за Сеной и Йонны», понемногу отвоевывавшиеся у англичан, образовали новый округ, равно как и Нормандия; каждый из них возглавлял «генерал», а при нем был специальный сборщик по территории, которую вскоре назовут «генералите» (*généralité*). Чтобы лучше контролировать домен, разоренный войной почти дотла, казначеи тоже разделили королевство на четыре округа (*charges*), каждый имел штатных сборщиков, а управления располагались в Туре, Монпелье, Париже и Руане. Но Палата эд, Курия казны, Счетная палата, порядок реорганизации которых скрупулезно расписывали особые

ордонансы, не пожелали идти этим же путем и дробиться: почти все они остались в нераздельном виде в центре, откуда велось управление финансами, — кроме Палаты эд, вынужденной согласиться на создание конкурирующих органов: один из них, по делам Лангедока, был создан в 1439 г. в Тулузе, а позже переведен в Монпелье, другой же, по делам Нормандии, организовали в 1450 г. в Руане. Со своей стороны Парижский парламент, насколько это было в его силах, противился этой центробежной тенденции, первые симптомы которой не вызывали у него беспокойства. Он считал, что от избытка судебных дел можно избавиться так же, как это делалось в предыдущем веке, — учредив «Великие дни», временные и более или менее периодические выезды парижских советников в провинции. После 1450 г. такие «Дни» проводили в Пуату и в Оверни, в Гиени и даже в Орлеане. Но этого было уже недостаточно: в 1443 г. восстановили, и на сей раз окончательно, Тулузский парламент, чья юрисдикция распространялась на весь Лангедок и на те части Гиени, от которых чиновники Карла VII добились повиновения. Еще один верховный суд был создан в Бордо, когда французы вступили в этот город (в 1451 г.), а через два года распущен в наказание гасконцам за мятеж. Однако когда в это же время дофин Людовик вздумал организовать парламент в Гренобле, подчинив его компетенции свой апанаж, король без возражений утвердил его создание; все это вывело из компетенции парижского суда самые периферийные области Франции, но все-таки последнему удалось не допустить учреждения еще одного парламента в Пуатье, который бы разом лишил его власти над всеми центральными провинциями. Так постепенно возникали очертания Франции нового времени с ее административными кадрами, которые унаследует монархия «Старого Порядка»: финансовые округа (генералите), позже вытеснившие исторические «провинции»; провинциальные палаты эд и парламенты, оттесненные на периферию королевства; на данный момент добавим к ним карту габели и зарождающееся различие между землями, где налоги распределяли «делегаты» (pays d'élections), и землями, где налоги распределяли местные Штаты (pays d'États).

Что отличает правление Карла VII от правления первых Валуа — так это постоянное пополнение средств и вооруженных сил. Но сказать, что этот король «создал» постоянный налог и постоянную армию, — значит грубо упростить бесконечно более сложную реальность. Уже давно и в течение длительных периодов «экстраординарные» средства, главным образом талья, которая давала намного больше денег, чем все остальные налоги, собирались как квазипостоянные подати. Лишь крайняя слабость вынуждала буржского короля, как мы уже сказали, почти ежегодно просить у Штатов вотировать необходимые для продолжения войны субсидии, часто непосильные. Похоже, что до 1435 г. французская монархия стремилась быть режимом, конечно, авторитарным, но ограниченным необходимостью получать согласие на налоги. Если бы эта практика продолжалась, Штаты Лангедойля, представлявшие все королевство, кроме лангедокских сенешальств, могли бы стать постоянным институтом и выполнять роль, какую играл парламент за Ла-Маншем. Люди короля очень явственно ощутили эту опасность, чему способствовало и поведение самих депутатов. Дороги были небезопасны, поездки требовали больших затрат и часто были сопряжены с риском, отчего городские коммуны не спешили откликаться на призывы короля либо их делегаты, приехав, спешили поскорее вернуться домой. Поскольку главным было вотировать субсидию, то все хотели, чтобы это произошло без промедлений. Наказы депутатам Штатов выслушивали рассеянно, ответы на них давали уклончивые или откладывали на потом, тем не менее собрание выражало свое удовлетворение. Лишь в двух случаях: в 1431 г., когда речь шла о монетах, и в 1439 г., когда обсуждалась воинская дисциплина, — для удовлетворения требований трех сословий были приняты специальные ордонансы. Сразу же после голосования по вопросам финансов ассамблею распускали, а продолжалась ее сессия не более трех дней. Таким образом, монархия не позволяла ни контролировать свои расходы, ни навязывать себе политику. Однако королевские чиновники считали, что и обязательное требование выпрашивать средства, необходимость в которых очевидна, — уже перебор. Даже в самые тяжелые моменты

внешней войны бывало, что без всякого обращения к Штатам сверху декретировался новый сбор налога, установленно-го ранее, или вводилась какая-то новая подать: так сделали в 1425 г. после разгрома при Вернее, в 1429 г. ради похода на коронацию в Рейме, в 1430 г. для оплаты очень крупных расходов. Еще один шаг был сделан в 1435 и 1436 гг., когда Штаты позволили восстановить во всем королевстве косвенный эд, который с 1418 г. если и собирался, то нерегулярно. Отныне этот налог на продажи, исчислявшийся в размере 20 денье с ливра, или $1/12$, король мог периодически взимать, более не обращаясь каждый раз к депутатам трех сословий. Потом настал черед тальи. Штаты 1439 г. были последними, к которым король обратился с просьбой о разрешении собрать этот налог. Его продолжали взимать и в последующие годы; королевский ордонанс, изданный с учетом прогнозов «господ финансов», установил его сумму на каждый год, и до самого конца царствования она все время возрастала. Так в управлении финансами, ставшем более сложным, стало проявляться и больше предусмотрительности. Ежегодно для сведения Королевского совета финансовые органы составляли проект бюджета, называвшийся «планируемой сметой расходов»; по окончании бюджетного года они представляли в Совет чистовые счета, свою «фактическую смету». С 1450 г. казначеи и «генералы», слив воедино счета по ординарным и экстраординарным налогам, будут разрабатывать единый проект — «генеральную финансовую смету», чтобы Совет использовал ее для определения размера тальи.

Коль скоро теперь сам король объявлял о своих потребностях и предписывал общую сумму, которую надо собрать, то можно сказать, что налог стал постоянным. Но это не значит, что мнение податных людей более не принималось в расчет нигде и никогда. Лангедок, с населением которого по стечению обстоятельств приходилось иметь дело отдельно, ревниво сохранял свои отдельные Штаты; в 1423 г. король попытался было обложить южные сенешальства налогом, соразмерным тому, что вотиrowали депутаты Лангедойля, но после бурных протестов заинтересованных лиц был вынужден в 1428 г. взять на себя обязательство каждый раз запра-

шивать лангедокских депутатов, прежде чем взимать там налог. Таким образом, здесь продолжались частые, минимум ежегодные собрания, где депутаты, изложив наказания, которые в большей или меньшей степени учитывались, доставляли себе удовольствие поворчать в ответ на просьбы королевских наместников, а потом приступали к распределению субсидии между епархиями провинции. Но поскольку компетенция Штатов Лангедока распространялась только на один регион, в целом не столь большой, то они все в большей мере приобретали облик местной ассамблеи, которая старалась лишь защитить свои частные интересы и потому не представляла большой опасности для центральных властей монархии.

Ведь, действительно, были еще и местные Штаты, даже в доменах короны, и порой их созывали для решения вопросов срочных и имевших местное значение. Так, Штаты Шампани в 1431 г. выделили деньги, необходимые для содержания королевских гарнизонов в этой недавно отвоеванной провинции; Штаты Иль-де-Франса в 1436 г. дали возможность осадить Крей, обеспечив нужды осаждавших. В других местах от них добивались вотирования экстраординарных субсидий, всегда для ограниченной территории и на определенное время, обычно имевших вид дополнительной тальи; они распределяли эти налоги сами либо контролировали назначение делегатов. Но все это были исключительные случаи, которые после прекращения деятельности Штатов Лангедойля встречались все реже. Остались лишь более сильные и более регулярно созывавшиеся ассамблеи крупных фьефов, потому что распоряжавшиеся там принцы нуждались в них для выделения себе добровольных пожалований, местных эда или тальи, которые шли в казну не короля, а самого магната. А поскольку королевская власть по мере поглощения этих провинций доменом постарается открыто не ущемлять местных привилегий, она заботливо сохранит на этих землях институт Штатов, то есть Лангедок станет примером для Дофине — провинции, в этом отношении приравненной к крупному фьефу, для Артуа, Прованса, а позже и для Бретани; бывший Лангедойль, после исчезновения своих штатов ставший «*pays d'élections*», будет

стянут поясом из «pays d'États», сохранивших свои провинциальные ассамблеи.

Хотя вряд ли можно сказать, что у Карла VII была продуманная и логичная концепция финансовой «реформы», по отношению к комплексу мер, предпринятых в военной сфере, термин «реформа» вполне пригоден.

Надо признать, что ситуация здесь была катастрофической и требовала принятия экстренных мер. Франко-бургундское примирение далеко не принесло мира истерзанной стране: лишив дела множество наемников, которым до сих пор и в том, и в другом лагерях платили очень плохо, оно побудило эти изголодавшиеся шайки разбрестись по всему королевству. Государство, слишком бедное, чтобы взять их к себе на жалованье и бросить на последние бастионы ланкастерского владычества, было не в состоянии даже изгнать их из провинций, которые они грабили. Похоже, что в стране, изнуренной двадцатью годами войны, их бесчинства были еще ужаснее, чем при Иоанне Добром. Рассказы хронистов, изобилующие жуткими подробностями, полностью подтверждаются документальными жалобами, сохранившимися в архивах: здесь было все — грабежи, поджоги, истязания, насилия, резня. «Живодеров» не останавливало ничто, кроме разве что городских стен, которых они не могли взять приступом. Их не волновал даже собственный завтрашний день: ради сиюминутной, преходящей выгоды они устраивали бессмысленные разорения. От их постоянных налетов деревня пустела, и нищета порождала нищету. Это бедствие поочередно испытывали все провинции королевства, и не только те, что раньше были театром военных действий, но и другие, которым разбойники отдавали предпочтение как менее обедневшим. «Живодеров» видели в Лангедоке, в Альбижуа, в Оверни, в Бери; они хлынули в Бургундию и творили грабежи даже за границей — в Лотарингии, в Эльзасе, где их все еще называли арманьяками. Их капитаны, обогатившиеся за время долгих кампаний, пренебрегали королевскими приказами: так, Перрине Грессар, прежде тративший всю энергию на службу англо-бургундскому делу, отказался сдать Ла-Шарите королю Франции; эту проблему решили, назначив его капитаном на

службе Карла VII. Стремления других простирались дальше: бывшие соратники Девы, такие, как Ла Гир и Ксентрай, «работали на себя», при этом продолжая занимать официальные должности, — например, Ксентрай был сначала сенешалем Лимузена, а потом бальи провинции Берри. Араговец Франсуа де Сюрьенн продолжал воевать на стороне англичан, получая щедрое жалование из Нормандии; бастард Бурбонский разорял центральные провинции, пока наконец не кончил жизнь на эшафоте. Самый опасный из всех, кастилец Родриго де Вильяндрандо, долго творил свои преступления в условиях полной безнаказанности.

Прежде всего власти попытались восстановить дисциплину в «компаниях», которые утверждали, что сражаются за короля. За это дело пришлось браться несколько раз: предписания Карла VII в этой области вновь появились в 1431 г., а потом в 1439 г. Ноябрьский ордонанс 1439 г., более жесткий, в принципе вводил монопольное право короля на набор солдат, ограничивал численность «компаний» сотней человек и пытался посадить их на места в качестве гарнизонов. Все эти приказы вовсе не исполнялись сразу же. Но более строгий контроль за численностью отрядов со стороны военных властей — коннетабля и маршалов, примерное наказание нарушителей, а главное — более гарантированная и регулярная оплата очень благотворно повлияли на восстановление порядка и ослабление поборов и грабежей.

Если бы после Турского перемирия 1444 г. вся армия была распущена, как это обычно делалось прежде в подобных случаях, в королевство хлынули бы новые банды голодных рутьеров. Принципиальное нововведение состояло в том, что власть теперь не дожидалась разрыва перемирия, чтобы проинвестировать набор новых контингентов, а содержала в ожидании войны сравнительно крупные вооруженные силы. Прежде всего она избавилась от всех беспокойных элементов; отобрав лучшее из того, что осталось, король сформировал крупные воинские части, быстро получившие известность под названием «королевских ордонансных рот» (*compagnies de l'ordonnance du roi*), каждая из которых состояла из ста комплектных «копий» (*lances*), включавших по одному тяжелому

коннику (*homme d'armes*) и пяти более легко вооруженных воинов. Пусть не каждое «копье» достигало такой численности, но, во всяком случае, рот обычно было двадцать либо немногим больше или меньше. В следующем, 1446 г. эту реформу распространили и на Лангедок, который должен был поставить еще пять рот. Теперь еще до возобновления войны можно было набирать и другие контингенты, хуже вооруженные и укомплектованные, — «роты малого ордонанса». Первые в истории западноевропейских королевств суверен мог набрать, снарядить и содержать в течение всего мирного периода кавалерию численностью не менее пятнадцати тысяч бойцов, рассеянную в виде гарнизонов по всему королевству. Каждый город и каждый округ должен был принять на постой определенное число «копий». Обязанность их содержать возлагалась на жителей. Чтобы откупиться от нее, податные люди должны были выплачивать налог «на содержание воинов», и хоть он добавлялся к талье, очень тяжелой и самой по себе, платили его беспрекословно — настолько население прочувствовало пользу от этой военной политики, направленной одновременно против рутьеров, грабителей и всех врагов короля.

В апреле 1448 г. была сделана попытка учредить наряду с постоянной кавалерией еще и постоянные пехотные корпуса. Чтобы привлечь добровольцев, их освобождали от всех налогов, откуда и название этой пехоты — «вольные лучники». Но сельские общины и городские коммуны в обязательном порядке выставляли от пятидесяти очагов одного вольного лучника. Вооружение эти лучники приобретали сами. Представляя собой нечто вроде национальной гвардии, они продолжали заниматься своим ремеслом или обрабатывать землю, будучи лишь обязаны раз в неделю упражняться в стрельбе из лука и в случае войны присоединяться к своей роте. Этот ордонанс начал выполняться лишь к самому концу Столетней войны. Но он явно свидетельствует о стремлении французской королевской власти всегда иметь под рукой вооруженную силу, а развитие артиллерии, быстрое и решительное, придаст этой силе невиданную прежде наступательную мощь.

IV

ТУРСКОЕ ПЕРЕМИРИЕ

Сделанное нами здесь вкратце описание этих осторожных реформ легко может породить в воображении читателя образ монархии сильной, уверенной в себе и решительно идущей к намеченной цели. На самом деле это был лишь ряд отдельных шагов, сделанных вслепую, ряд частных мер, принимавшихся одна за другой в течение более чем пятнадцати лет. То, что Карл VII не перестроился в одночасье, перейдя из униженного положения буржского короля в положение осыпаемого хвалами победоносного суверена, явно заметно уже по самой медлительности, с какой после взятия Парижа он завершал отвоевание еще занятых врагом провинций.

И однако ланкастерская Англия в 1436 г. была крайне мало способна восстановить свое сильно пошатнувшееся военное положение на континенте. То, что она переживала, было обычной расплатой за великие эпопеи, пожирающие людей и деньги. Ей сильно не хватало вождя, и беспокойные годы затянувшегося монаршего несовершеннолетия не смогли такого вождя сформировать. Ведь пока Бедфорд во Франции пытался решить грандиозную, но безнадежную задачу создания «двойной монархии», его соотечественники у себя на острове погрязли в мелочных склоках, подробное изложение которых затянулось бы надолго. Хэмфри Глостер, разъяренный тем, что его лишили поста регента, ударился в интриги. Это был блестящий принц, утонченный гуманист, чьи щедроты колоссально обогатили библиотеки Оксфордского университета, но притом человек вздорный, жестокий, алчный и хитрый. Преданно выполняя последнюю волю Генриха V, Королевский совет, где заправляли дядя покойного короля —

Бофоры, оставил Глостеру только видимость власти. Оттесненный принц несколько месяцев скрепя сердце сносил это положение. Но когда в 1425 г. он вернулся из своей бурлескной экспедиции в Нидерланды, испытав унижение и потеряв деньги, больше терпеть он не желал. При всем Совете он обвинил Генриха Бофора, что тот в его отсутствие плохо правил королевством. Ссора могла бы вылиться в гражданскую войну, если бы не вмешался Бедфорд, спешно прибывший успокоить возбужденные умы и оставшийся в Англии более чем на год, чтобы довершить примирение. По соглашению Глостер сохранял свой довольно пустой пост «протектора», а Бофор покидал Канцелярию, которую возглавлял с самого начала нового царствования. В качестве компенсации прелат получал кардинальскую шапку; кроме того, он все еще был чрезвычайно богат и оставался крупнейшим заимодавцем короны. Глостер, завидовавший ему из-за этого всего, немедленно возобновил войну, едва Бедфорд отбыл на континент. Против расточительного прелата, любимца аристократии, он настроил средние классы, лондонское бюргерство, общины; он намеревался запретить Бофору как служителю церкви носить орден Подвязки, а как кардиналу — управлять Винчестерской епархией, которую тот сохранил за собой. Лишь благодаря тому, что Бофор в то время подолгу бывал на континенте, готовя крестовые походы против чешских гуситов¹, это соперничество не перешло в кровопролитную борьбу.

Никто в Англии не был в силах обуздать эту интригу. Бедфорд, слишком занятый в Париже и в Руане, не мог часто приезжать на остров. При короле-ребенке, правившем лишь по видимости, в результате раздоров принцев строгое управление, установившееся при Генрихе V, начало расшатываться. Это прежде всего выразилось в том, что из года в год повышался дефицит бюджета. Когда-то завоеватель пообе-

¹ Гуситы — участники движения против феодального гнета в Чехии (1419–1437 гг.), чьим идейным вдохновителем был Ян Гус — ректор Парижского университета, призывавший к реформе католической церкви (*прим. ред.*).

шал быструю победу, ради которой его подданные с легким сердцем принесли весомые финансовые жертвы. Но теперь существующая фискальная служба была бессильна удовлетворить все более обременительные военные нужды; все налоговые поступления уходят на подготовку подкреплений, которых без конца просит регент Франции. До самой осады Орлеана можно было надеяться, эти затраты скоро окупятся. Но когда война сделалась оборонительной, ее бремя стало восприниматься как непосильное; именно в этот момент растущие потребности вынудили власти искать новые источники доходов. Поскольку поступлений от налогов на шерсть, таможенных пошлин и сборов за торговые сделки, налогов на движимое имущество стало не хватать, парламент 1431 г. согласился обложить податью в 5% все доходы, превышающие 20 фунтов. Тем не менее казна продолжала брать безвозвратные займы, увеличивая свору своих займодавцев.

Лишившись после Арраского договора своего единственного союзника на континенте, со смертью Бедфорда Англия осталась и без вождя. Вот еще одна причина паралича власти. В Лондоне в окружении набожного и слабого юноши — короля Генриха VI — продолжалось соперничество Бофора и Глостера, став теперь, однако, не столько личным, сколько политическим. Служитель церкви, стремившийся вернуть деньги, которые одолжил казне, Бофор выступал как приверженец партии мира и согласия с противником Валуа. Вокруг него группировалась часть баронов, считавшая, что напрасных жертв уже довольно. Глостер, как и другой Глостер в предыдущем веке, разжигал в лондонском бюргерстве и среди общин антифранцузские страсти, напоминал о совсем недавней славе Генриха V, ратовал за войну до победного конца. Ни тот, ни другой не были в состоянии руководить делами во Франции, и должность Бедфорда передали сначала графу Уорику, а потом Ричарду, герцогу Йорку, который искал свой путь и склонялся то на одну, то на другую сторону.

Если бы монарх Валуа не закоснел в своей давнишней пассивности, если бы истощение не парализовало силы ко-

ролевства, взятие Парижа стало бы предвестием окончательного натиска на Руан и Бордо — последние цитадели ланкастерской империи. Но на деле Ричард Йорк при поддержке деятельного Тальбота легко сумел справиться с опасностью. В 1436 г. был восстановлен порядок в оказавшейся под угрозой Нормандии; новое взятие Понтуаза даже позволяло предсказывать внезапное наступление англичан на Иль-де-Франс. Анжуйцы и Ришмон не без труда склонили Карла VII принять командование над войсками, чего тот не делал со времен эпопеи с коронацией. Но кампания 1437 г. длилась недолго. В октябре французы захватили Монтеро — последнюю вражескую крепость на верхней Сене. Потом — торжественный въезд в Париж с народным весельем и приветственными возгласами, а через три недели войско отступило на Турень. Дальнейшие боевые операции не приносили иных изменений, кроме ежегодного взятия нескольких крепостей врага, которому нередко везло в чем-то другом: 1438 г. — не слишком успешный поход в области Бордо; 1439 г. — капитуляция английского гарнизона в Мо; 1440 г. — неудача под Авраншем и потеря Арфлёра. Вот жалкий итог действий за четыре года после вступления Ришмона в Париж.

А Карл VII, при всей преданности нации самой идее монархии, был непопулярен. Его упрекали в неспособности дать отпор грабителям-рутьерам; отчаяние народа усугубляли опустошительные эпидемии, распространяющиеся по обескровленным провинциям; наконец, в окружении суверена вновь началось соперничество принцев, столь яркое, что забрезжила опасность новой гражданской войны. Равно как и при Карле VI, это не феодальный мятеж. Разоренный войнами класс рыцарей, который никогда не был серьезным соперником для монархии Валуа, не мог рассчитывать на успешное восстание, для оплаты которого у него не было средств. Королевская администрация держала этот класс под плотной опекой, одну за другой отбирала его последние привилегии, упраздняла его судебные полномочия, провозглашала исключительное право суверена на пожалование дворянства, на узаконение внебрачных детей, на разрешение ярмарок и рынков, даже пыталась

законодательно ограничить случаи, в которых сеньоры смогут взимать с подданных экстраординарный эд. Но, как и при Карле VI, действиям власти, желающей их оттеснить и ограничить их доходы, противились принцы. Им нужно было все больше денег, и поэтому все настоятельней становилась их потребность контролировать правительство и пользоваться королевскими щедротами. Бывшие пленники Азенкура были вынуждены заплатить огромные выкупы, разорившие их. Когда герцогиня Бургундская вбила себе в голову освободить Карла Орлеанского, переговоры затянулись на годы, потому что принц-поэт не мог найти суммы, которой потребовали за его временное освобождение. Если король не вернул бы им милости, какими они пользовались в предшествующее царствование, эти расточительные принцы обнищали бы. Они страдали, видя, что королем вертят в свою пользу только Ришмон и еще Карл Анжуйский, граф Менский. И вот Карл I де Бурбон встал во главе недовольных. В 1437 г. он организовал заговор с целью свергнуть фаворитов; наряду с герцогом Алансонским к нему присоединились Иоанн V Бретонский (хоть он и брат Ришмона) и король Рене, брат Карла Менского; им обещал поддержку своих банд Родриго де Вильяндрандо. Чтобы рассеять этих заговорщиков, хватило быстрого марша на Овернь. В 1440 г. угроза становится явственной, заговор расширяется. Главную его опору составил Иоанн Бретонский и граф Арманьяка; Алансон сговаривался и с англичанами о получении военной помощи. Дело стало еще опасней, когда к заговору примкнули два новых видных участника: Дюнуа, который обвинял короля в том, что тот ничего не делает для освобождения его единокровного брата — герцога Орлеанского, и прежде всего дофин Людовик — шестнадцатилетний юноша, уже жаждущий царствовать. В феврале они начали военные действия. Эти «волнения» назвали Прагерией, в память о недавнем восстании в Чехии. Королевская армия сначала заняла Пуату, потом подчинила Овернь, где укрылись Бурбон и дофин. Вынужденные покориться, заговорщики в июле получили прощение. Они потерпели плачевное поражение потому, что даже их объединенные силы были намного малочисленней королевских; кроме того, им не

хватило поддержки Бургундца, без которого отныне никакая коалиция принцев не сможет добиться успеха. Сразу же после Прагерии Филипп Добрый понял, что его час пробил: заставить принцев заплатить за союз с ними и тем самым вновь занять в королевстве Валуа главенствующее положение, которого не дал ему Аррасский договор, — разве это не будет традиционной политикой его дома применительно к новым обстоятельствам? В декабре 1440 г. он вступил в тройственный союз с Иоанном V Бретонским и Карлом Орлеанским, наконец благодаря ему извлеченным из тюрьмы. К ним примкнул Алансон, а потом Бурбон, они постоянно ездили от одного двора к другому, посылали своих людей в Руан, зондируя намерения герцога Йорка. Наконец, в феврале 1442 г. все принцы собрались в Невере, чтобы открыто заявить о своих жалобах и потребовать созыва Генеральных штатов. Хоть коалиция выглядела мирной, ее существование угрожало независимости королевской власти. Карл VII и его советники сумели расстроить происки врагов: умело расточая щедроты, они купили выход из коалиции Алансона и Дюнуа. По отношению к остальным заговорщикам власть держалась столь твердо, что те разошлись, не добившись ничего.

Но можно ли было, если угроза подобных коалиций принцев возникала постоянно, продолжать войну с Ланкастерами до победного конца, до возвращения последних провинций? Карл VII, вялость которого уже вошла в поговорку, сразу после Арраского конгресса приступил к трудным переговорам, где герцог Бургундский играл роль посредника. Ведь за Ла-Маншем вся ненависть, вызванная неприятностью в Аррасе, выплеснулась на «изменника» Филиппа Доброго. Уже было решено наказать его. Глостер, всегда готовый вспыхнуть, заявил, что забирает себе в апанаж графство Фландрию, высадился в Кале и создал угрозу вторжения в Бургундское государство. Он устроил блокаду Нидерландов, и неизбежным следствием ее стало восстание фламандских городов, которое Филиппу пришлось в 1437–1438 гг. несколько месяцев подавлять. Казалось, Бургундец лишится всех плодов Аррасского мира. Он мог даже опасаться сепаратной сделки между

Ланкастерами и Валуа в ущерб себе: заинтересованным посредником мог стать Карл Орлеанский, которому не терпелось вновь обрести свободу после более чем двадцати лет плена. Лучше уж было взять дела в свои руки, сговориться с Бофором, чтобы самому провести переговоры о временном освобождении герцога Орлеанского, и, наконец, организовать франко-английскую встречу при посредничестве лично Филиппа и его третьей жены, ловкой Изабеллы Португальской, родственницы Ланкастеров. И вот в июле 1439 г. в Гравелине открылся новый мирный конгресс, где английскую делегацию возглавлял Бофор, а от имени французов выступал Реньо Шартрский. К «окончательному миру» на этой встрече стремились мало. Каждый лагерь непримиримо отстаивал свои требования, которые со времен Арраса не слишком изменились. Английская сторона по-прежнему притязала на королевскую власть над Францией, оставляя «дофину», которого упорно именовали именно так, только провинции к югу от Луары в качестве апанажа. В крайнем случае они соглашались удовлетвориться бывшей империей Плантагенетов от Нормандии до Пиренеев при условии полного отказа Франции от суверенитета над ней. Со своей стороны французы поначалу уступали Гиень в урезанном виде, потом добавили к ней несколько нормандских бальяжей, но от суверенитета отказываться не желали. Снова начинался нескончаемый спор, в прошлом веке уже разведший в разные стороны Валуа и Плантагенетов. Сознавали ли спорящие, что со времен Генриха V война изменила облик и теперь мир нельзя возратить путем передела территорий или феодальных владений, потому что за спинами суверенов уже стоят нации? Во всяком случае, чтобы облегчить страдания изнуренных народов, всерьез постарались заключить длительное перемирие. И прежде всего, пользуясь этой встречей, Филипп Добрый добился заключения англо-фламандского торгового договора — к великой радости его нидерландских подданных.

Из-за Прагери дипломатическая деятельность прервалась. Карл VII вполне обоснованно испытывал тревогу в отношении бургундских намерений. До сих пор Филипп действовал

лишь в собственных интересах; возможно, теперь он начнет подрывную деятельность против короля Франции. Добившись в июле 1440 г. от Бофора полного освобождения Карла Орлеанского за выкуп в 200 000 экю, герцог принял у себя при дворе наследника ненавистных арманьяков, женил его на одной из своих кузин — Марии Клевской, заключил с ним союз. Сговор Ланкастеров, Бургундии и принцев был направлен против Карла VII. Окружение французского короля, уже не столь апатичного и более прозорливого, поняло: чтобы заставить себя слушать, надо иметь на руках новые козыри. На дипломатические интриги стали отвечать военными успехами. Все еще тянувшаяся война вдруг активизировалась; король сам возглавил боевые действия, проявив непривычную энергию. В 1441 г. была проведена блестящая экспедиция против «компаний» в долине Шампани, оплоте королевского домена, входившем клином между землями Бургундского государства. Здесь-то бастард Бурбонский и расплатился за свои злодеяния, взойдя на эшафот. Потом французы двинулись на долину Уазы, все еще оккупированную англичанами, которую оборонял Тальбот. Королевские войска заняли сначала Крей, потом Конфлан, потом, хоть и не без труда, — Понтуаэ. Иль-де-Франс был освобожден, и уже окончательно. В следующем году, сразу после собрания в Невере, Карл VII направил главный удар на Гиень. Положение англичан на юго-западе благодаря интригам принцев к тому времени укрепились. Граф Арманьяка предложил дочь в жены Генриху VI; сир д'Альбре, выдержав долгую осаду, все-таки сдал англичанам свой замок Тарта. Король Франции во главе внушительной армии сам принял «тартаский поход». Он не ограничился тем, что отбил эту крепость, но в июне-декабре 1442 г. занял также Сен-Север, Дакс и, несмотря на временный провал под Ла-Реолью, создал серьезную угрозу Бордо.

Эта уверенная демонстрация силы принесла свои плоды. Английским «ястребам» пришлось пойти на уступки. Дискредитированный Глостер уже был вынужден выйти из игры, когда Совет Генриха VI уличил его морганатическую супругу Элеонору Кобхем в колдовстве. Последние сторонники вой-

ны решили в ответ на французские успехи отправить еще одну экспедицию, которая бы выступила из Нормандии на Бордо, чтобы разжечь пыл их гасконских приверженцев. Но поход, командование которым было доверено бездарному Сомерсету, племяннику кардинала Бофора, позорно провалился, и армия была вынуждена погрузиться обратно на корабли, проблуждав несколько недель у границ Бретани и Анжу.

Теперь верх стал брать партия мира. По обоим берегам Ла-Манша народ, задавленный налогами, измученный множеством бедствий, криком кричал, требуя спокойствия и прекращения конфликта. Филипп Добрый, по-прежнему опасаясь, чтобы переговоры не состоялись без его участия, все активней добивался примирения; впрочем, сношений с Лондоном он и не прекращал. Посредником хотел быть и новый герцог Бретонский, Франциск I. Свои услуги предлагали все вплоть до папы, все еще втянутого в борьбу с Базельским собором и, кроме того, обеспокоенного продвижением османов. Чтобы убедить двух противников, равно желающих договориться, хватило бы и меньшего. Всеобщая усталость довершила дело. Генрих VI отправил к «своему дорогому французскому дяде» Уильяма де ла Поля, графа Саффолка. 8 апреля 1444 г. в Ле-Мане заключили перемирие местного значения. Потом начались переговоры в Туре, которые с французской стороны вел Пьер де Брезе, ставший после смерти Иоланды Сицилийской и благодаря протекции фаворитки Агнессы Сорель главным советником Карла VII. Немедленное заключение «всеобщего мира» оказалось, как и прежде, невозможным. Его решили заменить брачным соглашением и перемирием.

22 мая полномочные представители сторон договорились об обручении Генриха VI, высокого молодого человека двадцати трех лет, с племянницей Карла VII — Маргаритой Анжуйской, дочерью короля Рене. Через шесть дней между противниками и соответственно их союзниками было заключено общее перемирие: первоначально действительное в течение десяти месяцев, оно допускало продление. Современным людям такой результат может показаться ничтож-

ным. Но брак Ланкастера с анжуйской принцессой открывал многообещающие перспективы. А главное — перемирие, первое после договора в Труа, то есть почти четверть века спустя, означало признание возвращения Валуа и узаконивало их завоевания. Однако вскоре начнется новая и последняя стадия конфликта.

IX
КОНЕЦ
ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Турское перемирие, самое обычное, оставляло все как есть: англичане пока оккупировали большую часть Нормандии и Мена, почти всю область Бордо, область Байонны, а на севере королевства — область Кале. Это перемирие, как всегда в подобных случаях, было непрочным, и капитаны из обоих лагерей его много раз нарушали. Однако как во Франции, так и в Англии все настолько нуждались в мире, что перемирие было встречено взрывом радости. Лишь некоторые мрачные личности упрекали здесь — Карла VII, что бросил своих нормандских или гасконских подданных, там — Генриха VI, что женился на племяннице врага.

Если приглядеться ближе, передышка, дарованная бойцам, не была одинаково выгодной обеим сторонам. За Ла-Маншем политическое положение оставалось неопределенным. Генрих VI оказался монархом слабым, неспособным править самостоятельно. На него уже начинала воздействовать молодая жена, которую ему навязали и влияние которое отныне будет непрерывно расти. После ухода с политической сцены Бофора, который, старея, утрачивал интерес к власти, Маргарита Анжуйская облекла своим доверием того, кто вел переговоры о ее браке: графа — после маркграфа — Саффолка. И хоть страна была признательна ему за прекращение войны, шовинисты не забывали и об унижениях, которые входили в условия перемирия. Глостер продолжал разжигать недовольство, так что Саффолку удастся отделаться от него, только обвинив его в 1447 г. в измене. Арестованный дядя короля загадочным образом умер в тюрьме. Для негодующего общественного мнения это стало еще одним поводом для ненависти ко всемогущему министру, в котором видели лишь

прислужника иностранцев. Напрасно Саффолк принял предосторожности, добившись в июне 1445 г. от парламента присуждения ему похвального листа за мирную политику. Английские националисты, единодушно поднявшиеся против него, тем более ярились, что чувствовали себя бессильными. Они не хотели расставаться с химерой континентальных авантур, но не желали приносить материальные жертвы, необходимые для их совершения. Чтобы не уязвлять своего самолюбия, они предпочтут обвинять в некомпетентности и измене министров, на которых ложится ответственность за военные неудачи. Саффолк, творец мира, падет 2 мая 1450 г. — сразу же после поражений, которых его политика согласия, получавшая мало поддержки со стороны ослепленного общества, не сумеет ни предвидеть, ни предотвратить.

Совсем в ином положении находились советники Карла VII. Четыре-пять лет, которые дало им перемирие, ушли на то, чтобы завершить реорганизацию структуры королевства, восстановить порядок в управлении, приступить к созданию новой армии. Даже монета, почти напроць обесценившаяся от неоднократных девальваций, ожила и стабилизировалась на уровне, позволяющем возродить коммерцию. Благодаря безопасной торговле расло благосостояние горожан, и они стали более верной опорой монархии, чем когда-либо. Произошли перемены даже при дворе: король понемногу страхивал свою апатию. Может быть, этому способствовала Агнеса Сорель, Прекрасная дама, первая известная нашей истории фаворитка, которая вплоть до своей смерти в феврале 1450 г. оказывала на него благотворное влияние. Ни ей, ни министру Пьеру де Брезе интриги принцев не могли причинить ни малейшего вреда. Разобщенные после неудачи с Неверским собранием, принцы не решались еще раз объединиться. Только дофин Людовик упорно продолжал тайно вредить отцу. Но с 1445 г. ему пришлось укрыться в своем апанаже Дофине. Грязные интриги его агентов в окружении короля не были опасны для положения фаворитов.

Последним принадлежала и заслуга использования перемирия для улучшения дипломатического положения Валуа. В июле 1445 г. в Англии высадилось великое французское

посольство, возглавляемое Жаном Жювенелем, новым архиепископом Реймским, и сопровождаемое полномочными представителями Кастилии, Бретани и Анжу. Подобного не происходило лет тридцать со времен плачевного провала миссии Винчестера. Послы, получившие пышный прием, не предложили во имя «окончательного мира», в который никто всерьез не верил, ничего, кроме постоянно уменьшавшихся территориальных уступок: Гиень, Керси, Перигор и область Кале. Но за продление перемирия они добились от Саффолка и Генриха VI двух важных обещаний: назначения на ближайшее время встречи обоих королей, от которой ожидали многого, и уступки Рене Анжуйскому графства Мен, где все еще пребывали английские гарнизоны. Несомненно, опасаясь единодушного протеста со стороны шовинистически настроенного общественного мнения, лондонское правительство не решилось сразу же выполнить эти обещания. Обмен посольствами и переговоры продолжались более двух лет, и назначенное свидание всякий раз откладывалось, а с передачей Мена возникали все новые трудности. Наконец, уверенный в своей правоте, Карл VII решил, несмотря на перемирие, прибегнуть к вооруженной силе. Переговоры еще продолжались, когда королевские войска блокировали город Ле-Ман. Английские гарнизоны, оказавшиеся в опасности из-за этой масштабной демонстрации силы, предпочли в июне 1448 г. оставить провинцию и отойти в Нормандию.

I

ОТВОЕВАНИЕ НОРМАНДИИ И ГИЕНИ

Срок перемирия должен был истечь только весной 1450 г. Но история с Меном показала, что французский король хотел возобновить борьбу, чтобы вернуть себе все королевство. К проведению такой воинственной политики его подталкивало все: деятельность его легистов, несомненно, полностью поддерживаемая всем обществом, — они рассматривали перемирие лишь как простую передышку перед окончательным штурмом; нетерпение воинов, собранных в новые роты; недоброжелательность и недобросовестность английских чиновников во Франции, постоянно придиравшихся к пустякам, без конца откладывавших выполнение самых торжественных обещаний Саффолка и Генриха VI. В Руан как раз только что прибыл новый наместник английского короля, его кузен Эдмунд Бофор, герцог Сомерсет, который, хотя ланкастерская Нормандия была истощена, счел возможным — несомненно, чтобы угодить общественному мнению за Ла-Маншем — прибегнуть к неосторожной политике провокаций. Гарнизоны, выведенные из Мена вследствие численного превосходства врага, не отвели в Кан или Руан, а послали к западным границам герцогства, чтобы занять крепости Мортен и Сен-Жам-де-Беврон на территории, до сих пор считавшейся нейтральной. Это была прямая угроза герцогу Франциску Бретонскому, которого его дядя Ришмон уже окончательно убедил подчиниться французскому королю. Когда Карл VII вступил за обиженного герцога, высокомерный Сомерсет его грубо одернул: мол, это не его дело, потому что Бретань — фьеф английской короны. Более того, Сомерсет и Саффолк, нуждаясь ради престижа в более громком успехе, тщательно готовили новый удар, надеясь отомстить за Мен. Они поручи-

ли печально известному атаману рутьеров, Франсуа де Сюрьенну, по прозвищу Араговец, который томился в бездействии в Нормандии, подготовить карательную экспедицию против герцога Бретонского, тем самым косвенно задевая и его покровителя Валуа. 24 марта 1449 г. дерзкий рейд Арагонца сделал его хозяином Фужера, расположенного в глубине бретонской территории. В разгромленный город ввели английский гарнизон.

Карл VII мог бы использовать это явное нарушение перемирия как предлог, чтобы немедленно выступить в поход. Он предпочел продлить бесполезные переговоры еще на несколько месяцев. Но своих капитанов он отправил продолжить «бретонскую распрю» именем Франциска I; они захватили Пон-де-л'Арш и Конш в Нормандии и другие крепости в областях Бове и Бордо. Деморализованный противник не мог оказать сопротивление. Тем временем войско сосредоточивалось у нормандских границ. Наконец 17 июля совет, специально созванный близ Шинона, принял решение начать боевые действия, доверив командование ими ветерану Дюнуа, и прервал все отношения с Сомерсетом.

Хоть Нормандия еще была усеяна английскими гарнизонами, тем не менее она пала после поразительной кампании, длившейся без перерывов двенадцать месяцев. Повсюду, особенно в деревнях, население встречало французов как освободителей; довольно часто оно даже восставало, не дожидаясь победоносных войск. Благодаря столь обильной помощи все свелось к одной из тех осадных войн, которые будут так по нраву Людовику XI, — не очень дорогостоящих для осаждающего и менее долгих, чем в прошлом, поскольку развитие артиллерии позволяло использовать «батареи», мечущие молнии, несущие опустошение и деморализующие противника. Концентрическое наступление велось силами трех основных корпусов. Графы Э и Сен-Поль, выступив из Бовези и получив пополнение от пикардийского дворянства, переправились через Сену выше Руана, взяли Пон-Одемер, Пон-л'Эвек, Лизье, сданный 16 августа его епископом Тома Базеном, и приступили к методической очистке области Брея. В центре Дюнуа при поддержке герцога Алансонского на левом фланге снача-

ла вошел в Вернёй без единого выстрела (до того в Лувье его нагнал король), захватил Мант и Вернон, а потом, вторгшись в нижнюю Нормандию, 4 октября вышел к Аржантану. На западе в ходе блестящей осенней кампании Франциск I и его дядя Ришмон заняли Кутанс, Карантан, Сен-Ло, Валонь — почти все крепости Котантена и кончили поход 5 ноября освобождением Фужера.

Тем временем король, перегруппировав свою армию, появился 9 октября под стенами Руана. Горожане, более половины которых перешло на сторону короля, открыли осаждавшим ворота. Сомерсет и его гарнизон, попав в жестокую осаду в замке, предпочли отступить в Кан. 20 ноября Карл с триумфом вступил в столицу Нормандии. Наконец в самый разгар зимы пали и другие крепости, в том числе Арфлёр.

До сих пор сопротивление англичан было довольно слабым. Поначалу Тальбот тщетно пытался сдержать продвижение противника. Имея несколько сот бойцов, он не мог добиться успеха. Зимой, преодолев неслыханные трудности, Саффолк, хоть и стоял на пороге опалы, предпринял последнее усилие. Небольшое подкрепление силой едва в пять тысяч человек под командованием рыцаря Томаса Кириеля высадилось в Шербуре 15 марта 1450 г., взяло несколько крепостей на Котантене, соединилось с двумя тысячами воинов, которыми еще располагал Сомерсет, и, форсировав Виру, вошло в Бессен. 15 апреля при Форминьи эти отряды потерпели сокрушительное поражение. Военная история мало интересуется последними сражениями Столетней войны, в противном случае она бы констатировала их близкое сходство с битвами при Креси, Пуатье, Азенкуре или Вернёе. Только теперь роли переменились. Вместо беспорядочных рыцарских полчищ, которые посылали в бой первые Валуа, Карл VII использовал маленькие армии, включавшие артиллерию и пехоту, но численно уступавшие экспедиционным корпусам противника, пусть даже жалким. При Форминьи граф Клермонский, располагая ничтожными силами, не мог и помыслить о наступлении. Но прицельный огонь его полевой артиллерии вынудил англичан, уже укрепившихся по своему обыкновению, выйти на открытую местность. Они вступали в бой по-

очередно. Победную точку поставил подход Ришмона с отрядом подкрепления. Французы не понесли серьезных потерь, а противник потерял почти пять тысяч убитыми и пленными. В плену в числе прочих оказался и Кириель.

Бой при Форминьи решил судьбу Нормандии. Пока бретонцы очищали Котантен, основные силы королевской армии двинулись на Кан. Сомерсет капитулировал 1 июля и с остатками английской администрации погрузился на корабли, отходившие в Кале и Дувр. Несколько крепостей еще держалось. Фалез пал 21 июля, Донфрон — 2 августа, наконец, Шербур — 12 августа, день в день через год после начала кампании.

Англия уже ощущала последствия этих непоправимых катастроф, беспомощно наблюдая синдромы, предвещавшие начало ужасной гражданской войны. Первым из них было падение Саффолка, чья политика мира с Францией и союза с Анжуйцами потерпела крах. Горящие ненавистью баронство и общины искали только повода, чтобы его погубить. Его обвинили в смерти епископа Адама Молинса, убитого в Портсмуте в январе 1450 г. Когда он попытался оправдаться, парламент начал против него процесс по обвинению в государственной измене. Король отправил его в изгнание, пытаясь тем самым спасти, но все равно 2 мая 1450 г. Саффолка убил матрос на корабле, идущем во Фландрию. Не нашлось ни одного способного человека, чтобы заменить его в руководстве государственными делами. Над Сомерсетом, назначенным его преемником, тяготел весь груз поражений в Нормандии. Оскорбленное национальное достоинство, гнетущее бремя бесполезных налогов, непрерывный отток солдат, побежденных и склонных к грабежам, из Франции, всеобщая нищета породили в юго-восточных провинциях острова новую жакерию, может, еще более опасную, чем восстание 1381 г.: ведь ее поддержало мелкое дворянство и некоторые священники. Во главе ее стоял авантюрист из графства Кент — Джек Кэд, 31 мая давший знак к восстанию, потребовавший смещения дурных советников, захвативший Лондон, предавший смерти королевского казначея и устроивший грабежи. Генриху VI понадобился месяц, чтобы собрать армию, которая

5 июля наконец разгромила повстанцев. Последствий эти события не повлекли — во всяком случае, в социальной сфере. Но зато возникла серьезная политическая проблема. В самый разгар восстания из Ирландии прибыл герцог Ричард Йорк, который был там губернатором. Это был ближайший родственник короля и его официальный наследник, которого назначили в расчете, что узаконенные Бофоры не станут претендовать на трон. Став преемником Глостера в качестве главы партии войны, он сделался врагом королевы Маргариты Анжуйской и соперником Сомерсета. Вокруг обоих соперников уже начали возникать аристократические группировки в зависимости от предпочтений и родства. Близость неизбежной схватки парализовала Англию в тот самый момент, когда на ее последние континентальные владения вот-вот обрушится вся мощь французской державы.

Не отвлекаясь на переустройство отвоеванной Нормандии, возложенное на коннетабля Ришмона, Карл VII решил бросить все наличные силы на Гиень. Предварительные операции, предпринятые летом 1449 г., дали пока немного. Все побуждало гасконцев к сопротивлению: корыстная преданность герцогской династии, вековые привычки к политической автономии, торговые связи с Англией, обеспечивавшие их процветание. Вести завоевание без поддержки населения было бесконечно трудней. Пока граф Фуа действовал в долине Адур, небольшая армия графа Пантьевра с солидной артиллерией 10 октября 1450 г. взяла Бержерак, захватила База и, подойдя к столице Гиени, обратила в бегство коммунальные ополчения. Наступление зимы вынудило прервать операции. Но в апреле 1451 г. мощная армия под началом Дюнуа выступила в решающий поход. Она вступила в область Бордо, взяла там одну за другой крепости Блей, Фронсак, Сент-Эмильон и начала блокаду Бордо, который не мог держаться долго при полном отсутствии английских подкреплений. Переговоры о сдаче были поручены Жану де Фуа, капталу де Бушу, до сих пор сохранившему верность Ланкастерам. Он договорился, что город капитулирует 23 июня, если прежде для его освобождения не придут подкрепления из Англии. Дюнуа вошел в Бордо 30 июня. Сразу же без боя сдались

все еще державшиеся крепости, кроме Байонны, для которой пришлось устраивать правильную осаду. Этот город в свою очередь капитулировал 20 августа. Подчинение Гиени, как и Нормандии, заняло ровно год.

Вскоре по вине победителей все эти достижения оказались под угрозой. Конечно, Карл VII везде ставил гасконцам очень либеральные условия подчинения. Одна Байонна была наказана за строптивость: на нее наложили репарацию и лишили ее коммунальных свобод. В остальных местах победитель подтвердил местные привилегии и сохранил все институты. Но он совершил ошибку, доверив управление Гиенью французам с Севера, не слишком склонным к снисходительности и быстро снискавшим ненависть населения, — бретонцу Оливье де Коэтиви, ставшему сенешалем Гиени, и финансисту Жану Бюро, которого назначили мэром Бордо. Их излишние придирки, бесчинства их воинов, полное прекращение морской торговли разозлили гасконских горожан, знать и чиновников, вытесненных со всех должностей. Они были готовы восстать в любой момент и сообщили об этом в Лондон. А Сомерсету, который в то время пришел к власти, был нужен военный успех, чтобы остановить падение своей популярности. Побежденный при Кале был, к великому негодованию аристократии из партии войны, назначен коннетаблем Англии. Йорк, сделавшийся его соперником, обличал его в Совете, собирал войска и грозил начать гражданскую войну. Сомерсет сумел на время нейтрализовать угрозу с этой стороны. Предложения гасконских заговорщиков, сделанные в августе 1452 г., дали ему средство восстановить пошатнувшийся престиж. Подкрепления, первоначально собранные для обороны Кале, уже ожидали в портах на Ла-Манше. Эти четыре-пять тысяч человек отдали под начало старого Тальбота, графа Шрусбери, единственного воина, который мог успешно сражаться за Ланкастеров. Хоть со времен его последних побед прошло двадцать четыре года, бывший полководец Бедфорда выказал незаурядную энергию. Высадившись 17 октября в Медоке, через четыре дня он вступил в Бордо, где до его прихода вспыхнуло всеобщее восстание. Все крепости от границы Ланд до границы Ангу-

муа открыли ему свои ворота, прежде изгнав французские гарнизоны.

Карл VII не успел вовремя среагировать на эти события. Он знал о приготовлениях Тальбота, но полагал, что англичане пойдут на Нормандию, оборона которой и была усилена. Теперь, когда Гиень снова оказалась потеряна, на подготовку ответной операции требовалась целая зима, что, конечно, давало бордосцам возможность получить новые подкрепления из Англии. Когда весной 1452 г. королевская армия вступила в Гиень, она была столь велика, что Тальбот не посмел напасть на нее. Он выждал, чтобы она разделилась на несколько корпусов, позволил графу Клермонскому пойти к Медоку и сам двинулся на менее многочисленное соединение, только что осадившее Кастильон недалеко от Либурна. Тальбот рассчитывал, что со своими семью тысячами легко одержит здесь победу. Но обнаружил, что враг, усвоивший уроки Креси и Азенкура, прочно укрепился за частоколами. Не раздумывая, он со своим привычным напором атаковал противника. Сначала ряды англо-гасконской конницы поредели под огнем артиллерии Жана Бюро. Потом началась рукопашная — в условиях, неблагоприятных для наступающих. Фланговая атака контингента бретонских «копий» решила исход сражения в пользу французов. Пав на поле брани 17 июля, Тальбот унес с собой в могилу и последние надежды англичан сохранить аквитанский Юго-Запад. Главным событием этой кампании стала осада Бордо, предпринятая сразу же и усиленная морской блокадой со стороны устья Жиронды. Осада ожидалась трудной — гасконские горожане и знать были готовы к яростному сопротивлению. Но, не получив никаких подкреплений и даже поддержки со стороны последних английских отрядов, уцелевших при Кастильоне, но не пожелавших возвращаться в Бордо, жители города в конце сентября пошли на переговоры. 19 октября гасконцы и англичане сдались на милость победителя.

Горожанам их мятеж радости не принес. На сей раз с ними обошлись безжалостно. На Бордо был наложен коллективный штраф; самым скомпрометированным горожанам пришлось отправиться в изгнание. Парламент, пожалованный

Гиени в 1451 г., не стали восстанавливать; как и в прошлом, теперь по судебным делам следовало апеллировать в Париж или в Тулузу. Французскую власть, суровую и придирчивую, здесь по-прежнему не любили. Но, по крайней мере, в заслугу ей можно было поставить тот факт, что она удержалась. Пришел конец долгому трехвековому союзу между гасконцами и английскими королями, прекратил существование крупный фьеф Аквитания, из-за которого началась война.

По знаменитым словам Жанны д'Арк, враг был «изгнан из Франции». У него, правда, оставались Кале и графство Гин. Карл с 1451 г. замышлял напасть на этот последний оплот ланкастерского владычества на континенте. Но герцог Бургундский, без поддержки которого успех операции был невозможен, враждебно отнесся к этой идее, так что ее осуществление пришлось отложить. К ней попытаются вернуться несколько позже, столь же безуспешно. Таким образом, взятие Бордо знаменует финальную точку — если не войны, поскольку никакого мира заключено не было, то во всяком случае военных действий, которые с большей или меньшей интенсивностью продолжались сто шестнадцать лет. Примем вместе с традиционной историографией, что Столетняя война, развязанная в мае 1337 г., завершилась в октябре 1453 г. Нам остается оценить ее результаты и последствия для каждой из сторон.

II ПОСЛЕВОЕННАЯ ФРАНЦИЯ

Пусть нас не вводят в обман слава и престиж победителя. Заявления легистов, королевские воззвания, дифирамбы наемных сочинителей и даже легенды на памятных медалях воспевали успех, сообщали о чудесном взлете суверена из ничтожества на самую вершину могущества, наперебой возносили хвалу Французскому королевству, вновь занявшему первое место в христианском мире. Сам Карл VII постарался изгладить все воспоминания о былых поражениях, ошибках юности, проявлениях слабости, омрачивших начало его царствования. Главной частью этой кампании была реабилитация Жанны д'Арк. Сразу же после взятия Руана, в феврале 1450 г., было приказано провести предварительное расследование, надолго затянувшееся из-за саботажа римской курии. Легат, кардинал д'Этутвиль, в 1452 г. согласился выслушать свидетелей, собрать воспоминания и справки. Но Николай V боялся поссориться с Англией, если он вновь начнет в политических целях процесс, уже проведенный по всем канонам. Его преемник Каликст III в июне 1455 г. наконец согласился начать следствие по делу, поручив его архиепископу Реймскому, Жану Жювенелю, который был одним из судей в Пуатье. После этого начался процесс, с обычной помпой и медлительностью, и наконец было вынесено решение о реабилитации, объявленное в Руане 7 июля 1456 г. Тем самым уничтожались последние сомнения в легитимности помазания Карла, которые еще могли оставаться. Жанна была объявлена доброй католичкой, несправедливо обвиненной в ереси. Теперь ничто не мешало поверить в сверхъестественный характер ее миссии. Итак, Бог защитил Валуа в самый мрачный момент их упадка, как и позже — во время их новых побед: сверху

целенаправленно распространяли слухи, что походы на Нормандию и Гиень сопровождались чудесами и знаменами.

Но престиж — это еще не все. Часто цена победы заранее отравляет ее плоды. Для Франции в целом Столетняя война была тяжелейшим испытанием, из которого она вышла ослабленной, разбитой, и пройдет не один век, прежде чем она сможет вернуть себе бывшее положение. Настал конец спокойной гегемонии, которой некогда располагали, даже при ограниченных средствах, последние Капетинги над Европой, у которой возможностей было еще меньше. Мир, развитие которого во время столкновения Валуа и Ланкастеров не прекращалось, стал иным, менее подверженным французским влияниям.

Материальное обеднение страны очевидно. Долгая борьба, грабежи и эпидемии сильно сократили население и снизили его производительность. Не повсюду эта беда была неоправима в равной мере. Встречались менее затронутые войной области, например, лангедокский Юг, Центральный массив, а вне королевского домена — Бретань и Бургундия, которые, не сумев оправиться после жестокого кровопускания 1348 г., в конечном счете не испытали новых потерь населения. Там для возрождения хозяйства найдутся более благоприятные условия; до конца века заезжие путешественники будут воспевать тамошнее процветание, обильные житницы, сравнивая их с более опустошенными провинциями. Но земли по средней Луаре, Нормандия, Иль-де-Франс, Шампань, то есть сердце королевства и колыбель монархии, находились в состоянии крайнего истощения, которое продлится еще долго. Когда в 1461 г. Людовик XI, узнав о смерти отца, покинет тучные фламандские равнины, чтобы короноваться в Реймсе и вступить в свою столицу, по дороге он увидит вокруг только развалины и опустошение: десяти лет мира не хватило, чтобы на разоренной земле зажили шрамы.

Ведь больше всего, как всегда в подобных случаях, пострадало сельское хозяйство. Здесь ханжеский тон королевских грамот о помиловании, громкие заявления хронистов, по традиции весьма склонных к одобрению действий власти, полностью согласуются с неопровержимыми свидетельствами архивных документов. Некоторые кантоны были практически

обращены в пустыню. Жители умерли или бежали от эпидемии либо с приближением рутьеров. Самые смелые вернулись, когда опасность миновала, но их было так мало, что в некогда процветающих деревнях теперь осталось всего по несколько дворов. Производительность земледелия упала настолько, что возникла опасность нехватки его продуктов для пропитания городов, где подорожание жизни и голод ставят под угрозу жизнь бедных ремесленников. От такой ситуации беднели все, кто живет за счет земли, а особенно сеньоры, чья земельная рента обращалась в ничто по мере расширения ланд и целины. С тех пор как война прекратилась, в каждой провинции начиналась энергичная восстановительная работа, направленная на возрождение пришедших в упадок доменов, создание условий для земледелия, пересмотр норм оброков, выплачиваемых за держание земли. С этим движением возрождения связаны и ордонансы Карла VII, до мелочей расписывавшие порядок управления королевским домом. Аналогичные усилия предпринимались всеми крупными земельными собственниками, как светскими, так и церковными. Сочинение Иоанна де Бурбона, аббата Клуни, к счастью сохранившееся в архивах и потому доступное для изучения, — несомненно, не единичный пример. Повсюду старались привлечь крестьян к земле, объединяя держания, облегчая чинш, переводя самые тяжкие повинности в денежные и даже иногда приплачивая на обзаведение хозяйством — сеньор рассчитывал возместить эти затраты за счет будущих повинностей. Бесспорно, такая политика принесла конкретные результаты. Несомненно, достигнуть их можно было и быстрее. Но этому возрождению сельского хозяйства не доставало надежды на более щедрый доход, который бы ускорил демографический рост. Бремя налогов, особенно чувствительное для «бедного землепашца», будет беспрерывно расти до самой смерти Людовика XI, тормозя возрождение села. Возможно, следует учесть и тот факт, что горожане, все в большей степени получавшие возможность приобретать владения сеньоров, проявляли себя менее либеральными по отношению к держателям, чем старые имущие классы: из тщеславия нуворишей они строго требовали выплаты пошлин и повинностей, уклонявшихся от этого

крестьян привлекали к суду и в конечном счете действовали во вред собственным интересам в широком их понимании.

Тем не менее в нашем сельском ландшафте остаются неоспоримые следы этого возрождения — религиозные и гражданские постройки, церкви, помещичьи дома, жилища, свидетельствующие о строительной лихорадке, охватившей страну, которая наконец избавилась от векового бедствия. Конечно, строительство не прекращалось никогда, даже в самые мрачные периоды, и особенно в городах, где экономический кризис сказался менее остро. Ведь именно в первой трети XV в., среди бедствий гражданской и внешней войны, хрупкое и слащавое искусство XIV в., высшее достижение готической классики, с ее воздушными витражами, ее слегка вялой лепкой, ее грациозным и манерным скульптурным декором уступило место тяге к обновлению и оригинальности, результаты которого дадут о себе знать вплоть до триумфа итальянского Возрождения. Нам плохо известно, какие влияния позволили французской готике вновь более чем на век вернуться к жизни. Может быть, пример английской архитектуры, уже развивавшейся в направлении более вычурных форм, вдохновил отдельных художников англо-бургундской Франции, а после их начинания были подхвачены по всему королевству. Именно лепка нервюр с их открытыми ребрами и призматическими профилями всегда придает основным линиям постройки их суховатую выразительность. Та же сухость проявляется в угловатых складках драпировок, в растительном декоре, блистающем пышностью савойской капусты и густой листвы. Барочная вычурность особенно ощутима в использовании обратной кривизны, то есть фигурных выкружек, и в том орнаментальном изображении огня в оконных переплетах-горбылях, из-за которого это искусство называли *пламенеющим*. Первые свидетельства этого обновления появились задолго до 1450 г.: Руан, Труа, Бурж — достаточно упомянуть эти три города — сохранили для нас очаровательные образцы такого искусства. Как только вернулся мир, оно восторжествовало повсюду, вплоть до самых маленьких деревень, где в настоящей лихорадке перестройки спешили восстанавливать разрушенное, воссоздавать развалившиеся постройки

в духе нового времени, строить для богатых более просторные и удобные жилища вместо крепостей, где те укрывались во время бури. Принимая в сельских церквах более строгие и менее избыточные формы, чем в городских зданиях, оно на местах приспособлялось к провинциальным вкусам, порой порождая настоящие художественные школы, которым, как, например, в Бретани, была суждена долгая и благополучная жизнь.

Города в целом пострадали меньше, чем сельская местность. Их население, порой значительно сократившееся, не теснилось на своих слишком просторных землях за городскими стенами, где незаселенные пространства занимали фруктовые сады, парки и поля. Иногда демографический дефицит здесь частично восполнялся за счет притока сельских жителей, бежавших из своих деревень и приспособившихся к городской жизни. Никакие осады, выкупы, грабежи, ненасытность налоговых служб, небезопасность дорог никогда не останавливали коммерции, от которой горожане богатели. Ремесла, несмотря на мелочную и жесткую регламентацию, продолжали процветать. Города Шампани, Пикардии, Нормандии, сама столица и в меньшей степени Бордо с приходом мира очень быстро восстановили прежние темпы производства и торговли. Новая эпоха процветания началась для городов по Луаре во главе с Туром: их богатство росло из-за длительного пребывания двора. Сукноделие за полтора века испытало значительную децентрализацию и больше не было исключительно монополией Нидерландов. Наконец, активизировалась торговля между городами по мере того, как повышалась ее безопасность и богатели самые смелые менялы, банкиры, дельцы.

Но пусть нас не вводит в заблуждение эта активизация. В торговой конкуренции, где отныне участвовали все европейские страны, доля Франции теперь была гораздо меньше, чем до длительного испытания, только что пережитого ею. Фландрия, Артуа, Бургундия уже не входили в состав королевства, и их богатство, сильно выросшее после 1450 г., не приносило пользы ни королю, ни его подданным. Важные пути международной торговли, когда-то проходившие через провинции Капетингов, теперь окончательно удалились от них. Выходя из Флоренции и Венеции, они переваливали цент-

ральные Альпы, обеспечивая процветание женевским ярмаркам, которым Лион никогда не сможет создать серьезную конкуренцию, потом пересекали Южную Германию — настоящий рай международного банковского дела и, пройдя через Рейнскую область, заканчивались в Антверпене, чье сияние уже затмевало ветшающую славу Брюгге. Французские ярмарки, число которых множилось из-за некой искусственной конкуренции, лишь на периферии и косвенно участвовали в этом европейском движении, из которого подданные короля слишком часто бывали исключены.

Лучшей иллюстрацией этого ложного и в целом второстепенного положения королевства Валуа служит молниеносный взлет и падение Жака Кёра, в котором слишком часто видели предвестника мнимого процветания, хотя его неумение создавать что-либо новое и устойчивое, казалось бы, буквально бросается в глаза. Конечно, этот сын скорняка из Буржа, неграмотный, но предприимчивый, был первым из тех дельцов, тех авантюристов, которые пробрались в Совет суверена: двор Людовика XI уже будет кишеть ими. Монетчик короля в Бурже, потом казначей, то есть хранитель королевских драгоценностей и посуды, выполнявший также фискальные и дипломатические миссии, он пользовался милостью власть имущих лишь для собственного обогащения. Как смелый новатор он проявил себя в двух сферах: добивался права на эксплуатацию среброносных месторождений в Лионской области, рассчитывая, что они изобилуют богатыми жилами, и со страстью бросил в морскую коммерцию, стремясь напрямую соединить Монпелье со сказочными богатствами Леванта. Разведывая эти месторождения, он понял, какое богатство ждет того, кто вбросит в мир, жаждущий золота и серебра, страдающий от растущей нехватки монет, новую порцию драгоценных металлов. К несчастью, жилы в Лионской области были бедными, малоприбыльными — после его опалы они будут заброшены, — тогда как в то же время, систематически эксплуатируя серебряные рудники Штирии, дом Габсбургов создавал себе состояние, которое одно позволяет объяснить его изумительный подъем. В сфере средиземноморской торговли ошибка в расчетах была не менее масштабной. Чтобы

лишить Венецию и Геную монополии левантйской торговли, Кёр оснастил и зафрахтовал, не без некоторого преувеличения окрестив «первым крупным торговым флотом Франции», небольшую флотилию — полдюжины скорлупок. Скромный дебют еще можно простить: все должно с чего-то начинаться. Но верно ли оценил ситуацию Жак Кёр, отправляя эти суда в Средиземное море? Следуя пятивековой традиции, он полагал, что Александрия и Кипр всегда останутся открытыми воротами восточных житниц, неисчерпаемыми рынками шелка и пряностей. Он не понял, что опасность приближения османов заставит эти источники в ближайшее время иссякнуть. Его извиняет разве что тот факт, что не он один совершил эту ошибку: ее повторят и его преемники — советники Людовика XI. В то время как в начале XV в. именно нормандские мореходы-авантюристы разведали Канарские острова, основав там эфемерное колониальное королевство, навязчивая идея освоения Средиземноморья вскоре заставила забыть о вылазках в Атлантику. Когда в последние годы века дьепцы возобновят их, окажется, что их уже оттеснили более смелые: Америка попала в руки испанцев, Африку обогнули португальцы, а Франции останутся лишь крошки с праздничного стола и опять-таки унижительное положение. Все это в зародыше уже находилось в предприятиях Жака Кёра, как и его громкое падение в 1453 г.; его заключение под стражу, побег и преждевременная смерть на Хиосе в 1456 г. поглотили его состояние и прервали начатые им дела.

Ослабев в материальном отношении, вышла ли французская монархия из сильнейшего политического кризиса? Здесь достижения кажутся более очевидными, хотя и уравновешиваются некоторыми слабостями. Бесспорно, война позволила королевству усовершенствовать административную базу и быстрее, чем если бы этого не требовали военные и фискальные нужды, превратиться из феодальной монархии в то авторитарное государство, одновременно патерналистское и тираническое, каким является Франция Людовика XI. Несмотря на кризисы, поражения, жакерии, восстания городов и принцев, Валуа сумели достичь своих целей. Они избавились от всех опеков: при Иоанне Добром — от опеки Штатов, а позже — от

опеки со стороны принцев. Они отвергли все реформы, навязывавшиеся извне, но в нужный момент сумели реформировать свою власть совершенно самостоятельно, научились контролировать чиновников при помощи других чиновников и в конечном счете повысили эффективность работы административного механизма, ничуть не поступившись его мощью и не создав у подданных впечатления, что тех притесняют сильнее, чем прежде. Наконец, эту эволюцию, основные этапы которой были упомянуты по ходу нашего повествования и к которой мы больше не вернемся, ускорил целый ряд событий.

Но одна лишь устойчивость институтов не объясняет популярности режима. Она формирует его основу, но не вдыхает в него душу. Prestige Людовика Святого не зависел от органов управления и суда, парламентов, иерархии функционеров. Если Карл VII и Людовик XI командовали целыми армиями чиновников, это не обязательно значит, что им повиновались лучше, чем святому королю. Бесценная поддержка, которую они получили как наследие Столетней войны, была поддержкой со стороны национального чувства, которое отныне и веками будет кристаллизироваться вокруг особы суверена: эта преданность монархии сильнее, чем была феодальная верность в любой период прошлого. Чувство, о котором мы говорили, на заре XV в. было еще очень нестойким, а в момент заключения договора в Труа, казалось, угасло совсем. Однако вскоре жизненный опыт народа возродил его и дал ему вызреть. Для того чтобы совершилась эта нравственная трансформация, ярких примеров которой на последней стадии войны можно обнаружить тысячи, хватило многократных набегов врага, нескончаемых рейдов рутьеров и прежде всего длительной оккупации некоторых провинций. Народ — ведь о нации говорить еще слишком рано? — близко узнал и возненавидел чужеземца, потому что чужеземец поселился в его доме: во всей мировой истории нет примера, чтобы военная оккупация способствовала достижению согласия между победителем и побежденным. Отсюда эти новые слова, звучащие до странного современно, которые были в ходу в окружении буржеского короля. Подданные, оставшиеся верными Карлу, были «истинными французами», добрыми французами,

а остальные — «французами-ренегатами», «английскими французами»: так интуиция сердца клеймила измену вопреки всем юридическим аргументам, какие можно было привести в ее пользу. Что значила фикция законного династического наследования, сохранение французской администрации по сравнению с присутствием иностранных солдат, которые говорили на чужом языке, отличались чуждыми нравами и, несмотря на все предосторожности, вели себя как завоеватели?

Итак, возникшее в негативной форме — в виде всеобщей ненависти к иноземному захватчику — это национальное чувство позволило достичь позитивного результата — преданности подданных своему легитимному суверену. Верность монарху, столь крепкая уже в последний век Капетингов, лишь усилилась среди несчастий и руин. Ее укрепляли и заявления легистов, старавшихся возвеличить суверена, подтверждая его достоинство короля всей Франции. На аргументацию договора в Труа, согласно которой Карл VII был лишен наследства, они ответили новой теорией короны, предвосхитившей теорию государства нового времени. Корона, то есть совокупность домениальных владений, феодальных прав и королевских прерогатив, которыми пользуется суверен, по их теории становится неотчуждаемым наследством, которое монарх только хранит, как он уже ранее охранял закон и наделял судей правом вершить суд. Общественное право отделяется и приобретает отличия от частного. Тем самым король как слуга народа приобретает неоспоримый авторитет, усиливающий исконное благоговение перед монархом, столь распространенное уже при последних Капетингах. В этом отношении, как и во многих других, юридические теории — отражение перемен в народном чувстве.

Монархия становилась тем сильнее, делаясь олицетворением и символом нации, что никакая организованная оппозиция отныне не могла опереться на имущие классы. Мы уже отмечали крайнее обеднение знати, постепенное исчезновение самых дорогих ей привилегий под совместным натиском экономических нужд и монархической бюрократии. Чтобы сохранить свое положение, ей оставалось лишь одно средство — пойти на службу к королю или принцам. Именно она формировала

ядро постоянной армии, претендовала на административные должности в надежде, может быть, приобрести положение при дворе или в Королевском совете. То есть она начинала приручаться. Если в какой-то области она пойдет за принцами, поднявшими мятеж, то не столько ради борьбы с сувереном, сколько продавая свои услуги патрону. В таких случаях чаще всего будет достаточно умелой раздачи милостей, чтобы заставить мятежников разбежаться и привлечь их на службу королю.

Духовенство оказалось теперь еще более зависимым от власти монарха, чем знать. Оно надеялось воспользоваться поначалу схизмой, потом — распрями на соборе, чтобы избавиться от римской опеки, вернуть «свободы» галликанской церкви, освободиться от бремени папских налогов. Карл VII в целом поддерживал его требования, советовался с ним на часто созываемых ассамблеях, какую позицию занять в отношении собора. Буржская ассамблея 1438 г. утвердила некоторые декреты Базельского собора, отменила аннаты¹, восстановила свободу избрания настоятелей, однако не отказала папе во всякой духовной власти над клиром. Ее решения были обнародованы в форме Прагматической санкции — учредительной грамоты галликанской теории. Но порывать с Римом не входило в намерения короля; когда Базельский собор, упорствуя в мятеже, вызвал новый раскол, Карл отказался признать антипапу Феликса V — бывшего герцога Савойского Амедея VIII — и с 1446 по 1449 г. активно добивался отречения самозванца и подчинения собора власти Рима. Тем более он не желал позволить французской церкви иметь автономное самоуправление. Как при обоих «отказах от повинования» в 1398 и в 1407 гг., вся власть, которой лишали папу, переходила к королю. Прагматическая санкция позволяла каноникам избирать своих высших должностных лиц, но обязывала их учитывать «благожелательные просьбы» светской власти. Она избавляла духовенство от большей части римских налогов — но с тем, чтобы сильнее подчинить его

¹ Аннаты — единовременный налог, поступающий в казну папы Римского, за передачу духовному лицу церковного бенефиция — должности и связанных с ней доходов (*прим. ред.*).

королевскому фиску. На практике этот ордонанс нашел мало применения: Карл не отказывался ни обращаться к Риму с просьбами, ни принимать от курии предварительные взносы за бенефиции, когда они были выгодны для его протекции. Он противился папским решениям, только когда они задевали интересы его монархии. В каждом соглашении или конфликте последнее слово почти всегда оставалось за монархом. В большей мере, чем когда-либо, епископат и высшие церковные сановники набирались из числа советников короля, его близких или приверженцев; он был уверен в их послушании, еще более рабском, чем в прошлом.

Есть однако препятствия для осуществления королевской власти, которые с годами могут стать еще опаснее. Гражданская и внешняя война оживила национализм в провинциях, который то в одном месте, то в другом заглушал чувство преданности монархии. Некоторые провинции лишь с неохотой признали владычество Карла Победоносного. Нормандия, при всех ее ярых антианглийских настроениях, дорожила своими провинциальными привилегиями, своей судебной автономией, роптала против королевских налогов, навязанных извне, требовала подтверждения Хартии нормандцам. Она бы охотно согласилась принять власть удельного князя, который бы оказал сопротивление централизаторским устремлениям монархии. Людовик XI поймет это на собственном горьком опыте, когда заговорщики из Лиги Общественного блага¹ потребуют от него уступить Нормандию жалкому Карлу

¹ Лига Общественного блага — коалиция крупных феодалов, недовольных политикой французского короля Людовика IX, расширением королевских прерогатив, налогового гнета, ущемлением прав знати, возросшей ролью зажиточных горожан в управлении королевством. Восставшие феодалы объявили, что действуют во имя «общего блага», откуда и название коалиции. В Лигу входили герцоги Бретонский, Алансонский, Бургундский, Лотарингский, Бурбонский, графы Сен-Поль и Арманьяк, сир д'Альбре. Во главе недовольных встал брат короля Карл. Битва при Монлери под Парижем (16 июля 1465 г.) не принесла ощутимого успеха ни одной из сторон. Но Людовик сумел выгадать время и заключить с каждым из мятежников отдельный договор (*прим. ред.*).

Французскому, а ее население вопреки воле короля пустит к себе бретонские контингенты. Еще более строптива Гиень; вся гасконская знать, так ревностно воевавшая на стороне англичан, была недовольна укротившим его королем. Придется ждать следующего века, чтобы ее капитаны и авантюристы пошли на королевскую службу. За пределами домена противодействие проявлялось еще сильнее. В Анжу, в Бурбонне население прежде всего хранило верность своим принцам, а уж потом подчинялось королю. Бретань довольно открыто следовала своим привычкам к автономии; ее герцоги, пока верные вассалы, тем не менее вели свою церковную политику, свою дипломатическую линию без оглядки на политику суверена. Когда коннетабль Ришмон в 1448 г. наследовал своим племянникам и стал герцогом Артуром II, он принес оммаж Карлу VII стоя и с мечом на боку, отказываясь преклонить колено, что означало бы признание им тесной ленной зависимости. Двух поколений бургундского владычества хватило, чтобы привить некоторым провинциям, например Артуа, страстную преданность их герцогу; они будут противиться всем королевским начинаниям, слепо повиноваться своим чужеземным господам, будь то австрийцы или испанцы, и придется ждать завоеваний Людовика XIV, чтобы их жители вновь ощутили себя французами.

Таким образом, провинциальный национализм стал опорой для опасных действий принцев — угрозы, от которой государство пока не сумело себя оградить. Цели не изменились. Вопрос стоял все так же: останется ли король независимым и сильным или воцарится «полиархия» магнатов, алчных до власти и денег, которые будут его контролировать в своих интересах. Под альтруистическими заявлениями уже можно различить их эгоистические амбиции. Облегчить страдания народа путем снижения налогов, обуздать произвол королевских чиновников, потребовать созыва Штатов — вот программа, которую они провозглашали, чтобы настроить общество в свою пользу. Требования неверских заговорщиков в 1442 г. предвосхитили Лигу Общественного блага. Но, пока был жив Карл VII, они не отва-

живались вновь объединиться. Сурового наказания, которому подвергся в 1455 г. граф Жан V д'Арманьяк, чьи земли заняли королевские войска, образцового процесса герцога Алансонского (он оказался вновь замешан в преступном сговоре с англичанами и за это приговорен к смерти, а потом помилован и заключен в темницу замка Лош) хватило, чтобы смирить их нетерпение. Особенно они ждали, чтобы восстать, разрыва между королем и его бургундским кузеном, считая его неминуемым.

Ведь всем казалось, что Филипп Добрый просто предназначен на роль вождя коалиции принцев. Под его властью Бургундское государство достигло вершины своего могущества. Удачные стечения династических обстоятельств, умело вызванные или использованные, отдали ему в руки нидерландское наследство Виттельсбахов, а также могущественное Брабантское герцогство. В Люксембурге он оттеснил, не без труда, последних представителей Чешского дома; рейнские князья были его клиентами. Его бастарды или его кузены занимали троны правящих епископов Утрехта и Льежа. Этот собиратель земель правил обширным и богатым доменом, простиравшимся от Соммы до Фрисландии, от Ла-Манша до Мозеля. Этой мозаике княжеств пока недоставало единства, которое могли бы ей придать лишь сильные центральные институты. Но оно уже намечалось, особенно в финансовой сфере, и после 1450 г. Брюссель уже выступал в роли столицы Нидерландов. Почти все территориальные приобретения герцога были сделаны за счет Империи. Однако из этого не следует, что Филипп стал немецким князем. По отношению к германской державе он сохранял позицию высокомерной независимости, отказываясь выразить в действиях вассальную связь, подчиняющую его бесцветному Фридриху III Габсбургу. Когда в 1447 г. император, чтобы получить его помощь против швейцарцев, предложил ему поднять в ранг королевства некоторые земли, которыми герцог владел за Шельдой, например Фрисландию или Брабант, Филипп заломил за свое согласие на такой дар непомерные требования: это королевство включит в себя все его имперские домены, кроме того, как его король он будет иметь сюзеренитет над

всеми рейнскими или лотарингскими княжествами, которыми не владеет непосредственно. Если он не хотел укреплять связи с Империей, так это потому, что его взгляд был постоянно обращен к Парижу, где правили его предшественники. Имперские владения, в которых он умел сохранять абсолютную власть, послужат ему лишь резервуаром, откуда он будет черпать силы для реализации своих французских амбиций.

А король Франции вовсе не жаждал удовлетворять самые далеко идущие из этих амбиций и не подпускал бургундского кузена ни к каким французским делам. Некоторые статьи Арраского договора, которые были особо важны для герцога, так и не воплотились в жизнь: исполнители убийства в Монтеро остались безнаказанными, душа Иоанна Бесстрашного не нашла поддержки в благочестивых учреждениях, которые Карл обещал основать в его память; чиновники монархии продолжали рассматривать Бургундию и Артуа как фьефы короны, бесцеремонно орудовали там, фиксировали апелляции к Парижскому парламенту. В 1451 г. король воспользовался восстанием гентских ремесленников, чтобы потребовать от Филиппа — впрочем, безуспешно — возвращения городов на Сомме, не предлагая даже обусловленной компенсации. Весь поглощенный подготовкой к великому крестовому походу против османов, которой он, как верный преемник прожектеров-Валуа занялся с 1454 г., герцог Бургундский видел, что Франция ускользает из его рук; хуже того — он опасался, что враждебность короля, растущая с каждым днем, перейдет в открытую войну; он даже уже не был уверен, что в этом поединке с монархией непременно одержит верх. В 1456 г. ему представилась возможность обеспечить себе лучшее будущее, взяв реванш за прошлые унижения. Дофин Людовик, изгнанный из Дофине отцом, которого вывели из себя его преступные интриги, просил убежища на бургундской территории. Филипп колебался, принимать ли его: он не желал провоцировать неравную войну. Если в конце концов он поселил того в Женаппе, в Бранбанте, то прежде всего затем, чтобы тот позже дал ему в Париже место, какое некогда занимал Иоанн Бесстрашный.

Отныне изгнанник и его хозяин с нетерпением будут ждать смерти короля, которая даст каждому из них богатство и власть. Из всех опасностей, угрожающих возвращенному и воссоединенному королевству, гипотетическая бургундская угроза была опасней всех для его непосредственного будущего.

III

АНГЛИЯ АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗЫ

Опасность была бы еще серьезней, если бы Англия могла возобновить борьбу и, вступив в союз с недовольным Бургундцем, поставить под вопрос все результаты, достигнутые Валуа. После 1453 г. предполагать такую возможность в самом ближайшем будущем было отнюдь не бессмысленным, хоть в реальности при Людовике XI она и не осуществилась. Для традиционной историографии характерен упрощенческий подход: мол, Англия Генриха VI была истощена неудачами на континенте, а гражданская война, охватившая ее на целое поколение, стала неизбежным следствием ее военных неудач. Все как раз наоборот: потенциально королевство Ланкастеров все еще представляло угрозу. В глазах христианской Европы и, что еще важнее, в его собственных глазах оно морально выросло в ходе борьбы. Память о давних победах здесь была живее, чем о недавних поражениях. Общественное мнение, как ясно говорят и прошения в парламент, и комментарии хронистов, постоянно помнило об эпопее Генриха V, всегда становясь на сторону того, кто обещал возобновить войну и вообще поощрял опасные реваншистские настроения. В этой борьбе англичане осознали свою силу, о которой век назад еще не ведали. Кроме того, их национальная сплоченность укрепилась благодаря языковому единству, теперь уже прочно утвердившемуся. Аристократия, администрация и даже двор, несмотря на брачные союзы суверенов, мало-помалу отвыкли от французского; Екатерина Французская, а после Маргарита Анжуйская здесь выглядели иностранками, говорящими на чужом языке и неспособными понять английского менталитета. Уже в ходе долгого царствования Эдуарда III суды почти перестали вести дебаты на

англо-нормандском жаргоне. При Генрихе IV ведомство малой государственной печати начало составлять некоторые акты на национальном языке; французский понемногу исчезал — до такой степени, что секретари уже не умели его использовать. После 1450 г. для выпуска редких актов, которые все еще составлялись на вражеском наречии, приходилось привлекать специальных чиновников, еще оставшихся от нормандской администрации, которых называли «секретарями французского языка».

Материальное истощение страны было намного меньшим, чем во Франции. Когда-то народ обложили непосильными налогами, от которых он в конце концов избавился, ускорив тем самым финальную катастрофу. Но численно он уменьшался разве что от эпидемий. С концом войн, облегчившим лежавшее на трудящихся классах налоговое и военное бремя, прогресс в экономике, осязаемый уже в течение двух поколений, быстро принял ярко выраженный характер. Это успешное развитие затронуло даже аграрную сферу, традиционно более тяжелую на подъем, более туго поддающуюся нововведениям. Здесь довольно быстро сумели восполнить потери, нанесенные периодическим возвращением чумы; лишь в некоторых областях остались какие-то разоренные войнами земли, отчего эти области несколько раз освобождались от налогов, — прежде всего это относится к графствам на границе с Шотландией. В других местах положение держателей быстро улучшалось; манориальная эксплуатация, столь архаичная на заре Нового времени, окончательно исчезала в результате дробления или трансформации сеньориального домена. Индивидуальное или коллективное освобождение вилланов, умелое назначение выкупов свели на нет отработки и сделали крепостное состояние пережитком — столь же редким, сколь и анахроничным. В результате росло благосостояние свободных держателей, бравших землю в долгосрочную аренду — *копигольд*. Сеньоры, получатели земельной ренты, были не в убытке от этой трансформации. Им не терпелось повысить доходность своих земель: почти повсюду они пытаются уничтожить право выпаса скота на общинных землях или на убранных полях, где обычно пасся бродящий

без присмотра скот довольно низкого качества, вернуть себе самые богатые общинные угодья, приумножить и огородить засеянные кормовыми травами луга, осушить болота. Это так называемое движение *огораживаний*, которое достигнет апогея при последних Тюдорах¹ и сделает характерным для английского ландшафта то чередование лугов и лесов, какое отличает его и поныне. Все это происходило не без затруднений: немало забот земельным собственникам приносили политические смуты, нарастание беспорядка, неурожаи — множество живых и колоритных свидетельств этого можно найти в переписке семьи Пастонов, мелкопоместных дворян из Норфолка. Но она же показывает значимость и жизненную силу сельского хозяйства, от которого еще в большой мере зависело благосостояние нации.

В городах к этому добавился недавно начавшийся подъем промышленности. В предыдущем веке превратности войны, резкие повороты в политике и дипломатии расстроили торговые отношения с Нидерландами, поставив под угрозу поставку шерсти в мастерские континента. Под натиском экономической необходимости теоретические пожелания, которые когда-то выразил парламент Эдуарда III, мало-помалу были воплощены в жизнь. В городах появилось сукноделие, чему способствовали исключительное качество необработанной (woolens) и камвольной (worsted) шерсти, а также мастерство нидерландских ремесленников, привлеченных сюда особыми привилегиями. Задолго до 1450 г. экспорт шерсти стал постепенно уменьшаться за счет повышения доли готовых сукон, настолько красивых, что континентальные торговцы жадно разбирали их. В ответ на жалобы фламандских и брабантских ткачей и в ущерб противным интересам антверпенских коммерсантов Филипп Добрый был вынужден постоянно запрещать ввоз в свои земли английских сукон, которые вырабатывал Бристоль и многие другие города. Напрасный труд: гегемония английского сукноделия утвердилась столь прочно, что нидерландские мастерские, не выдерживая конкуренции,

¹Тюдоры — династия английских королей, которые правили с 1485 по 1603 г. (*прим. ред.*).

одна за другой закрывались; чтобы не погибнуть сразу, они уже шли на сознательное понижение качества продукции, используя короткую испанскую шерсть и выбрасывая на рынок сукна саржу¹, изобилие которой компенсировало ее посредственное качество.

Следствием всего этого для Англии стало заметное развитие внешней торговли. Монополией в этой сфере издавна пользовались иностранцы, и королевская власть поддерживала такое положение, чтобы не беспокоить своих снисходительных инвесторов. Так, например, Эдуард III велел своим судьям относиться к иностранным купцам так же, как к его собственным подданным; когда они получали благодаря процедуре *denization*, или натурализации, те же права, что и коренные жители, им было проще взыскивать долги. Непомерно щедрые привилегии позволили ганзейцам, несмотря на яростное сопротивление их противников, получить право на собственную консульскую юрисдикцию в Лондоне. Из-за вызывающего богатства этих иноземцев в народе копилась ненависть к ним, так резко проявившаяся во время жакерий 1381 и 1450 гг. Но, прежде всего благодаря прибылям местной промышленности и процветанию внутренней торговли, которую вели ремесленные цеха, или *craft guilds*², возник и богатый класс английских капиталистов, желавший обогащаться и на международных сделках. Появившийся на свет позже всех лондонских корпораций цех галантерейщиков, из которого позже выделится компания *Merchant adventurers*³, постепенно вытеснит иностранных негоциантов и укажет стране на ее морское призвание.

Политический кризис мало помешал экономическому подъему ланкастерской, а позже йоркской Англии, зато, похоже, глубоко поразил сильную в прошлом систему управления монархией, системой, которой до сих пор кичилось островное королевство. Кризис возник с 1450 г., сразу после жакерии Кэда;

¹ Буквально *sayette*, или *saye* — шерстяная ткань типа легкой саржи (*прим. пер.*).

² Гильдии (*англ.*).

³ Купцов-авантюристов (*англ.*).

тут же началась его кристаллизация вокруг одной династической и личностной проблемы. Он стал следствием давней ланкастерской узурпации, в ходе которой в 1399 г. Генрих IV поднялся на трон, не посчитавшись с правами Мортимера, которые теперь через брак перешли к могущественному дому Йорков. Пока династии сопутствовал успех, ее легитимность не ставилась под сомнение. Неудачи на континенте почти не пошатнули ее положения. Но личные ссоры и борьба за влияние подогрели амбиции и надежды ее врагов. Потомство Генриха IV почти все угасло. Кларенс, Бедфорд, Глостер умерли, не оставив потомства. Последняя надежда рода, Генрих VI, хоть и женат с 1444 г., все еще не имел наследников. Это юноша, отстававший в развитии, до крайности набожный, хрупкого здоровья, лишенный воли и, несомненно, интеллекта. Над его душой тяготело нездоровое наследие: в августе 1453 г. его рассудок помутился, как некогда у его деда Карла VI. Для этого жалкого суверена было характерно не буйное помешательство, а отупение, тихое оцепенение, длящееся долгие месяцы до возврата, всегда очень краткого, видимости просветления. А задолго до душевной болезни король полностью подпал под власть жены. Маргарита Анжуйская — иностранка, честолюбивая, деятельная, пылкая и ничего не понимавшая в английских делах. Воспитанная во Французском королевстве, где никто не противился власти монарха, она хотела править, не оглядываясь на совет баронов, на мнение парламента. Для нее Штаты королевства — как иногда называют английский парламент по аналогии с континентальным институтом — не более чем помеха ее власти, тогда как при умелом использовании он бы удесятерил ее силу. Будучи в душе француженкой, она выступала за мир, ничего не делала, чтобы отобрать у Валуа недавно потерянные провинции, и считала, что Форминьи и Кастильон окончательно завершили франко-английский спор. Это еще одна причина ее непопулярности: ведь все общество требовало мести за эти поражения, хотя и не было готово нести расходы на новую войну. Чем более изолированной чувствовала себя Маргарита, тем с большей страстью привязывалась она к партии, которая возвела ее на трон. Это клан Бофоров, партия мира, руководи-

мая Сомерсетом, который был побежден при Кане, но стал коннетаблем и всемогущим советником. А разве Бофоры не метили выше? Разве эта незаконная, но узаконенная ветвь рода Ланкастеров не рассчитывала добиться отмены закона, преграждающего ей путь к трону? В таком случае, если бы Маргарита осталась бесплодной, Сомерсет мог бы домогаться своего назначения наследником престола. И уже может по меньшей мере просить должности правителя королевства, поскольку Генрих был поражен безумием.

Но он встретил соперника в лице Ричарда Йорка. Приходясь по отцу внуком Эдмунду Лэнгли, тот в противовес Бофорам представлял законное потомство Эдуарда III. По линии матери, Анны Мортимер, он наследовал претензии, которые потомки Лайонела Кларенса по женской линии были вправе выдвинуть к узурпаторам Ланкастерам. Этот маленький некрасивый человек, столь же хитрый, сколь и нерешительный, давно нашел свой путь. После смерти Глостера он возглавил партию войны. В качестве почетной опалы его отправили управлять беспокойной Ирландией. Но в 1450 г. он, сославшись на мятеж Кэда, вернулся в Англию, не испрашивая разрешения. Выжидая развития событий, он неосторожно позволил Сомерсету утвердиться у власти; потом, опасаясь, что против него выдвинут обвинение с целью избавиться от него, он выпустил выдержанный в резких тонах манифест, обличающий фаворита. Тем не менее обе враждующие партии не хотели гражданской войны. Согласно «акту милости», которого Йорк легко добился, он вместе с прощением получил место в Совете, которым воспользовался для подготовки последней аквитанской компании. Ему уже казалось благодаря безумию короля, что трон близок. Но через два месяца, 13 октября 1453 г., Маргарита произвела на свет сына — в день святого Эдуарда, в честь которого он и получил имя. Для сторонников королевы и Бофоров это было некое «дитя чуда». В йоркистском клане роптали, что это неожиданное рождение смахивает на незаконное. Йорк более не был наследником престола, но как старший из принцев крови мог претендовать на регентство. Парламент, созванный с запозданием и всецело ему преданный, назначил

его в марте 1454 г. протектором королевства. Он сменил всех министров и бросил Сомерсета в Тауэр. Чтобы задобрить Маргариту, ее младенца сделали принцем Уэльским, отменяя тем самым клеветнические обвинения в незаконности его рождения. Однако какой-либо компромисс между обеими партиями уже окажется невозможным. Отныне Англии Генриха VI, как полвека назад Франции, предстояло познать бич гражданской войны — чередование партий у кормила власти, привлечение ими на свою сторону вооруженных приверженцев, правильные сражения, осуждения и казни невиновных, а время от времени — лживые примирения.

Война Роз — Алой розы Ланкастеров против Белой розы Йорков — это одно из самых неприятных внутренних потрясений, какие знала история Англии. Привести только монотонное перечисление ее политических и военных перипетий значило бы потерять из виду силы, сделавшие ее возможной, обойти молчанием вопрос, какие сферы она затронула и, что еще важнее для нашего предмета, каких не коснулась. По правде говоря, эта война возникла по вине высшей аристократии, могущество которой уже век как непрестанно росло и которая теперь яростно бросилась в борьбу группировок, в погоню за королевскими милостями, за землями, за деньгами, за властью.

Эта беда возникла не в одночасье. Весь XIV в. ряды высшего баронства, накануне Столетней войны еще многочисленного, редели в результате постоянного угасания знатных родов; а браки, наследования, королевские пожалования сосредоточили все богатства в руках немногих лиц. В парламент Эдуарда II обычно съезжалось более сотни баронов; при Эдуарде III их число уже не превышало четырех десятков. Самых богатых, тех, кто имел один или несколько графских титулов, в 1360 г. было не более двенадцати. Ненамного повысилось их количество и впоследствии: если исключить группу «малых герцогов», созданием которой Ричард II хотел купить согласие баронства на свой автократический переворот и появление которой вызвало скандал, королевская власть не проявляла щедрости, создавая новых графов, и эти назначения едва компенсировали исчезновение титулов вследствие

пресечения мужских линий. Сознвая, какую силу придает ей малочисленность, эта высшая аристократия все более и более стремилась замкнуться в своем кругу. Менее богатую знать, нуждающихся «главных держателей короны» и арьер-вассалов она не ставила ни во что. Она одна имела право заседать в парламенте благодаря своим богатым держаниям. Здесь из нее составилось собрание «пэров королевства» — аристократическая и олигархическая трансформация старинного феодального совета. Таким образом «совет парламента», когда-то состоявший из главных советников, прелатов и еще многочисленной массы баронов, стал «палатой лордов», где светские лорды численностью всего десятков пять к тому моменту, к которому мы подошли, претендовали на то, чтобы полновластно диктовать суверену политику по своему вкусу, решать в качестве последней инстанции все текущие проблемы, превратиться в верховный суд, используя процедуры «импичмента» и *attainder*¹, то есть карая неугодных министров, обвиняя их в измене и вынося приговоры, всегда суровые. Созыв каждого нового парламента рассматривался как акт создания нового пэрства, которое уже нельзя будет отобрать у владельца и его потомков по мужской линии. Мало-помалу слово «барон», которым первоначально называли всех богатых вассалов, стало применяться лишь к пэрам; оно обнаруживало тенденцию превратиться в титул, который бы носили лорды, не имеющие графств или герцогств.

Эта концентрация политической власти сопровождалась равнозначным ростом земельных богатств. Все состояние Ланкастеров возникло благодаря тому, что Джон Гонт и его сын как удачливые наследники объединили в своих руках богатства многих крупных родов: должности и звания Монфоров, ланкастерский апанаж, владения Боэнов и в целом пять графских титулов. В первой половине XV в. Йорки добавили к бедному апанажу Эдмунда Лэнгли обширные имения Кларенсов в Ирландии и Мортимеров в уэльских марках. Между этими удельными князьями и другими баронски-

¹ Лишение государственных и гражданских прав за государственную измену (*англ.*) (*прим. пер.*).

ми домами, связанными между собой многочисленными брачными союзами, разница была только в ранге. Основа их могущества — обладание землей. Все старались расширить и упрочить эту мощь. Прежде всего — концентрируя доселе очень разбросанные владения и превращая их в обширные сеньории с одним-единственным держателем; для этого использовались все средства — обмены, покупки, королевские дарения. Потом — улучшая управление своими фьефами: теперь у каждого магната было свое ведомство двора (*hôtel*) по образцу королевского, свои финансовые и административные службы, позволившие им жить на широкую ногу и проводить собственную политику. И, наконец, создавая себе клиентелу.

Уже тогда неосторожные действия монархии породили тех «новых феодалов», которые того и гляди возьмут короля под опеку и уничтожат его власть. Чтобы упростить набор своей армии, Эдуард III разрешил своим крупным вассалам приводить ему все более и более многочисленные контингенты, избавляя тем самым от забот своих шерифов: это они бы должны были набирать королевский ост, но им не хватало для этого необходимой власти принуждать подданных. Таким образом, бароны брали себе на службу все больше воинов, которые становились их *retainers*¹, образуя тем самым баронскую «дружину» (*retenue*²). При Генрихе V дело дошло до того, что его армии почти исключительно состояли из таких феодальных контингентов, а королевская дружина сходилась на нет. Мелкая знать, алчная и нуждающаяся, до тех пор преданная монархии, теперь толпами валила на службу к принцам, тем более спеша сделать это, что прекращение континентальных войн лишило ее прибыльного времяпрепровождения. Те платили за это пожалованиями земель на условии принесения оммажа (понимая, что ответствен за это прежде всего он, Эдуард III пытался, но тщетно, ограничить эти субинфеодации) и прежде всего пенсиями или рентными фьефами. Тем самым почти весь класс рыцарей оказался распределен по клиентелам магнатов. Рыцари носили их «ливрею» и на-

¹ Наемниками (*англ.*).

² Англ. *retenue* (*прим. пер.*).

ходились у них «на содержании». Лишь слишком поздно, уже в начале гражданской войны, правительство Генриха VI издаст указы, запрещающие «ливрею и содержание дружин (maintenapce)». Сославшись на ничтожный повод, горстка баронов могла собрать войска, явиться с оружием в парламент и навязать ему свою волю.

При всей своей немногочисленности группа высших баронов не сумела сохранить единство. В ней началась борьба партий, рассчитывавших в случае победы обогатиться за счет добра побежденных. Гражданская война, не имеющая в стране глубоких корней, не посягала ни на политические принципы, ни на социальную структуру и не сталкивала одни провинции с другими. Ее главные действующие лица образовали группировки по родственным связям. Ричард Йорк был женат на Сесили Невиль, и поэтому вокруг него группировались его шурины или племянники Невили, наследники графств Солсбери, Уорик и Кент. Перечень йоркистских полководцев дополняли еще один его племянник, герцог Норфолк, и еще один шурин — граф Эссекс. Сомерсет, последний представитель дома Бофоров по мужской линии, возглавил враждебный клан; семейные связи связывали его с Оуэном Тюдором из Уэльса, наследником Пемброков. Его силы возрастали благодаря поддержке со стороны Перси, графов Нортумберлендских, некогда ярых врагов династии, а теперь верных сторонников Ланкастеров; благодаря им на его сторону встала северная знать.

Прежде чем полностью сгнуться в этой буре, перебив друг друга в ходе все более ожесточенной борьбы, эта высшая аристократия создаст угрозу для существования самого механизма управления, а тем самым и для власти монарха. При последних Плантагенетах и при первых Ланкастерах старинные англо-нормандские институты власти еще развивались в направлении все большей специализации центральных органов и все более строгого контроля над служащими на местах. В центре теперь прочно утвердились три ведомства, главы которых сообща руководят в Совете политическими делами: Канцелярия, сохраняя административные функции, стала все более и более популярным судебным органом, потому что судила по справедливости, без узкого формализма,

характерного для других судов; Палата Шахматной доски, напротив, мало-помалу утратила свои судебные полномочия, оставшись только Казначейством и Счетной палатой; наконец, Ведомство малой печати связывало между собой крупнейшие административные ведомства и Совет. Начиная с середины царствования Эдуарда III ведомство двора, отнюдь не намереваясь соперничать с главными государственными органами, помогало им в решении их задач и дополняло их деятельность. Гардероб, специализирующийся на организации военных походов, образовал «большой гардероб» — склад обмундирования, расположенный в лондонском Сити, и «частный гардероб» — арсенал оружия и боеприпасов, размещенный в Тауэре. При ведомстве двора, с тех пор как из него выделилось Ведомство малой печати, возник новый секретариат — бюро печатки¹, глава которого, со времен Ричарда II именуемый «секретарем», являлся самым приближенным советником короля, до такой степени важным, что в следующем веке Тюдоры возведут его в ранг «главного государственного секретаря»², предшественника министров короны

¹ Англ. Signet Office (*прим. пер.*).

² В Англии существовало три службы королевской печати, которые развивались постепенно: Большая печать находилась на хранении у канцлера, и ею скреплялись все акты и бумаги короля. Но к XIII в. многочисленные обязанности канцлера потребовали его постоянного пребывания на одном месте, он более не мог следовать за королем во всех разъездах по стране. Тогда и появилась личная (или Малая) печать короля, которую за ним возил хранитель Малой печати. Малой печатью завизировались послания короля к канцлеру и королевские приказы. Однако к нач. XIV в. хранитель Малой печати, в свою очередь, стал важным должностным лицом и был вынужден вместе со своим ведомством — ведомством Малой печати — вместе с основными правительственными учреждениями постоянно находиться в столице или поблизости от нее. После этого для своих личных нужд король стал пользоваться «секретными» печатями, которыми он скреплял распоряжения завизировать акты в парламенте или наложить Большую печать на какой-либо документ. Из этих «секретных» печатей и выделилась печатка, которую хранил государственный секретарь (*прим. ред.*).

Нового времени. В лице Томаса Бекингтона, епископа Батского, Генрих VI имел чрезвычайно квалифицированного секретаря, хорошего администратора, сведущего политика и дипломата. В провинциях королевская власть создала, как и во Франции, много чиновничьих комиссий, выполняющих временные миссии, несущих ответственность непосредственно перед королем и более гибких, чем старинные местные органы, суды графств или шерифов: это комиссии ассессоров и сборщиков налогов, следователей либо магистратов с поручением «заслушать и завершить» определенные дела, мировых судей и «пахарей» (*laboueurs*), использующих старинные законы для поддержания порядка и нормальной работы.

Но с тех пор как политическая борьба вокруг трона слабого Генриха VI усилилась, создается впечатление, что весь этот механизм крутился вхолостую. Возможно, как некогда во Франции при власти принцев, доходы государства ушли на увеличение числа ведомств и слишком частые чистки? С уверенностью сказать этого нельзя. Сам объем административных архивов, сохраненных для нас английскими службами по сей день, делает их обработку делом небыстрым; эрудиты, обескураженные обширностью этой задачи, пока не сумели в достаточной мере описать для нас функционирование ланкастерской или йоркской администрации. Некоторые признаки позволяют думать, что такое обилие контор, уполномоченных, судей и бюрократии так и не обеспечило ни исполнения королевской воли, ни получения достаточных доходов, ни удержания страны в повиновении. Палата Шахматной доски, скованная своими рутинными и обветшалыми методами, не имела никакой возможности добиться оплаты от нерадивых податных людей. Налоги поступали плохо, расходы контролировались недостаточно тщательно и недостаточно быстро, невозможно было ни спрогнозировать бюджет, ни подвести баланс. В судах тяжеловесная процедура до бесконечности затягивала процесс, замедляла вынесение приговора, который никто не мог привести в исполнение, если подсудимый не явился. «Мир короля» слишком часто оказывался не более чем пустым словом; все больше насилий, самоуправств, частных войн, колоритные или зловещие отголоски которых слы-

шатся как в официальных грамотах о помиловании или outlawry¹, так и в корреспонденции Пастонов.

Однако можно ли сказать, что страна скатывалась к анархии, к безрассудствам, куда ее толкала воинственная аристократия? Не считая профессиональных военных, знатных вельмож, алчных мелких дворян и наемников из всех сословий, династическая борьба не интересовала никого. Городские коммуны хотели лишь сохранить свои богатства и заниматься коммерцией в условиях общественного порядка, сохраняемого компетентным правительством; они торговали с обоими лагерями, поскольку это им было всего выгоднее. В деревнях тоже вздыхали по утраченному спокойствию. Даже в советах суверенов легисты размышляли о правилах хорошего управления страной, превозносили монархию, расхваливали совершенство ее институтов, чье нормальное функционирование, временно прерванное, могло бы восстановиться, если бы на престол взошел более способный и энергичный король. Сэр Джон Фортескью, первоначально главный судья Королевской скамьи, а потом канцлер дома Ланкастеров, за которыми он последует в изгнание, прежде чем примкнуть к торжествующим йоркистам, в своих политических трактатах, написанных как по-латыни, так и по-английски, сумел соединить выводы из римского права и уроки истории с традиционными обычаями, описать достоинства хорошо устроенной монархии, которую ограничивает институт парламента, выражающий чаяния общества. Ни в трактате «*De laudibus legum Angliae*»², ни в «*The Governapnce of England*»³ он не выражает желания ни менять обычную конституцию, ни модифицировать существующие законы. Но зрелище окружающих беспорядков вынуждает его желать улучшения способов управления и прежде всего — укрепления власти монарха: нужно дать королю возможность выбирать чиновников, помешать баронским родам увеличивать свое состояние путем браков между собой, прекратить отчуждения

¹ Объявлении вне закона, изгнании из общества (англ.) (прим. пер.).

² «О достохвальных законах Англии» (лат.).

³ «Управление Англией» (англ.).

домена, вернуть в Совете все влияние профессиональным функционерам.

Это ощущаемое повсюду стремление к миру внутри страны, который могло бы обеспечить сильное правительство, в конечном счете лило воду на мельницу короля. Именно потому, что Ричард Йорк, а потом его сын Эдуард Марч казались способными реализовать эту программу, к ним примыкало столько людей, несмотря на сомнительность их династических притязаний. В ходе своего двадцатидвухлетнего царствования, отмеченного множеством мятежей и даже одним кратким изгнанием в середине срока, Эдуард IV, взойшедший на трон в 1461 г., заложил основы той авторитарной монархии, из которой немного позже выйдет тюдоровский абсолютизм. Это означало прежде всего упадок парламента как политического органа. Все менее и менее многочисленные светские лорды — в 1485 г. их уже не более тридцати — по-прежнему не имели никакой конструктивной программы. Это под их влиянием и при их покровительстве назначались теперь в парламент рыцари графств и даже депутаты от городов, где в кандидаты выдвигали мелкопоместных дворян или законников, стремящихся усилить их влияние в Вестминстере. Нынешнее правительство старалось уничтожить всякую оппозицию в палате общин, навязывая ей выбранного им *спикера*. Отныне король сам вносил собственные законопроекты на утверждение ассамблеи, вместо того чтобы превращать в статуты тексты прошений, представляемых нижней палатой. В конечном счете роль парламента теперь сводилась к тому, чтобы утверждать конечные результаты гражданской войны, приговаривая побежденных к смерти, изгнанию или конфискации имущества и жалую победителям субсидии. Созывали его все реже и реже: всего шесть раз за все царствование Эдуарда IV, не считая ланкастерского парламента, единодушно объявившего Генриха VI в 1470–1471 гг. «восстановленным на троне».

Усилить исполнительную власть, ускорить судебные процессы, обеспечить финансовую независимость монархии — таковы были стремления династии Йорков. Она продержится на троне слишком мало, чтобы целиком осуществить их.

Но уйдет по пути их реализации довольно далеко. Именно при них возросла власть Совета, уже органа управления, а не консультативного комитета из баронов и чиновников; одна его секция постоянно заседала в Вестминстере; другая сопровождала короля в его передвижениях; отдельные делегации при случае направлялись в мятежные провинции — так зарождались Северный совет и Совет Уэльса, услугами которых всю будут пользоваться Тюдоры. В суде «право справедливости»¹ взяло верх над «общим правом»; в 1474 г. канцлер вынес первый приговор на основании «права справедливости» без всякого обращения к Совету; в его суде на Ченсери-Лейн дела рассматривали поспешно, особенно в сфере коммерческого права, где недопустимы задержки процедуры за счет применения *breves* (королевских приказов). В свою очередь Совет вытеснял парламент в вопросах кары за политические преступления: его профессиональные юристы, заседающие в Звездной палате (*Star Chamber*), уже начинали выносить суровые приговоры, оправдываемые только государственными интересами. Для рассмотрения прошений, адресованных лично суверену, появился зародыш суда по прошениям², аналогичного тому, что действовал в рамках ведомства двора французских королей. Наконец, династия Йорков попыталась увеличить свои денежные ресурсы и стабилизировать их поступление. Эдуард IV спешно расторгнет союз с Бургундией именно потому, что соблазнится пенсией — в английских текстах стыдливо названным «данью» — который в Пикинии ему предложит Людовик XI. Как до, так и после этой постыдной сделки он будет брать бесплатные дары и принудительные займы, *benevolences*³, злоупотребляя этим. При всей произвольности этих налогов они не вызвали резких протестов, поскольку корректировали несправедливость традиционной системы обложения — теперь наибольшее бремя ложилось на торговый класс, самый богатый, но до сих пор плативший меньше всех податей.

¹ Англ. *equity* (*прим. пер.*).

² Англ. *Court of Requests* (*прим. пер.*).

³ «Добровольные пожертвования», подати, взыскивавшиеся королем без согласия парламента (*англ.*) (*прим. пер.*).

IV

НЕВОЗМОЖНЫЙ МИР

Итак, не обязательно ждать воцарения Тюдоров в 1485 г., достаточно дойти до воцарения Йорков в 1461 г., чтобы различить первые контуры новой Англии — сознающей свое богатство и силу, получившей обновленные институты, стоящей на пути к авторитаризму, который почти не уступает авторитаризму Валуа. С этих пор, несмотря на тяжелые, но преходящие смуты, она могла бы вернуться к континентальной политике Плантагенетов и Ланкастеров и, устроив новое вторжение, вновь разжечь франко-английский конфликт.

Это сделать ей было тем проще, что отвоевание Карлом VII последних клочков ланкастерской империи не санкционировал никакой мирный договор, ни даже перемирие. Будучи мишенью для нападков йоркистов именно за свою приверженность миру, клан Бофоров не решался брать на себя инициативу переговоров, которые сразу же дискредитировали бы его в глазах шовинистически настроенного общественного мнения. Поэтому, когда обе партии между 1453 и 1461 гг. сменяли друг друга у власти, одна не могла, а другая не хотела подписывать мир с Францией. С Бургундией им можно было искать общий язык и идти на перемирия, выгодные для морской торговли. Но отношение к Карлу VII было тем более непримиримым, что средств для начала войны не хватало.

Чтобы выйти из тупика, король Франции был вынужден сам перейти в наступление: он мог либо напасть на Кале — цитадель сторонников Йорка, либо попытаться высадить десант на побережье Англии, либо продать свою помощь той или другой группировке за Ла-Маншем в обмен за согласие на его условия мира. Все эти варианты политики были поочередно перепробованы, но ожидаемых результатов не при-

несли. Из-за категорического возражения герцога Бургундского и интриг дофина, укрывшегося при бургундском дворе, оказалось невозможным двинуть на Кале мощную армию, собранную Карлом летом 1456 г. в Нормандии. Что касается натиска на Англию, то дерзкий рейд Пьера де Брезе на Сандвич в следующем году привел лишь к мощным ответным налетам вражеского флота на Гарфлер, на остров Ре и неудачному морскому бою в районе Кале. Однако накануне решающих схваток каждая из партий в Англии упрашивала короля Франции о поддержке и союзе, как когда-то арманьяки и бургундцы — Генриха IV. Симпатии Карла, естественно, были адресованы его племяннице Маргарите Анжуйской и партии мира. Но не рисковал ли он вступить в конфликт с Филиппом Добрым — отъявленным приверженцем Уорика, если введет все силы в бой на стороне ее клана? Разве он не знал, что дофин, которому не терпелось стать королем, подталкивал герцога порвать со своим отцом, даже подстрекал англичан напасть на королевство Валуа и отправлял контингенты на остров для поддержки йоркистов в сражениях? Ввести в бой все силы значило бы восстановить англо-бургундский союз, направленный против самого Карла. Поэтому он не спешил вступать в союз с Ланкастерами и Шотландией в тот момент, когда эта коалиция могла бы покончить с гражданской войной; в то же время отвергал он и предложения Уорика. Он лишь посылал своих агентов советниками к Маргарите и, когда Ланкастеры, казалось, взяли вверх, Ричард Йорк 30 декабря 1460 г. погиб при Уэйкфилде, дал сторонникам племянницы свободный проезд в свое королевство. Но окончательная победа Эдуарда Йорка в марте 1461 г. ознаменовала крах его надежд. Теперь по обоим берегам Ла-Манша готовились к борьбе. В этот самый момент, когда все опасались разрыва между Валуа и Бургундией, возобновление франко-английского конфликта выглядело неизбежным.

Эту нависшую угрозу надо было хотя бы отодвинуть. Став королем после смерти отца, последовавшей 22 июля 1461 г., Людовик XI не успокоится, пока не исключит возможность этого опасного англо-бургундского соединения, в результате которого могла бы с новой силой вспыхнуть Столетняя вой-

на с ее ужасной свитой разорений, вторжений, разгромов и территориальных потерь. Чтобы отвратить эту угрозу, он мобилизует все силы своего изощренного ума, свои хитрые приемы, свой бесстыдный цинизм. Здесь, как и в другом, желание вести самую хитрую игру не раз ввергнет его в запутанные ситуации, из которых он вывернется лишь благодаря неслыханному везению. Описание этих интриг и оплошностей, кажется, уведет нас слишком далеко, предполагая рассказ обо всех политических и дипломатических проблемах этого беспокойного века, о коалициях принцев, смертельной борьбе с Бургундским домом, испанских амбициях и итальянских комбинациях. Тем не менее оно всецело принадлежит к истории Столетней войны, образуя ее необходимый эпилог и предвещаая самые отдаленные последствия.

Первым действием нового суверена, доселе рьяного приверженца Белой розы, стало сближение со свергнутыми Ланкастерами. Генрих VI томился в заключении в Тауэре. Но его жена упорно продолжала борьбу; она нашла убежище в Шотландии, потом во Франции, где в июне 1462 г. король заключил с ней перемирие на сто лет; чтобы окончательно не потерять уважение своих английских подданных, она не могла признать ни французских завоеваний, ни даже королевского титула за Людовиком Валуа, — однако это был настоящий мир, пусть это слово не произносилось. В качестве более существенной уступки она отдавала Кале в залог ссуды в 20 000 ливров, но при условии отвоевания его у йоркистских капитанов. И опять противодействие герцога Бургундского, через чьи земли надо было пройти, исключило всякую возможность штурма этой крепости. А подлинные хозяева Англии, прежде всего Уорик, а за ним его протеже Эдуард IV, наказали Людовика XI за измену возобновлением военных действий: их флот разорил побережье Сентонжа, в то время как французские контингенты под командованием Пьера де Брезе готовились оказать не слишком эффективную помощь сторонникам Ланкастеров на шотландской границе.

Людовику XI выгоднее было договориться с Лондоном. Под эгидой Филиппа Доброго в сентябре 1463 г. на конференцию в Сент-Омере собрались полномочные представите-

ли обоих королевств. Они договорились о кратком перемирии, поначалу касающемся только наземных операций, а потом распространившемся и на каперскую войну, действие которого можно было продлить на год. Людовик XI, всегда нетерпеливый, решил незамедлительно воспользоваться этим скромным успехом. Мало того что он резко одернул герцога Бретонского Франциска II, подданные которого не соблюдали перемирия, но как большой любитель устраивать сватовство еще и вознамерился привязать к себе женолюбивого Эдуарда IV, женив его на своей свояченице Бонне Савойской. Этот план сорвался из-за неожиданной выходки английского суверена: когда его советники во главе с Уориком, которого милости Валуа превратили в сторонника примирения, стали домогаться от Эдуарда согласия на этот брак, король был вынужден признаться, что не свободен — он уже тайно женился на Элизабет Вудвиль, прекрасной вдове-англичанке, вся родня которой только и ждала, когда об этом объявят публично, чтобы ринуться в погоню за постами и почестями. Во всяком случае, эта интрига позволила Людовику первый раз не допустить заключения союза между его врагами. Из-за внутренних трудностей, начавшейся борьбы между Уориком и Вудвилями, волнений упорных сторонников Генриха VI английский король сохранил верность перемирию, пока Людовик XI барахтался в осином гнезде Лиги Общественного блага, и благодаря этому Людовик не был разгромлен сразу же.

Но что потом? Бургундские интриги были реальной опасностью. Всякое франко-английское сближение вызывало немедленную враждебную реакцию со стороны Карла Смелого, в то время графа Шароле, а вскоре и герцога Бургундского, который со времен заговора Общественного блага был смертельным врагом французского короля. Он уже вынудил Людовика отдать Нормандию в апанаж королевскому брату Карлу, который мог бы стать центром притяжения для всех врагов династии Валуа — бретонских, английских и бургундских; но Людовик, сославшись на интриги своего брата с Лондоном, сразу же вновь оккупировал Нормандию. Тогда Карл Бургундский, до сих пор друг Ланкастеров, от которых происходила его мать Изабелла Португальская, подавил в себе родствен-

ные чувства, чтобы сблизиться с Эдуардом IV. Поскольку Людовик в мае 1466 г. за счет пенсионера и новых брачных контрактов добился продления перемирия на более долгий срок, поскольку он в июне 1467 г. пригласил Уорика в Руан, где намечалось заключить торговое соглашение между англичанами, нормандцами и гасконцами, то Эдуард IV, поощряемый Вудвилями, вступил в союз с Бретанью и Кастилией, вошел в тайный контакт с бургундским двором и наконец в июне 1468 г. выдал за Карла Смелого свою сестру Маргариту Йоркскую. Он объявил своему парламенту, что это прелюдия к близкой высадке на побережье Франции, где он возвратит себе наследство предков. Так опасный англо-бургундский альянс укрепился во второй раз. И во второй раз Людовику XI удалось его расстроить. Ему было недостаточно нейтрализовать Бретань; плачевная пероннская авантюра¹, когда он безрассудно сам ринулся в когти Карла Смелого, принесла во всяком случае то преимущество, что побудила победоносного герцога забыть о возможности рассчитывать на английское оружие. Решив покончить с герцогом Бургундским, Людовик сумел добиться самого блистательного дипломатического успеха на своем богатом событиями жизненном пути — примирения Маргариты Анжуйской и Уорика, а вслед за тем реставрации Ланкастеров. Уорик, мало-помалу оттесненный

¹ Речь идет о знаменитой встрече короля Франции Людовика XI и герцога Бургундского Карла Смелого (9–14 октября 1468 г.). Целью встречи было заключить мир между королем и герцогом, после того, как последний участвовал в лиге принцев (Карла Гиенского и Франциска II Бретонского), враждебной королю. Встреча проходила на землях герцога Бургундского в Перонне, и король получил охранное свидетельство. Но 11 октября Перонны достигла весть о мятеже льежских горожан, которых, как было известно, Людовик XI поддерживал. В ярости Карл Смелый объявил своего гостя пленником. Лишь под угрозой войны с Францией он согласился освободить короля, но взамен вырвал у него ряд серьезных уступок: по договору 14 октября французская часть Франции выходила из-под юрисдикции Парижского парламента и фактически из-под королевской власти. Сам Людовик обещал вместе с герцогскими войсками отправиться на подавление льежского мятежа (*прим. ред.*).

Вудвилями от власти, уступил только после восстания в июне 1469 г. Не имея достаточно сил, чтобы вести гражданскую войну в одиночку, он укрылся в Кале, а потом в Нормандии. Людовик организовал в Анжере встречу между королевой Маргаритой и ее злейшим врагом, надменным «делателем королей». Юного принца Уэльского и дочь Уорика, чье приданое выплатит король Франции, соединят узы брака. В июле 1470 г. Маргарита согласилась на тридцатилетнее перемирие. На выделенные Людовиком 30 000 экю ланкастерская партия набрала наемников. За высадкой войск с кораблей союзников в Дартмуте последовал триумфальный поход заговорщиков на Лондон. Извлеченный из тюрьмы и «восстановленный на троне» 6 октября, жалкий Генрих VI не мог ни в чем отказать французскому королю. Теперь, когда Англия стала его клиенткой, Людовик хотел этим воспользоваться, чтобы уничтожить Бургундское государство. Их объединенные силы должны были двинуться через Нормандию, Пикардию и Кале на Карла Смелого и после разделить захваченное добро. Уточняя с Людовиком XI условия этого соглашения, юный принц Уэльский дошел даже до того, что признал за Валуа титул короля Франции, что было равносильно отказу от ложных, но упорных династических притязаний. Правда, его отец, с большим пиететом относившийся к национализму своих подданных, не мог заходить так далеко, как и продлить перемирие более чем на десять лет. Но прекратить династический конфликт предполагалось на мирном конгрессе, ожидаемом в ближайшее время.

Менее чем через шесть месяцев все рухнуло. Оставленный всеми и укrywшийся в Зеландии, в Мидделбурге, Эдуард IV нашел у своего бургундского шурина необходимую поддержку для подготовки реванша. Обманув бдительность противников, он внезапно возвратился в Англию, захватил Лондон, 14 августа 1471 г. разбил и убил Уорика при Барнете, а через пятнадцать дней разгромил сторонников Ланкастеров при Тьюксбери, на западе острова; принц Уэльский погиб, его мать попала в плен, его злополучного отца убили в камере Тауэра. Людовик XI оказался в положении еще худшем, чем в 1468 г., потому что англо-бургундский союз, созданный в не-

счастье и в ненависти, теперь нерасторжим. Самое большее, на что он был способен, это отодвинуть роковое событие на несколько месяцев или лет: в сентябре 1471 г. стороны заключили краткое перемирие, в марте 1473 г. в Брюсселе — еще одно... Но Эдуард добился от парламента субсидий для вторжения во Францию, которое он поначалу намечал на 1474 год. Промедления и интриги снова привели к переносу этого срока. В июле 1474 г. Эдуард заключил союзный договор с Карлом Смелым, и, как некогда Генрих V и Иоанн Бесстрашный, они вместе заранее расчленили королевство Валуа. Если Бургундец поможет Йорку завоевать его континентальное королевство, он получит графство Гин, Пикардию, Турне, а главное — Барруа и Шампань, которые спаяют разрозненные земли Бургундского государства в единый монолит.

От этой смертельной опасности Людовика XI спасло сумасбродство Карла Смелого — в третий раз менее чем за десять лет. В тот самый момент, когда все его силы — с которыми охотно бы объединились силы французских принцев, дрожащих от нетерпения, — должны были бы двинуться на соединение с высадившимися английскими войсками, Карл бросился в рейнскую авантюру и осадил в Нейсе восставших подданных архиепископа Кельнского. Поэтому перед Людовиком XI осталось лишь двадцать тысяч воинов Эдуарда IV, высадившихся в Кале в начале июля 1475 г. Лишь слишком поздно Карл Смелый с небольшим эскортом присоединился к армии своего шурина. А поскольку французские принцы не пошевелились, король Англии предпочел пойти на переговоры. Обе армии стояли лицом к лицу на противоположных берегах Соммы. 29 августа Людовик и Эдуард на мосту в Пикиньи договорились покончить с этой вылазкой. Согласно перемирию враждебные действия прекращались на семь лет; Эдуард должен был со всем войском погрузиться обратно на корабли, как только получит компенсацию в 75 000 экю; все разногласия между обеими нациями отныне будут решаться путем арбитража; английскому королю пожизненно будет выплачиваться рента в 60 000 экю, а его старшая дочь выйдет за дофина Карла; кроме того, Людовик еще за 50 000 экю выкупит на

свободу Маргариту Анжуйскую. Окружение Йорка в свою очередь также было осыпано подарками и пенсиями. Каждый нашел это для себя выгодным: Эдуард IV, упрочив свой трон, дальше мог обойтись без субсидий парламента, поскольку французского пенсионера ему должно было хватить на жизнь; Людовик XI, держа своего нуждающегося союзника на финансовом крючке, имел возможность посвятить всего себя бургундским делам.

Но стало ли это перемирие, как часто утверждают, настоящим концом Столетней войны? В этом позволительно усомниться. Никакого мира заключено не было. Эдуард IV не отказался ни от французской короны, ни от потерянных провинций, на которые мог претендовать в качестве преемника Плантагенетов; наконец, он все еще прочно держал в своих руках Кале. Нейтралитет он мог сохранять лишь до тех пор, пока это было ему выгодно. Это стало очевидным с января 1477 г., когда бургундское наследство оказалось вакантным. Под давлением своей сестры Маргариты Йоркской, а после — Максимилиана Австрийского, женившегося на наследнице Карла Смелого, и, кроме того, беспокоясь, что Людовику XI достанутся Артуа и Булонская область, граничащие с его драгоценным Калем, Эдуард IV не раз порывался возобновить давнишнюю борьбу. Чтобы удержать его от этого, Людовик XI каждый раз был вынужден предлагать новые приманки: согласие на длительные перемирия, обещание продолжать выплату «дани» даже после смерти нынешнего короля, выделение огромного наследства юной Елизавете Йоркской. Мир, каждый раз спасаемый в последний момент, едва не рухнул окончательно, когда по Арраскому договору от декабря 1482 г. было решено, что для улаживания бургундского вопроса дофин вступит в брак с Маргаритой Австрийской; отказ от его дочери послужил Эдуарду IV предлогом для начала масштабных военных приготовлений, которые прервала или, вернее, приостановила лишь его смерть. Ведь Ричард Глостер, став благодаря дерзкой узурпации королем Ричардом III, не более своего брата питал любовь к Людовику XI, а потом к юному Карлу VIII. Более того: когда Генрих Тюдор наконец поставил финальную точку в войне Алой и Белой розы, даже и

тогда между Англией и Францией еще ничего не было улажено и зыбкий режим перемирий поддерживал в обеих странах атмосферу взаимного недоверия. Еще в 1487 г. будут поговаривать о возможности английского десанта в Гиени, а в 1489 г. контингенты из-за Ла-Манша вознамерятся воевать в Бретани.

Но продолжать наш рассказ дальше уже значило бы придирааться к формальностям. Хотя итоги Столетней войны и не были санкционированы никаким миром, она к этому времени давно завершилась. Конечно, Кале вновь станет французским только в 1553 г. Конечно, английские суверены еще веками будут продолжать носить пустой титул королей Франции. Но это лишь пережитки, не имеющие серьезного значения. Новая проблема для Европы — распад Бургундского государства — отодвинула старый англо-французский спор на второй план. Отныне и в течение двух веков гегемонию на континенте будут оспаривать между собой Валуа и Габсбурги. Тюдоровская Англия станет играть роль балансира между ними, вступая в союз то с Империей, то с французами. Уже намечаются первые контуры той политики равновесия в Европе, которое будет необходимо островитянам для захвата морских рынков. Когда кризис 1477–1482 гг. остался позади, уже ничего не осталось ни от феодальной войны, ни даже от династической, перипетии которой заняли столько лет и принесли страдания стольким поколениям. Как будто исчезли даже взаимная ненависть народов и подозрительность общественного мнения, искоренить которые в сердцах и умах гораздо труднее. Взаимное недоверие, еще более прискорбные последствия которого совсем недавно ощутила на себе и наша эпоха, восходит не к временам Жанны д'Арк, как некоторые хотят нас уверить, а к временам Людовика XIV, а это уже довольно недавнее время.

БИБЛИОГРАФИЯ

Каких-то сто пятнадцать лет франко-английской истории, основные черты которых мы только что набросали, вызвали к жизни множество исследований, монографий, биографий и очерков. Мы не можем ни привести подробный список этих работ, ни, по еще более веской причине, перечислить источники, нарративные или документальные, многие из которых до сих пор не опубликованы. Здесь можно будет найти только краткий перечень основных произведений, который сами снабжены библиографическими данными, и важнейших монографий, где читатель найдет более подробные изыскания. Самые обширные списки всех публикаций до 1937 г. приведены в издании: Ж. Кальметт, «Подготовка современного мира», Париж, 1934¹.

Немногие историки пытались изучать параллельно историю обоих западных королевств за тот период, когда их судьбы были тесно связаны. Книга А. Ковиля «Западная Европа с 1328 по 1380 г.»², составляющая вторую часть тома VI «Истории средних веков» во «Всеобщей истории» Г. Глоца³, содержит внятное, но порой слишком сжатое резюме событий, прежде всего повествуя об английских делах; труд Ж. Кальметта и Э. Депре «Франция и Англия в конфликте»⁴, составляющий первую часть тома VII той же серии (1937), более обстоятелен, но слишком перегружен ненужными подробностями.

¹ *Calmette J.* L'élaboration du monde moderne. Paris, 1934. Collection «Clio».

² *Coville A.* L'Europe occidentale de 1328 à 1380.

³ *Glötz G.* Histoire générale. Paris, 1941.

⁴ *Calmette J., Déprez E.* La France et l'Angleterre en conflit. Paris, 1937.

Эти произведения не отменяют знакомства с более ранними работами по национальной истории: книги А. Ковиля «Первые Валуа и Столетняя война»¹ и Ш. Пти-Дютайи «Карл VII, Людовик XI и первые годы правления Карла VIII»², составляющие том IV «Истории Франции» Э. Лависса³, несмотря на дату написания, еще превосходны. По общей истории Англии этого периода хороших книг нет. Тома Т. Ф. Таута «История Англии от восшествия на престол Генриха III до смерти Эдуарда III»⁴ и Ч. Омена «История Англии от восшествия на престол Ричарда II до смерти Ричарда III»⁵, входящие в состав «Политической истории Англии» У. Ханта и Р. Л. Пула⁶, уже устарели, и их следовало бы заменить двумя томами из «Оксфордской истории Англии»⁷, публикация которой задержалась из-за войны 1939 года.

Что касается истоков конфликта и положения королевств в 1328 г., то из литературы на эту тему ограничимся общим обзором, выполненным Р. Фавтье в книге «Западная Европа с 1270 по 1328 г.»⁸, представляющей собой первую часть тома VI «Истории средних веков» во «Всеобщей истории» Г. Глоца. Из книг по экономическим вопросам еще следует добавить работы Ф. Лота «Опись приходов и очагов 1328 года»⁹, Т. Ф. Таута «Место царствования Эдуарда II в английской истории»¹⁰, А. Лорана «Вид крупной экспорт-

¹ Coville A. Les premiers Valois et la guerre de Cent ans. Paris, 1902.

² Petit-Dutaillis Ch. Charles VII, Louis XI et les premières années de Charles VIII. Paris, 1904.

³ Lavissee E. Histoire de France.

⁴ Tout T. F. The History of England from the accession of Henry III to the death of Edward III. London, 1905.

⁵ Oman C. The History of England from the accession of Richard II to the death of Richard III. London, 1906.

⁶ Hunt W. and Poole R. L. Political History of England.

⁷ Oxford History of England.

⁸ Fawtier R. L'Europe occidentale de 1270 à 1328. Paris, 1940.

⁹ Lot F. L'état des paroisses et des feux de 1328 // *Bibliothèque de l'École des Chartes*, 1929.

¹⁰ Tout T. F. The place of the reign Edward II in English history. Manchester, 1936. 2nd ed.

ной торговли в Европе в средние века. Сукна из Нидерландов во Франции и странах Средиземноморья»¹ и Я. ван де Стюрлера «Политические отношения и торговля между герцогством Брабантским и Англией в средние века»².

Дипломатическая история конфликта описана в книгах Э. Депре «Предыстория Столетней войны. Папство, Франция и Англия»³ и Г. Лукаса «Нидерланды и Столетняя война»⁴. Ж. Виар умер, не закончив истории Филиппа VI, над которой работал всю жизнь; фрагменты ее, разбросанные по журналам, посвящены соответственно экстраординарным финансам (*Revue des Questions historiques*, 1888), фландрскому походу (*Bibliothèque de l'École des Chartes*, 1922), кампании Креси (*Le Moyen Age*, 1926), взятию Кале (*Le Moyen Age*, 1929) и т. д. Сюда следует добавить труд А. Ковиля «Штаты Нормандии и их развитие в XIV веке»⁵. Чуме 1348 г. посвящены в Англии многие исследования, от Э. Гаскета «Великая чума»⁶ до Г. Г. Каултона «Черная смерть»⁷. Но отсутствие хороших книг по истории царствования Эдуарда III лишь частично компенсируется работой Т. Ф. Таута «Главы из административной истории средневековой Англии»⁸.

Царствование Иоанна Доброго косвенно рассмотрел Р. Делашеналь в «Истории Карла V»⁹. Попытка реабилитировать

¹ *Laurent H.* Un grand commerce d'exportation européen au Moyen Age. La draperie des Pays-Bas en France et dans les pays méditerranéens. Paris, 1935.

² *Sturler J. de.* Les relations politiques et les échanges commerciaux entre le duché de Brabant et l'Angleterre au Moyen Age. Paris, 1936.

³ *Déprez E.* Les préliminaires de la guerre de Cent ans. La papauté, la France et l'Angleterre. Paris, 1902.

⁴ *Lucas H.* The Low Countries and the Hundred Years War. Ann Arbor, 1929.

⁵ *Coville A.* Les Etats de Normandie et leur développement au XIVe siècle. Paris, 1894.

⁶ *Gasquet A.* The Great Pestilence. London, 1893. 2nd ed.

⁷ *Coulton G. G.* The Black Death. Cambridge, 1929.

⁸ *Tout T. F.* Chapters in the administrative history of medieval England. Vol. III–V. Manchester, 1929–1931.

⁹ *Delachenal R.* Histoire de Charles V. Paris, 1909. Vol. I, II.

Иоанна, предпринятая Ж. Турнёр-Омоном в книге «Битва при Пуатье и созидание Франции»¹, скорее эмоциональна, чем убедительна. Многого можно ждать от работы по истории Карла Злого, которую намерена опубликовать г-жа С. Оноре-Дюверже (Honore-Duverger S.). С английской стороны имеются посредственная биографическая работа Р. Ф. Д. Паттисона «Черный принц»² и солидное исследование С. Эрмитедж-Смита «Джон Гонт»³. Много монографий посвящено кризису «компаний»; упомянем работы Ж. Гига «“Опоздавшие” в Лионской области»⁴, Ж. Моника; «“Большие компании” в Веле»⁵ и т. д.

«История Карла V» Р. Делашенала⁶ — памятник кропотливого и добросовестного труда, но она обходит молчанием все, что касается общества, экономики и финансов. О последних см. монографию Г. Дюпон-Феррье «Королевские чиновники бальяжей и сенешальств и местные институты монархии во Франции в конце средних веков»⁷; его же «Исследования о финансовых институтах Франции в конце средних веков»⁸ и «Новые исследования...»⁹, посвященные финансово-податным округам, механизму сбора налога эд, Палаты эд и Курии казны; А. Жасмена «Счетная палата Парижа в XV в.»¹⁰ — слишком статичное исследование, которое надо соотнести с политическим контекстом. О военных институтах удовлет-

¹ *Tourneur-Aumont J.* La bataille de Poitiers et la construction de France. Poitiers, 1940.

² *Pattison R. F. D.* The Black Prince. London, 1910.

³ *Armitage-Smith S.* John of Gaunt. Westminster, 1904.

⁴ *Guigue G.* Les Tard-Venus en Lyonnais. Paris, 1886.

⁵ *Monicat J.* Les Grands Compagnies en Velay. Paris, 1929.

⁶ *Delachenal R.* Histoire de Charles V. Paris, 1909–1931. 5 vol.

⁷ *Dupont-Ferrier G.* Les officiers royaux des baillages et sénéchaussés et les institutions monarchiques locales en France à la fin du Moyen Age. Paris, 1902.

⁸ *Dupont-Ferrier G.* Etudes sur les institutions financières de la France à la fin du Moyen Age. Paris, 1903–1933. 3 vol.

⁹ *Dupont-Ferrier G.* Nouvelles Etudes... Paris, 1936.

¹⁰ *Jassemmin H.* La Chambre des Comptes de Paris au XVe siècle. Paris, 1933.

ворительных работ нет. Все это будет учтено и завершено в большой истории французских институтов в средние века в трех томах, которую обещает выпустить Ф. Лот.

О Ричарде II никаких обобщающих работ нет¹. Работа У. Стэббса «Конституционная история Англии»², посвященная как этому периоду, так и ряду других, во многом устарела, несмотря на дополнительные исследования переводчиков. Но восстание 1381 г. подробно описано в труде А. Ревилля «Восстание английских трудящихся»³, а религиозная история — Э. Перруа в книге «Англия и Великая схизма Запада»⁴, от которой вышел лишь первый том в 1933 г.; дополняет эту книгу сочинение Н. Валуа «Франция и Великая схизма Запада»⁵.

Долгое и прискорбное царствование Карла VI вызвало к жизни многочисленные, порой несколько путанные работы Л. Миро, например, по следующим частным вопросам: «Городские восстания в начале царствования Карла VI»⁶ и «Попытка вторжения в Англию во время Столетней войны»⁷. В труде по финансам при Карле VI, над которым работает М. Рей, видимо, будет новая трактовка истории «мармузетов». Соперничество принцев также, естественно, привлекло внимание историков, его личные и политические аспекты хорошо изучены: издание Э. Пти «История герцогов Бургундских из дома Валуа»⁸, из которого вышел только первый том

¹ Мы не имели возможности своевременно познакомиться с книгой А. Стила «Ричард II» (Steele A. Richard II. Cambridge, 1941).

² Stubbs W. Histoire constitutionnelle de l'Angleterre. Trad. Ch. Petit-Dutaillis et G. Lefebvre. Paris, 1910–1927. 3 vol.

³ Réville A. Le soulèvement des travailleurs d'Angleterre en 1381. Paris, 1899.

⁴ Péroy E. L'Angleterre et le Grand Schisma d'Occident. Paris.

⁵ Valois N. La France et le Grand Schisma d'Occident. Paris, 1896–1904. 4 vol.

⁶ Mirot L. Les insurrections urbains au début du règne de Charles VI. Paris, 1906.

⁷ Mirot L. Une tentative d'invasion en Angleterre pendant la guerre de Cent ans // *Revue des Études historiques*. 1915.

⁸ Petit E. Histoire des ducs de Bourgogne de la maison de Valois.

(в 1909 г.), охватывает лишь период до 1380 г.; книга О. Картелиери «История герцогов Бургундских. I. Филипп Храбрый»¹ — очень небольшая, но имеет продолжение: «К истории герцогов Бургундских»²; Э. Жарри «Политическая жизнь Людовика Французского, герцога Орлеанского»³. Дальнейшие события внятно описаны в труде Ж. д'Аву «Распря арманьяков и бургундцев»⁴, содержащем подробный перечень работ на эту тему, среди которых отметим А. Ковиля, «Жан Пти. Вопрос о тираноубийстве в начале XV в.»⁵, а по итальянским вопросам — М. де Боюара, «Франция и Италия во время Великой схизмы Запада»⁶. Работа А. Лорана и Ф. Квикке «Формирование Бургундского государства. Присоединение Брабантского и Лимбургского герцогств к Бургундскому дому»⁷, из которой вышел только первый том, более содержательна, чем можно предположить, исходя из ее названия.

Хотелось бы знать подробнее также о формировании и институтах удельных княжеств. Начало этим исследованиям положено работой Р. Лакура «Управление апанажем герцога Иоанна Беррийского»⁸ и содержательными статьями Б. Поке дю О-Жюссе о финансах герцогов Бургундских в «Библиотеке Школы хартий» (*Bibliothèque de l'École des*

¹ *Cartellieri O.* Geschichte der Herzöge von Burgund. I. Philipp der Kühne. 1910.

² *Cartellieri O.* Beiträge zur Geschichte der Herzöge von Burgund. Heidelberg, 1910–1913.

³ *Jarry E.* La vie politique de Louis de France, duc d'Orléans. Paris, 1889.

⁴ *Avout J. de.* La querelle des Armagnacs et des Bourguignons. Paris, 1943.

⁵ *Coville A.* Jean Petit. La question du tyrannicide au commencement du XVe siècle. Paris, 1932.

⁶ *Boüard M. de.* La France et l'Italie au temps du Grand Schisme d'Occident. Paris, 1936.

⁷ *Laurent H., Quicke F.* La formation de l'Etat bourguignon. L'accession de la maison de Bourgogne aux duchés de Brabant et de Limbourg. T. I. Bruxelles, 1939.

⁸ *Lacour R.* Le Gouvernement de l'apanage de Jean, duc de Berry. Paris, 1934.

Chartes), в «Анналах Бургундии» (*Annales de Bourgogne*) и других журналах. Мастерский анализ управленческой анархии дал А. Ковиль в книге «Кабошьены и ордонанс 1413 г.»¹. В этой сфере еще предстоит многое сделать.

О пришествии Ланкастеров см. Дж. Х. Уайли «История Англии в царствование Генриха IV»², довольно многословную книгу, а также: Дж. Э. Ллойд, «Оуэн Глендауэр»³, Дж. Х. Уайли и У. Т. Во «Царствование Генриха V»⁴, Р. Э. Ньюхолл «Английское завоевание Нормандии»⁵. Управление англичан в Нормандии хорошо известно благодаря многочисленным статьям мисс Б. Дж. Роу (*Rowe B. J.*), напечатанным в основном в журнале «*English Historical Review*» за 1926, 1931, 1932 гг., а также работам Р. Дусе «Английские финансы во Франции в конце Столетней войны»⁶, П. Лекашё «Руан во времена Жанны д'Арк и под английской оккупацией»⁷, А. де Фрондевиля «Виконтство Орбек при английской оккупации»⁸.

О Буржском королевстве наши знания не столь обширны. Добросовестная «История Карла VII» Г. Дюфрен де Бокура⁹ очень устарела. Полезные монографии по военной истории написали Э. Косно («Коннетабль де Ришмон, Артур Бретон-

¹ *Coville A.* Les Cabochiens et l'ordonnance de 1413. Paris, 1888.

² *Wylie J. H.* History of England under the reign of Henry the Fourth. London, 1884–1898. 3 vol.

³ *Lloyd J. E.* Owen Glendower. London, 1931.

⁴ *Wylie J. H. and Waugh W. T.* The reign of Henry the Fifth. London, 1914–1929. 3 vol.

⁵ *Newhall R. A.* The English Conquest of Normandy. New Haven, 1924.

⁶ *Doucet R.* Les finances anglaises en France à la fin de la guerre de Cent ans//*Le Moyen Age*, 1926.

⁷ *Lecacheux P.* Rouen au temps de Jeanne d'Arc et pendant l'occupation anglaise. Caen, 1931.

⁸ *Frondeville H. de.* La vicomte; d'Orbec pendant l'occupation anglaise. Paris, 1936.

⁹ *Du Fresne de Beaucourt G.* Histoire de Charles VII. Paris, 1881–1891. 6 vol.

ский»¹), Ж. Деньо («Лионская коммуна и бургундская война»²), А. Боссюа («Перрине Грессар и Франсуа де Сюрьенн, агенты Англии»³).

Что касается Жанны д'Арк, то о ней написано целое море книг, однако внимания историка среди них заслуживают очень немногие. При всей своей предвзятости «Жизнь Жанны д'Арк» А. Франса⁴ не лишена достоинств и превосходит «Жанну д'Арк» Г. Аното⁵. Среди биографических работ на английском языке одна из последних — М. Уолдмен, «Жанна д'Арк»⁶; заслуживает уважения труд Э. Лэнга «Дева Франции»⁷. Обратиться следует и к «Материалам процесса Жанны д'Арк», переведенным и изданным П. Шампьоном⁸.

За период царствования Карла VII после помазания лучше всего известны грабежи «живодеров» — по таким монографиям, как «Родриго де Вильяндрандо» Ж. Кишера⁹, — и история крупных сеньорий Юга, благодаря работам А. Курто «Гастон IV, граф Фуа»¹⁰, Ш. Самарана «Дом Арманьяков в XV веке и последние феодальные распри в Южной Франции»¹¹ или А. Сюрире де Сен-Реми «Иоанн II, герцог Бурбонский»¹². Но реорганизация институтов власти в целом никогда не

¹ *Cosneau E.* Le connétable de Richemont, Arthur de Bretagne. Paris, 1886.

² *Déniau J.* La commune de Lyon et la guerre bourguignonne. Paris, 1935.

³ *Bossuat A.* Perrinet Gressart et François de Surienne, agents de l'Angleterre. Paris, 1936.

⁴ *France A.* Vie de Jeanne d'Arc. Paris, 1908. 2 vol.

⁵ *Hanotaux G.* Jeanne d'Arc. Paris, 1911.

⁶ *Waldman M.* Joan of Arc. London, 1935.

⁷ *Lang A.* The maid of France. London, 1908.

⁸ *Procès de condamnation de Jeanne d'Arc.* Publ. et trad. par P. Champion. Paris, 1921. 2 vol.

⁹ *Quicherat J.* Rodrigue de Villandrando. Paris, 1879.

¹⁰ *Courteault H.* Gaston IV, comte de Foix. Paris, 1895.

¹¹ *Samaran Ch.* La maison d'Armagnac au XVe siècle et les dernières luttes de la féodalité; dans le Midi de la France. Paris, 1908.

¹² *Surirey de Saint-Rémy H.* Jean II, duc de Bourbon. Paris, 1943.

была предметом изучения; единственная серьезная монография на эту тему — Н. Валуа, «История Прагматической санкции и ее применения при Карле VII»¹. Рассматривая переустройство экономики, исследователи ограничились анализом частных или планами работ; пример тому — статья А. Лезора «Восстановление церквей после Столетней войны»². Р. Гандийон обещает издать работу о Жаке Кёре, которая, надо надеяться, сделает ненужным обращение к предыдущим исследованиям об этом персонаже. О коалициях принцев см. Л. В. Д. Оуэн, «Связи между Англией и Бургундией в первой половине XV века»³; М. Тибо, «Молодость Людовика XI»⁴. Но над всем этим доминирует мощь Бургундской державы, трудов о которой немало; для знакомства можно рекомендовать томик П. Бонанфана «Филипп Добрый»⁵.

Вернемся к Англии, где царствование последнего короля из династии Ланкастеров мало интересовало ученых. К. Х. Виккерс в книге «Хэмфри, герцог Глостер»⁶ этого короля упоминает лишь мимоходом и бегло. Когда С. Б. Краймес публикует свое исследование о Бедфорде — неизвестно. Но имеет смысл прочесть его труд «Английские конституционные идеи в XV веке»⁷, а также «Предубеждение и перспектива в Англии XV века» Ч. Л. Кингсфорда⁸; для периода после 1450 г. можно добавить работу мисс К. Л. Скофилд «Жизнь и цар-

¹ Valois N. Histoire de la Pragmatique sanction et de son application sous Charles VII. Paris, 1908.

² Lesort A. La reconstruction des églises après la guerre de Cent ans // *Revue d'histoire de l'Église de France*. 1934.

³ Owen L. V. D. The connection between England and Burgundy during the first half of the fifteenth century. Oxford, 1909.

⁴ Thibault M. La jeunesse de Louis XI. Paris, 1907.

⁵ Bonenfant P. Philippe le Bon. Bruxelles, 1943.

⁶ Vickers K. H. Humphrey, duke of Gloucester. London, 1907.

⁷ Chrimes S. B. English Constitutional Ideas in the 15th century. London, 1937.

⁸ Kingsford C. L. Prejudice and promise in the 15th century England. London, 1925.

ствование Эдуарда IV»¹, а также классический этюд Ч. У. Омена «Уорик, делатель королей»²; об обществе — Г. С. Беннетт, «Письма Пастонов и их Англия»³. Наконец, последние потрясения войны рассмотрены Ж. Кальметтом и Ж. Перинелем в книге «Людовик XI и Англия»⁴.

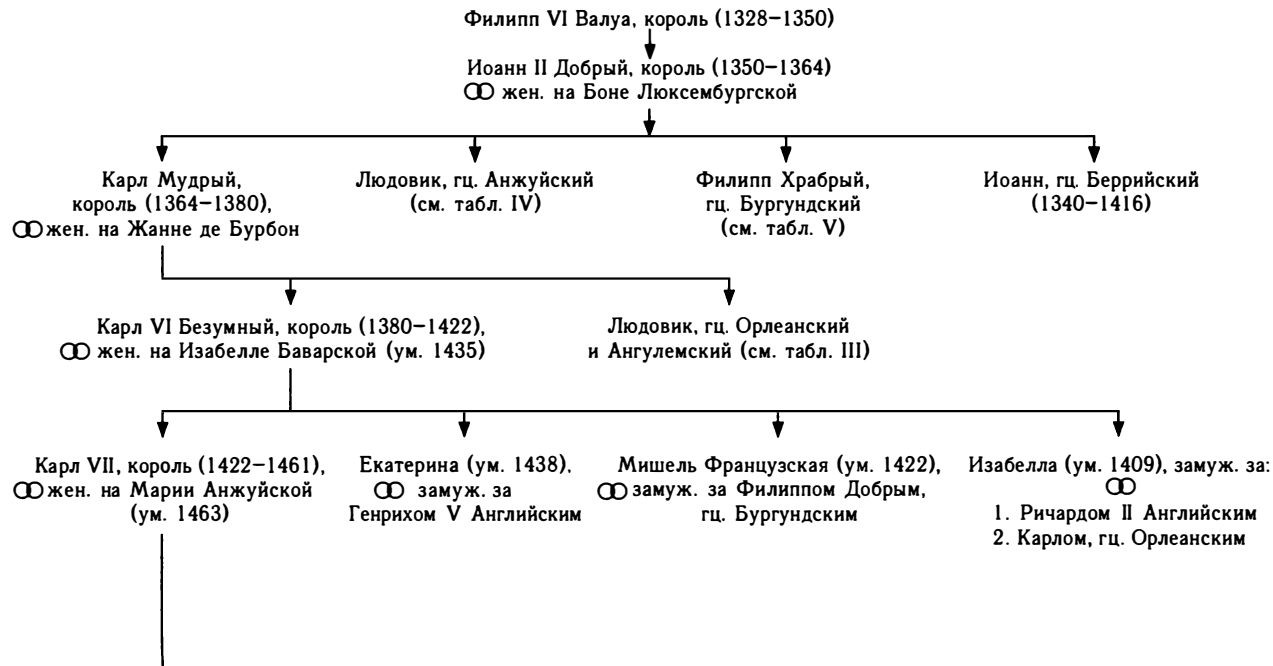
¹ *Scofield C. L.* The life and reign of Edward the Fourth. London, 1924. 2 vol.

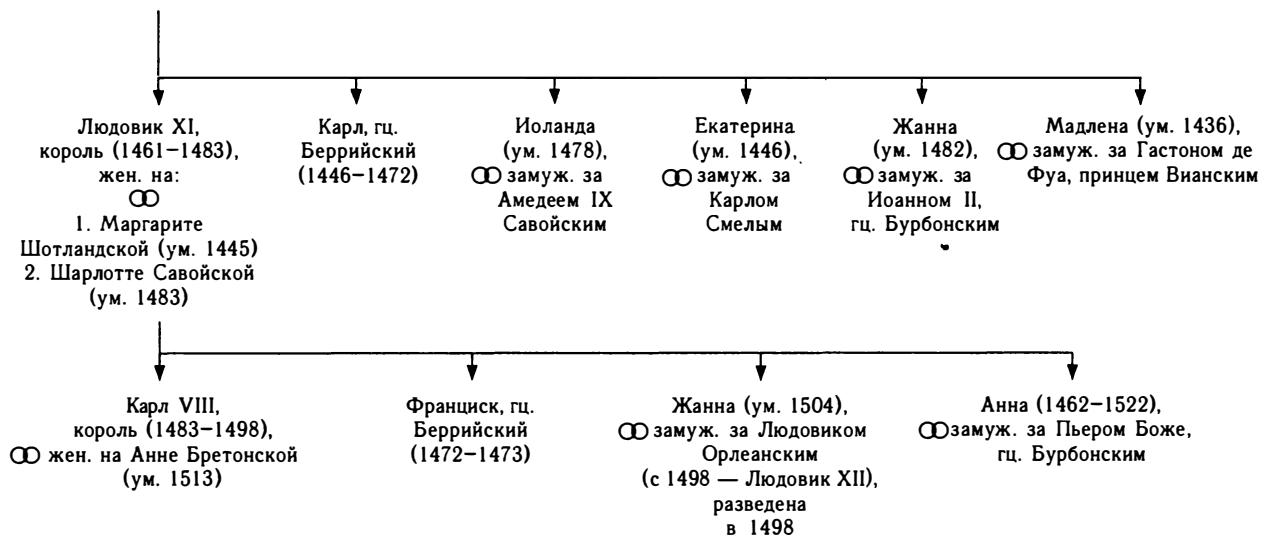
² *Oman C. W.* Warwick the Kingmaker. London, 1891.

³ *Bennett H. S.* The Paston Letters and their England. London, 1932.

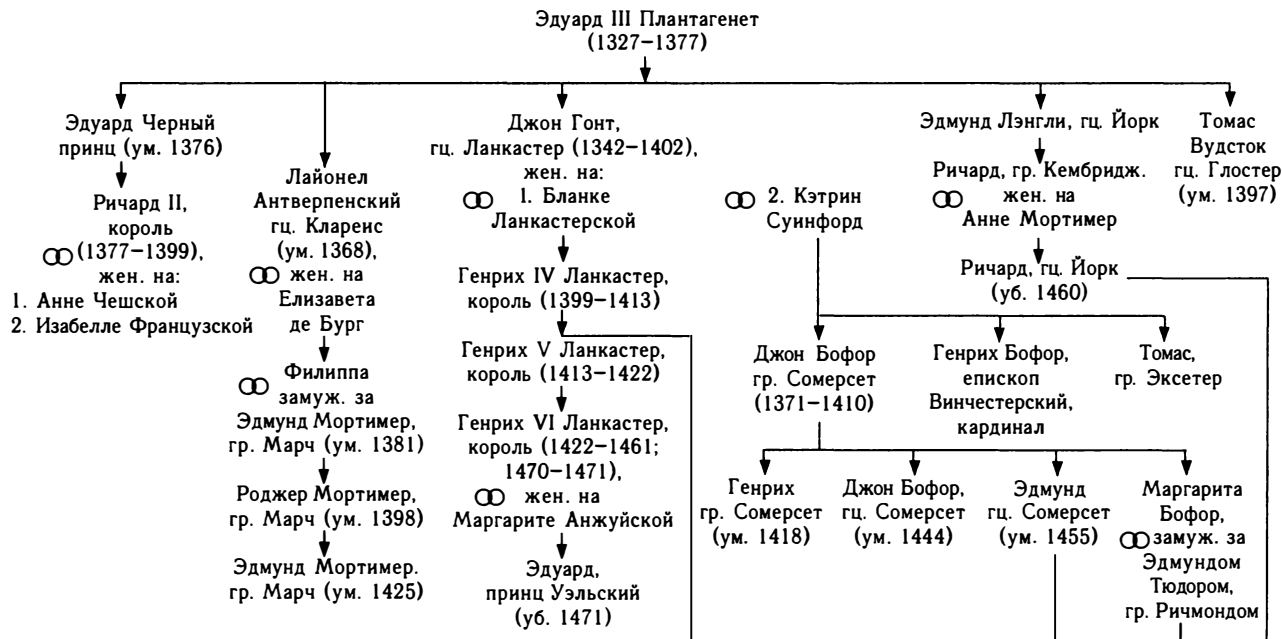
⁴ *Calmette J., Périnelle G.* Louis XI et l'Angleterre. Paris, 1930.

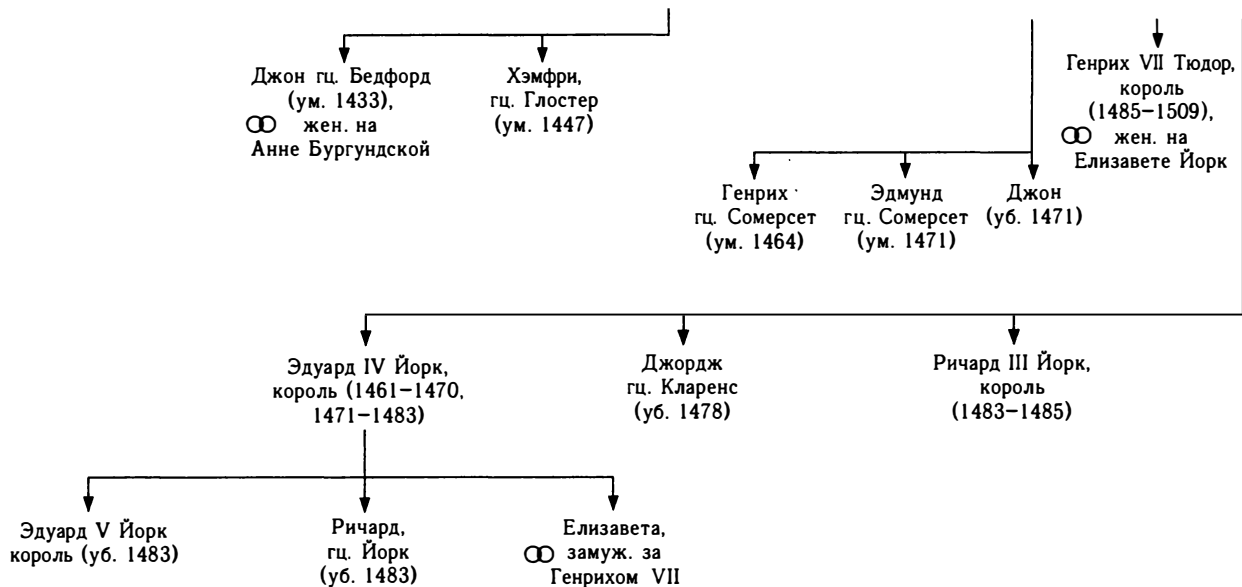
ФРАНЦУЗСКИЙ КОРОЛЕВСКИЙ ДОМ В XIV–XV вв.

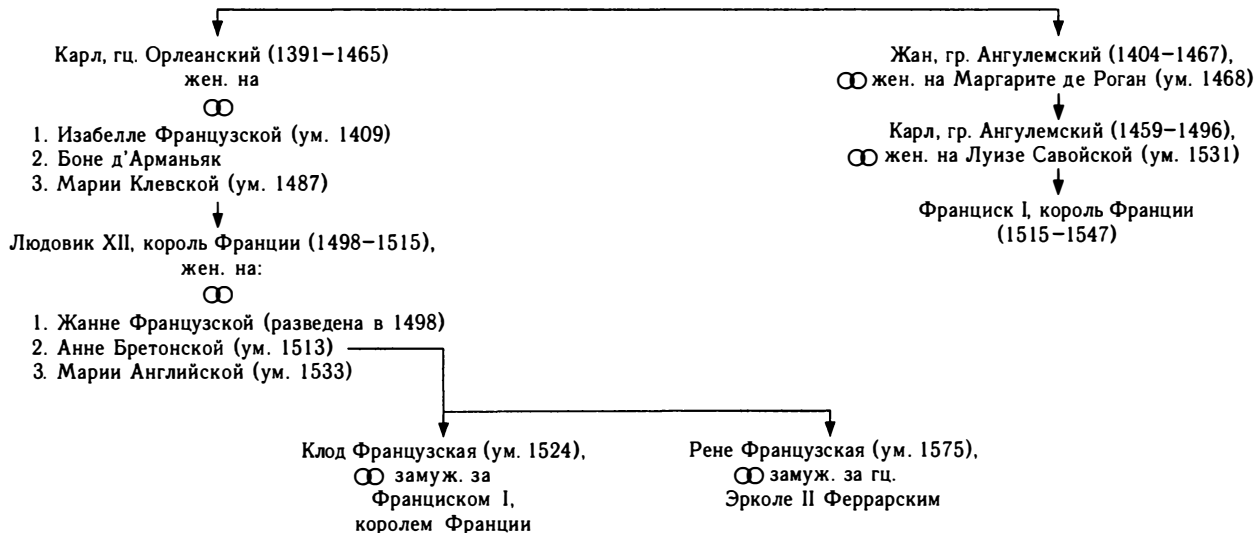
АНГЛИЙСКИЙ КОРОЛЕВСКИЙ ДОМ В XIV–XV ВВ.

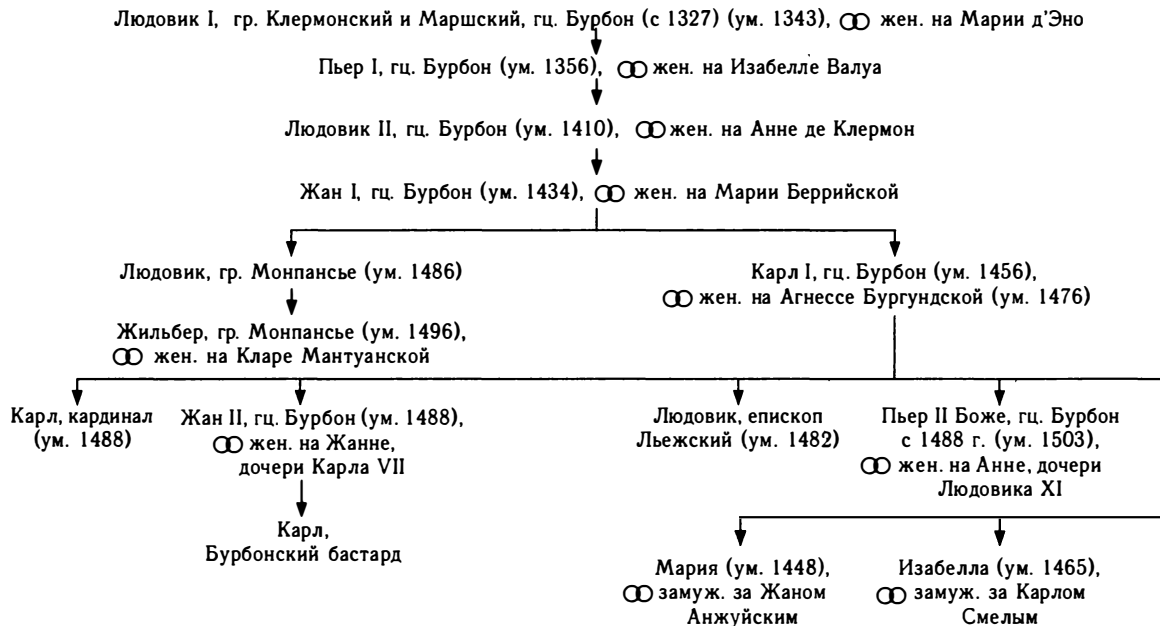

ОРЛЕАНСКАЯ И АНГУЛЕМСКАЯ ВЕТВИ ДИНАСТИИ ВАЛУА

Людовик, гц. Орлеанский, гр. Ангулемский
 ♂ (1371–1407), жен. на
 Валентине Висконти

ДИНАСТИЯ БУРБОНОВ

АНЖУЙСКАЯ ДИНАСТИЯ ДОМА ВАЛУА

Людовик I (1339–1385),
гц. Анжуйский,
король Сицилийский с 1382-го,
усыновлен Джованной I Неаполитанской,
⚭ жен. на Марии Бретонской

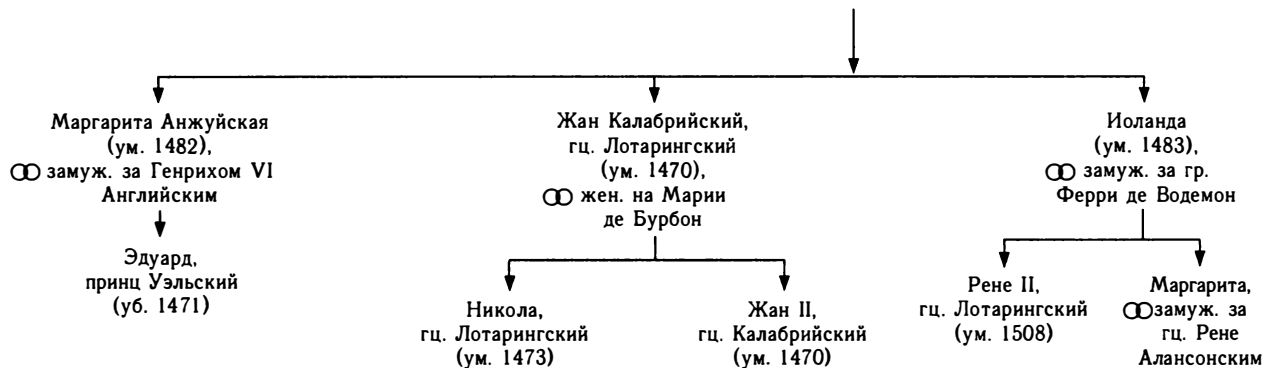
↓
Людовик II (1385–1417),
гц. Анжуйский, король Сицилийский,
⚭ жен. на Иоланте Арагонской

↓
Людовик III,
король Сицилийский
(ум. 1434),
усыновлен Джованной II
Неаполитанской,
⚭ жен. на Маргарите
Савойской

↓
Мария Анжуйская
(1404–1463),
⚭ замуж. за Карлом VII,
королем Франции,
мать Людовика XI

↓
Рене, гр. Прованский,
гц. Лотарингский,
король
Сицилийский
(ум. 1480),
⚭ жен. на Изабелле
Лотарингской

↓
Карл I, гр. Менский
(ум. 1472),
⚭ жен. на Изабелле
Люксембургской
↓
Карл II, гр. Менский
(ум. 1481),
король Сицилийский
с 1480 (номинально)

БУРГУНДСКАЯ ДИНАСТИЯ ДОМА ВАЛУА

Филипп II Храбрый, гц. (ум. 1404),
 ♂♂ жен. на Маргарите Фландрской

♂♂ Жан Бесстрашный, гц. (1404–1419),
 жен. на Маргарите Баварской

Филипп,
 гр. Неверский
 (ум. 1415)

Антуан,
 гц. Брабантский
 (ум. 1415)

Филипп III Добрый, гц. (1419–1467),
 жен. на:

1. Мишели Французской (ум. 1422)
2. Боне д'Артуа (ум. 1425)
3. Изабелле Португальской (ум. 1473)

Анна,
 ♂♂ замуж. за Джоном
 Ланкастером, гц.
 Бедфордом

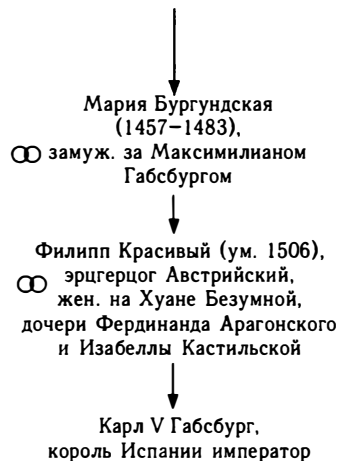
Агнесса,
 ♂♂ замуж. за Карлом II,
 гц. Бурбоном

Карл Смелый, гц. (1467–1477),
 жен. на:

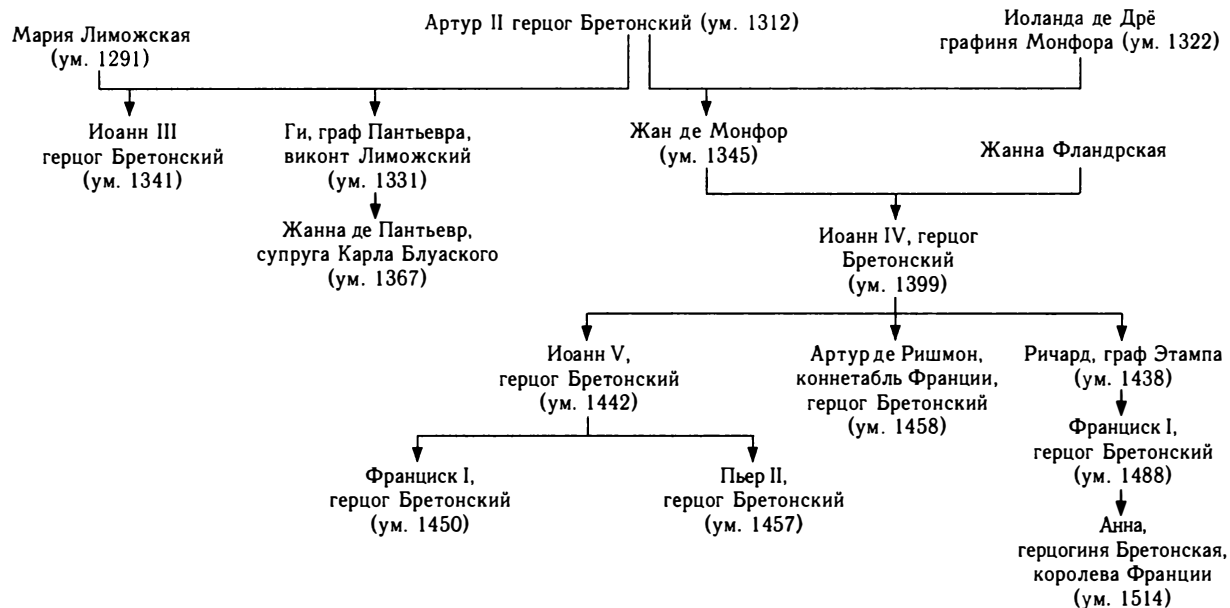

1. Екатерине Французской (ум. 1446)
2. Изабелле де Бурбон (ум. 1465)
3. Маргарите Йорк (ум. 1503)

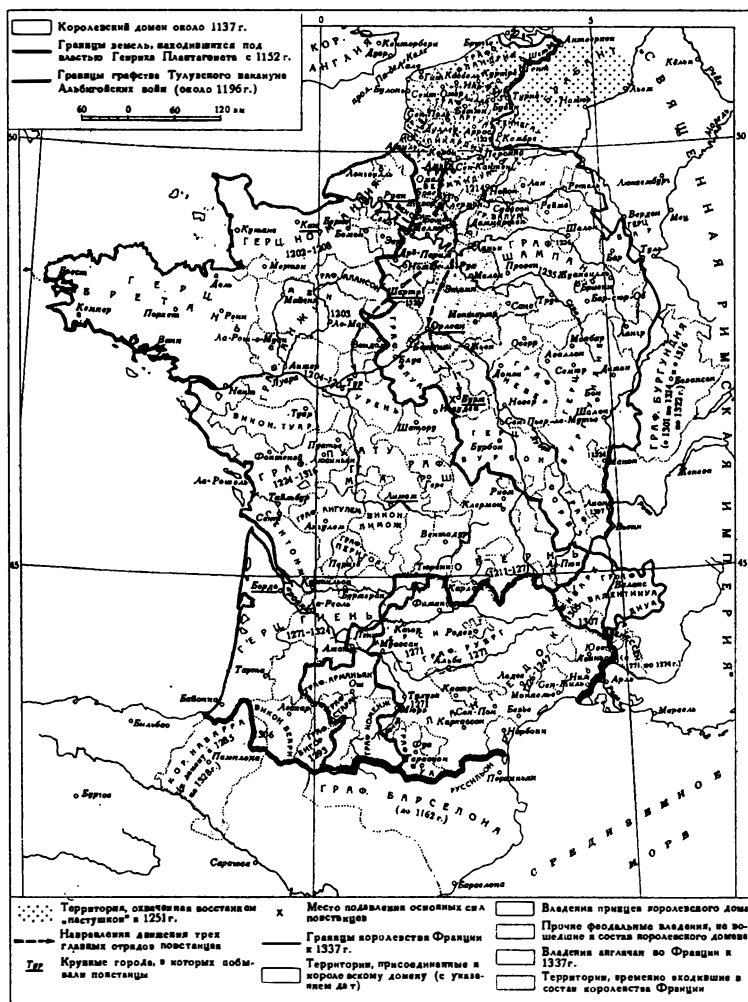
Антуан,
 великий
 Бургундский
 бастард
 (ум. 1504)

ГЕРЦОГИ БРЕТОНСКИЕ

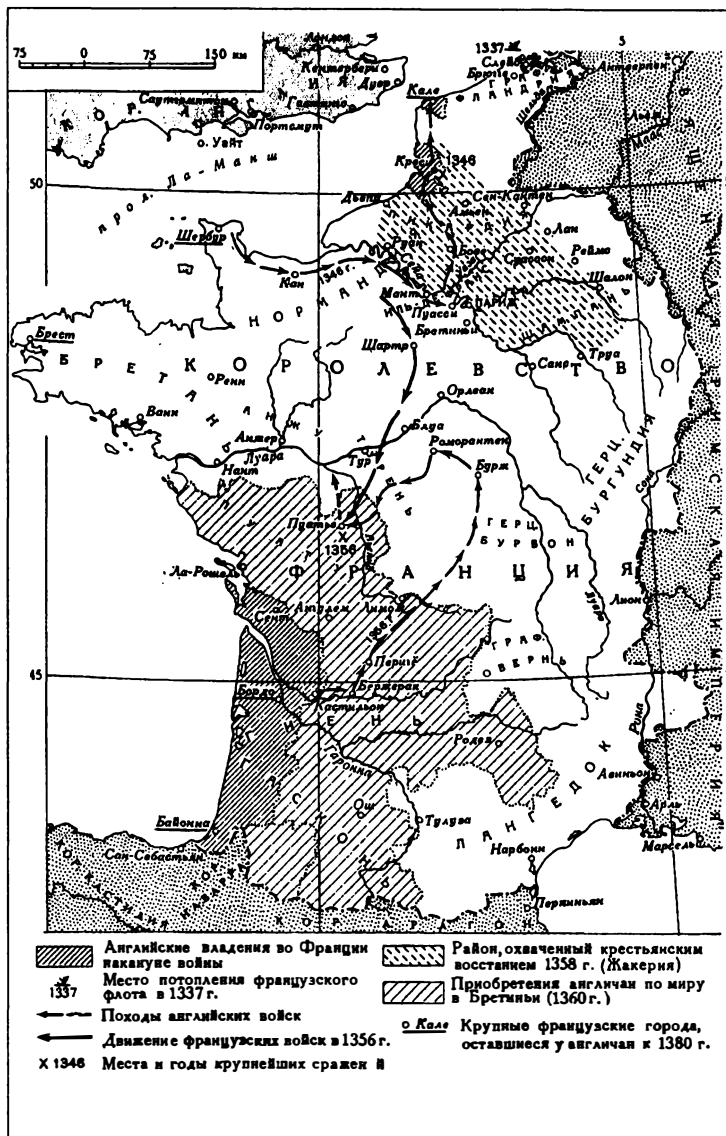
Франция в XII–XIV вв.

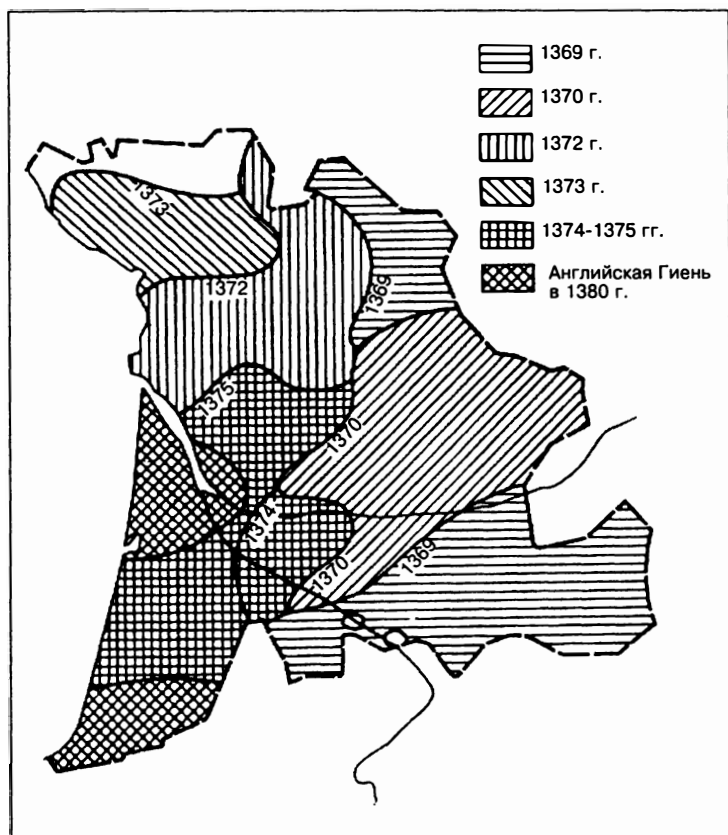
Англия в XII-XIII вв.

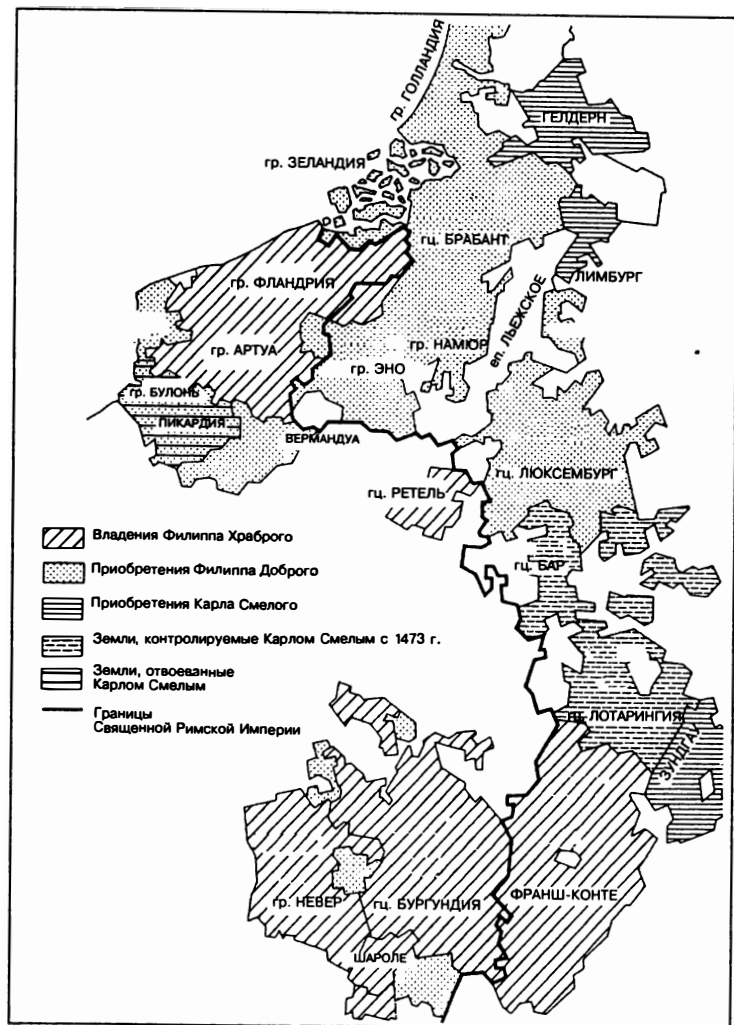
Франция в 1337-1380 гг.

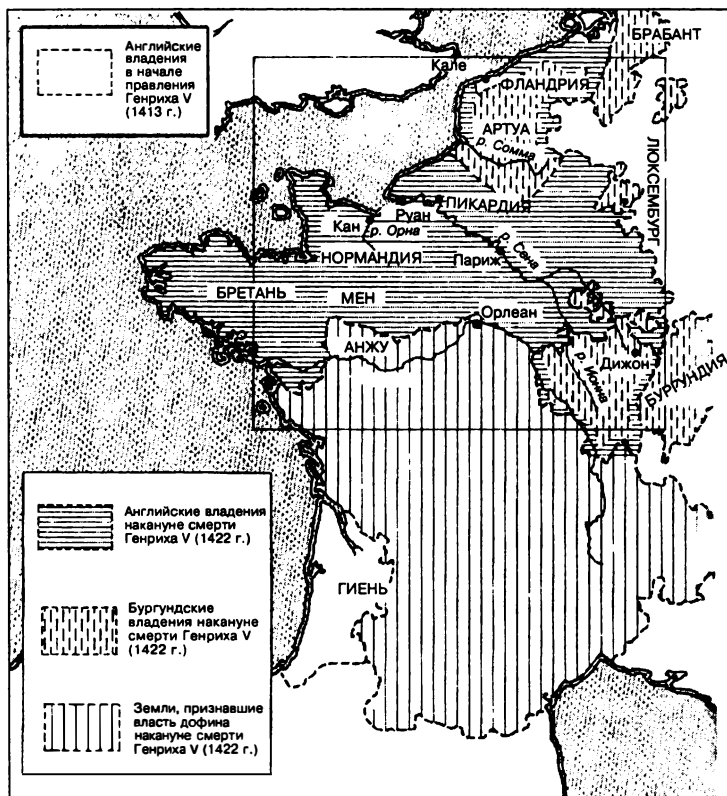
Завоевания Карла V

Бургундское государство

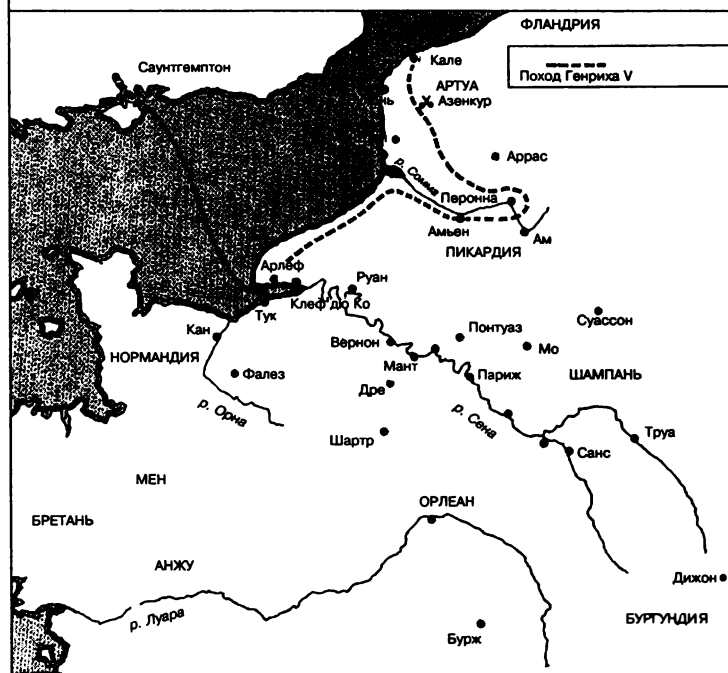

Франция

в 1420–1422 гг.

*Поход Генриха V
в 1415 г.*

Научное издание

ЭДУАРД ПЕРРУА
СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Главный редактор *Чубарь В. В.*
Ведущий редактор *Карачинский А. Ю.*
Художественный редактор *Лосев П. П.*
Корректор *Зверькова Е. В.*
Верстка *Столяровой М. Г.*

ЛР № 065280 от 09 июля 1997 г.

Подписано в печать 23.09.2002. Формат 84×108^{1/32}.
Печ. л. 15. Гарнитура «Антиква». Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Тираж 1500 экз. Заказ № 3581

ООО «Издательская группа «Евразия»
191194, Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 65, пом. 7Н
e-mail: evrasia@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

XII—XIII вв. прошли под знаком подспудной борьбы между двумя самыми могущественными государствами Европы — французским и английским королевствами. Интриги, мелкие стычки, феодальные конфликты и турниры, соперничество на ниве искусства и меценатства составляли неотъемлемую и привычную часть существования монарших дворов. Но в XIV в. противоречий стало слишком много, чтобы их и дальше можно было скрывать под маской рыцарственных и куртуазных отношений. Спесь государей Франции, жаждавших подчинить английских королей своей воле, заставила вспыхнуть долго тлевший конфликт. Война, которая началась, была долгой и кровавой. На полях сражений произошло то, чего никто не ждал — великолепное и надменное французское рыцарство, гордость всей Европы, оказалось повержено в прах стрелами английских лучников. Битва следовала за битвой, но конца войне не было видно. Обе страны устали воевать, но правители упорно не желали заключать мир. В какой-то момент Франция оказалась на краю гибели, её законный король в изгнании и лишь колоссальное усилие вернуло трон французской династии.

ISBN 5-8071-0109-X

9 785807 101099